

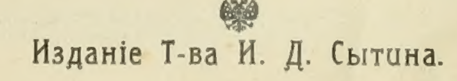
(ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА
О. Р. Т. З.
Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. И. ПИЧЕТА.)

Великая реформа.

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО и КРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ ВЪ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

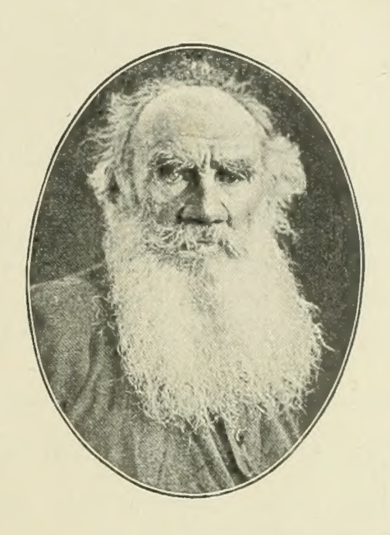
ТОМЪ III.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, В. И. Анисимовъ, Н. Ѳ. Анненскій, акад. К. К. Арсеньевъ, В. П. Батуринскій, П. Д. Боборыкинъ, В. А. Боголюбовъ, проф. М. М. Богословскій, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, И. П. Бѣлоконскій, Н. П. Василенко, Е. И. Вишняковъ, В. В. Водовозовъ, прив.-доц. А. Э. Вормсъ, В. Е. Вѣтринскій, А. М. Гнѣвушевъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ-Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, П. А. Зеленый, акад. Н. Н. Златовратскій, И. И. Игнатовичъ, И. Н. Игнатовъ, Н. И. Іорданскій, В. В. Каллашъ, И. М. Катаевъ, проф. А. А. Кизеветтеръ, прив.-доц. М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, акад. А. Ѳ. Кони, А. А. Корниловъ, В. Г. Короленко (предположительно), В. П. Кранихфельдъ, проф. В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, акад. А. С. Лаппо-Данилевскій, А. А. Леонтьевъ, проф. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, проф. А. А. Мануиловъ, С. П. Мельгуновъ, Ѳ. Ѳ. Нелидовъ, В. П. Обнинскій, д-ръ А. Павловскій, прив.-доц. В. И. Пичета, А. С. Попельницкій, И. И. Поповъ, С. Н. Прокоповичъ, А. С. Пругавинъ, прив.-доц. А. Е. Прѣсняковъ, А. В. Пѣшехоновъ, В. А. Розенбергъ, Н. С. Русановъ, прив.-доц. П. Н. Сакулинъ, проф. В. И. Семевскій, Н. П. Сидоровъ, И. М. Соловьевъ, В. Н. Сторожевъ, прив.-доц. Б. И. Сыромятниковъ, В. Г. Танъ, кн. О. Н. Трубецкая, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, С. В. Фарфаровскій, кн. Д. И. Шаховской, проф. Н. Н. Ѳирсовъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1911.

Въ редакціонной статьѣ, предпосланной первому тому «Великой Реформы», мы говорили о томъ, что единственный, еще живущій великій русскій писатель, Левъ Толстой, былъ врагомъ крѣпостного права и крѣпостническихъ идей. Прошло три мѣсяца, и имя Толстого уже приходится окружать траурной каймой.

Нѣтъ Толстого... Книга, посвященная описанію судебъ русскаго крестьянства, не можетъ пройти молчаніемъ эту смерть. Не потому, что она вызвала взрывъ скорби во всемъ культурномъ человѣчествѣ; не потому, что Россія до сихъ поръ погружена въ глубокій національный трауръ,—а потому, что въ неизвѣданныхъ тайникахъ русской народной души эта смерть, оплетенная покровомъ мистическаго, раскрыла нѣчто такое, что иначе долго, быть-можетъ, оставалось бы тайнымъ.

Трогательный самодѣльный плакатъ яснополянскихъ крестьянъ, который колыхался впереди погребальной процессіи, растянувшись черезъ всю дорогу, обѣщалъ, что «добро» Льва Николаевича не будетъ забыто никогда. Этого матеріальнаго, ощутительнаго «добра» дѣйствительно разливалось много вокругъ Толстого при жизни его и послѣ того, какъ онъ умеръ.

Но не это «добро» устремляло къ Толстому народную душу. Не этому «добру» поетъ осанну народная душа. Народное творчество несетъ свой вѣнокъ на свѣжую яснополянскую могилу, вѣнокъ нетлѣнный, хотя и не изъ дорогого металла, вѣнокъ, сплетенный изъ цвѣтовъ любви и почитанія, имя которому Легенда. Уже родился, растетъ и крѣпнетъ въ народѣ слухъ, невѣдомо откуда появившійся, что Толстой не умеръ, что онъ спитъ, что онъ проснется, когда будетъ нужно, когда онъ понадобится народу.

У русскаго народа, который, благодаря своеобразнымъ условіямъ родной дѣйствительности, такъ богатъ залежами мистики, не было героя его легенды.

Народу нуженъ былъ такой герой, по немъ тосковала народная душа. И онъ нашелъ его въ тотъ часъ, когда погасли глаза яснополянскаго мудреца.

Святой не отъ церкви и отвергнутый церковью—такимъ является Толстой народу въ яркомъ ореолѣ своего послѣдняго подвига, вознесшаго его на недосягаемыя вершины духа. А что можетъ быть ближе русской народной душѣ, неизбывно алкающей религіознаго подвига и отстраняемой отъ него казенной церковностью?

Любовь, правда, совершенствованіе—три ипостаси толстовскаго нравственнаго идеала—послѣ его смерти, однимъ фактомъ этой необыкновенной смерти, сдѣлались родными и понятными народу. Какъ будто въ его сознаніе какимъ-то чудомъ сразу вошли самыя крупныя зерна ученія Толстого.

Отсюда легенда.

Для культурнаго человѣчества и для русской интеллигенціи Толстой будетъ сверкать всѣми гранями своего необъятнаго духа. Для русскаго народа удѣлъ его вліянія не столь широкъ.

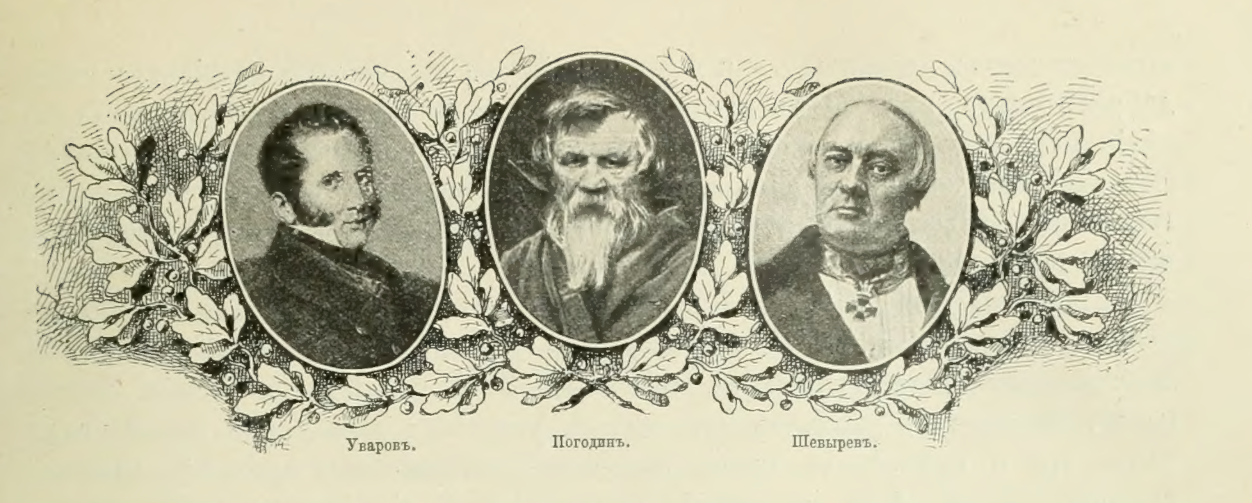
Тихимъ свѣтомъ сіяетъ образъ крестьянскаго святого и несетъ съ собою въ отдаленнѣйшіе уголки деревенской Руси завѣтъ толстовской морали, лучшія драгоцѣнности изъ сокровищницы толстовскаго ученія.

Именно эта вдругъ образовавшаяся мистическая, плохо понятная, но несомнѣнная, связь Толстого съ крестьянской душой и является поводомъ помянуть смерть Толстого въ книгѣ о русскомъ крестьянствѣ.

Миръ духу свѣтлому и мятежному!

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Ко времени подготовки настоящаго III тома «Великой Реформы» вышелъ въ свѣтъ осенній выпускъ (іюль—сентябрь) журнала «Старые Годы» съ великолѣпно подобранными и великолѣпно выполненными снимками съ различныхъ старыхъ помѣщичьихъ усадебъ и аксессуаровъ дворянскаго быта временъ крѣпостного права. Редакція не сочла себя въ правѣ обойти эти снимки и, воспроизводя нѣкоторые изъ нихъ, пользуется случаемъ еще разъ подчеркнуть, какое драгоцѣнное для всякаго любителя старины изданіе имѣемъ мы въ «Старыхъ Годахъ».

Уваровъ. Погодинъ. Шевыревъ.

Эпоха „офиціальной народности" и крѣпостное право.

С. П. Мельгунова.

«Языцы, вѣдайте! Великъ Россійскій Богъ!»

Цареградская философія рабства... Такъ назвалъ Герценъ то теченіе офиціальной мысли, которому суждено было красоваться „на фронтонѣ имперіи" въ долгую эпоху мрачнаго безвременья, наступившаго „съ того часа, когда императоръ Николай вечеромъ 14 декабря взошелъ на лѣстницу Зимняго дворца" и когда „Россія попятилась и взошла въ холодный, непривѣтливый коридоръ, въ длинный мрачный туннель" („Колоколъ", 1857 г., № 3). Новый правительственный лозунгъ, преемственно полученный отъ идеологовъ реакціи предшествующаго царствованія, вошелъ въ исторію съ мѣткимъ наименованіемъ теоріи „офиціальной народности". Сущность этой системы всецѣло покрывалась уваровской формулой, теоретически вознесенной на высоту непогрѣшимой истины. Въ своемъ практическомъ примѣненіи она означала проповѣдь косности и застоя, ибо признавала традиціонные идеалы правительственной мысли продуктомъ высшей политической мудрости. Это національное самодовольство должно было приводить къ грубому апоѳеозу существующаго режима, находящагося якобы въ соотвѣтствіи съ требованіями религіи, той національной церкви, которая донесла въ чистотѣ византійскія преданія. Въ странѣ съ своеобразнымъ національнымъ и государственнымъ бытомъ, въ странѣ, чуждой тлетворныхъ основъ гнилистаго Запада, и въ тѣневой сторонѣ соціальнаго уклада дореформенной Россіи надо было найти

положительные элементы—они и были найдены въ особыхъ патріархальныхъ добродѣтеляхъ, присущихъ русской старинѣ, и прежде всего въ „полномъ довѣріи народа къ предержащимъ властямъ и безпрекословномъ повиновеніи“ [1]). Эти патріархальныя отношенія, эта „великая поэма“ русскаго прошлаго, по выраженію Надеждина (по поводу статьи Чаадаева), были распространены и на крѣпостное право...

„Россія—особливый міръ“... „Ни одна исторія не заключаетъ столь чудеснаго“, развивалъ М. П. Погодинъ въ своей вступительной лекціи въ Московскомъ университетѣ въ сентябрѣ 1832 г. „Перстъ Божій ведетъ насъ“. Могло ли возникнуть при такихъ условіяхъ какое-либо сомнѣніе въ томъ, что и крѣпостное право является „священной стариной“, касаться которой нельзя „безъ потрясенія основъ“? И С. С. Уваровъ дѣйствительно объявилъ крѣпостное право однимъ изъ устоевъ русскаго государства — это дерево, осѣняющее и „церковь и престолъ“ (Барсуковъ, „Труды Погодина“, IX, 306—8). Эти мысли Уварова въ передачѣ Погодина можно формулировать такъ: „вопросъ о крѣпостномъ правѣ тѣсно связанъ съ вопросомъ о самодержавіи“, это „двѣ параллельныя силы... У того и другого одно историческое начало, законность ихъ одинакова“. „Политическая религія,— заявлялъ Уваровъ въ засѣданіи Московскаго цензурнаго комитета въ 1832 г.,— имѣетъ свои догматы, неприкосновенные подобно христіанской религіи; у насъ они: самодержавіе и крѣпостное право; зачѣмъ ихъ касаться, когда они къ счастью Россіи утверждены сильной рукой?“ (Барс., IV, 98). Въ дѣйствительности все было принесено въ жертву самодержавію—и церковь и народность, такъ какъ и подъ православіемъ тоже разумѣлось самодержавіе (письмо Н. А. Мельгунова къ Погодину въ 1846 г.), такъ какъ идея народности допускалась лишь „въ предѣлахъ законнаго развитія“, т.-е. въ предѣлахъ „собственно русскаго начала“, на которомъ „непоколебимо стоитъ тронъ и алтарь“, это „русское начало, русскій духъ, наша святыня“, какъ выражался Уваровъ въ своемъ циркулярѣ 1847 г., и заключалось именно въ указанныхъ патріархальныхъ добродѣтеляхъ русскаго народа, представляющаго собой „великое патріархальное семейство“ (Надеждинъ).

„Нищета правительственной мысли“, сказалъ А. И. Герценъ. „Явная клевета на коренное основаніе нашего политическаго устройства“, писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ 1856 г. въ запискѣ, представленной Еленѣ Павловнѣ. Это лишь „мнимая связь крѣпостного права съ самодержавіемъ“ (Соч., II, 139). Была ли то мнимая или дѣйствительная связь, но у теоретиковъ „офиціальной народности“ эти идеи получили опредѣленное развитіе и были санкціонированы правительственной властью. Трехчастный символъ—православія, самодержавія и народности—является офиціальнымъ лозунгомъ въ министерство Уварова.

---

[1]) Пыпинъ, «Характеристика литературныхъ мнѣній», стр. 114.

Эти охранительныя начала составляютъ „послѣдній якорь нашего спасенія и вѣрнѣйшій залогъ силы и величія нашего отечества", какъ писалъ Уваровъ въ докладѣ по поводу обозрѣнія Московскаго университета въ 1832 г. при своемъ вступленіи на постъ товарища министра народнаго просвѣщенія. Эти „охранительныя начала", по выраженію Погодина, „твердыя, крѣпкія столпостѣны, на которыхъ подъ державою Мономахова потомства святая Русь удержалась, удерживается и удержится до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ поколеблены въ своихъ завѣтныхъ, священныхъ основаніяхъ" (Барс., IV, 2).

Въ полномъ согласіи съ уваровской формулировкой тѣ же тезисы повторяются на протяженіи всего николаевскаго времени въ офиціозной публицистикѣ, ревностно кричавшей о своей преданности самодержавной тріадѣ и печатавшейся исключительно для утвержденія „вѣрноподданническихъ чувствованій". Безпринципное „остроумничаніе" Осипа-Юліана Сенковскаго, „юмористика пана Ѳаддея", типичнаго „кондотьера журналистики", сервилизмъ Булгаринскаго друга Николая Греча, — все это достаточно извѣстно. „Грачи—разбойники", какъ назвалъ Пушкинъ издателей „Сѣверной Пчелы", готовые становиться въ уголъ по приказанію „отца и командира", управляющаго III отдѣленіемъ Дубельта, и вѣрные ему „до гроба и за гробомъ", съ успѣхомъ развивали идеи „народности" по программѣ, данной Уваровымъ, т.-е. „по повелѣнію правительства", какъ характерно выразился министръ народнаго просвѣщенія въ циркулярѣ 1847 г. Именно къ нимъ особенно примѣнимъ девизъ, которымъ снабдилъ Герценъ эпоху „моровой полосы": „остановись, плѣснѣй, разрушайся". Эта печальной памяти троица петербургскихъ литераторовъ, однако, никого не „надула" въ своемъ патріотическомъ воодушевленіи. Ея „ливрейную кокарду никто не принялъ, — по словамъ Герцена,—за отличительный знакъ мнѣнія".

О. И. Сенковскій.
(Лондонская грав. 1839 г.).

Но нѣсколько иное положеніе занимали московскіе представители партіи официальной народности [1]), „москвичи—редакторы", столь любезные сердцамъ синодскаго оберъ-прокурора Протасова и Уварова, профессора Московскаго университета—Шевыревъ и Погодинъ. Они были „добросовѣстно раболѣпны"; поэтому Герценъ, называя ихъ органъ „Москвитянинъ" партіей „отчасти правительственной", долженъ былъ признать это „большой новостью въ рус-

[1]) Венгеровъ, «Очерки по исторіи русской литературы», стр. 262—67.

ской литературѣ. Булгаринъ и Гречъ не идутъ въ примѣръ". „Патріотическое сердце" Погодина требовало признанія, что „всей Европы надежда должна быть на Россіи" и что лишь „крикуны и болтуны въ парламентахъ и палатахъ стращаютъ дѣтей Россіей, какъ пугаломъ" (Барс., IV, 9). Россія „особливый міръ", которому долженъ завидовать Западъ, его формулы не могутъ быть примѣнены „къ намъ", ибо, какъ доказывалъ Погодинъ еще въ 1827 г., ни одно изъ правительствъ не полагаетъ „умственное образованіе гражданина конечной своей цѣлью". Эта великая миссія принадлежитъ лишь русскому правительству, это и есть „одинъ изъ отличительныхъ признаковъ нашей исторіи" (ib., II, 147). Мы чужды „заразительнаго недуга"—западнаго либерализма, окруженнаго „атмосферой опаснаго дыханія". „Мы сохранили въ себѣ чистыми три коренныя чувства, въ которыхъ символъ и залогъ нашему будущему развитію", писалъ С. П. Шевыревъ въ первомъ нумерѣ „Москвитянина" (1841 г.) въ статьѣ „Взгляды русскаго на образованіе Европы", характеризующей основныя воззрѣнія органа московскаго „словенизма". Мы должны гордиться „гармоніей своего политическаго быта", именно „тремя коренными чувствами крѣпка наша Русь и вѣрно ея будущее. Мужъ царскаго совѣта, которому ввѣрено поколѣнія образованіе, давно уже выразилъ ихъ глубокою мыслію, и они положены въ основу воспитанія народа". Въ духѣ господствующей идеологіи Погодинъ посвящаетъ свою рѣчь на торжественномъ собраніи Московскаго университета въ 1834 г. доказательству общности „русской крови" и „религіозности" и т. д.

Ѳ. В. Булгаринъ (1834). (Альб. выст. Бѣлин.).

Все это звучало въ унисонъ съ уваровскими символами, въ которыхъ, неизбѣжно, было очень много ходульнаго и натянутаго патріотизма. Но, конечно, и Шевыревъ и Погодинъ были люди иного калибра, чѣмъ представители петербургскихъ официіозовъ, хотя не въ мѣру пылкій патріотизмъ приводилъ и здѣсь къ неразборчивымъ средствамъ въ полемикѣ, за что Герценъ и назвалъ Шевырева и Погодина (по поводу ихъ отзывовъ о лекціяхъ Грановскаго) „добровольными помощниками жандармовъ". Если Булгаринъ открыто взывалъ къ „лучамъ милости", благосклонности и наградамъ, то и Погодинъ дѣйствовалъ не безкорыстно: не даромъ, помѣстивъ восторженную статью о пребываніи императора Николая въ Москвѣ 27 марта 1844 г., онъ записалъ въ дневникѣ: „ждалъ, что пріѣдутъ за мной къ царю". Однако „москвичи-редакторы" были люди науки, они подводили подъ официіальную народность теоретическій фундаментъ, не гнушаясь въ данномъ случаѣ и фи-

лософской аргументаціи Запада. Но и нѣмецкая философія не могла прикрыть дѣйствительную „нищету“ мысли, ибо, чтобы получить хоть нѣкоторое самостоятельное значеніе, надо было прежде всего отграничить себя отъ смѣшныхъ шовинистическихъ выходовъ стараго „отчизнолюбія“ шевыревскаго пошиба или, другими словами, перевести себя изъ числа „благонамѣренныхъ“ въ число „недовольныхъ“, какъ это произошло со славянофилами. Послѣдніе позволяли себѣ смѣшивать „приверженность свою къ русской старинѣ съ такими началами, которыя не могутъ существовать въ монархическомъ государствѣ, и, явно недоброжелательствуя нынѣшнему порядку вещей, въ заблужденіи мыслей своихъ безпрерывно желаютъ оттолкнуть наше отечество ко временамъ равноапостольнаго князя Владимира“, писалъ 23 января 1853 г. Дубельтъ по поводу статей, помѣщенныхъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ (Лемке, „Никол. жандармы“, 215). Московскихъ теоретиковъ офиціальной народности и позднѣйшихъ славянофиловъ объединяло много общее — и слава „славянскаго ученія“, презрѣніе къ „гнилому Западу“ и литературное подчасъ содружество. Не даромъ А. С. Хомяковъ такъ радовался „успѣху“ публичныхъ лекцій Шевырева въ 1844 г. у „избраннаго московскаго общества“. Но если „Хомякову съ братіей“ легко было „строить теоріи съ помощью и по примѣру нѣмцевъ“, но „трудно и примѣнять ихъ и оправдывать дѣйствительностью“, какъ писалъ въ 1844 г. Мельгуновъ, занимавшій позиціи „между славянофилами и западниками“, то еще труднѣе это было сдѣлать для „добровольно-раболѣпствующихъ“ теоретиковъ офиціальной народности, ибо ихъ „словенизмъ“ не имѣлъ въ дѣйствительности „ничего національнаго“, какъ справедливо замѣтилъ еще Герценъ. Это была лишь „новая цѣпь, наложенная на мысль“. „Иконописные идеалы и дымъ ладана“ окончательно лишили возможности разглядѣть настоящую сторону народнаго быта, лишеннаго какой-либо патріархальной идилліи.

Н. И. Гречъ. (Грав. Райта. 1838).

Славянофиламъ приходилось ловить „призраки“, Шевыреву и Погодину — провозглашать диөирамбы современной имъ Россіи со всѣми ея соціальными недугами и политическими вакханаліями, которыми была такъ богата „эпоха мракобѣсія“. Погодинъ умѣлъ примѣняться къ обстоятельствамъ—въ своихъ „политическихъ письмахъ“ онъ заговорилъ совсѣмъ инымъ языкомъ, чѣмъ говорилъ въ уваровское время, далъ жестокую критику практическаго примѣ-

ненія того, во славу чего на ряду съ Шевыревымъ служилъ долгіе годы николаевской реакціи. Но въ эпоху „офиціальной народности“ онъ былъ лишь вѣрнымъ агентомъ „священной старины“, руководимой „перстомъ Божіимъ“. И въ отношеніи къ крѣпостному праву это сказалось достаточно отчетливо.

Система офиціальной народности представляла собой, говоритъ Пыпинъ, „выработанное цѣлое“. Но въ ней были, однако, „нѣкоторыя неясности“. „Такая неясность была въ крестьянскомъ вопросѣ, гдѣ система колебалась между требованіями человѣколюбія и даже требованіями политическаго благоразумія съ одной стороны, и съ другой—нежеланіемъ раскрыть недостатокъ въ существующемъ порядкѣ вещей, начать ломку учрежденій, которая могла бы отразиться въ умахъ появленіемъ либеральныхъ идей“ („Хар. лит. мн.“, 116).

Неясность эта была и у Погодина, передъ которымъ вслѣдствіе происхожденія долженъ былъ бы особенно остро стоять вопросъ о крѣпостномъ правѣ. Погодинъ—врагъ крѣпостного права. По поводу слуховъ въ 1841 г., что ко дню свадьбы наслѣдника приготовляется манифестъ объ освобожденіи крестьянъ, онъ въ дневникѣ скажетъ объ „отвратительной системѣ рабства“ (Бар., VI, 2). Но въ то же время его „патріотическое сердце“ заставляетъ неоднократно передъ тѣмъ не только мириться съ крѣпостнымъ правомъ, но подчасъ находить въ немъ и положительныя стороны. Въ Россіи „рабства“ никогда не было, а „патріархальность“ при низкомъ культурномъ уровнѣ народа ведетъ даже къ прогрессу. Народъ „низокъ, ужасенъ и скотенъ“... Слѣдовательно, онъ не можетъ пользоваться свободой, какъ должно; крестьяне „до тѣхъ поръ не станутъ людьми, пока не приневолятъ ихъ къ тому“, говоритъ онъ въ 1826 г. (ib., II, 17). Крестьянамъ, несомнѣнно, было бы и теперь „хорошо, если бы исполняли всѣ повелѣнія правительства“, признаетъ онъ нѣсколько раньше. Но въ 1831 г. въ статьѣ по поводу выставки русскихъ издѣлій въ Москвѣ онъ почти пишетъ апоѳеозъ крѣпостному праву. Вѣдь эта выставка свидѣтельствуетъ о „торжествѣ промышленности“. „Европеецъ трудится цѣлые вѣка“, а „у насъ безграмотный мужичокъ“... „съ благотворной дубинкой надъ спиной“... становится чуть ли не рядомъ со старшими своими братьями. „Да здравствуетъ дворянство!“ патетически восклицаетъ онъ въ статьѣ по случаю посѣщенія Николаемъ I Москвы. „Да здравствуетъ крестьянство и въ потѣ лица своего, снѣдая хлѣбъ свой, кормя насъ всѣхъ до сытости, да пріимутъ мзду свою“. Этотъ слащавый тонъ характеренъ для Погодина. Его къ этому обязывалъ патріотизмъ.

И въ дѣйствіяхъ правительства мы видимъ въ сущности ту же неясность, то же противорѣчіе. Офиціальныя идеи прикрашивали мрачную дѣйствительность. Но, однако, этотъ патріотическій нимбъ не могъ скрыть дѣйствительныхъ потребностей времени. Жизнь каждочастно предъявляла свои требованія, на которыя приходилось реагировать уже не въ духѣ восторженныхъ восхвалителей величія и прелести Россіи, руководимой „перстомъ Божіимъ.“

Жизненные законы оказывались сильнѣе теоретическихъ настроенiй и заставляли николаевское правительство постоянно возвращаться къ крестьянскому вопросу. Экономическая необходимость направляла въ ту же сторону и помыслы дворянства и такимъ образомъ осуждала крѣпостное право, если не съ моральной стороны, то, по крайней мѣрѣ, съ экономической, т.-е. вела къ признанiю, что погодинская „благотворная дубинка" отнюдь не содѣйствовала экономическому благополучiю страны и даже не помогала процвѣтанiю дворянскаго сословiя: „первое сословiе видимо клонилось къ упадку", замѣтилъ въ своей запискѣ М. А. фонъ-Визинъ. Отсюда въ теорiю оффицiальной народности неизбѣжно вносилась поправка въ видѣ признанiя крѣпостного права несомнѣннымъ зломъ, требующимъ постепеннаго устраненiя. И императоръ Николай въ рѣчи 30 марта 1842 г. въ Государственномъ Совѣтѣ, объявляя помыселъ объ уничтоженiи крѣпостного права „лишь преступнымъ посягательствомъ на общее спокойствiе и благо государства", долженъ былъ, однако, уже признать (безъ „сомнѣнiя"), что „крѣпостное право въ нынѣшнемъ его у насъ положенiи есть зло для всѣхъ ощутительное и очевидное". Николай боялся прикасаться къ этому злу, ибо устраненiе зла было бы, конечно, еще болѣе гибельнымъ. 18 мая 1847 г. ему пришлось еще разъ повторить тѣ же почти мысли депутацiи смоленскихъ дворянъ, и даже въ успокоительной рѣчи 21 марта 1848 г., когда Николай, „съ негодованiемъ" отвергая „самыя нелѣпыя и безразсудныя мысли и намѣренiя", которыя ему приписали нѣкоторыя лица, говорилъ о томъ, что необходимо „обратить особенное вниманiе" на „благосостоянiе ввѣренныхъ" помѣщикамъ „людей и прежде всего въ виду собственныхъ интересовъ". И его слова отнюдь не были откровенiемъ для мыслящаго дворянства, которое уже отчетливо стало сознавать ту экономическую выгоду, которую во имя сословныхъ эгоистическихъ интересовъ можно получить при развязкѣ узла крѣпостныхъ отношенiй. Преимущество вольнаго труда передъ крѣпостнымъ уже тогда стало аксiомой для значительнаго большинства помѣщиковъ, интересующихся веденiемъ интенсивнаго, или „разумнаго", по характеристикѣ Хомякова, сельскаго хозяйства. Если за десять лѣтъ передъ тѣмъ въ Москвѣ въ Англiйскомъ клубѣ тульскихъ „прожекторовъ" предали „анаѳемѣ", то въ 40 гг. отношенiе коренн ымъ образомъ измѣняется, что даетъ полное право министру внутреннихъ дѣлъ Перовскому въ своей запискѣ о крѣпостномъ состоянiи уже опре-

„Грѣхопаденiе перваго чел. въ лит.". (Карик. на Сенковскаго, Булгарина, Греча. 1834).

дѣленно констатировать, что „больше половины нашего дворянства вовсе не опасается утраты своего достоянія отъ уничтоженія крѣпостного состоянія“, оно страшится лишь „послѣдствій переворота“ (Семевскій, „Крест. вопросъ“, т. II). И эти мысли, показывающія, что время освобожденія вовсе уже не такъ „далеко“, какъ предполагалъ въ своей рѣчи 30 марта 1842 г. императоръ Николай, распространяются и въ болѣе широкіе дворянскіе круга, и въ значительной степени подъ вліяніемъ неурожаевъ 40 гг., какъ свидѣтельствуетъ А. П. Заблоцкій-Десятовскій. „Помѣщики наши проснулись и затолковали! Видно по всему, что патріархально-сонный бытъ весь изжитъ и надо взять иную дорогу“, писалъ В. Г. Бѣлинскій въ ноябрѣ 1847 г. П. В. Анненкову.

Ѳ. В. Булгаринъ (карик.-статуэтка Степанова).

Изжитъ былъ патріархальный бытъ съ его экономической стороны: „наступила новая эпоха помѣщичьяго быта, а именно, эпоха промышленная“, какъ доказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Библіотекѣ для чтенія“ за 1842 г., помѣщикъ Дм. Шелиховъ, имѣвшій большую склонность къ „сельско-хозяйственнымъ спекуляціямъ“. Но далеко еще не изжита была въ сознаніи помѣщичьяго класса та идиллическая картина патріархальныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьяниномъ, которая рисовалась теоретиками офиціальной народности. Крѣпостники-экономисты не склонны подчасъ разстаться съ „благотворной дубиной“ и доказать въ отвѣтъ на офиціальныя рѣчи съ высоты престола о необходимости подумать о „благосостояніи“ крестьянъ, что „прославленная вольность“ на Западѣ отнюдь не служитъ къ экономическому благополучію крестьянства. Именно эта точка зрѣнія развивается въ статьѣ помѣщика Дурасова: „Взглядъ на положеніе крестьянъ въ Россіи и сравненіе ихъ съ классомъ рабочаго народа въ иностранныхъ государствахъ“, прочитанной въ Вольно-экономическомъ обществѣ 28 ноября 1842 г. Тотъ же аргументъ повторяется до нѣкоторой степени и въ статьѣ „Библіотеки для чтенія“ (1846 г.), представляющей переводъ части сочиненія бывшаго министра финансовъ Канкрина: „Экономія человѣческихъ обществъ и состояніе финансовъ“: „нимало не желая оправдывать существованіе неволи, нельзя, однакоже, утаить, что крѣпостное состояніе, конечно, не

самое бѣдственное, въ какое можетъ впасть человѣкъ. Русскій крѣпостной мужикъ находится въ несравненно лучшемъ положеніи, нежели мелкій ирландскій арендаторъ". Но, если у Канкрина эта точка зрѣнія вытекала отчасти изъ отрицательнаго отношенія къ „птичьей свободѣ", т.-е. къ безземельному освобожденію крестьянъ (Семевскій, „Крест. вопр.", II, 336—7), то для настоящихъ крѣпостниковъ подобная аргументація являлась въ значительной степени какъ бы теоретическимъ оправданіемъ тѣхъ „робкихъ, безплодныхъ полумѣръ въ пользу бѣлыхъ негровъ", которыми отмѣчено законодательство николаевской эпохи.

Для насъ въ данномъ случаѣ важнѣе, такъ сказать, моральная сторона патріархальнаго быта, которой пѣли диѳирамбы наши отчизнолюбы, тотъ „идиллическій отпечатокъ", который склонны были придавать крѣпостному праву въ мнѣніяхъ офиціальнаго міра. Эта сторона офиціальной идеологіи особенно твердо вкоренилась въ сознаніи правящаго класса: она такъ „часто повторялась", имѣла „такой успѣхъ", что „для многихъ, по словамъ Ю Самарина, получила значеніе неопровержимаго доказательства полнаго отвѣта, разрѣшающаго всѣ недоумѣнія разума и совѣсти" (Соч., II, 22). Можно было восхищаться несуществующими „идеальными призраками", и, тѣмъ не менѣе, „риторическая фигура уподобленія помѣщика отцу семейства" оставалась лишь голой риторикой, ибо „отеческая власть съ нагайкой въ рукахъ", по характеристикѣ Н. А. Мельгунова, не могла создать идилліи. Если въ устахъ императора Николая въ рѣчи къ депутатамъ петербургскаго дворянства 21 марта 1848 г. помѣщикъ прежде всего полицмейстеръ („вы моя полиція"), своего рода государевъ „управляющій", если, по мнѣнію минскаго губернатора Сушкова, помѣщики „природные полицеймейстера въ своихъ имѣніяхъ", отвѣчающіе за всякій „безпорядокъ" („Чт. Общ. Ист. и древ.", 1869, I, стр. 170), то для рядовыхъ „отчизнолюбовъ" помѣщикъ выступаетъ въ роли отца.

Н. И. Гречъ (карик.-ст. Степанова).

Такъ вплоть до реформы 19 февраля 1861 г. дожила отеческая попечительная власть помѣщика, ведущая свои корни, какъ мы видѣли въ свое время, отъ XVIII вѣка (Записки Болотова). Эта теорія отеческаго попеченія неустанно повторяется на протяженіи цѣлаго вѣка. „Земледѣльческій Журналъ"

въ 1821 г. въ такихъ характерныхъ выраженіяхъ опредѣляетъ функціи помѣщика: онъ „непосредственный чиновникъ, которому верховная власть, давъ землю для населенія, вѣрила черезъ то и попеченіе о людяхъ населенныхъ. Онъ есть природный покровитель сихъ людей... наставникъ въ благомысліи, наблюдатель за благоустройствомъ и правами". Помѣщикъ—„наставникъ въ благомысліи", какъ таковой, онъ долженъ блюсти не только „благоустройство и правы", онъ долженъ опекать и душу—заботиться о сохранности чистотѣ религіозныхъ вѣрованій. Помѣщикъ Вологодской губ. Клеонинъ (нач. XIX в.) поучаетъ своихъ крестьянъ молитвамъ съ „особыми толкованіями" („Р. Ст.", 1880 сент., 178), другой — проповѣдуетъ въ церкви, возсѣдая на особомъ „чугунномъ стулѣ", третій—обращаетъ насильно своихъ крестьянъ уніатовъ въ православіе (Шавельскій, „Пос. возсоед. уніатовъ Бѣл. епархіи", 95) и т. д. Тутъ въ силѣ старый принципъ: cuius regio, eius religio. Этой опекой помѣщика надъ религіей „все и держится", какъ писалъ М. А. Димитріевъ, возмущенный описаніемъ путешествія Шевырева въ „Москвитянинѣ" 1848 г. Поклонникъ оффиціальнаго православія съ прискорбіемъ замѣтилъ, что онъ видѣлъ крестьянъ, которымъ отъ „работъ некогда и къ обѣднѣ сходить". „Возможно ли писать... такую нелѣпость...—возражалъ Димитріевъ.—Когда же дворяне и помѣщики мѣшаютъ крестьянамъ ходить въ церковь? Напротивъ, они ихъ къ тому побуждаютъ" (Бар., IX, 429). Да, въ полицейскомъ государствѣ всякій полицмейстеръ заботился о спасеніи души, а тѣмъ болѣе долженъ былъ это дѣлать „прирожденный полицмейстеръ" — „сосудъ и хранитель высокаго нравственнаго чувства всей націи", несущій „великую" службу „государю въ званіи помѣщика", какъ выражался Гоголь въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" („Русскій помѣщикъ". Изд. Сытина, III, 79). За каждаго послѣдняго негодяя въ селѣ взыщетъ Богъ съ помѣщика, ибо помѣщикъ не потому помѣщикъ, что ему захотѣлось имъ быть, но потому, что онъ „родился помѣщикомъ", что съ него взыщетъ Богъ, если онъ „промѣняетъ это званіе на другое, потому что всякій долженъ служить Богу на своемъ мѣстѣ, а не на чужомъ, равно какъ и они также, родясь подъ властью, должны покоряться той самой власти, подъ которой родились, потому что нѣтъ власти, которая бы не была отъ Бога" (ibid., 75).

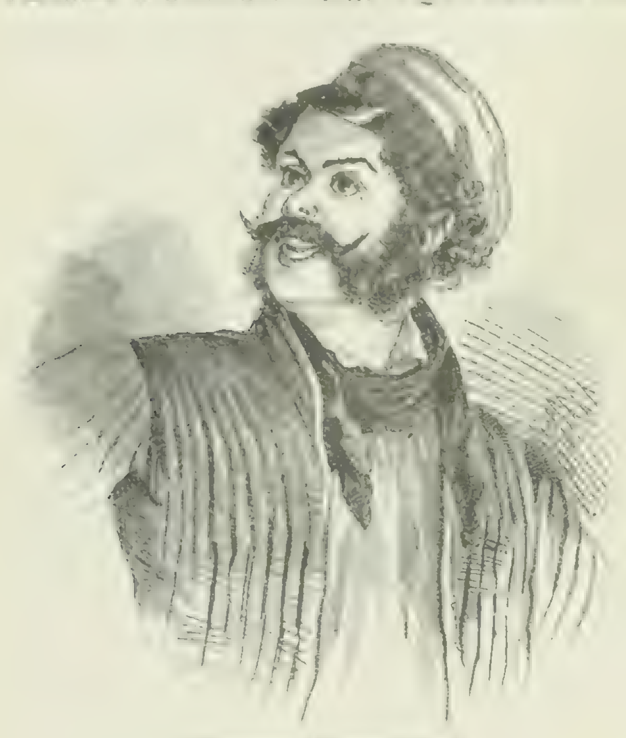
Итакъ, крѣпостное право объявляется священнымъ институтомъ, и въ этомъ отношеніи дѣйствительно книга Гоголя повторяла лишь „мнѣнія, отличавшія систему оффиціальной народности". Гоголя не поняли — утверждаетъ М. Гершензонъ въ своихъ „Историческихъ запискахъ о русскомъ обществѣ". Не понялъ Бѣлинскій, не поняла вся „русская прогрессивная мысль", для которой „приговоръ, произнесенный Бѣлинскимъ надъ книгою Гоголя, не только сдѣлался каноническимъ и былъ принятъ въ самый символъ гражданской вѣры" (122), не поняла „вся наша либеральная публицистика, включая

и нераздѣльную съ ней исторію литературы". Допустимъ, что шаблонное міросозерцаніе русскаго интеллигента привело къ „чудовищному искаженію гоголевскихъ мыслей и словъ, оторванныхъ отъ своего корня и грубо истолкованныхъ"; надо брать не отдѣльныя мѣста, а книгу „какъ цѣлое", и тогда „книга Гоголя и письмо Бѣлинскаго" выступятъ въ роли манифестовъ, въ которыхъ были противопоставлены другъ другу двѣ системы идей, по-разному опредѣлявшихъ пути и средства общечеловѣческаго развитія (121): соціально-политической и индивидуально-нравственной. Мы не будемъ касаться „вѣчныхъ вопросовъ общественно-нравственнаго порядка" о „небесномъ" и „земномъ" гражданствѣ и охотно готовы „не казнить" Гоголя; для насъ важно не то, насколько сознательно или безсознательно выступилъ Гоголь проповѣдникомъ и апологетомъ „офиціальнаго мѣщанства", употребляя терминъ г. Иванова-Разумника, а то, что по своимъ практическимъ выводамъ „Переписка съ друзьями" ничѣмъ въ сущности не отличалась отъ офиціозно-дворянской публицистики николаевскаго времени. И въ ней, естественно, усмотрѣли призывъ къ „Византіи", къ „цареградской философіи рабства". „Я не въ состояніи дать вамъ ни малѣйшаго понятія о томъ негодованіи, которое возбудила ваша книга во всѣхъ благородныхъ сердцахъ, ни о тѣхъ вопляхъ дикой радости, которые издали при появленіи ея всѣ враги ваши и не литературные — Чичиковы, Ноздревы, городничіе... и литературные, которыхъ имена хорошо вамъ извѣстны", писалъ Бѣлинскій въ своей знаменитой отповѣди (изд. „Свѣточа", 10). Россіи нужны „права и законы, сообразованные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью". Быть-можетъ, для Гоголя дѣйствительно было трагедіей, что его хлестаковскую книгу (по крайней мѣрѣ, по формѣ, какъ онъ долженъ былъ признать самъ) приняли и истолковали въ такомъ „грубомъ, невѣжественномъ смыслѣ". „Въ какомъ вывороченномъ видѣ стали передъ вами вещи", писалъ Гоголь въ черновомъ письмѣ къ Бѣлинскому, но именно эту „вывороченную" сторону и восприняли тѣ проповѣдники кнута, панегиристы татарскихъ нравовъ, апостолы невѣжества, о которыхъ говорилъ въ своемъ письмѣ Бѣлинскій.

Коробочка. („Гоголевскіе типы" Боклевскаго).

„Будь покоенъ, — говорилъ Гоголь помѣщику, — не смущайся мыслями, что прежнія тѣ отношенія помѣщика съ крестьянами исчезли навѣки (что онѣ исчезли — это правда). Но чтобы навсегда или навѣки онѣ исчезнули — вздоръ ты на такія слова; сказать ихъ можетъ только тотъ, кто далѣе своего носа ничего не видитъ" (75). Если для Гоголя исчезли по винѣ самого помѣщика фантастическія патріархальныя отношенія, то для другихъ противниковъ обскурантизма и „мракобѣсія" они сохранились во всей своей неприкосновенности. Такъ упомянутый Димитріевъ въ статьѣ „О нашей жизни и народности" въ „Москвитянинѣ" (1848) констатируетъ, что патріархальныя отношенія очень еще сильны, посему крестьяне не любятъ „посредствующей власти управителей между ими и господами". Тверской помѣщикъ Дм. Шелиховъ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, въ своихъ „Отголоскахъ русскаго сердца", названныхъ Ив. Аксаковымъ „безкорыстной подлостью подлостей" (Письма, II, 113), также утверждаетъ, что законы исполняются въ Россіи, какъ святыни, крестьяне благоговѣютъ „передъ Богомъ и своимъ господиномъ".

Ноздревъ (Боклевскаго).

Такимъ образомъ, послѣ Бога и государя законъ повелѣвалъ служить барину. Въ силу этого и установилась, говоря словами одного изъ героевъ Сологубовскаго „Тарантаса", та „высокая, тайная, святая связь (между крестьяниномъ и дворяниномъ), что-то родственное, необъяснимое и непонятное всякому другому народу". Она понятна была лишь тѣмъ, для которыхъ „помѣщичья власть съ нагайкой въ рукахъ" сводилась въ дѣйствительности къ умѣнію „держать мужиковъ въ рукахъ", т.-е. въ концѣ-концовъ, къ полицейскимъ обязанностямъ охраненія отечества отъ опасныхъ „всеобщихъ потрясеній".

Въ эпоху реакціи, послѣдовавшей за 48 годомъ, когда даже, по выраженію Погодина, „мы испугались", начали останавливать у себя образованіе, стѣснять мысль, преслѣдовать умъ, убивать слово, уничтожать гласность, гасить свѣтъ, распространять тьму, покровительствовать невѣжеству" (Барс., XIII), когда, по выраженію Ю. Ѳ. Самарина, „правительство приняло крѣпостное

право" подъ свое особенное покровительство, изъявъ его „безусловно изъ круга тѣхъ вопросовъ, о которыхъ позволено разсуждать печатно",—тогда и съ большей откровенностью стала раздаваться въ „литературѣ и въ изданіяхъ казенныхъ" апологія „самой сущности крѣпостного права",—апологія, выведенная „не изъ юридическихъ или административныхъ соображеній, но изъ общихъ религіозно-нравственныхъ началъ" (Соч., II, 21). И знаменитая штабсъ-капитанша Архангельская, развивавшая въ офиціальной бумагѣ теорію божественнаго раздѣленія людей на слугъ и господъ („Колоколъ", 1 января 1860), отнюдь не была какимъ-то монстромъ въ окружающей средѣ. Да, „самъ Богъ создалъ особо господъ и слугъ"—это была теорія почти міровая; и раньше при помощи текстовъ св. писанія протестантскіе пасторы доказывали въ южныхъ штатахъ С. Америки пользу и нравственность рабства. И у насъ церковь, „всегда колѣннопреклоненная передъ свѣтской властью", по выраженію Герцена, освящала своимъ авторитетомъ божественный институтъ крѣпостничества.

Собакевичъ (Боклевскаго).

Если въ эпоху „офиціальной народности" мы, пожалуй, и не встрѣтимъ со стороны церковныхъ дѣятелей открытаго одобренія рабства, то не слѣдуетъ ли это въ значительной степени объяснять общимъ принципомъ, которымъ руководилось николаевское правительство и которое прекрасно было выражено въ одной изъ резолюцій Николая I (по поводу „Современника") „Должно повиноваться, а разсужденія свои держать про себя" („Русск. Ст.", 1903, іюль, 153), ибо, какъ писалъ Дубельтъ въ 1850 г., „размышленія вызываютъ размышленія: звуки—отголоски, иногда невѣрные" (Лемке, 202). „Самое вѣрное средство предостеречь отъ зла—удалить самое понятіе о немъ", и церковныя власти твердо слѣдовали этому принципу. „Такъ какъ русскому обществу чужды всякаго рода идеи равенства,—писалъ цензоръ арх. Іоаннъ Соколовъ въ 1854 г.,—то нѣтъ надобности и опровергать ихъ публично". Но зато духовная цензура на всемъ протяженіи своего существованія систематически устраняла „несправедливыя мысли" о томъ, что будто бы „христіанство уничтожило неравенство состояній и преподало высокое ученіе -

[illegible] и [illegible]ству, заглушенное въ сердцахъ людей варварскими постановленіями" (цензоръ арх. Климентъ въ 1839 году по поводу перевода съ французскаго „Исторіи церкви временъ апостольскихъ" (Котовичъ, „Дух. ценз."). Духовная цензура, устраняя все „неблагопріятное гражданскому правительству" изъ книгъ, посвященныхъ „христіанской этикѣ", исключаетъ „дикія" мысли о томъ, что „рабы, если только позволяютъ обстоятельства, должны стремиться къ своей свободѣ". „Сколь вредныя могутъ произойти слѣдствія отъ сего внушенія,— пишетъ арх. Платонъ въ 1835 г.,—это для всякаго очевидно. Между тѣмъ по ученію слова Божія и рабы могутъ достигать вѣчнаго спасенія. Апостолъ ясно говоритъ: „каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ". Это и было, какъ мы знаемъ, девизомъ всей внутренней политики Николая I подъ ферулой „офиціальной народности". „Каждый оставайся въ томъ званіи, въ какомъ призванъ"—отсюда превозглашеніе „варварскихъ постановленій" основанными на Божеской санкціи. Передъ Богомъ всѣ равны,—но „на землѣ нѣтъ и быть не можетъ ни въ чемъ совершеннаго равенства. Эта такая истина, о которой сокрушаются всѣ возможные по сему предмету софисмы", писалъ Булгаринъ въ № 75 „Сѣверной Пчелы" за 1853 г.

Въ періодъ охарактеризованной выше словами Самарина реакціи, когда правительство отступило уже окончательно отъ своихъ преобразовательныхъ плановъ, офиціальная печать не находила уже удержа для восхваленія господствующаго режима и въ силу этого выступала дѣйствительно въ роли „патріотическихъ предателей", какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Стоитъ лишь проглядѣть „Сѣверную Пчелу" за 50 гг.—этотъ органъ „живой исторіи современности", какъ выражались его издатели,—чтобы получить ясное представленіе о тѣхъ „неоспоримыхъ доказательствахъ", какія выставляли патріотическіе органы въ пользу величія и „благосостоянія любезной нашей Россіи". „Въ Россіи есть все, что нужно для народнаго благосостоянія", утверждала „Сѣверная Пчела" въ 1852 г. (№ 159). „Для каждаго, кто хочетъ работать по своимъ силамъ и средствамъ и сообразно своему положенію въ гражданскомъ обществѣ", открыто широкое поприще для дѣятельности („С. Пч.", 1853, № 90). Въ силу этого „русскіе мужички" благоденствуютъ; въ силу этого съ всякимъ днемъ величіе возлюбленнаго отечества растетъ и возвышается и каждый шагъ могучей власти, управляющей земными судьбами Россіи, ведетъ къ новому величію" (1853, № 182). Россія экономически благоденствуетъ при наличности крѣпостного права. Россіи „равной въ мірѣ нѣтъ, это знаетъ цѣлый свѣтъ", патетически восклицаетъ прапорщикъ Ивановъ 2 въ стихахъ, посвященныхъ величію Россіи (1853, № 91):

«На подвластныхъ океанахъ
Ходятъ стаи кораблей».

„Ни въ чемъ мы не нуждаемся“, гордо утверждаетъ „Пчела“ въ 1854 г. (№ 52). Еще бы! Императоръ Николай, заявляетъ тотъ же Ивановъ 2:

«Всѣхъ царей земного міра
Онъ могучѣй и сильнѣй:
Онъ покрылъ своей порфирой
Сто племенъ и семь морей».
(«Сѣв. Пч.», 1853, 184).

Рабство возводится въ священный институтъ. Ю. Самаринъ, указывая на знаменитыя наставленія 1852 г. для образованія воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній, могъ сказать, что это наставленіе—„единственный, доселѣ небывалый примѣръ въ нашей литературѣ“.

„Берегите крѣпостное право, какъ учрежденіе божественное, какъ Божью заповѣдь, употребляйте его, какъ власть родительскую надъ дѣтьми“—такъ передаетъ Самаринъ сущность наставленія 1852 г., гдѣ уже въ пользу крѣпостного права приведены тексты изъ писанія (Соч., II, 21). И наканунѣ освобожденія, въ 1859 г., когда раздались голоса отдѣльныхъ представителей церкви, сочувствующіе подготовляемой реформѣ, небезызвѣстный ставропольскій еп. Игнатій Брянчаниновъ, бывшій настоятель Сергіевской пустыни, близъ Стрѣльны, „во Христѣ саперъ Игнатій“, по характеристикѣ Герцена, выступалъ съ прямымъ доказательствомъ, „что нѣтъ счастливѣе состоянія, какъ крѣпостное право“ („Колоколъ“, 1859, авг., № 50). Въ доносѣ на „Слово объ освобожденіи крестьянъ“ Іосифа, арх. Казанской духовной академіи, онъ съ ссылкой на невѣрный текстъ писанія развивалъ теорію, что крѣпостное право—„установленіе божественное, святыми отцами правительствующей церкви поддержанное, благовѣрными царями упроченное“...

Плюшкинъ (Боклевскаго).

Такъ оправдывалъ этими фантастическими теоріями крѣпостное право офиціальный и офиціозный міръ, такъ оправдывало дворянство, „цвѣтъ нашего населенія“, „лучи народной славы“, по выраженію издателей „Сѣвер-

[illegible] съ моральной стороны. Но въ дѣйствительности творцы офиціальной идеологіи не могли не чувствовать всей фальши, заключавшейся въ утвержденіи патріархальныхъ отношеній между помѣщикомъ и крѣпостнымъ. Можетъ быть, столь подчеркиваемое опасеніе „всеобщихъ потрясеній" само по себѣ показываетъ, что и сами идеологи не вѣрили въ ту идиллію, которую рисовало ихъ размечтавшееся перо. Можно было утверждать, что крестьяне благоговѣютъ передъ своими господами, какъ это дѣлалъ статскій совѣтникъ и кавалеръ Шелиховъ, но дѣйствительность рѣзко расходилась съ этимъ утвержденіемъ. Крестьянскія волненія, страстно ожидаемая воля слишкомъ отчетливо показывали, что „народъ покоряется помѣщичьей власти, по словамъ Ю. Самарина, какъ тяжелой необходимости, какъ насилію, какъ нѣкогда покорялась Россія владычеству монголовъ" (Соч., II, 28).

Можно было утверждать, что лишь „одно невѣдѣніе иностранцевъ можетъ приписывать имъ (т. е. крестьянамъ) невольничество", какъ это дѣлалъ въ своемъ докладѣ упомянутый Дурасовъ; можно было съ научной точки зрѣнія доказывать, что рабовладѣніе и крѣпостное право не синонимы, какъ это дѣлалъ Канкринъ (и онъ, конечно, былъ правъ), и, тѣмъ не менѣе, въ своихъ практическихъ проявленіяхъ „высокая, тайная, святая связь" между крестьяниномъ и дворяниномъ и наканунѣ освобожденія недалеко ушла отъ дѣйствительности конца XVIII и начала XIX вв. И поэтому Ю. Θ. Самаринъ съ полнымъ правомъ могъ констатировать, что крѣпостное право „подходитъ весьма близко къ рабству" (II, 443), а императоръ Николай — намекать, что крестьянинъ не можетъ „считаться собственностью, а тѣмъ болѣе вещью" (въ рѣчи 18 мая 1847 г. депутаціи смоленскаго дворянства). Рабская философія въ странѣ, гдѣ „люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Палашками" (изъ письма Бѣлинскаго), конечно, порождала типы убѣжденныхъ крѣпостныхъ,—типы, такъ ярко обрисованные въ воспоминаніяхъ и литературѣ [1]). Но слишкомъ наивно на основаніи этого говорить о патріархальныхъ связяхъ, какъ дѣлалъ это въ своихъ воспоминаніяхъ гр. В. А. Соллогубъ въ 1887 г. „Смѣшно и ложно" изображать „идиллію", писать элегію объ утратѣ крѣпостного права, но зачѣмъ скрывать, что „бывшій порядокъ вещей поддерживалъ между помѣщикомъ и крестьяниномъ близкую, такъ сказать, родственную связь". Между тѣмъ „много есть теперь людей, — писалъ авторъ воспоминаній,—воображающихъ, что во времена крѣпостного права, когда помѣщики встрѣчались съ своими крестьянами, то они тотчасъ начинали сѣчь крестьянъ". Если дѣло обстояло, конечно, не совсѣмъ такъ, то все же дѣйствительность не очень далеко уходила отъ нарисованной картины. Добро было, но сущность въ томъ, что

---

[1]) См., напр., въ воспоминаніяхъ Водовозовой («Мин. Годы», № 3, и т. д.).

„добро это случайное", какъ выразился А. И. Заблоцкій-Десятовскій, что крѣпостное право давало „всю возможность дѣлать зло".

Мотивы Сологуба неоднократно повторялись на разные лады въ литературѣ. „Если можно выставить частные случаи о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ надъ сотнями крестьянъ,—утверждалъ еще Дурасовъ въ 1842 г.,—то милліоны оныхъ подъ защитой хорошихъ владѣльцевъ благодѣйствуютъ". „Отзывы ваши о помѣщикахъ,—писалъ Гоголь въ отвѣтъ Бѣлинскому,—отзываются временами Фонвизина. Съ тѣхъ поръ много-много измѣнилось въ Россіи". Лишь нѣкоторые помѣщики „употребляютъ во зло свою власть", утверждалъ Николай I въ рѣчи 30 марта 1842 г. „Самое меньшее ихъ число", и по одной изъ версій рѣчи Николая I, 21 марта 1847 г., императоръ насчиталъ на 50 дворянъ: „15 хорошихъ, 25 посредственныхъ, а 10 негодныхъ". Злоупотребленія помѣщиковъ „должно считать исключеніемъ", пишетъ авторъ позднѣйшихъ воспоминаній (Н. Рѣшетовъ, „Русск. Арх.", 1886, XII, 506). Возмутительные случаи рѣдки, жестокое обращеніе тамъ, гдѣ не жили помѣщики,—свидѣтельствуетъ въ „Провинціальныхъ типахъ 40-хъ гг." помѣщикъ Шомпулевъ („Р. Ст.", 1898, авг., 334). Но послушаемъ другихъ современниковъ и отзывы получатся совсѣмъ иные—безразлично: будетъ ли отзывъ современника начала николаевской эпохи или ея конца. Герценъ, разсказывая о своемъ пребываніи въ Новгородѣ, пишетъ: „Небольшая кучка образованныхъ помѣщиковъ не дерутся съ утра до ночи съ своими людьми, не сѣкутъ всякій день, да и то между ними бываютъ „Пѣночкины", остальные недалеко ушли еще отъ Салтычихи и отъ американскихъ плантаторовъ" (Соч., II, 363).

П. П. Пѣтухъ (Боклевскаго).

Въ столь же мрачныхъ краскахъ очерчиваетъ намъ дворянское провинціальное общество въ 1852 г. Ив. Аксаковъ: „За послѣднія 10 лѣтъ,—свидѣтельствуетъ онъ,—провинція шла исполинскими шагами по пути „цивилизаціи и изгнала все смѣшное со своихъ провинціальныхъ паркетовъ". Но за „блестящей внѣшностью" все та же „незастѣнчивость помѣщичьяго быта, откровенность барственныхъ вкусовъ и привычекъ". Любуясь на „благовидныхъ

помѣщиковъ. Аксаковъ вспоминаетъ, что эти „бель-омми", эти „красивые господа только что воротились изъ своихъ деревень, гдѣ собирали порядочныя суммы съ крестьянскихъ дѣвокъ, откупавшихся отъ замужествъ". И, конечно, они это дѣлали во имя своихъ „отеческихъ" правъ... Слушая барскій провинціальный оркестръ, Аксаковъ не могъ забыть, что „въ тотъ же день утромъ альтъ и флейта были высѣчены за фальшивую ноту въ симфоніи Бетховена, до которой хозяинъ, какъ слѣдуетъ просвѣщенному человѣку, былъ большой охотникъ, а гобой собственноручно приколоченъ". Несомнѣнно, въ области отеческаго попеченія „съ нагайкой въ рукахъ" замѣчался нѣкоторый прогрессъ. „Если сравнить настоящее время съ тѣмъ, что дошло до насъ по преданію отъ конца прошлаго вѣка и начала нынѣшняго, — писалъ Ю. Ѳ. Самаринъ въ своей запискѣ о крѣпостномъ состояніи (Соч., II, 59),—то убѣдимся, что „примѣры безчеловѣчнаго истязанія и проявленія дикаго, безцѣльнаго произвола стали гораздо рѣже. Грубость и суровость обращенія постепенно исчезаютъ". Это—очень мягкая характеристика современника. Злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ, если угодно такъ выражаться, были рѣже, но нерѣдки. Маленькіе Аракчеевы, Шеншины, Салтычихи — „дикіе фанатики рабства", по выраженію Герцена, дѣйствовали вплоть до 19 февраля 1861 г. Прогрессъ былъ. Нѣкоторые помѣщики изобрѣли спеціальныя „щекобитки" для битья дѣвокъ по щекамъ: „стоитъ ли о хамскія рожи марать дворянскія руки" (Повалишинъ, „Ряз. пом.", 104). Какъ съ обычнымъ и повсемѣстнымъ явленіемъ, мы встрѣтимся съ розгами, палками, цѣпными стульями, рогатками, тридцатифунтовыми желѣзными цѣпями, кандалами и т. д. и т. д.

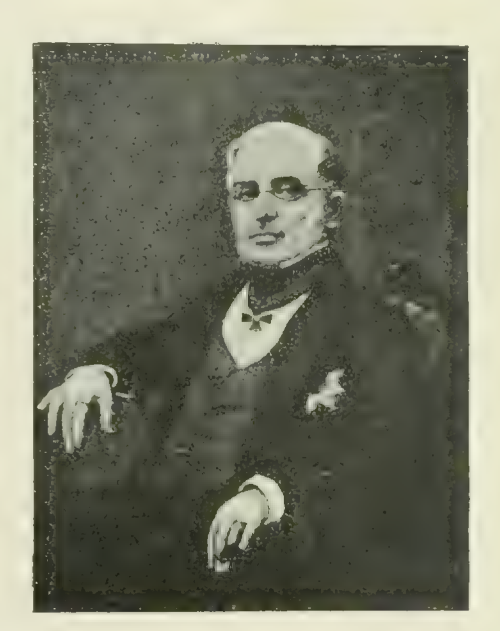

Графъ Е. Ф. Канкринъ.
(Рис. Нечаева).

„Это было мрачное время, когда дикій звѣрь, заяцъ цѣнился дороже жизни человѣческой", говоритъ Повалишинъ, разсказывая о такомъ случаѣ въ описываемой имъ Рязанской губерніи. Это было время „безмолвія нравственныхъ требованій, подлости и пошлости" (И. Аксаковъ).

Наибольшаго, пожалуй, уродства такъ называемыя патріархальныя отношенія между крѣпостнымъ помѣщикомъ достигали у мелкопомѣстнаго

дворянства, ибо здѣсь дворянскій гоноръ и чванливая теорія бѣлой кости ставились особенно высоко. „Господа", мало чѣмъ отличаясь въ жизненной обстановкѣ отъ крѣпостныхъ, въ теоріи возносили на недосягаемую высоту „столбовое дворянство". „Барская спесь, — разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Водовозова („Мин. Годы", 1908, № 7, 212—215), — была характерной чертой быта мелкопомѣстнаго дворянства". Эти „господа" „стыдились выполнять даже самыя легкія работы въ своихъ комнатахъ", дабы не унизить своего „дворянскаго достоинства". „Мысль, что работа — позоръ для дворянина, удѣлъ только рабовъ, составляла единственный принципъ, который непоколебимо проходилъ черезъ всю жизнь мелкопомѣстныхъ и передавался изъ поколѣнія въ поколѣніе". Они были большіе поклонники „плети и розогъ", способствовавшихъ установленію патріархальныхъ отношеній, и горько подчасъ сожалѣли, что жизнь лишала ихъ этого дворянскаго удовольствія. „Мелкопомѣстные,—разсказываетъ Водовозова, — завидовали своимъ болѣе счастливымъ собратьямъ и не только потому, что тѣ независимы и матеріально обезпечены, но и потому, что послѣдніе всласть могли драть своихъ крѣпостныхъ. „Какой вы счастливый, Михаилъ Петровичъ, — говорилъ однажды мелкопомѣстный богатому помѣщику, который разсказалъ о томъ, какъ онъ только что велѣлъ выпороть поголовно всѣхъ крестьянъ одной своей деревеньки, — выпорете этихъ идоловъ, хоть душу отведете. А вѣдь у меня одинъ уже „въ бѣгахъ", осталось всего трое, и пороть-то боюсь, чтобы всѣ не разбѣжались"... (стр. 215).

М. А. Дмитріевъ.

И неужели могли любить „бѣлые негры" своихъ названыхъ отцовъ, которые, какъ „столбовые дворяне", могли „награждать и наказывать". Оказывается, что любили. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ помѣщикъ В. В. Селивановъ, одинъ изъ немногихъ „добросовѣстныхъ помѣщиковъ", помѣстившій очеркъ „Дня помѣщика" въ Кошелевской „Русской Бесѣдѣ" за 1858 г. Добрый помѣщикъ горько сожалѣлъ объ утратѣ патріархальныхъ отношеній, существовавшихъ между помѣщиками и крестьянами. Издатель сопроводилъ эту статью примѣчаніемъ, что „мнѣніе о патріархальности отношеній между господиномъ и его слугами истекаетъ преимущественно изъ сердечной доброты и любви къ ближнимъ помѣщика, преданнаго заботамъ о благѣ своихъ крестьянъ; но невозможно на такомъ случайномъ и исключительномъ основаніи

устраивать судьбу нѣсколькихъ милліоновъ людей“. Мы видѣли, однако, что идея „патріархальности“ истекала и изъ другихъ основаній. Селивановъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что его „бабушка нерѣдко желѣзнымъ аршиномъ или безменомъ тузила нерадивыхъ, но это нисколько не возбуждало противъ нея ожесточенія“ (Соч., I, 81). И любовь эта была такого свойства, что подъ вліяніемъ волненій въ 1855 г. многіе крѣпостники, по свидѣтельству Кошелева, „готовы были согласиться на большія пожертвованія“. Испугъ прошелъ, и вновь восторжествовали „патріархальныя отношенія“, вновь на сцену появились „соленыя розги“ и другія неизбѣжныя принад-

Провинціальная полиція (Pauly). [1].

лежности „родительскаго попеченія“ надъ „русскими мужичками“, какъ слащаво выражалась „Сѣверная Пчела“.

Герцену и Огареву приходится безостановочно обличать „предсмертныя злодѣйства помѣщичьяго права“. Въ тотъ моментъ, когда „Библіотека для Чтенія“ (1858 г.) сентиментально констатировала, что „закоренѣлые рутинеры“ умолкли, ибо „имъ совѣстно стало стоять противъ общаго настроенія умовъ“, и они поняли, „что время ихъ прошло“, Герцену, говоря о своемъ изданіи, приходится отмѣтить, что „листа вѣдь нѣтъ, гдѣ не было бы ка-

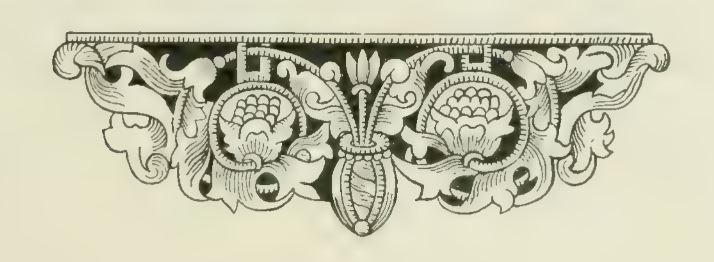
[1]) «Вели запрягать лошадей и ѣхать за тетюшской сволочью», приказывалъ дѣдъ В. А. Панаева дворецкому («Русск. Ст.», 1893, авг., 328). Ред.

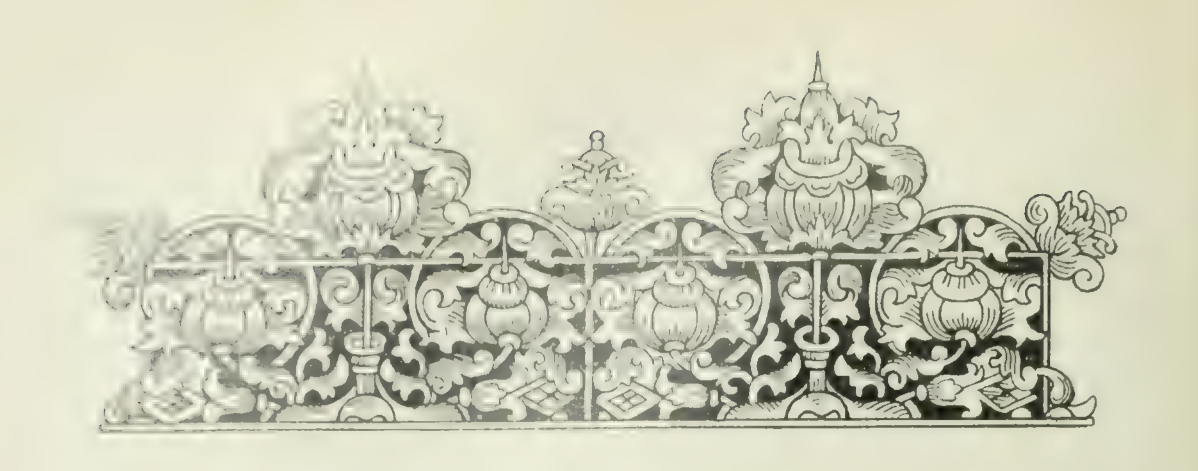
кой-нибудь канибальской исторіи". „Родные волки" —назвалъ Огаревъ этихъ хранителей высшихъ завѣтовъ націи безъ „нравственныхъ началъ и достоинствъ". Итакъ, не перевелись „дикіе звѣри", живущіе въ „захолустьяхъ святой Россіи" („Колоколъ", 1860 г., № 68—69), находившіе себѣ оправданія въ значительномъ большинствѣ первенствующаго сословія во имя поддержки авторитета помѣщичьей власти: „Если я увижу, что мой братъ, дворянинъ, зарѣзалъ человѣка, то и тутъ пойду подъ присягу, что ничего о томъ не знаю"—такъ выражалъ эту идею необходимости поддерживать авторитетъ помѣщичьей власти сапожковскій предводитель дворянства Реткинъ (Зап. Кошелева, 56).

И не защита сословныхъ интересовъ, а именно отсутствіе нравственныхъ правилъ и достоинствъ, о которыхъ говоритъ Герценъ, заставили и не такихъ „экспансивныхъ" людей, какъ великіе изгнанники Россіи, утверждать, что въ эпоху освобожденія дворянство сыграло самую „жалкую и унизительную роль" (Кавелинъ). Даже не очень либеральный въ сущности кн. В. А. Черкасскій и тотъ скорбѣлъ въ письмѣ къ Кошелеву (21 января 1858 года) о „безчестномъ поведеніи нашего дворянства".

„Канибальскія исторіи" наканунѣ того, какъ разорвалась вѣковая цѣпь рабства, и были какъ бы лебединой пѣсней адептовъ „офиціальной народности".

С. Мельгуновъ.

Бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.

В. Н. Бочкарева.

Помѣщикомъ я разумѣю, — читаемъ мы въ одной статьѣ, помѣщенной въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" за 1821 г.,—наслѣдственнаго чиновника, которому верховная власть, давъ землю для населенія, ввѣрила чрезъ то и попеченіе о людяхъ населенныхъ. Онъ есть природный покровитель сихъ людей, мѣстный ихъ судья, ходатай за нихъ, попечитель о неимущихъ и сиротахъ, наставникъ въ благомъ, наблюдатель за благоустройствомъ и нравами". Въ рукахъ этихъ „наслѣдственныхъ чиновниковъ", въ составъ которыхъ входили исключительно представители потомственнаго дворянства, находилось свыше десяти милліоновъ ревизскихъ душъ, что составляло почти 45% всего населенія Европейской Россіи въ 1836 году и около $37^1/_2\%$ въ 1858 году. Всю эту многомилліонную массу дворяне-землевладѣльцы могли эксплуатировать въ хозяйственномъ отношеніи самымъ разнообразнымъ способомъ въ зависимости отъ того, что они считали выгоднымъ, учитывая всѣ обстоятельства даннаго экономическаго момента. Тамъ, гдѣ болѣе выгоднымъ для себя помѣщики считали обработку собственной запашки, крестьяне, почти поголовно, находились на барщинной или издѣльной повинности; тамъ же, гдѣ земля по почвеннымъ и климатическимъ условіямъ давала слишкомъ мало доходу, гдѣ въ силу этого распространены были кустарные и отхожіе промыслы, тамъ процвѣтала оброчная система и помѣщичьихъ запашекъ почти не было.

Подобнаго рода хозяйственныя полосы — барщинныя на югѣ и юго-востокѣ и оброчная на сѣверѣ и въ промышленномъ центрѣ—успѣли уже обо-

значиться въ экономической жизни Россіи во второй половинѣ XVIII в. Въ первой уже половинѣ XIX ст. съ усложненіемъ хозяйственныхъ отношеній въ странѣ, со вступленіемъ Россіи въ денежную или мѣновую стадію народно-хозяйственной жизни, замѣчается значительная экономическая диференціація въ крѣпостной деревнѣ. Законъ почти не регулировалъ теченія народно-хозяйственныхъ отношеній, только слегка затрогивая издѣльную или барщинную повинность. Но тамъ, гдѣ молчитъ законъ, тамъ громко говоритъ сама жизнь, а жизнь властно толкала Россію первой половины XIX в. въ сторону

Помѣщикъ съ собаками. (Изъ коллекціи Бахрушина въ Историч. Музеѣ).

большаго развитія своихъ хозяйственныхъ силъ, заставляя и помѣщиковъ-душевладѣльцевъ извлекать большія выгоды изъ принадлежащихъ имъ земель и крѣпостныхъ людей. На фонѣ этихъ новыхъ усложнившихся экономическихъ отношеній выступаютъ довольно рѣзко явленія, которыя только слегка намѣчались въ концѣ предшествующаго столѣтія.

Въ погонѣ за болѣе выгодной хозяйственной эксплуатаціей своихъ крѣпостныхъ душъ помѣщики первой половины XIX вѣка не останавливались ни передъ чѣмъ вплоть до полнѣйшаго обезземеленія крестьянъ, что ставило ихъ въ положеніе бѣлыхъ невольниковъ на господскихъ плантаціяхъ. Въ

конца XVIII века такъ обезземеленные крестьяне или „мѣсячники“, получавшие изъ барской конторы скудное мѣсячное довольствіе, попадались довольно рѣдко, но въ XIX столѣтіи, съ проникновеніемъ въ деревню новыхъ капиталистическихъ понятій, подобнаго рода крестьяне, живущіе круглый годъ „мѣсячною дачею“, встрѣчаются все чаще и чаще. По свидѣтельству современниковъ, „мѣсячина“ была особо широко распространена въ Бѣлоруссіи, Литвѣ и малороссійскихъ губерніяхъ.

Новымъ бѣдствіемъ для крѣпостной деревни были помѣщичьи фабрики и заводы получившіе довольно значительное распространеніе какъ разъ въ началѣ XIX вѣка. У курской помѣщицы Брискорнъ на кирпичномъ заводѣ работу преимущественно должны были выполнять женщины, при чемъ отъ нея не избавлялись и беременныя и недавно родившія. Малолѣтнимъ отъ 8 до 15 лѣтъ вмѣнено было въ обязанность возить кирпичъ и песокъ, что они должны были дѣлать даже иногда по ночамъ, чтобы выполнить весь опредѣленный „урокъ“. У той же помѣщицы была въ имѣніи суконная фабрика, помѣщавшаяся въ сыромъ и нездоровомъ зданіи, на которой работало 392 человѣка, въ томъ числѣ 91 человѣкъ дѣтей 12 лѣтъ и моложе. Изъ всего этого количества крѣпостныхъ рабочихъ только за $1^1/_2$ года умерло 122 человѣка, при чемъ умершихъ большею частью хоронили въ хлѣбныхъ ямахъ или въ общихъ могилахъ на кладбищѣ, почти всегда безъ отпѣванія. О тяжести фабрично-заводской работы даетъ яркое представленіе декабристъ Тургеневъ, по словамъ котораго „о томъ, что въ такой-то деревнѣ есть фабрика, крестьяне говорили съ такимъ ужасомъ, какъ если бы тамъ появилась чума“. Если помѣщикъ самъ лично не хотѣлъ устраивать у себя въ имѣніи промышленнаго заведенія, то онъ могъ получать весьма высокій доходъ со своихъ крѣпостныхъ, сдавая ихъ на сторону фабрикантамъ, заводчикамъ и инымъ предпринимателямъ. При Александрѣ I такая сдача крестьянъ подрядчикамъ на строительныя работы съ платой за лѣто по 110 руб. съ человѣка широко примѣнялась въ Могилевской и Витебской губерніяхъ. Даже самъ бѣлорусскій военный губернаторъ герцогъ Александръ Вюртембергскій отправлялъ своихъ полунищихъ витебскихъ крестьянъ на постройку сооруженій на Нижегородской ярмаркѣ. По свидѣтельству А. И. Герцена, „въ 1844 г. помѣщики Дубровины отдали на фабрику Лепешкина 700 человѣкъ крестьянъ, заставивъ оставшихся въ деревнѣ стариковъ и малолѣтнихъ отрабатывать барщину“. Самъ законъ разрѣшалъ подобнаго рода хозяйственныя спекуляціи въ видѣ отдачи крѣпостныхъ въ услуженіе и для обученія ремеслу, съ единственнымъ только ограниченіемъ не отдавать крѣпостныхъ людей въ работу на горные заводы. Тяжело приходилось также крестьянамъ, когда помѣщикъ въ цѣляхъ заселенія пріобрѣтенныхъ пустопорожнихъ земель переселялъ ихъ цѣлыми массами изъ насиженныхъ мѣстъ за нѣсколько сотъ верстъ, не сообразуясь при этомъ ни съ климатическими ни съ санитарными условіями. По словамъ

Въ дѣвичьей. (Картина Вицмана).

Заблоцкаго-Десятовскаго, въ 30-хъ годахъ „одинъ помѣщикъ переселилъ крестьянъ изъ Витебской губерніи подъ Кизляръ. Тамъ въ первые годы умерло ихъ болѣе двухъ третей“. Приведенные выше примѣры даютъ въ общихъ чертахъ характеристику той хозяйственной диференціаціи, которой подвергалась крѣпостная деревня въ первой половинѣ XIX вѣка. Эти новыя экономическія явленія, возникавшія на фонѣ старыхъ рабовладѣльческихъ отношеній, естественно приводили къ тому, что матеріальный бытъ помѣщичьихъ крестьянъ ухудшался съ каждымъ десятилѣтіемъ. Но на ряду съ этимъ мы замѣчаемъ цѣлый рядъ проявленій помѣщичьяго гнета, вытекавшаго непосредственно изъ юридической природы крѣпостного права.

Дѣвка (Брюллова).

Для понужденія крестьянъ къ работѣ употреблялись палки, плети, нагайки и другія суровыя мѣры воздѣйствія. У помѣщика Доломанова, напримѣръ, въ его калужскомъ имѣніи въ поле привозились палки и розги, которыми онъ сѣкъ нещадно, давая иногда до 300 ударовъ, а бабъ колотилъ арапникомъ изъ собственныхъ рукъ. Для скорѣйшаго окончанія работы крѣпостныхъ на барщинѣ въ лѣтній зной не допускали къ водѣ до выполненія „урока“, а во время зимнихъ работъ бывали случаи воспрещенія матерямъ отлучаться домой для кормленія грудныхъ дѣтей. Одинъ помѣщикъ заставлялъ своихъ крестьянъ въ сильную зимнюю вьюгу воровать въ степи сѣно у сосѣднихъ помѣщиковъ и сѣкъ ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда неумѣлые воры попадались. Особенно сильно давали себя чувствовать урочныя работы, возлагаемыя на крѣпостныхъ дѣвушекъ и женщинъ. Нерѣдко дворовыя дѣвушки слѣпли за плетеньемъ тонкихъ французскихъ кружевъ, а крестьянскія бабы, которыхъ заставляли ткать полотенца опредѣленной ширины и узора, вѣшались на сработанныхъ ими полотнахъ, не стерпя тяжести урочной работы. При сборѣ господскихъ ягодъ бабъ и дѣвушекъ заставляли пѣть до того, что у нихъ пересыхало въ горлѣ и онѣ отъ изнуренія падали безъ чувствъ. На малолѣтнихъ во многихъ имѣніяхъ возлагалась обязан-

ность приносить опредѣленное количество лѣсныхъ ягодъ и грибовъ, а когда крестьянскіе мальчики и дѣвочки собирали ихъ, по мнѣнію помѣщика, слишкомъ мало, то въ первый разъ имъ дѣлался выговоръ, а затѣмъ ихъ подвергали наказанію розгами. Иногда съ крѣпостного баринъ спрашивалъ выполненія работы, требовавшей спеціальнаго навыка, которой онъ вовсе не былъ обученъ. Аткарская помѣщица Жукова подвергла своего крѣпостного человѣка Аѳанасія Яковлева наказанію по 15 ударовъ кнутомъ за то, что онъ „не могъ поправлять въ саду деревья такимъ образомъ, какъ это дѣлаютъ садовники, хотя онъ и не былъ никогда ученъ садоводству“.

Вообще жестокія расправы были такъ распространены въ эпоху крѣпостного права, что, можно сказать, не было помѣщика, который не считалъ бы своею нравственною обязанностью воздѣйствовать на своихъ крѣпостныхъ посредствомъ внушенія въ видѣ сѣченія розгами, ѣзжалами, кнутьями, палками и т. п. О жестокости и иногда прямо звѣрствѣ помѣщичьихъ расправъ съ дворовыми и крестьянами до насъ дошло весьма много свидѣтельствъ, сгущающихъ и безъ того темныя краски въ картинѣ того безправія, которое царило въ крѣпостной деревнѣ. Въ дневникѣ прапорщика Тучкова 1818 г. читаемъ, что въ Одоевскомъ уѣздѣ „баринъ старикъ князь Г. донялъ крестьянъ боемъ, по 500 палокъ за разъ; или лучше сказать, бьетъ до упаду, сѣчетъ кнутомъ; когда очень осердится, и бьетъ изъ своихъ рукъ палкой по головѣ. Много отъ него померло“. Вышневолоцкій помѣщикъ, капитанъ Корсаковъ, билъ собственноручно своихъ крестьянъ кнутомъ вдоль спины въ то время, какъ двое изъ его дворовыхъ наказывали ихъ батогами. Нерѣдко практиковалось битье крѣпостныхъ и дворовыхъ „каблукомъ по зубамъ“ и „кулакомъ по скуламъ“, „вывертываніе членовъ посредствомъ подвѣшиванія и вновь вправливанье вывихнутыхъ членовъ“, „взнуздыванье“, „сажанье въ кубъ“, „набиваніе деревянныхъ колодокъ на шею“, „сѣченіе солеными розгами, терномъ и крапивой“. На шею надѣвали нерѣдко желѣзныя рогатки, гвозди отъ которыхъ глубоко вонзались въ шею; ноги иногда натирались до кости желѣзными кандалами, а спины наказанныхъ зачастую были такъ изсѣчены, что лѣтомъ въ ранахъ заводились черви. У саратовскаго помѣщика Жарскаго для наказанія крѣпостныхъ голодомъ употреблялись личныя сѣтки, концы которыхъ припечатывались на затылкѣ сургучной гербовой печатью, что лишало возможности наказанныхъ и пить и ѣсть. Слѣдственныя дѣла изъ крѣпостной эпохи вскрываютъ передъ нами тѣни крѣпостныхъ, тайно засѣченныхъ и тайно зарытыхъ, и утопленниковъ, вынимаемыхъ при слѣдствіи изъ прудовъ и рѣчекъ съ камнями и гирями на шеѣ и на ногахъ. Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ встрѣчались прямо застѣнки, въ которыхъ крѣпостныхъ подвергали безчеловѣчнымъ истязаніямъ. У упомянутаго выше Жарскаго имѣлись шейныя цѣпи, одинъ конецъ которыхъ ввертывался въ потолокъ такъ, что наказанные могли находиться только въ стоячемъ положе-

ніи; другихъ провинившихся онъ связывалъ тонкими веревками въ сидячемъ положеніи такъ, что колѣна соприкасались съ грудью, и въ такомъ состояніи наказанія отбывались по нѣсколько дней. У бѣлозерскаго помѣщика Волоцкаго крѣпостные въ наказаніе приковывались въ подпольѣ къ цѣпи за шею со связанными назадъ руками, которыя затягивались такъ крѣпко, что послѣ четырехнедѣльнаго заключенія онѣ окончательно парализовались. Въ Рязанской губерніи практиковалось наказаніе въ видѣ приковыванія къ деревянному обрубку, вѣсомъ фунтовъ въ 30, съ которымъ должна была отбываться барщина. Но, кажется, всѣхъ превзошелъ по своей жестокости извѣстный генералъ Измайловъ, слѣдственное дѣло о безчеловѣчномъ обращеніи котораго со своими крѣпостными возбуждено было въ 1827 г. Въ его тульскомъ имѣніи находилась арестантская, содержавшаяся крайне нечисто и занимавшая пространство всего въ 57 кв. аршинъ. Въ ней нерѣдко одновременно находилось до 30 „арестантовъ", въ числѣ которыхъ были и женщины. Въ стѣнахъ тюрьмы были вдѣланы цѣпи. Слѣдователямъ удалось раздобыть въ измайловской усадьбѣ до 186 шейныхъ рогатокъ вѣсомъ отъ 5 до 20 фунтовъ, всѣ о 6 рогахъ, и каждый рогъ до 6 вершковъ длины. Эти рогатки или запирались на шеѣ висячимъ замкомъ, или заклепывались на наковальнѣ. Конечно, всѣ подвергавшіеся подобнаго рода наказаніямъ сильно страдали отъ безсонницы. А въ такихъ рогаткахъ нерѣдко приходилось ходить измайловскимъ крѣпостнымъ по полугоду и даже по году, а одинъ изъ дворовыхъ носилъ, говорятъ, рогатку въ теченіе цѣлыхъ 8 лѣтъ. И всѣ эти страшныя орудія наказанія употреблялись вопреки Высочайшему повелѣнію отъ 20 марта 1826 г., которымъ строго предписывалось вездѣ въ помѣщичьихъ усадьбахъ истребить желѣзныя вещи, употреблявшіяся для истязанія крѣпостныхъ.

Красавица (карт. Венеціанова).

Особенно часто приходилось испытывать на себѣ барскій произволъ дворовымъ, которые, находясь почти постоянно на глазахъ у помѣщика, могли чаще возбуждать барскій гнѣвъ, навлекая тѣмъ на себя суровыя кары. Помѣщикъ Тесницкій, напримѣръ, избилъ по головѣ и по всему тѣлу свою дворовую Калмыкову только за то, „что она, по приказанію его, сваривъ дѣтямъ

ницы, не найдя подобныхъ въ скоромъ времени". У генерала Измайлова въ его Хатрыжанинской усадьбѣ дворовыхъ насчитывалось до 800 человѣкъ. Всѣ они жили чрезвычайно тѣсно, въ худыхъ деревянныхъ хижинахъ. О скученности въ размѣщеніи дворовыхъ можно судить по тому, что въ одномъ „покоѣ" на пространствѣ 11 кв. арш. помѣщалось 29 человѣкъ. Они ходили почти въ рубищахъ, такъ какъ получаемаго ими жалованья по 4 руб. 50 коп. ассигнаціями въ годъ не могло хватить на рубахи и исподнее платье. И на нихъ-то дворовыхъ всего чаще обрушивался барскій гнѣвъ. Весьма характерно показаніе одного двороваго, Ивана Лапкина, „что, дескать, у него, Лапкина, почти въ томъ только время проходило, что онъ или другихъ сѣкъ или его самого сѣкли". Для барскаго камердинера Птицына рѣдкій день проходилъ безъ какого-нибудь наказанія. Въ теченіе двѣнадцатилѣтней его службы у Измайлова онъ былъ сѣченъ розгами и плетью, по крайней мѣрѣ, сто разъ, а кромѣ этого, безъ счету его таскали за волосы, давали пощечины то за измятые чехлы на мебели, то за оставшіеся на полу слѣды отъ приведенныхъ собакъ. И у другихъ помѣщиковъ дворовымъ часто жилось не лучше, чѣмъ у генерала Измайлова. Такъ, у Свирской, въ ея харьковскомъ имѣніи, пища для дворовыхъ варилась разъ въ недѣлю изъ червиваго мяса, на второе давали гнилую тыкву или ягоды бузины, на день полагалось по куску хлѣба, соли не давали совсѣмъ. Отъ нижегородской помѣщицы княгини Мансуровой многіе дворовые разбѣжались, будучи не въ состояніи переносить голодъ „отъ мало выдаваемой госпожою пищи". Дворовыми помыкали какъ рабочимъ скотомъ, буквально не давая имъ ни одного дня отдыха. Характерно въ этомъ отношеніи показаніе двороваго человѣка Кузьмы Синчина, принадлежащаго дворянину Битавину, что ему, хотя и было уже за 30 лѣтъ, удалось быть у исповѣди и причастія всего одинъ разъ въ теченіе всей жизни.

При наказаніи своихъ крѣпостныхъ владѣльцы иногда проявляли даже нѣкоторую изобрѣтательность. Попадались, напримѣръ, помѣщицы, которыя, чтобы не марать своихъ барскихъ рукъ о „хамскія" рожи, употребляли такъ называемыя „щекобитки". Въ имѣніи рязанскаго помѣщика Тарасенко-Отрѣшкова бабы устанавливались въ наказаніе въ рядъ, прямо противъ вѣтра и ихъ заставляли взбрасывать кверху лопатами груды мелкаго, сыпучаго снѣга. По словамъ очевидцевъ, „взвѣваемый на вѣтеръ мелкій снѣгъ такъ мучительно набивался вѣяльщицамъ въ уши, въ глаза, въ ноздри, въ ротъ, что онѣ скорехонько безъ чувствъ падали на землю".

Часто суровое отношеніе къ крѣпостнымъ вытекало у помѣщиковъ не изъ врожденной жестокости, а изъ какого-то самодурства, изъ желанія потѣшить себя и гостей. Качали, напримѣръ, дряхлыхъ старухъ на высокихъ качеляхъ, покуда онѣ не обмирали, а стариковъ спускали съ высокихъ ледяныхъ горъ на маленькихъ салазкахъ. Въ нѣкоторыхъ барскихъ домахъ дво-

ровыхъ лакеевъ въ зимнюю пору заставляли ходить по-придворному — въ башмакахъ и чулкахъ, несмотря на то, что у нихъ отъ холода нестерпимо ломило ноги. Помѣщикъ В. разъ велѣлъ, подъ пьяную руку, для увеселенія гостей зажечь винокуренный заводъ, а на другой день разгнѣвался на старосту за то, что тотъ для этой своеобразной иллюминаціи зажегъ не заводъ, а находившійся по сосѣдству большой ометъ соломы, и наказалъ его немедленно тремястами розогъ, хотя одновременно и наградилъ его 300 руб. за сохраненіе въ цѣлости барскаго имущества.

Тяжело приходилось при крѣпостномъ правѣ взрослымъ дворовымъ и крестьянамъ, но не менѣе жестокія наказанія постигали иногда и малолѣтнихъ, при чемъ особеннымъ звѣрствомъ отличались преимущественно не помѣщики, а помѣщицы. Одна пензенская помѣщица въ 40-хъ годахъ до

Тройка (рис. Орловскаго).

смерти истыкала перочиннымъ ножомъ своего дворового мальчика. Харьковская землевладѣлица Свирская заставляла дворовую дѣвочку ѣсть кирпичъ, битое стекло, бумагу, кости, обливала на морозѣ холодною водой; другой дѣвочкѣ приказывала ѣсть наполовину обрѣзанную косу. У нея же на дворѣ жила волчица, спеціально для травли прогнѣвившихъ ее дворовыхъ и крестьянъ. Бывали случаи, что дворовыхъ мальчиковъ травили борзыми собаками за малѣйшую оплошность, раздѣвъ ихъ предварительно донага. У елизаветградскаго помѣщика нѣмца Клейста два мальчика, родные братья, были скованы вмѣстѣ такъ, что меньшой могъ только ползать на корточкахъ. Въ памяти Салтыкова-Щедрина сохранилась слѣдующая сцена изъ его дѣтскихъ впечатлѣній. Какую-то дворовую дѣвочку, лѣтъ 12-ти, совершенно раздѣтую въ сильный лѣтній зной привязали у конюшни на навозной кучѣ. Мухи и

оводы сильнѣе [illegible], кусая лицо и тѣло до того, что во многихъ мѣстахъ уже образовались ранки, изъ которыхъ текла сукровица. Вся въ слезахъ, безпрерывно мотая головой, дѣвочка, конечно, ничего не могла подѣлать съ [illegible] ее мухами и должна была до конца переносить жестокія мученія.

Конечно, всего хуже приходилось тѣмъ крѣпостнымъ, которые находились на барщинѣ, тогда какъ въ оброчныхъ деревняхъ, вдали отъ барскаго глаза и барскаго произвола, крестьяне могли менѣе опасаться проявленія господскаго гнѣва. Это предположеніе вполнѣ подтверждается и цифровыми данными, почерпнутыми Ю. Ѳ. Самаринымъ изъ штрафныхъ конторскихъ книгъ по многимъ имѣніямъ. „Въ оброчныхъ, по его подсчету, мы находимъ численное отношеніе наказанныхъ въ теченіе года къ народонаселенію какъ 1 или 2 : 100; въ издѣльныхъ—какъ 4, 5, 6 и болѣе къ 100“.

Когда помѣщикамъ окончательно хотѣлось избавиться отъ неугодныхъ имъ крестьянъ или дворовыхъ, то они могли легко это сдѣлать, или сдавъ такого крѣпостного въ рекрута, или сославъ его на поселеніе въ Сибирь. Хотя въ началѣ XIX вѣка и послѣдовало запрещеніе помѣщикамъ ссылать своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь, но въ 1822 г. это право было возстановлено, и дворяне не замедлили имъ воспользоваться. Только за 11 лѣтъ съ 1822 по 1833 г. сослано было въ Сибирь помѣщиками 1.283 человѣка, при чемъ большинство отправлялось въ оковахъ, многіе умирали на дорогѣ, не вынеся суровыхъ условій переселенія. Для помѣщика ссылка его крѣпостного человѣка въ Сибирь не сопряжена была почти ни съ какими издержками. По словамъ Мордовцева, „помѣщикъ обыкновенно представлялъ въ губернское правленіе 4 руб. 36 к. асс. (а на серебро 1 руб. 24 к.), двѣ рубахи, двое портовъ, шапку, зипунъ и онучи и указывалъ на того, кого онъ желаетъ сослать, не объясняя даже вины его“. Ссылаемаго забирали въ острогъ, и затѣмъ уже его вѣдало губернское правленіе.

Знакомясь съ бытомъ крѣпостной деревни въ послѣднія десятилѣтія передъ реформой, не слѣдуетъ упускать изъ вида, что законъ къ этому времени стремился регулировать проявленіе административныхъ и судебныхъ правъ помѣщиковъ, стараясь оградить крѣпостное населеніе отъ крайностей барской жестокости и барскаго произвола. По Своду законовъ помѣщикъ могъ подвергать своихъ крѣпостныхъ слѣдующимъ наказаніямъ: сѣченію розгами до 40 ударовъ, палками до 15, аресту до 2 мѣсяцевъ, заключенію въ смирительномъ и рабочемъ домахъ до 3 мѣсяцевъ и заключенію въ исправительныя арестантскія роты гражданскаго вѣдомства до 6 мѣсяцевъ. Съ 1846 г. разрѣшено было дворянамъ устраивать у себя въ имѣніи тюрьмы для заключенія въ нихъ провинившихся крестьянъ на срокъ до 3 мѣсяцевъ съ правомъ заковывать ихъ въ кандалы. Но такъ какъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ, какъ это видно изъ приводимыхъ выше примѣровъ,

помѣщики нисколько не стѣснялись рамками закона при наказаніи своихъ крѣпостныхъ, то въ 1845 г. циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ предписано было властямъ повсемѣстно наблюдать за тѣмъ, „чтобы помѣщики, пользуясь предоставленнымъ имъ правомъ употреблять домашнія средства для исправленія крѣпостныхъ своихъ людей, отнюдь не дозволяли себѣ наказывать ихъ до увѣчья". Въ случаяхъ наиболѣе яркаго проявленія барскаго звѣрства закономъ предписывалось брать имѣнія въ опеку, при чемъ помѣщики, уличенные въ жестокомъ обращеніи со своими людьми, лишались

Съ борзыми (карт. Ковшенко).

права имѣть у себя въ услуженіи крѣпостныхъ и подвергались заключенію въ смирительномъ домѣ отъ 2-хъ до 3-хъ лѣтъ съ потерею нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (права поступать на государственную и общественную службу, участвовать въ выборахъ и пр.) или же, безъ лишенія этихъ правъ, къ заключенію въ смирительномъ домѣ на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года. Какъ часто приходилось брать въ опеку дворянскія имѣнія за проявленія помѣщичьей жестокости, видно изъ цифръ, приводимыхъ г-жею Игнатовичъ: съ 1838 по 1853 г. было взято въ опеку 592 имѣнія.

Но въ то отдаленное время подъ покровомъ царившаго повсемѣстно безправія законодательныя нормы зачастую не проникали въ жизнь, и въ крѣпостной періодъ почти повсюду замѣчается со стороны помѣщиковъ систематическое превышеніе своихъ правъ и хроническое невыполненіе обязанностей возлагаемыхъ на нихъ закономъ. По закону, напримѣръ, помѣщикъ въ случаѣ неурожая долженъ былъ доставлять своимъ крѣпостнымъ „способъ пропитанія". Онъ долженъ былъ также „пещись о своихъ людяхъ, пришедшихъ въ невозможность кормиться работой, и не допускать ихъ до нищенства", а за невыполненіе этой обязанности помѣщикамъ угрожалъ штрафъ въ 1 р. 50 к. Но на практикѣ этотъ законъ оставался почти мертвой буквой. Самъ Александръ I проѣздомъ черезъ Ковенскую губернію въ 1807 г. былъ очевидцемъ того, какъ во время голода шевельскіе крестьяне графа Зубова просили подаянія цѣлыми деревнями на большихъ дорогахъ. Въ Одоевскомъ уѣздѣ въ 1818 г. встрѣчались помѣщики, которые во время голода продавали свой хлѣбъ, а крестьянъ заставляли снискивать себѣ пропитаніе нищенствомъ. Въ нѣкоторыхъ поволжскихъ губерніяхъ во время недорода вотчинное начальство воспрещало крестьянамъ, „по случаю оскудѣнія въ пищѣ, побираться въ праздничные и воскресные дни, ибо и сіи дни верстались въ барщину". Чѣмъ только не приходилось кормиться крестьянамъ въ неурожайное время! Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, въ десятыхъ годахъ крѣпостные нерѣдко питались желудями, листьями, травою и умирали съ голода цѣлыми семействами. Въ болѣе позднее время, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ, въ Тульской губерніи, по словамъ очевидца, крестьяне въ голодные годы „ѣдятъ всякую гадость. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома,—все идетъ въ пищу. Они почти отравляются, чахнутъ или сохнутъ. У женщинъ пропадаетъ въ груди молоко, и грудные младенцы гибнутъ, какъ мухи". По воспоминаніямъ другого современника помѣщики продовольствовали своихъ крестьянъ смѣсью, каждый пудъ которой составленъ былъ изъ 30 фунтовъ лебеды или желудей и только 10 ф. муки. А одинъ помѣщикъ К. пытался даже кормить своихъ крестьянъ одной только глиной. Бывали случаи, когда владѣльцы попросту покидали свои имѣнія, бросая голодающихъ крестьянъ на произволъ судьбы, или растрачивали выдаваемыя правительствомъ ссуды, употребляя ихъ совсѣмъ не на пропитаніе своихъ крѣпостныхъ. Примѣровъ подобнаго рода было много констатировано въ 1839 и 1840 годахъ. Бывали, конечно, и исключенія, хотя, надо замѣтить, довольно рѣдкія, когда помѣщики при наступленіи голода продавали драгоцѣнныя вещи, закладывали имѣнія для прокормленія мужиковъ и, по словамъ Заблоцкаго-Десятовскаго, въ послѣдніе голодные годы истратили на сіе запасы, въ нѣсколько лѣтъ накопленные и въ голодный годъ представлявшіе высокія суммы.

И другія предписанія закона помѣщики обходили довольно часто, особенно при отчужденіи крестьянъ на сторону. Законъ воспрещалъ продажу

крѣпостныхъ съ раздробленіемъ семействъ, а вотъ что разсказываетъ по данному поводу одинъ современникъ: „Если желаютъ продать дѣтей, то отпускаютъ родителей на волю. Или, не давая отпускныхъ родителямъ, сочетаютъ бракомъ дѣтей, и, составивъ такимъ образомъ отдѣльное семейство, продаютъ его, не нарушая закона". Несмотря на строгій запретъ продавать крѣпостныхъ на ярмаркахъ, ревизія сенатора Рунича въ 1806 г. обнаружила, что рязанскіе и тамбовскіе помѣщики отправляли своихъ крѣпостныхъ цѣлыми массами, нерѣдко въ оковахъ, на Урюпинскую ярмарку. Отвозившіе этотъ живой то-

„Когда наступали теплые дни, въ помѣщичьихъ усадьбахъ появлялся медвѣдь, котораго сопровождали два-три цыгана: одинъ изъ нихъ тащилъ его за цѣпь, другой шелъ съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ ремню, перекинутымъ черезъ плечо, третій—со скрипкой. Представленіе съ ученымъ медвѣдемъ было въ то время единственнымъ народнымъ театромъ. Медвѣдя заставляли показывать, какъ деревенскіе ребята горохъ воруютъ, какъ парни водку пьютъ и т. п.
(Изъ воспоминаній Водовозовой, „Минувшіе Годы", № 7).

варъ крестьяне получали обыкновенно отъ земской полиціи билетъ для свободнаго пропуска „подъ видомъ ѣдущихъ туда для покупки лошадей и хлѣба". Продавались на ярмаркѣ крестьяне по 160—170 руб., пятнадцать человѣкъ, напримѣръ, было продано за 2.400 руб. По словамъ Н. И. Тургенева, крѣпостныхъ дѣвушекъ, вопреки запрещенію закона, продавали на вывозъ азіатцамъ. Эта продажа замаскировывалась нерѣдко отдачей для выучки вышиванію различныхъ восточныхъ тканей срокомъ на 25 лѣтъ. Помѣщики

находили цѣлый рядъ способовъ для обхода изданнаго еще при Екатеринѣ II, закона, воспрещавшаго торговлю рекрутами. Бывали случаи, что крѣпостные всѣмъ міромъ покупали на имя господина сосѣднюю деревню въ 50—60 душъ, чтобы ставить изъ нея за себя рекрутовъ. Нерѣдко на крѣпостныхъ играли въ карты или мѣняли ихъ на породистыхъ борзыхъ собакъ.

Весь укладъ домашней жизни крѣпостныхъ былъ строго регламентированъ, и помѣщикъ своей властью окончательно подавлялъ всякое проявленіе человѣческой личности въ своемъ крестьянинѣ или дворовомъ. У Аракчеева въ его знаменитомъ Грузинѣ строгая регламентація каждаго шага крестьянской жизни доводила его крѣпостныхъ до чахотки. Особенно часто проявлялось барское вмѣшательство въ семейную жизнь деревенскаго населенія. Въ Одоевскомъ уѣздѣ, какъ видно изъ дневника Тучкова, у владѣльца села Покровскаго Г. ни одинъ крестьянинъ безъ позволенія барина не могъ жениться, а баринъ за позволеніе бралъ съ жениха 100, 150, а иногда и 300 рублей, — другими словами: баринъ продавалъ своихъ дѣвокъ своимъ же крестьянамъ; а ежели послѣдніе, по бѣдности, не могли заплатить, то онъ продавалъ дѣвокъ чужимъ. Въ концѣ 20-хъ годовъ въ ярославскомъ имѣніи князя Х. почти всѣ браки совершались по наряду господской конторы. Назначали для этого одно время въ году и по особому списку вызывали въ контору жениховъ и невѣстъ. Тамъ по личному указанію управляющаго составлялись пары и подъ надзоромъ конторскихъ служителей прямо отправлялись въ церковь, гдѣ и вѣнчались по нѣскольку вдругъ; склонность и желанія не спрашивались. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ, въ цѣляхъ полученія большаго количества тяглыхъ, работниковъ и работницъ, взрослыя дѣвушки облагались разными сборами до 20 р., а парни, достигшіе 20-лѣтняго возраста, записывались въ тягло. Попечительность помѣщиковъ доходила до того, что, во избѣжаніе безразсудныхъ браковъ, крестьянскому парню не давали разрѣшенія на женитьбу прежде, чѣмъ онъ обучится въ совершенствѣ какому-нибудь мастерству и докажетъ свое умѣнье, исполнивъ на господскомъ дворѣ заданный ему управный урокъ. Составляя по собственному желанію крестьянскія семьи, помѣщики строго наблюдали за тѣмъ, чтобы въ многосемейныхъ крестьянскихъ дворахъ не происходили частые раздѣлы, и тѣмъ не ослаблялась ихъ тяглая работоспособность. Въ случаѣ же если раздѣлъ или переходъ крестьянъ изъ одного двора въ другой происходили безъ предварительнаго позволенія владѣльца, то провинившихся постигало то или другое возмездіе. Такъ, рязанскій помѣщикъ князь В. предписалъ своего крестьянина Петра Иванова, самовольно переселившагося въ домъ Александра Савельева, наказать: за самовольное выселеніе — 20 ударами розогъ при сходкѣ; а Савельева — за самовольное принятіе въ домъ Иванова — штрафомъ въ рубль мѣди, въ пользу мірскихъ повинностей, „такъ какъ по старости лѣтъ его наказывать розгами и совѣстно и не приходится“. Въ борьбѣ со стихійными

бѣдствіями, въ родѣ пожаровъ и эпидемическихъ заболѣваній, личная иниціатива крестьянъ также парализовалась „попечительными заботами“ со стороны ихъ владѣльцевъ. Тотъ же князь В., во избѣжаніе деревенскихъ пожаровъ, предписывалъ старостѣ наблюдать за тѣмъ, чтобы у каждаго двора стояла кадка съ водой, а для выноса навозу у каждаго двора была вырыта яма въ 2 куб. арш., въ которую каждый дворъ черезъ день долженъ былъ вливать по ушату воды. Въ холерный 1848 г. тотъ же помѣщикъ приказываетъ своимъ крестьянамъ, „чтобы первѣе всего не робѣли и надѣялись на Бога“, а затѣмъ,

Гулянье въ деревнѣ подъ Москвою. Съ масляной картины 1830 года. (Бахруш. театр. музей Акад. Наукъ въ Москвѣ).

снабдивъ старосту каплями, пишетъ ему наставленіе, какъ надо давать лѣкарство заболѣвшимъ крестьянамъ, чѣмъ они должны питаться и какъ слѣдуетъ вести себя во время эпидеміи.

Среди ужасовъ, царящихъ въ крѣпостной деревнѣ, наиболѣе темной стороной подневольнаго быта крестьянъ и дворовыхъ являлись почти повсемѣстныя насилія помѣщиковъ и ихъ управляющихъ надъ крѣпостными женщинами и дѣвушками. На помѣщичью безнравственность попадаются жалобы крестьянъ почти на каждомъ шагу, и эти слезныя крестьянскія челобитныя своими простодушными, нерѣдко крайне наивными выраженіями рисуютъ

грандіозную картину того чудовищнаго разврата, который гнѣздился въ дворянскихъ гнѣздахъ той эпохи. Мы уже не будемъ говорить о пресловутомъ генералѣ Измайловѣ, который имѣлъ у себя цѣлый гаремъ наложницъ и растлѣвалъ многихъ крѣпостныхъ дѣвочекъ, достигшихъ едва 12—13 лѣтняго возраста. Саратовскій землевладѣлецъ Маловъ въ 20-хъ годахъ новобрачную всегда требовалъ къ себѣ на первую ночь. „малолѣтнихъ дѣвушекъ усиленно растлѣваетъ, а крестьянкамъ обрѣзываетъ косы за несогласіе ихъ къ сожитію съ нимъ", читаемъ въ жалобѣ на него его же крѣпостныхъ людей. Другой помѣщикъ, Куткинъ, въ своей аткарской деревнѣ бралъ къ себѣ крестьянскихъ женъ „на цѣлыя ночи для содѣйствія съ ними незаконнаго прелюбодѣянія, а оставшіяся безъ нихъ въ домахъ малолѣтнія дѣти въ люлькахъ съ одного плаканья и крику своего много умираютъ". Въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ жалобахъ барская безнравственность характеризуется въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „для барскаго двора и постельнаго дѣла всѣхъ дѣвокъ изъ имѣнія выбралъ, не оставивши въ деревнѣ даже подростковъ для пастьбы гусей". Или „изъ покупныхъ и изъ нашихъ дѣвокъ сдѣлалъ для своей похоти турецкій теремъ". Эти жалобы относятся къ 20—40 годамъ, но и въ болѣе позднее время, уже на зарѣ крестьянской свободы, указанія на помѣщичій развратъ, можно сказать, почти не уменьшаются. Въ серединѣ 50-хъ годовъ оренбургскій помѣщикъ Жадовскій оказался виновнымъ въ растлѣніи многихъ своихъ дѣвокъ. Онъ установилъ у себя обязанность, чтобы каждую новобрачную приводили къ нему на первую ночь, при чемъ одного мужа, не выполнившаго этого условія, онъ отдалъ въ солдаты. Устюжскій помѣщикъ Павелъ Толстой отдавалъ крестьянъ въ ученье мастерствамъ, съ специальною цѣлью воспользоваться женами во время ихъ отсутствія. Отъ помѣщиковъ въ удовлетвореніи своей безнравственности не отставали и ихъ управляющіе. Такъ, въ саратовскомъ имѣніи кн. Кочубея его довѣренный „отдавалъ въ рекрута многихъ крестьянъ, чтобы безнаказанно насиловать ихъ женъ и сестеръ". Когда, наконецъ, слухи о безнравственномъ поведеніи того или другого помѣщика доходили до мѣстнаго начальства и оно приступало къ слѣдствію, нѣкоторые владѣльцы, въ оправданіе своихъ поступковъ давали въ высшей степени характерныя объясненія. Такъ, костромской помѣщикъ Шиповъ, отличавшійся чудовищнымъ развратомъ, не отрицая этого факта, говорилъ, „что люди его сами собою, замѣтя склонность его, приводили къ нему женщинъ и дѣвокъ, но что насилія онъ никому не чинилъ".

Приводимые выше факты имѣли мѣсто преимущественно въ имѣніяхъ крупныхъ и среднихъ помѣщиковъ, гдѣ надъ крѣпостной деревней царилъ обыкновенно тяжкій гнетъ, какъ матеріальный, такъ и моральный. Но въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, хотя иногда хозяйственная эксплуатація давала себя чувствовать довольно сильно, тѣмъ не менѣе, въ нихъ устанавливались весьма своеобразныя отношенія между господами и крестьянами.

Къ мелкопомѣстнымъ офиціально относились лица, владѣвшія крѣпостными въ количествѣ не болѣе 20 душъ. По словамъ А. И. Кошелева: „всѣ эти помѣщики живутъ посреди своихъ крестьянъ, многіе изъ нихъ занимаютъ дома, прилегающіе направо и налѣво къ жилью крѣпостныхъ своихъ людей, но не малое количество сихъ владѣльцевъ обитаетъ съ своими крестьянами на одномъ и томъ же дворѣ и даже въ одной и той же избѣ. Нерѣдко въ застольной крестьяне ѣдятъ за однимъ столомъ вмѣстѣ съ своими господами. У многихъ мелкопомѣстныхъ во всемъ домѣ одинъ или два тулупа, кафтанъ, одна пара сапогъ, которые служатъ то барину, то мужику, глядя по тому, кто ѣдетъ въ дорогу, въ лѣсъ, на мельницу и пр.“.

Иванъ Савеличъ — извѣстный шутъ гр. Ростопчина.

Бывали, конечно, и въ крупныхъ имѣніяхъ случаи гуманнаго отношенія помѣщиковъ къ крѣпостнымъ, но они попадались настолько рѣдко, что тонули почти безслѣдно въ безбрежномъ морѣ того безправія, которое царило въ крѣпостной деревнѣ. Заблоцкій-Десятовскій сообщаетъ, напримѣръ, что въ нѣкоторыхъ большихъ имѣніяхъ, особенно гдѣ есть заводы или фабрики, помѣщики держатъ врачей. Въ Рязанской губерніи, какъ видно изъ изслѣдованія Повалишина, нѣкоторые богатые помѣщики устраивали у себя больницы и богадѣльни, а въ селѣ Песочномъ, Сапожковскаго уѣзда, на средства владѣльца А. И. Кошелева содержалась даже начальная школа для мальчиковъ и дѣвочекъ. У подобнаго рода помѣщиковъ, конечно, ихъ людямъ жилось довольно хорошо, и они сильно привязывались къ своимъ господамъ. Такъ, когда одинъ ярославскій помѣщикъ хотѣлъ отпустить на волю часть своихъ дворовыхъ слугъ, такъ какъ дворня у него была большая, а дѣла были сильно запутаны, то услышалъ отъ нихъ слѣдующее: „Нѣтъ, ужъ какъ хочешь, батюшка, а воли намъ не надо, мы—твои, дѣлай, что хочешь“.

Приведенные выше факты рисуютъ въ самыхъ безотрадныхъ чертахъ бытъ крѣпостныхъ крестьянъ и дворовыхъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Картина получается настолько темная, что можно прямо удивляться, какъ еще крѣпостное населеніе могло существовать въ той удушливой атмосферѣ,

Помѣщикъ въ деревнѣ (Бенуа).

которая сгущалась въ барскихъ усадьбахъ и помѣщичьихъ деревняхъ. Но въ изучаемую эпоху крестьяне и дворовые далеко уже не такъ безропотно, какъ въ прежнее время, сносили барскій произволъ. Когда чаша ихъ долготерпѣнія переполнялась, они составили слезную челобитную и черезъ вѣрныхъ людей доставляли ее къ мѣстному уѣздному или губернскому начальству. Но эти должностныя лица, большею частью выборные изъ среды мѣстнаго дворянства, естественно, склонны были покрывать самыя вопіющія злоупотребленія помѣщиковъ своею властью. Подъ ихъ перомъ въ офиціальныхъ донесеніяхъ высшему начальству крестьянскія жалобы искажались до неузнаваемости: „засѣченныя жертвы оказывались уже не засѣченными, а умершими естественною смертью. Жестокія и безчеловѣчныя истязанія превращаются въ приличныя внушенія“. Помѣщики не останавливались даже передъ прямымъ подкупомъ мѣстной администраціи. Такъ, въ концѣ 50-хъ годовъ въ Скопинскомъ уѣздѣ въ пользу уѣзднаго судьи установленъ былъ предводителемъ Лихаревымъ обязательный сборъ по подпискѣ со всѣхъ дворянъ, достигавшій суммы 623 р.; нерѣдко взятки чиновникамъ давались дворовыми мальчиками и дѣвочками и даже цѣлыми крѣпостными деревнями.

При такомъ положеніи центральное правительство было въ высшей степени плохо освѣдомлено о томъ, что творилось въ провинціальной крѣпостной глуши. Такъ, за 18 лѣтъ при Николаѣ I Министерству Внутреннихъ Дѣлъ на пространствѣ всей имперіи сдѣлалось извѣстнымъ только 36 случаевъ злоупотребленія помѣщичьей властью, тогда какъ въ одной только Саратовской губерніи по архивнымъ даннымъ за семь лѣтъ удалось насчитать одному изслѣдователю 342 подобнаго рода случаевъ. При такомъ положеніи дѣлъ крестьянамъ нерѣдко приходило въ голову отправлять въ Петербургъ ходоковъ, чтобы у самого царя искать защиты отъ барской жестокости. Въ 1826 г. Николаю I было подано дворовымъ человѣкомъ помѣщика Баженова прошеніе, въ которомъ, между прочимъ, говорилось: „просимъ васъ, отъ господъ нельзя ли освободить, господъ всѣхъ на жалованье посадить, на насъ всю землю по душамъ раздѣлить, а потомъ просимъ, нельзя ли какъ отъ солдатства освободить“. Но и просьбы на Высочайшее имя не помогали, такъ какъ большею частью онѣ оставлялись безъ послѣдствій. Крестьянскихъ ходоковъ, прибывшихъ въ столицу, обыкновенно забирали въ острогъ и затѣмъ или отдавали въ распоряженіе помѣщика, или ссылали въ Сибирь. Лицъ же, которыя составляли крестьянамъ прошенія, постигали различнаго рода кары, многіе изъ такихъ крестьянскихъ адвокатовъ, напри-

Отдыхъ барыни. (Stern, „Gesch. der öffent. Sittlichk. in Russland“).

мѣры: нѣкоторые наиболѣе гуманные сельскіе священники, по распоряженію начальства, объявлялись сумасшедшими и отрѣшались отъ своихъ должностей. Видя, что ниоткуда нельзя ждать защиты, крѣпостная деревня стала приходить въ явно неспокойное состояніе. Поэтому насъ нисколько не должно удивлять, что въ царствованіе Николая I статистика крестьянскихъ волненій и преступленій усиливается съ каждымъ годомъ. Менѣе рѣшительные элементы, не стерпя своей горькой доли, оканчивали жизнь самоубійствомъ, причемъ въ одномъ только юго-западномъ краѣ бывало ихъ въ началѣ 50-хъ годовъ отъ 200 до 300 ежегодно.

Когда уже слишкомъ обострялись отношенія между барской усадьбой и населеніемъ крѣпостной деревни, господа старались среди дворовыхъ подобрать себѣ нѣсколько лицъ для охраны себя и своихъ семействъ, хотя такая охрана далеко не всегда была надежной. У помѣщика О. Калужской губерніи составлено было нѣчто въ родѣ „опричнины“. Эти дворовые „опричники“ могли дѣлать рѣшительно все, что имъ было угодно съ крестьянами.

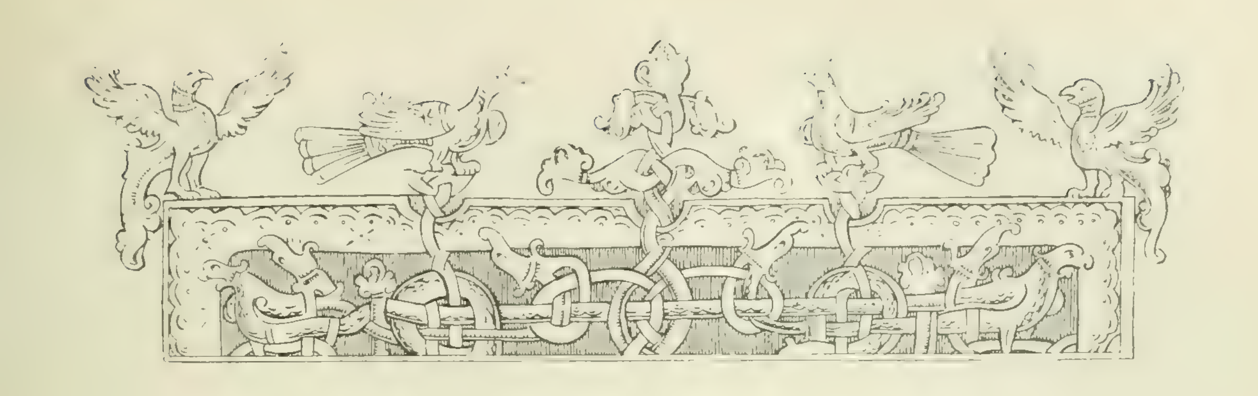
Параллельно съ ростомъ преступности среди крестьянъ и дворовыхъ въ первой половинѣ XIX вѣка замѣчается сильное стремленіе со стороны крѣпостныхъ путемъ бѣгства избавиться отъ угнетавшей ихъ неволи. Къ 40-мъ годамъ эти побѣги достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ. Бѣжали крестьяне и въ Новороссію, и въ Бессарабію, и въ оренбургскія степи, толпами уходили въ Анапу, на какія-то „вольныя земли“, „вольныя поселенія“ и даже въ „казаки“. Бѣжали крѣпостные также на Кавказъ, на закавказскую линію — въ Персію и Турцію; ихъ даже начинаетъ привлекать невѣдомая, привольная жизнь въ Цицаріи, т.-е. въ Австріи.

Такимъ образомъ послѣдніе годы передъ реформой въ крѣпостной деревнѣ накопилось много горючаго матеріала, сельское населеніе находилось въ крайне возбужденномъ, лихорадочномъ состояніи, страстно желая „воли“, о которой мечтали еще и отцы и дѣды. Ю. Ѳ. Самаринъ въ слѣдующихъ словахъ мѣтко характеризуетъ то состояніе смутнаго ожиданія скораго освобожденія, въ которомъ пребывала крѣпостная масса въ 40-хъ годахъ: „пьяная рѣчь бѣглаго солдата, превратно понятый указъ, появленіе небывалой болѣзни, пріѣздъ Государя въ Москву (какъ это было въ 1843 г.), всякое происшествіе, почему-либо обращающее на себя вниманіе, можетъ произвести гдѣ-нибудь тревогу и возбудить мгновенно присущую мысль о свободѣ; ничтожный безпорядокъ можетъ также легко перейти въ бунтъ, а бунтъ — развиться до общаго возстанія“.

Рабовладѣльческая Россія доживала послѣдніе дни, и жизнь властно требовала рѣшительнаго приступа къ крестьянской реформѣ.

В. Бочкаревъ.

Крестьянскія волненія [1]).

И. И. Игнатовичъ.

Въ исторіи крестьянской реформы руководящую роль играло отношеніе самой крѣпостной массы къ крѣпостному праву. Крѣпостные далеко не были безгласнымъ, покорнымъ „быдломъ“, надъ которымъ дворянство и правительство безнаказанно могло производить эксперименты въ экономической, правовой и другихъ областяхъ. Крѣпостная масса опредѣленно и энергично протестовала противъ крѣпостныхъ отношеній, какъ въ цѣломъ, такъ и противъ частныхъ проявленій крѣпостного права. Разрозненная, безправная, безгласная, крѣпостная масса, будучи поставлена въ одинаковыя условія существованія, подчиненная дѣйствію одинаковыхъ причинъ, проявляла себя неизбѣжно въ однородныхъ дѣйствіяхъ, и послѣднія-то, складываясь независимо отъ производящихъ ихъ единицъ и отдѣльныхъ группъ крестьянъ, составляли тотъ грозный „гласъ народный“, къ которому внимательно прислушивалось правительство и который все сильнѣе и сильнѣе нервировалъ дворянство. Репрессіи, къ которымъ, не скупясь, прибѣгали какъ правительство, такъ и помѣщики, не могли остановить роста народнаго протеста. Для правительства и дворянства все болѣе и болѣе выяснялась необходимость искать другихъ путей для борьбы съ народнымъ недовольствомъ. Не даромъ императоры Николай I и Александръ II опредѣленно заявляли о преимуществахъ переворота сверху, чѣмъ по иниціативѣ снизу, т.-е. самихъ крѣпостныхъ массъ. Имъ, внимательно слѣдившимъ за проявленіями народнаго

[1]) Настоящая статья составлена, главнымъ образомъ, на основаніи архивныхъ данныхъ М-ства Вн. Дѣлъ. Кромѣ того, привлечены печатные матеріалы, изслѣдованія, статьи, воспоминанія и проч.

протеста, не могло не становиться очевидной все большая и большая возбудимость крѣпостныхъ массъ, способность ихъ къ одинаковымъ дѣйствіямъ даже безъ наличности объединяющаго центра или вождя. Массовыя движенія 1854, 1855 и 1856 гг. учтены были высшимъ правительствомъ именно въ этомъ смыслѣ и были однимъ изъ рѣшающихъ факторовъ, побудившихъ правительство энергично приступить къ реформѣ крѣпостного быта.

Въ виду такого значенія народнаго „языка фактовъ“ въ исторіи крестьянской реформы необходимо было бы удѣлить значительное вниманіе изученію различныхъ разрозненныхъ формъ протеста крѣпостныхъ противъ своего положенія. При этомъ необходимо отмѣтить и помнить, что врядъ ли одна какая-либо группа народныхъ протестовъ имѣла здѣсь первенствующее значеніе, будутъ ли то массовыя волненія, побѣги, насилія надъ личностями представителей помѣщичьей власти и т. п. Важнѣе была общая линія поведенія народныхъ массъ, тотъ „духъ недовольства“ и вражды, которымъ былъ пропитанъ міръ крѣпостныхъ отношеній и отравлялъ существованіе помѣщиковъ. Для того, чтобы понять роль самихъ крѣпостныхъ массъ въ исторіи крестьянской реформы, нужно было бы выяснить картину всего противукрѣпостного движенія среди крестьянъ, выяснить характеръ крѣпостныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами передъ реформою. Не имѣя возможности въ данномъ очеркѣ освѣтить въ полной мѣрѣ роль самихъ крѣпостныхъ массъ въ исторіи крестьянской реформы, мы останавливаемся лишь на массовыхъ протестахъ, гдѣ участвовали не единичныя личности, а группы крестьянъ, при чемъ и здѣсь мы отграничиваемъ себѣ лишь область тѣхъ крестьянскихъ движеній, которыя на офиціальномъ и общепринятомъ языкѣ именуются крестьянскими волненіями. Подъ этимъ терминомъ мы разумѣемъ неповиновенія помѣщичьей или правительственной власти, оказываемыя болѣе или менѣе значительной группой крестьянъ и представляющія по юридическому существу своему нарушеніе цѣлыми группами крестьянъ законовъ, регулирующихъ крѣпостныя отношенія. Эти неповиновенія были крайне разнообразными по своей формѣ, но всегда сопровождались нарушеніемъ обычнаго теченія крѣпостной жизни въ данномъ селеніи, имѣніи или даже большемъ районѣ. Иногда волненіе выражалось лишь въ массовой отлучкѣ изъ имѣнія съ цѣлью принести мѣстному или губернскому начальству жалобу на помѣщика или вотчинныя власти. Иногда это были лишь ослушаніе помѣщичьей власти, „неповиновеніе“ въ прямомъ смыслѣ этого слова. Въ иныхъ случаяхъ крестьяне выступали болѣе активно и самостоятельно, внося измѣненія въ крѣпостной укладъ жизни сообразно своимъ взглядамъ и понятіямъ. Сюда относятся смѣна вотчинныхъ начальниковъ, судъ надъ ними, самообложеніе, иногда самостоятельная организація самоуправленія, самовольное распоряженіе господскимъ имуществомъ и т. под. дѣйствія, которыя могутъ быть обозначены однимъ словомъ—самоуправство.

Нечего и говорить, что одно и то же волненіе можетъ принадлежать одновременно къ той и другой формѣ волненій, и эти два вида нарушеній спокойствія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ составляютъ собственно лишь двѣ формы волненій внутри крѣпостной ячейки. Но поскольку крѣпостныя отношенія пользовались защитою и контролемъ правительственной власти, почти при каждомъ такомъ волненіи крестьянамъ приходилось такъ или иначе приходить въ соприкосновеніе съ правительственными властями. Несомнѣнно, что лишь немногія внутреннекрѣпостныя волненія могли прекращаться силою самой помѣщичьей власти. По отношенію къ неповиновеніямъ и буйству отдѣль-

Марьино, общій видъ. (Съ фотографіи).

ныхъ личностей при условіи покорности всей крѣпостной массы, помѣщикъ могъ, конечно, самъ прекращать неповиновенія. Но если неповиновенія и самоуправства принимали массовый характеръ, то помѣщикъ большею частью обращался къ правительственнымъ властямъ съ просьбою о содѣйствіи усмиренію.

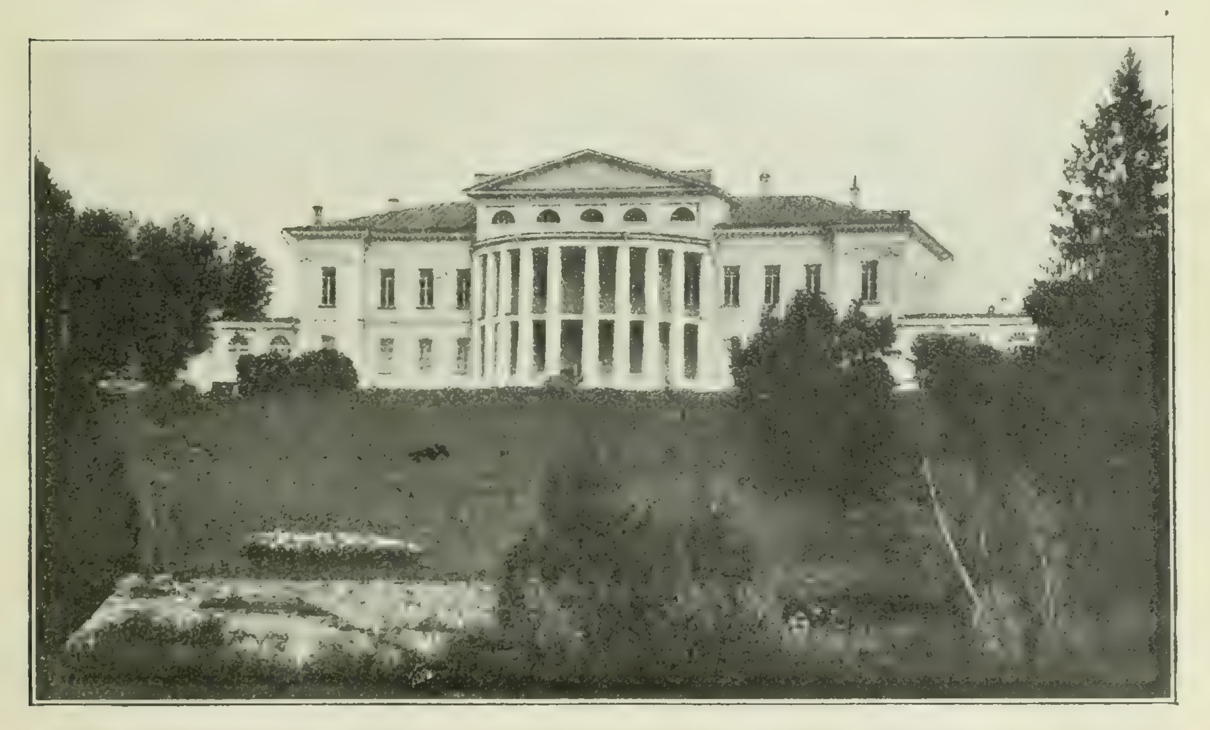
Сравнительно очень незначительное количество волненій, свѣдѣнія о которыхъ доходили до центральныхъ властей, прекращалось при первомъ же вмѣшательствѣ мѣстныхъ и губернскихъ властей, въ формѣ „убѣжденій", „внушеній" и другихъ „кроткихъ" мѣръ. Обыкновенно крестьяне дѣлались виновными въ непокорствѣ правительственнымъ властямъ, ибо большею частью „упорствовали" при убѣжденіяхъ, пока къ нимъ не примѣняли болѣе

суровыхъ мѣръ воздѣйствія, въ видѣ порки, арестовъ, тюремнаго заключенія, преданія суду общегражданскому или военному, вплоть до воздѣйствія военною силою, начиная съ простого ввода военныхъ командъ и ихъ постоя и кончая разстрѣломъ толпы огнестрѣльнымъ оружіемъ. При этомъ простое „упорство" требованіямъ правительственной власти подчиниться крѣпостнымъ законамъ и обычаямъ нужно отличать отъ неповиновенія правительственной власти, когда крестьяне отъ выдержаннаго, спокойнаго отказа подчиниться распоряженіямъ помѣщика или вотчинныхъ властей переходили къ актамъ неповиновенія и даже буйства противъ правительственныхъ властей, какъ таковыхъ. Въ такихъ случаяхъ волненіе изъ круга внутреннекрѣпостныхъ отношеній переходило въ область политическихъ отношеній, выливаясь въ различныя формы неповиновенія правительственнымъ властямъ. Если такого рода неповиновенія сопровождались столкновеніями съ военными командами, то неповиновенія переходили въ бунты. Если же эти бунты охватывали большія массы народа, объединялись единствомъ цѣли и дѣйствій, сопровождались отказомъ отъ какого бы то ни было повиновенія существующимъ правительственнымъ властямъ и крѣпостныя массы отлагались, такъ сказать, отъ подчиненія существующей политической системѣ, то такой бунтъ переходилъ въ возстаніе. Забѣжимъ немного впередъ и теперь же скажемъ, что во вторую четверть XIX вѣка такихъ возстаній неизвѣстно, а бунтовъ было крайне незначительное число.

Сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній о сущности и формахъ крестьянскихъ волненій, перейдемъ къ фактической сторонѣ и ознакомимся съ ростомъ, формами и причинами волненій въ послѣдпія 35 лѣтъ существованія крѣпостного права. Мы беремъ лишь время отъ 1826 по 1861 г., ибо относительно времени Александра I имѣется слишкомъ мало свѣдѣній, чтобы можно было хотя бы въ общихъ чертахъ нарисовать картину крестьянскихъ волненій за первую четверть XIX вѣка. Отмѣтимъ лишь сильное броженіе среди крестьянъ въ 1812 г., когда крестьяне ожидали освобожденія за ихъ борьбу съ непріятелемъ и за всѣ лишенія, вынесенныя за время Отечественной войны. Въ концѣ 1812 года въ Пензенской губерніи произошелъ даже бунтъ среди ополченцевъ. Ратники намѣревались истребить офицеровъ, явиться самостоятельно на поле сраженія, разбить непріятеля и принести затѣмъ повинную государю, надѣясь вымолить себѣ въ награду за службу свободу отъ помѣщичьяго владѣнія. Наиболѣе сильныя волненія были въ Инсарѣ, гдѣ офицеры были сильно избиты, меньшія — въ Саранскѣ и Чембарѣ. Ратники понесли за этотъ бунтъ суровыя наказанія. Имъ было подвергнуто болѣе 300 человѣкъ, и экзекуція длилась 3 дня. Вообще Отечественная война оказала свое воздѣйствіе и на крѣпостныя массы. Пребываніе войскъ за границей не могло пройти безрезультатно для солдатъ. Возвращаясь домой, они не могли не разсказывать землякамъ о жизни и свободѣ земледѣльцевъ въ чужихъ краяхъ и этимъ будить самосознаніе и критическое отношеніе къ

крѣпостному праву въ русскомъ крестьянствѣ. Неудивительно, что эти разсказы, по словамъ современника, „сильно воспламеняли ненависть къ угнетающимъ ихъ помѣщикамъ и управителямъ".

Относительно указаннаго 35-лѣтія мы располагаемъ большими свѣдѣніями, а потому и остановимся на немъ подробнѣе. Къ тому же этотъ періодъ достаточно обширенъ, чтобы можно было судить о роли и значеніи крестьянскихъ волненій и даже уловить измѣненія въ характерѣ самыхъ волненій. При этомъ должно отмѣтить, что этотъ періодъ рѣзко распадается на николаевскую эпоху и на эпоху выработки крестьянской реформы, при чемъ первые годы царствованія Александра II занимаютъ промежуточное положеніе; когда начались новыя вѣянія, крестьянство было полно ожиданій, и различные

Дубровицы, Подольск. уѣзда, Московск. губ. (имѣніе кн. Голицына).

слухи о волѣ широко циркулировали среди него. Остановимся теперь на николаевской эпохѣ, этомъ специфически крѣпостномъ времени.

Благодаря тому, что провинціальные архивы до сихъ поръ разработаны крайне мало, волненія извѣстны, главнымъ образомъ, по свѣдѣніямъ, доставлявшимся въ Министерство Вн. Дѣлъ. Понятно, губернаторы доносили далеко не о всѣхъ волненіяхъ, а лишь о болѣе выдающихся. Благодаря этому количество извѣстныхъ случаевъ волненій далеко еще не говоритъ о дѣйствительномъ ихъ количествѣ, но зато мы можемъ сказать съ большею или меньшею вѣроятностью, что наиболѣе крупныя волненія намъ извѣстны. Къ сожалѣнію, многія изъ этихъ волненій извѣстны намъ лишь по фамиліи

владѣльцамъ имѣній и по губерніи, ибо многія изъ дѣлъ о крестьянскихъ волненіяхъ уничтожены и безвозвратно погибли для исторіи. Особенно сильное опустошеніе произведено въ дѣлахъ, относящихся къ началу 50 годовъ. Періодъ времени отъ 1850—1853 гг. и нѣкоторые годы изъ 30 и 40 годовъ и теперь извѣстны почти исключительно по офиціальнымъ отчетамъ М-ства Вн. Дѣлъ. Отчеты же эти страдаютъ неполнотою свѣдѣній, лишающей возможности уловить дѣйствительный характеръ волненій; къ тому же въ эти отчеты нерѣдко вкрадывались крупныя ошибки. Лишь разработка мѣстныхъ провинціальныхъ архивовъ и нѣкоторыхъ центральныхъ поможетъ, быть-можетъ, возстановить этотъ пробѣлъ въ исторіи крестьянскихъ волненій.

Волненія, извѣстныя въ той или другой мѣрѣ за періодъ времени отъ 1826 по 1854 г., происходили въ 674 имѣніяхъ, т.-е. ежегодно въ среднемъ волновалось по 23 имѣнія; если же присоединить сюда случаи волненій, указанные въ офиціальныхъ отчетахъ М-ства Вн. Дѣлъ за 1850—1854 г., то ежегодно волновалось по 24 имѣнія. Эти волненія происходили въ 43 губерніяхъ, при чемъ на каждую губернію приходится болѣе 15 волнующихся имѣній. Только въ одной Саратовской губ. было болѣе 40 волненій, да и эта цифра объясняется наличностью изслѣдованія Мордовцева, использовавшаго многія дѣла архива саратовскаго губернскаго правленія, въ силу чего свѣдѣнія о волненіяхъ въ Саратовской губерніи отличаются большею полнотою. Вообще же можно отмѣтить, что отъ 31 до 40 волненій было только въ 3 губерніяхъ, отъ 21 до 30 волненій — въ 6 губерніяхъ, отъ 11 до 20—въ 17 и до 10 волненій—въ 16 губерніяхъ.

За этотъ промежутокъ времени въ пятилѣтіе отъ 1826 по 1829 г. было 85 волненій, въ 1830—34 г.—60 волненій, въ 1835—39 г.—78, въ 1840—44 г.—138 волненій, въ пятилѣтіе отъ 1845 г. по 1849 г. количество волненій повысилось до 207 и, наконецъ, въ пятилѣтіе 1850—54 г. упало до 106. Изъ этихъ цифръ видно, что за исключеніемъ перваго пятилѣтія (1826—29 г.), когда на количество волненій сильно повліялъ первый годъ царствованія Николая I, обильный волненіями отчасти по поводу слуховъ о волѣ,—количество волненій растетъ до конца 40 годовъ и затѣмъ рѣзко падаетъ въ первое пятилѣтіе 50 годовъ. Къ этому факту паденія нужно относиться съ большою осторожностью, и по нѣкоторымъ соображеніямъ его должно считать лишь кажущимся. Прежде всего вслѣдствіе вышеуказанныхъ причинъ цифра волненій начала 50 годовъ (106) крайне не полна. Дополнивъ эту цифру по отчетамъ М-ства Вн. Дѣлъ, за это время мы получимъ 141 волненіе.

Не должно забывать также, что въ предыдущее пятилѣтіе были особыя причины крестьянскихъ волненій, которыя или исчезли, или ослабѣли въ началѣ 50 годовъ. Такъ, въ юго-зап. краѣ въ пятилѣтіе 1845—49 г. количество волненій рѣзко повысилось сравнительно съ предыдущимъ. Съ 7 количество волненій поднялось до 26, т.-е. увеличилось почти въ 4 раза.

Зато въ слѣдующее пятилѣтіе (1850—54 г.) въ этомъ районѣ не зарегистрировано ни одного волненія. Это явленіе станетъ намъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что въ указанное пятилѣтіе въ юго-западномъ краѣ происходила усиленная подготовка къ введенію инвентарей и, наконецъ, произошло самое введеніе ихъ; то и другое сопровождалось волненіями крестьянъ. Наконецъ въ этомъ краѣ могли отразиться на спокойствіи крестьянъ слухи о галиційской рѣзнѣ 1846 г., польско-демократическая агитація и, наконецъ, толки и слухи по поводу перевода казенныхъ крестьянъ на оброкъ.

Марѳино, мостъ (фот.).

Введеніе инвентарей, при всѣхъ ихъ недостаткахъ, все же нѣсколько улучшило положеніе крѣпостныхъ въ юго-западномъ краѣ, что и дѣлаетъ понятнымъ отсутствіе волненій среди нихъ въ слѣдующее пятилѣтіе. Рѣзко выдвигается въ это пятилѣтіе также количество волненій въ сѣв.-западномъ краѣ. Но нельзя забывать, что и здѣсь въ это время шла подготовка къ инвентарямъ; слухи по поводу перевода казенныхъ крестьянъ на оброкъ вызвали волненія въ 7 имѣніяхъ. Въ то же время и сюда доходили извѣстія о галиційской рѣзнѣ и отзвуки польской агитаціи. Наконецъ на это же пя-

сильнѣе [illegible] волненія, вызванныя указомъ 8 ноября 1847 года о правѣ крестьянъ выкупаться на волю при продажѣ съ аукціоннаго торга. Болѣе или менѣе значительные безпорядки по этому поводу извѣстны въ 21 имѣніи, да, кромѣ того, въ 5 имѣніяхъ отмѣчено вліяніе слуховъ по поводу этого указа. Въ слѣдующее пятилѣтіе извѣстно уже только одно волненіе по поводу указа 8 ноября, хотя, быть можетъ, это зависитъ и отъ недостатка свѣдѣній. Если мы учтемъ волненія, вызванныя спеціальными причинами, связанными съ николаевскимъ законодательствомъ за это время, то мы должны будемъ допустить, что по выключеніи такихъ обособленныхъ волненій, стоящихъ внѣ связи съ обычнымъ теченіемъ крестьянской жизни, количество волненій за указанное пятилѣтіе не будетъ такъ рѣзко выдѣляться, какъ то кажется съ перваго взгляда. Впрочемъ, нельзя забывать, что, конечно, реакція пятидесятыхъ годовъ въ правительственныхъ сферахъ не могла не отразиться на крестьянскихъ волненіяхъ, ибо должны были затихнуть въ народѣ слухи о готовящихся или желаемыхъ царемъ преобразованіяхъ, слухи о защитѣ крестьянскихъ интересовъ высшею властью. Наоборотъ, въ 40 годахъ (до 1848 г.) эти слухи должны были особенно сильно циркулировать въ виду сравнительно энергичной работы Николая I въ области крестьянскаго вопроса, хотя бы и съ ничтожными результатами.

Изъ приведенныхъ фактовъ явствуетъ, что волненія ко времени реформъ участились. При этомъ можно отмѣтить любопытное явленіе. Въ кругъ волненій все съ большею силою захватываются черноземныя мѣстности съ сильно развитою барщинною системою. Особенно это замѣтно въ лѣвобережной Малороссіи. Какъ извѣстно, тамъ экономическое положеніе населенія было крайне тяжелымъ, и эксплуатація крѣпостного труда дѣлалась все интенсивнѣе и интенсивнѣе. Какъ бы въ соотвѣтствіи съ этимъ, растутъ и крестьянскія волненія въ этихъ губерніяхъ. Такъ, еще въ пятилѣтіе 1826—29 г. лѣвобережная Украйна дала только 1 волненіе, въ слѣдующія 2 пятилѣтія—по 6, затѣмъ количество волнующихся имѣній растетъ, давая цифры 9, 18, нѣсколько падая въ послѣднее пятилѣтіе (14 имѣній). Новороссійскія степныя губерніи вступаютъ въ кругъ волненій лишь со второй половины 30 годовъ, при чемъ опять-таки количество волненій послѣдовательно растетъ до конца 40 годовъ и нѣсколько падаетъ въ 50 годахъ. Восточныя степныя губерніи выступаютъ на арену волненій лишь въ 40 годахъ. Этотъ послѣдовательный ростъ менѣе всего замѣтенъ въ поволжскихъ губерніяхъ, но это нужно считать скорѣе результатомъ недостатка свѣдѣній о волненіяхъ. До начала 40 годовъ многія свѣдѣнія о волненіяхъ въ Саратовской губ. почерпнуты изъ книги Мордовцева „Наканунѣ воли“, но авторъ, къ сожалѣнію, довелъ свой трудъ лишь до начала 40 годовъ. По этой причинѣ свѣдѣнія конца 40 и начала 50 годовъ менѣе полны, чѣмъ свѣдѣнія предыдущихъ пятилѣтій. Но и вышеприведенные факты указываютъ на связь роста крестьянскихъ волне-

ній съ ростомъ экономической эксплуатаціи крестьянъ въ черноземныхъ барщинныхъ мѣстностяхъ.

Эта зависимость крестьянскихъ волненій отъ экономическаго положенія населенія станетъ яснѣе, если мы бросимъ хотя бы бѣглый взглядъ на причины волненій. При этомъ нужно замѣтить, что почти въ каждомъ волненіи, о которомъ есть болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія, можно найти цѣлый комплексъ причинъ; выдѣлить же изъ нихъ главную крайне трудно, а иногда и невозможно по односторонности и неполнотѣ матеріаловъ. Можно лишь констатировать наличность тѣхъ или другихъ причинъ и лишь съ большею или меньшею вѣроятностью заключать о преобладаніи опредѣленной причины. Изъ 423 имѣній, причины волненій въ которыхъ болѣе или менѣе извѣстны, въ половинѣ изъ нихъ (210) причинами было стремленіе крестьянъ, — на основаніи ли слуховъ о волѣ или же на основаніи ложныхъ или дѣйствительныхъ правъ на волю,—освободиться отъ крѣпостной зависимости. Частныя стороны крѣпостного права и крѣпостныхъ отношеній служили причинами въ 398 имѣніяхъ, т.-е. почти въ $^{3}/_{4}$ имѣній. Сложеніе этихъ 2 цифръ само по себѣ указываетъ, что въ нѣкоторыхъ волненіяхъ эти два рода причинъ существовали; на ряду съ недовольствомъ крестьянъ и протестомъ ихъ противъ тѣхъ или другихъ сторонъ крѣпостной жизни, они стремились освободиться отъ крѣпостной зависимости на какихъ-либо, по ихъ мнѣнію, законныхъ основаніяхъ. Въ имѣніяхъ второй группы мы можемъ различать волненія, вызванныя экономическими причинами, и волненія, имѣющія основаніемъ правовые взгляды крестьянъ, развратъ помѣщиковъ, суровое обращеніе и т. п. Экономическія причины отмѣчены въ 208 волненіяхъ, т.-е. эта группа волненій равняется группѣ, связанной со стремленіемъ крестьянъ къ волѣ. Среди этихъ экономическихъ причинъ наибольшее количество волненій (47) вызвала барщина; сюда же нужно отнести 9 волненій, вызванныхъ переводомъ крестьянъ на барщину, и къ этой же группѣ, вѣроятно, нужно отнести тѣ волненія, гдѣ причиною служило „обремененіе работами“ (39 имѣній).

Марьино, бесѣдка (фот.).

Оброчная система служила причиною волненій въ 26 имѣніяхъ, а различныя мѣры взысканія оброчной недоимки — въ 9 имѣніяхъ. Не мало страдали крестьяне и отъ продовольственной нужды, которая вызвала волненія въ 30 имѣніяхъ. Переселенія крестьянъ дали 17 волненій, и, наконецъ, уменьшеніе количества крестьянской земли послужило причиною волненій въ 13 имѣніяхъ. Не останавливаясь далѣе на причинахъ волненій, приведенныя цифры, думается, подтверждаютъ связь волненій съ экономическими причинами и громадное значеніе барщинной системы въ исторіи крестьянскихъ волненій. Можно сказать, что экономическая исторія быта помѣщичьихъ крестьянъ нашла себѣ точное и вѣрное отраженіе въ крестьянскихъ волненіяхъ. Крестьяне реагировали почти на всѣ тяжелыя стороны экономическаго быта, и въ этомъ отношеніи исторія крестьянскихъ волненій можетъ служить дополненіемъ и яркой иллюстраціей къ исторіи экономическаго быта крѣпостного населенія и развитія помѣщичьяго хозяйства во второй четверти XIX вѣка.

Выше было указано на несомнѣнный фактъ учащенности волненій по мѣрѣ приближенія къ эпохѣ крестьянской реформы. Но самая учащенность еще ничего не говоритъ о силѣ волненій, объ упорствѣ крестьянъ и о степени роста сознательности и солидарности, проявляемыхъ крестьянами во время волненій. Въ этомъ отношеніи волненія разбираемаго періода не обнаруживаютъ никакого усиленія. Мы не будемъ останавливаться на фактахъ неповиновенія помѣщикамъ и вотчиннымъ властямъ. Замѣтимъ лишь, что наиболѣе частыми формами неповиновенія былъ отказъ отъ работъ, отъ платежа оброка или вообще отъ повинностей. Отмѣтимъ любопытный фактъ, что въ 12 имѣніяхъ крестьяне отказывались не только отъ господскихъ работъ, но и отъ обработки крестьянскихъ полей. О силѣ волненія даютъ больше данныхъ случаи самоуправствъ, свѣдѣнія о которыхъ отмѣчены въ 208 имѣніяхъ.

Судя по этимъ свѣдѣніямъ (а наиболѣе крупныя волненія, какъ сказано, вѣроятно, попали сюда), волненія, даже по отношенію къ крѣпостнымъ порядкамъ, отличались значительною мирностью. Отмѣтимъ нѣкоторые факты. Лишь въ 22 имѣніяхъ крестьяне смѣнили вотчинныхъ начальниковъ, а въ 11 установили даже самоуправленіе. Насильственныя же дѣйствія противъ вотчинныхъ властей отмѣчены въ 24 имѣніяхъ, угрозы и буйство противъ нихъ — въ 9 имѣніяхъ; противъ же самого помѣщика (или помѣщицы) насильственныя дѣйствія встрѣтились лишь въ 3 имѣніяхъ, а угрозы и буйство — въ 8. Замѣчательно, что за всѣ 29 лѣтъ лишь въ 9 имѣніяхъ крестьяне самовольно распорядились господскимъ имуществомъ.

Если мы возьмемъ другую мѣрку для силы крестьянскихъ волненій, а именно силу упорства крестьянъ при усмиреніяхъ и силу сопротивленія правительственнымъ властямъ, то придется также констатировать относительную мирность крестьянскихъ волненій. Случаи пассивнаго сопротивленія, т.-е.

упорства въ неповиновеніи помѣщичьей власти, несмотря на вмѣшательство правительственныхъ властей, можно отмѣтить въ значительной группѣ волненій. Но уже упорство при постоѣ военной команды встрѣчается лишь въ 9 имѣніяхъ. Неповиновенія мѣстнымъ властямъ отмѣчены въ 80 имѣніяхъ, губернскимъ властямъ—лишь въ 4, губернаторамъ—въ 6 имѣніяхъ, и особо командированнымъ чиновникамъ отъ высшей власти (здѣсь разумѣются, главнымъ образомъ, флигель-адъютанты, посылавшіеся Николаемъ I для усмиренія крестьянъ въ выдающихся случаяхъ волненій) — въ 7 имѣніяхъ. Для характеристики мирности крестьянскихъ волненій достаточно указать тотъ фактъ, что изъ 271 имѣнія, о которыхъ по данному вопросу имѣются свѣдѣнія, лишь въ 34 было оказано какое бы то ни было сопротивленіе военнымъ командамъ; вооруженныя же столкновенія съ ними произошли лишь въ 8 имѣніяхъ за всѣ 29 лѣтъ, при чемъ 5 случаевъ относятся къ 20 и къ началу 30 годовъ. Лишь въ 2 имѣніяхъ крестьяне сами произвели нападеніе на военную команду. Буйство и грубость противъ чиновниковъ встрѣтились въ 15 имѣніяхъ, а насильственныя дѣйствія противъ нихъ—въ 10 имѣніяхъ.

Въ рекрута (рис. Іевлева).

Нѣсколько болѣе серьезную картину даютъ способы усмиренія крестьянъ, но къ этому показателю нужно относиться съ крайнею осторожностью, ибо онъ, по крайней мѣрѣ, съ равнымъ правомъ можетъ служить показателемъ отношенія самого правительства къ крестьянскимъ волненіямъ — въ сторону ли репрессій или же въ сторону болѣе мягкаго отношенія къ волнующимся. Обильныя и сильныя волненія крестьянъ въ 1826 г., какъ извѣстно, побудили Николая I усилить репрессіи противъ крестьянъ, что, впрочемъ, не мѣшало императору проявлять, съ другой стороны, попытки облегчить и улучшить положеніе крѣпостныхъ крестьянъ. Именно въ этомъ году были установлены военные суды для крестьянъ, виновныхъ въ неповиновеніи помѣщичьей власти; эти суды составлялись наполовину изъ гражданскихъ чиновъ, наполовину изъ военныхъ, при чемъ губернаторы имѣли право утверждать приговоры, если къ тѣлеснымъ наказаніямъ присуждалось не болѣе 9 человѣкъ; въ противномъ случаѣ приговоръ представляли черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и Комитета Министровъ на утвержденіе государя. За всѣ 29 лѣтъ извѣстно 80 случаевъ преданія крестьянъ такого

рода военнымъ судамъ, при чемъ большая половина ихъ относится къ періоду 1826—1834 гг.

Такъ, въ концѣ 30 годовъ извѣстно лишь 12 случаевъ преданія военному суду, а въ половинѣ 50 годовъ извѣстно лишь 3 подобныхъ случая. Но это отнюдь не значитъ, чтобы въ 20 и 30 годахъ волненія были сильнѣе и требовали болѣе суровыхъ и быстрыхъ наказаній. Нѣтъ, вакханалія военныхъ судовъ вполнѣ объясняется ретивостью мѣстной администраціи въ примѣненіи даннаго имъ репрессивнаго средства противъ крестьянъ и склонностью самого Николая I воздѣйствовать на крестьянъ репрессіей. По крайней мѣрѣ, именно къ 30 году относится его извѣстное распоряженіе подавлять волненія силою (подъ чѣмъ разумѣлась военная сила). Военныя команды за этотъ періодъ времени были введены въ 228 имѣніяхъ (всего же, присоединивъ общія указанія отчетовъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, — въ 259 имѣніяхъ). Но примѣнить огнестрѣльное оружіе пришлось за 29 лѣтъ только въ 4 случаяхъ, при чемъ 2 изъ нихъ относятся къ 20 годамъ; холодное оружіе пустили въ ходъ въ 4 имѣніяхъ. Не останавливаясь на другихъ средствахъ усмиренія, мы отмѣчаемъ эти факты для характеристики, съ одной стороны, силы правительственныхъ репрессій, а съ другой — слабости крестьянскаго сопротивленія и упорства.

Но если, повидимому, волненія крѣпостныхъ не отличались силою, и неповиновенія быстро прекращались безъ рѣзкаго сопротивленія со стороны крестьянъ, то нельзя не отмѣтить, что быстро, потухая, эти вспышки нерѣдко возобновлялись. Несмотря на неполноту имѣющагося матеріала, есть указанія на 68 имѣній, гдѣ волненія повторялись отъ 2 до 5 разъ, при чемъ въ счетъ не вводятся отдѣльныя вспышки волненій иногда 2 и 3 раза на протяженіи 1 года. Иногда эти вспышки отдѣлялись одна отъ другой нѣсколькими годами, иногда повторялись изъ года въ годъ, а въ промежуткахъ крестьяне были въ броженіи, не обнаруживая открытаго неповиновенія или какихъ-либо самоуправствъ, но и не будучи „въ обычномъ повиновеніи". Это состояніе броженія бывало до того невыгоднымъ для помѣщиковъ, что нерѣдко, пробившись съ подобнымъ имѣніемъ болѣе или менѣе продолжительное время, помѣщикъ или продавалъ имѣніе въ другія руки, либо обращался съ просьбою къ правительству о покупкѣ имѣнія въ казну. Въ одномъ случаѣ такого рода волненіе тянулось 37 лѣтъ (съ 1811 г. по 1848 г., имѣніе Заклиневской, Волынской губ.), въ теченіе каковаго времени крестьяне болѣе или менѣе сильно волновались 5 разъ, имѣніе переходило отъ помѣщика къ помѣщику, и, въ концѣ-концовъ, въ 40 годахъ владѣльцы, въ руки которыхъ досталось разоренное такимъ волненіемъ имѣніе, просили правительство купить его въ казну; кажется, покупка не состоялась, и волненіе прекратилось само собою съ введеніемъ инвентарей 1848 г. Не обременяя читателя подробностями, укажемъ лишь, что броженія, продолжавшіяся въ общей слож-

ности отъ 10 до 30 лѣтъ, извѣстны въ николаевское время въ 14 имѣніяхъ, отъ 3 до 9 лѣтъ—въ 29 имѣніяхъ и въ теченіе 2 лѣтъ въ 24 имѣніяхъ.

Повторяемость отдѣльныхъ вспышекъ волненія не составляетъ еще существеннаго признака затяжного волненія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ крестьяне открыто не повиновались лишь одинъ разъ, и это волненіе бывало

Разговоръ трехъ рабочихъ (В. Г. Маковскаго).

быстро подавлено. Но опять-таки, несмотря на внѣшнюю покорность наличнаго населенія, въ имѣніи и послѣ усмиренія не было „обычнаго повиновенія", „обычнаго спокойствія". Крестьяне разбѣгались, деревни постепенно пустѣли и какъ бы вымирали, что, конечно, вело къ полнѣйшему разоренію помѣщика. Иногда крестьяне оставались въ родныхъ мѣстахъ, но

„духъ неповиновенія“, враждебность къ помѣщику, мелкая неисполнительность и небрежность къ господскимъ повинностямъ были такъ велики, что помѣщики, не имѣя основаній жаловаться на неповиновеніе крестьянъ и требовать усмиренія, въ то же время не имѣли возможности заставить крестьянъ повиноваться себѣ: въ концѣ-концовъ, помѣщикъ тѣмъ или инымъ путемъ стремился освободиться отъ подобнаго неспокойнаго имѣнія.

Извѣстенъ и другой типъ затяжного броженія, когда формально крестьяне все время повиновались и не давали повода администраціи вмѣшаться во внутреннія отношенія между помѣщиками и крестьянами. Но въ то же время „духъ неповиновенія“ въ крестьянахъ былъ такъ великъ, мелкія столкновенія были такъ часты и такъ невыгодно отражались на помѣщичьемъ хозяйствѣ, что помѣщики обращались съ просьбами объ усмиреніи къ правительственнымъ властямъ, просили о вводѣ военной команды, о военномъ судѣ. Однако, несмотря на всю снисходительность администраціи къ помѣщикамъ въ подобныхъ случаяхъ и готовность поддержать авторитетъ помѣщичьей власти, помѣщики получали иногда отказъ за отсутствіемъ какого-либо повода для примѣненія репрессіи. И, кажется, ко времени реформы этотъ „духъ недовольства“ все чаще и чаще становился обычнымъ состояніемъ отношеній крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, и уже на этой почвѣ все чаще и чаще вспыхивали отдѣльные случаи неповиновеній. Повидимому, не столько самыя волненія, обыкновенно быстро подавляемыя, сколько именно растущій „духъ неповиновенія“, состояніе общаго броженія и непокорства крестьянъ, дѣлающихъ изъ каждаго имѣнія маленькій вулканъ, грозящій постоянно изверженіемъ, наталкивало многихъ помѣщиковъ на путь поисковъ наиболѣе выгоднаго освобожденія отъ путъ крѣпостныхъ отношеній. Кромѣ того, эта самая враждебность отношеній дѣлала крестьянъ все болѣе и болѣе воспріимчивыми ко всевозможнымъ слухамъ о волѣ.

Общность враждебнаго настроенія создавала благопріятную почву для массовыхъ противокрѣпостныхъ движеній. Дворянская масса инстинктивно это чувствовала. Не даромъ въ литературѣ по крестьянскому вопросу крѣпостного времени, въ воспоминаніяхъ современниковъ встрѣчаются нерѣдко указанія на ростъ этого „духа неповиновенія“ въ крестьянахъ, на опасность его и возможность второй пугачевщины.

Нельзя не признать, что въ крестьянскихъ волненіяхъ наканунѣ реформы были нѣкоторыя черты, оправдывающія до нѣкоторой степени дворянскіе страхи. Крестьянскія волненія были, правда, попрежнему разрознены, отдѣльныя вспышки быстро подавлялись, крестьяне не обнаруживали ни силы упорства ни силы сопротивленія. Но въ крѣпостной массѣ можно отмѣтить нарастаніе недовѣрія къ мѣстнымъ и даже центральнымъ властямъ, за исключеніемъ одного царя. Любопытно, что въ концѣ 40 годовъ шествіе толпъ витебскихъ крестьянъ къ самому царю показать, чѣмъ кормятъ ихъ паны,

не было въ то время единичнымъ явленіемъ. И въ другихъ мѣстахъ по другимъ поводамъ крестьяне заявляли о полномъ недовѣріи къ являвшимся къ нимъ для усмиренія властямъ и намѣревались итти всѣмъ міромъ къ самому царю. Съ другой стороны—и это самое важное—въ концѣ царствованія Николая I и первые годы царствованія Александра II приходится отмѣчать наличность крупныхъ массовыхъ движеній, когда тысячи крестьянъ различныхъ имѣній и даже губерній по одному и тому же поводу приходили въ движеніе на большомъ пространствѣ. Эти движенія выдѣляются изъ обычнаго типа крестьянскихъ волненій и должны быть выдѣлены въ особую группу. Къ нимъ относятся такія волненія, какъ витебское движеніе 1847 года, движеніе крестьянъ въ разныхъ губерніяхъ въ 1854 и 1855 г. по поводу морского и государственнаго ополченія, и, наконецъ, массовое движеніе крестьянъ на югѣ Россіи „въ Таврію за волей“ въ 1856 году. Курское волненіе 1849 г. къ этого рода движеніямъ отнести нельзя, хотя въ немъ принимало участіе до 10.000 человѣкъ и для усмиренія крестьянъ пришлось употребить 4 эскадрона кавалеріи. Курское волненіе есть одинъ изъ эпизодовъ давняго броженія крестьянъ по поводу иска воли по опредѣленнымъ основаніямъ, и количество участниковъ объясняется всецѣло тѣмъ, что искъ о волѣ вели на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ крестьяне 6 помѣщиковъ. Это волненіе, несмотря на количество участниковъ, настолько не выходило изъ обычнаго уровня крестьянскихъ волненій, что губернаторъ не счелъ нужнымъ предавать крестьянъ военному суду, на чемъ настаивалъ министръ внутр. дѣлъ, указывая на количество участниковъ.

Не то представляетъ собою витебское движеніе 1847 г. Главною причиною его было тяжелое экономическое положеніе крестьянъ Витебской губ., обостренное трехлѣтними послѣдовательными неурожаями. Неурожаи подкосили не только крестьянскія хозяйства, но разорили и многихъ помѣщиковъ. Продовольственная нужда голодающаго населенія или совсѣмъ не удовлетворялась или удовлетворялась крайне плохо. На эту почву упали слухи о готовящейся волѣ, чему дала поводъ подготовка инвентарей. Наборъ рабочихъ на строившуюся Николаевскую желѣзную дорогу породилъ слухъ, что поступившіе на эту работу получатъ свободу отъ крѣпостного состоянія. Распоряженіе о переселеніи казенныхъ крестьянъ изъ Витебской губ. въ другія отдаленныя въ народномъ воображеніи распространилось и на помѣщичьихъ крестьянъ. Появилась версія, что Витебскую губернію, какъ неплодородную, рѣшено зарастить лѣсомъ, а крестьяне должны переселиться въ лучшія губерніи на условіи дарованія воли и выдачи на переселеніе паспортовъ, денегъ и подводъ. Другой слухъ говорилъ, что въ великороссійскихъ губерніяхъ уже даютъ волю и нужно спѣшить туда. Эти слухи жадно ловило измученное населеніе и, наконецъ, тронулось съ родныхъ мѣстъ въ надеждѣ на волю въ другихъ губерніяхъ и на защиту царя, разъ они ему пока-

дутъ чѣмъ кормить ихъ паны. Крестьяне продавали за безцѣнокъ скотъ, имущество и цѣлыми сотнями двигались въ путь. Движеніе, начавшееся въ Себежскомъ уѣздѣ весною 1847 г., быстро охватило Дризенскій и Невельскій уѣзды. Вскорѣ ихъ примѣру готовы были послѣдовать крестьяне всей Витебской губ. Въ Дризенскомъ уѣздѣ крестьяне, видимо, готовились къ сопротивленію, ибо передъ походомъ покупали ружья, порохъ, лили пули, перековывали лемеши на пики. На пути толпы крестьянъ въ 100, 300 и даже 500 человѣкъ оказывали сопротивленіе военнымъ отрядамъ, пытавшимся остановить ту или другую толпу, при чемъ нѣсколько человѣкъ крестьянъ было убито. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ, Псковской губ., одна партія въ 500 человѣкъ избила незначительную военную команду, вышедшую противъ нея, разогнала бывшихъ при томъ понятыхъ, избила исправника и захватила въ плѣнъ станового пристава. Общее количество волновавшихся простиралось до 10.000 человѣкъ, а изъ побѣга принятыми мѣрами было возвращено болѣе 6.000, да около 600 человѣкъ не было разыскано. Правительству пришлось употребить противъ крестьянъ значительную военную силу: въ усмиреніи участвовалъ 1 пѣхотный полкъ, 1 батальонъ, 2 роты изъ 2 другихъ полковъ, витебскій гарнизонный батальонъ и инвалидныя команды. Усмиреніемъ руководилъ выѣхавшій въ мѣста волненія витебскій, смоленскій и могилевскій ген. губернаторъ кн. Голицынъ и 2 командированныхъ флигель-адъютанта. Помимо примѣненія довольно значительной военной силы, правительству пришлось оказать и денежную помощь голодающему населенію. Послѣ первыхъ же извѣстій о витебскомъ движеніи, въ распоряженіе кн. Голицына было командировано нѣсколько чиновниковъ М-ства Внутр. Дѣлъ съ деньгами на продовольствіе въ размѣрѣ 10.000 р. Нечего и говорить, что военною силою движеніе было подавлено и расправа за него была сурова. Военному суду было предано 95 человѣкъ, а по другимъ извѣстіямъ—114. Менѣе виновные были наказаны розгами, при чемъ число наказанныхъ простиралось до 4.000 человѣкъ.

Движеніе по поводу призыва въ морское ополченіе относится къ веснѣ и лѣту 1854 г. Хотя поступленіе въ морское ополченіе для крѣпостныхъ крестьянъ было обусловлено согласіемъ помѣщиковъ, при чемъ ихъ разрѣшеніе должно было подтверждаться каждые 5 мѣсяцевъ, хотя въ ополченіе принимались жители только С.-Петербургской, Олонецкой, Тверской и Новгородской губерніи, но слухи о призывѣ въ ополченіе распространились во многихъ губерніяхъ. Быстро создалась версія, что поступленіе въ ополченіе ведетъ за собою освобожденіе отъ крѣпостной зависимости, какъ для охотниковъ, такъ и для ихъ семействъ, для поступленія же согласія помѣщиковъ якобы не требуется. Толпами потянулись крестьяне изъ различныхъ имѣній въ уѣздные и губернскіе города, даже въ Петербургъ и Москву для заявленія своего желанія поступать въ ополченіе. Это движеніе наблюдалось

по свѣдѣніямъ Департамента Полиціи Исполн., въ 10 губерніяхъ, между прочимъ, въ Рязанской, Тамбовской, Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Новгородской. Правительству пришлось силою подавлять безпорядки: на мѣста были посланы войска для задержанія крестьянъ и возвращенія ихъ на мѣста жительства. Туда же были командированы 2 флигель-адъютанта. Мѣрами строгости удалось подавить это движеніе, но уже самая необходимость для правительства силою подавлять горячій откликъ крѣпостного населенія на свой призывъ была извѣстнымъ банкротствомъ для правительства.

Подавленное въ 1854 г., это движеніе возобновилось въ 1855 году съ еще большею силою уже по поводу призыва населенія въ государственное

Архангельское. (Снимокъ „Міръ Иск.“).

ополченіе. Государство, напрягая всѣ силы въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ во время крымской кампаніи, обратилось къ населенію съ призывомъ пріійти къ нему на помощь. Крѣпостное населеніе, во имя какихъ бы то ни было мотивовъ, выразило полную готовность вступить въ ряды ополченія и жертвовать, если нужно, своею жизнью и имуществомъ для защиты „царя и отечества“. И вотъ въ то время какъ правительство само призывало къ себѣ на помощь, въ то время какъ для него были дороги каждый лишній солдатъ и лишняя копейка, это самое правительство должно было не только отказываться отъ помощи населенія, но военною силою подавлять вызванное имъ народное возбужденіе, затрачивать военныя силы и матеріальныя средства для

водворенія спокойствія въ помѣщичьихъ имѣніяхъ во имя поддержанія идеи ненарушимости и неприкосновенности помѣщичьей власти. Правительство, не могущаго, даже въ острый моментъ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, располагать народными силами, правительство, принужденное вести борьбу на два фронта — съ внѣшнимъ врагомъ и преданнымъ себѣ населеніемъ, при чемъ борьба съ послѣднимъ диктовалась единственно охраною неприкосновенности крѣпостного права, такое правительство не могло не поставить себѣ задачею по окончаніи внѣшней войны устранить средостѣніе между собою и населеніемъ, т.-е. уничтожить крѣпостное право. Отсюда-то истекаетъ громадное значеніе крестьянскихъ волненій 1854—55 годовъ по поводу морского, а главнымъ образомъ, государственнаго ополченія. Эти волненія поставили передъ правительствомъ вопросъ о цѣлесообразности крѣпостного права остро и опредѣленно на плоскость необходимой государственной реформы. Въ то же время эти волненія, проявившіяся въ болѣе или менѣе одинаковыхъ формахъ во многихъ губерніяхъ, направленныя не противъ частичныхъ злоупотребленій или сторонъ крѣпостного права, но объединенныя убѣжденіемъ народа въ дарованіи ему воли, показывали общность настроенія и способность къ однороднымъ дѣйствіямъ крѣпостныхъ массъ внѣ зависимости отъ какого бы то ни было сговора и руководительства.

Движеніе 1855 года проявилось въ 6 великорусскихъ губерніяхъ (Воронежской, Саратовской, Казанской, Пермской, Самарской и Симбирской) и одной юго-западной (Кіевской). Кіевское и великорусское движенія нѣсколько отличались одно отъ другого, отличалось и отношеніе правительства къ нимъ. И здѣсь и тамъ по поводу призыва въ государственное ополченіе быстро распространились слухи въ различныхъ варіаціяхъ, что поступленіе въ ратники освобождаетъ отъ крѣпостной зависимости какъ поступившихъ, такъ и ихъ семейства. Народъ сталъ массами изъявлять желаніе поступить въ ополченіе. Но въ Кіевской губерніи это стремленіе къ волѣ осложнилось и углубилось историческими воспоминаніями о казачествѣ, казацкомъ самоуправленіи, независимости и т. д. Поэтому населеніе здѣсь рѣзче заявило свои права на самоуправленіе съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, что являлось, по ихъ мнѣнію, слѣдствіемъ записи „въ казаки", т.-е. въ ополченіе. Съ другой стороны, въ юго-западномъ краѣ правительство, въ силу господства польскаго элемента среди дворянъ-помѣщиковъ, всегда было склонно поддерживать и культивировать преданность крѣпостного населенія православію и русскому царю. Поэтому не въ его интересахъ было принимать репрессивныя мѣры противъ стремленія крѣпостныхъ служить царю по его призыву. Въ этомъ движеніи въ юго-западномъ краѣ, какъ высшая администрація, такъ и высшее правительство видѣли прежде всего взрывъ патріотическихъ чувствъ населенія, хотя бы и сопряженный съ рядомъ заблужденій и ложныхъ слуховъ. Этими обстоятельствами и объясняется болѣе мягкое отношеніе пра-

вительства къ кіевскимъ крестьянамъ сравнительно съ великорусскими. Въ то время какъ по отношенію къ кіевскимъ рекомендовалась до конца мягкость, терпимость къ заблужденіямъ крестьянъ, выставлялось непремѣнною волею государя, чтобы военная сила употреблялась лишь въ крайнихъ случахъ, въ великорусскихъ губерніяхъ немедленно были приняты энергичныя репрессивныя мѣры, и было отдано распоряженіе предавать военному суду не только являющихся самовольно для поступленія въ ополченіе, но даже приносящихъ „несправедливыя" жалобы на злоупотребленія помѣщичьей властью. Здѣсь соціальный характеръ „патріотизма" крестьянъ не укрылся отъ администраціи, и воронежскій губернаторъ, напримѣръ, въ первыхъ же

Входъ въ паркъ въ Архангельскомъ.

своихъ донесеніяхъ указывалъ, что желаніе служить въ рядахъ ополченія является для крестьянъ лишь средствомъ освободиться отъ крѣпостной зависимости. Здѣсь защита неприкосновенности крѣпостного права была поставлена твердо, рѣшительно, безъ всякихъ колебаній и уклоненій въ сторону. Впрочемъ, въ Воронежской губ., напримѣръ, имѣло значеніе и то обстоятельство, что разгаръ движенія совпалъ съ разгаромъ полевыхъ работъ (іюнь), такъ что прекращеніе полевыхъ работъ, сопровождавшее это движеніе, грозило разореніемъ помѣщичьихъ хозяйствъ, и требовалось быстрое прекращеніе безпорядковъ, чтобы доставить помѣщикамъ необходимыя рабочія руки. Во всякомъ случаѣ большая мягкость, нерѣшительность, а первоначально

и растерянность мѣстной администраціи въ Кіевской губ. должна была благопріятствовать росту движенія, крутыя же мѣры въ великорусскихъ губерніяхъ задушили въ самомъ началѣ начинавшееся разгораться движеніе. Нельзя не отмѣтить также, что росту кіевскаго движенія благопріятствовало то, что главнымъ очагомъ движенія были громадныя имѣнія кн. Лопухина, Понятовскаго, бр. Браницкихъ, съ тѣсно расположенными селеніями, населеніе которыхъ въ каждомъ отдѣльномъ имѣніи и въ мирное время постоянно общалось между собою.

Не имѣя возможности подробно характеризовать то и другое движеніе, отмѣтимъ лишь, что въ кіевскомъ движеніи волненіе выразилось, съ одной стороны, въ требованіяхъ отъ священниковъ царскаго указа о записи въ казаки и освобожденіи въ силу этого отъ крѣпостной зависимости, при чемъ эти требованія сопровождались иногда побоями и истязаніями священниковъ, обысками церквей и т. под. Съ другой стороны, крестьяне, записавшись въ казаки, признавали себя вольными, прекращали исполненіе господскихъ повинностей, вводили самоуправленіе и вообще, не дѣлая никакихъ насилій помѣщикамъ и вотчиннымъ властямъ, прекращали всякія крѣпостныя отношенія, устанавливая обыкновенныя сосѣдскія отношенія равныхъ между собою людей. Господское имущество нигдѣ не было тронуто: напротивъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ громады принимали на себя охраненіе его неприкосновенности. Правда, среди крестьянъ циркулировало мнѣніе, что все имущество господъ, вся земля должны перейти къ крестьянамъ, но практическаго рѣшенія этого вопроса они, видимо, ждали отъ правительственной власти. Движеніе это, рѣзко проявившись въ Сквирскомъ, Васильковскомъ и Каневскомъ уѣздахъ, наблюдалось также въ Таращанскомъ, Черкасскомъ, Уманьскомъ, Чигиринскомъ и другихъ. При усмиреніяхъ военною силою въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли кровавыя столкновенія военныхъ командъ съ крестьянами. Наиболѣе крупными изъ нихъ были столкновенія въ с. Мал. Березнѣ, Сквирскаго уѣзда, с. Быковой Греблѣ, Васильковскаго у., и въ селахъ Таганчѣ и Корсунѣ, Каневскаго уѣзда. При усмиреніяхъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, въ Кіевской губ. было убито до 36 крестьянъ и ранено 57. Эти цифры, несомнѣнно, слѣдуетъ считать уменьшенными, ибо многіе крестьяне скрывали свои раны, боясь отвѣтственности за участіе въ движеніи, и умирали отъ ранъ по дорогѣ и дома. Всего для усмиренія въ Кіевскую губ. въ волнующіяся мѣстности пришлось двинуть 16 эскадроновъ кавалерійской дивизіи, 2 роты саперъ, резервный батальонъ Бѣлевскаго егерскаго полка и 1 дивизіонъ. Для усмиренія въ мѣста волненій выѣхалъ самъ ген.-губернаторъ кн. Васильчиковъ, а изъ Петербурга былъ командированъ съ тою же цѣлью ген.-адъютантъ Яфимовичъ.

Въ великороссійскихъ губерніяхъ движеніе было подавлено съ большею легкостью и съ меньшими затратами военной силы. Но и здѣсь въ Воронеж-

ской губ. въ с. Масловкѣ, Бобровскаго уѣзда, произошло кровавое столкновеніе военной команды съ населеніемъ, въ результатѣ котораго было 9 раненыхъ, изъ нихъ 5 тяжело. Въ общемъ движеніе въ великороссійскихъ губерніяхъ не отличалось большою стойкостью, и въ Воронежской губ., напримѣръ, подъ вліяніемъ кроваваго масловскаго усмиренія окрестныя волнующіяся имѣнія успокоивались сами собою. Другихъ подобныхъ же очаговъ волненія не обнаруживалось, и усмиренія не выходили изъ ряда обычныхъ.

Движеніе на югѣ Россіи 1856 г. также тѣсно связано со слухами о волѣ и отчасти съ крымскою войною. Весною 1856 г. по всей южной Россіи пронесся слухъ о вызовѣ помѣщичьихъ крестьянъ для заселенія разоренныхъ мѣстъ Крымскаго полуострова, при чемъ переселенцамъ выдавалось якобы пособіе и, сверхъ того, значительная поденная плата за казенныя работы. Этотъ слухъ видоизмѣнялся и принималъ мѣстами болѣе легендарную форму о раздачѣ воли самимъ царемъ. Такъ, въ Харьковской губ., въ Изюмскомъ у., говорили, что гдѣ-то за Днѣпромъ въ Херсонскихъ степяхъ сидитъ на горѣ царь и раздаетъ волю. Въ Екатеринославской и Херсонской губ. также шелъ слухъ, что въ Перекопѣ „въ золотой шапкѣ сидитъ царь и всѣмъ пришедшимъ раздаетъ волю, а неявившіеся или опоздавшіе остаются попрежнему въ панской неволѣ". Подъ вліяніемъ этихъ слуховъ крѣпостной людъ тронулся со всѣмъ своихъ скарбомъ и семействами въ поиски за этимъ легендарнымъ царемъ или съ цѣлью сдѣлаться вольными черезъ поселеніе въ Крыму. Уходили цѣлыя деревни, сохраняя обыкновенно вполнѣ дружелюбныя отношенія къ помѣщикамъ, являясь иногда къ нимъ передъ уходомъ прощаться и благодарить за заботы о нихъ. Только въ одномъ случаѣ въ Екатеринославской губ. уходъ сопровождался буйствомъ. „Собравшись съ кольями, крестьяне ворвались въ господскій домъ, начали грабить, что попало, съ похвальбою убить наемнаго приказчика, и дѣлали угрозы самой помѣщицѣ...; наконецъ, забравъ все свое имущество и экономическій скотъ и выбивъ въ домахъ окна и двери, они бѣжали". Движеніе „въ Таврію за волей" началось въ Екатеринославской губ. Въ однихъ только Верхнеднѣпровскомъ и Екатеринославскомъ уѣздахъ число бѣжавшихъ доходило до 9.000 человѣкъ. Затѣмъ движеніе проникло въ Херсонскую губ., гдѣ уже въ іюнѣ мѣсяцѣ число бѣглецовъ доходило до 3.000 человѣкъ. Съ меньшею силою это движеніе проявилось въ Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской и Орловской губерніяхъ. Подавленіе движенія также потребовало вмѣшательства военной силы. Въ помощь земской полиціи были назначены военныя команды. Переправы черезъ Днѣпръ и Днѣстръ были подчинены строгому наблюденію; на Перекопскомъ перешейкѣ были учреждены военные разъѣзды. Въ губерніяхъ, прилегающихъ къ Новороссіи, начальникамъ губерній было поручено энергично разъяснять ложность означенныхъ слуховъ. Изъ Петербурга для усмиренія былъ командированъ ген.-м. гр. Адлербергъ.

При водвореніи и возвращеніи бѣглецовъ въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ произошло нѣсколько кровавыхъ столкновеній между толпами крестьянъ и военными командами. Такъ, въ Екатеринославской губ. одна партія бѣглецовъ съ косами бросилась на конвой и понятыхъ и намѣревалась избить станового пристава; противъ крестьянъ было пущено въ ходъ оружіе, при чемъ одинъ крестьянинъ былъ убитъ. Въ другой разъ бѣглецы частью Екатеринославской, частью Херсонской губ. въ числѣ 3.000 человѣкъ, будучи остановлены въ Херсонской губ. ротою солдатъ, съ дубинами въ рукахъ бросились на послѣднихъ. По крестьянамъ былъ открытъ огонь, въ результатѣ чего одинъ крестьянинъ былъ убитъ и трое ранено. Въ трехъ другихъ случаяхъ столкновеній екатеринославскихъ крестьянъ съ солдатами былъ убитъ 1 крестьянинъ и ранено 33. Наконецъ извѣстенъ еще шестой случай столкновенія херсонскихъ крестьянъ съ военною командою, при чемъ убито было 2 и тяжело ранено 14. Итого, по офиціальнымъ даннымъ, въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ произошло 6 кровавыхъ столкновеній, при чемъ 5 человѣкъ было убито и 50 ранено. Только къ концу года удалось возстановить спокойствіе въ этихъ двухъ губерніяхъ: движеніе, начавшееся въ маѣ, наиболѣе сильно проявлявшееся въ разгаръ полевыхъ работъ, постепенно затихло подъ вліяніемъ суровыхъ репрессій, убѣжденій и разочарованія въ правильности слуховъ. Въ другихъ изъ указанныхъ губерній это движеніе проявлялось съ меньшею силою, быстрѣе было подавлено и болѣе мирными средствами. По крайней мѣрѣ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ для успокоенія крестьянъ оказалось достаточнымъ „внушеній и вразумленій“; впрочемъ, имѣется свидѣтельство одного современника относительно Харьковской губ., что крестьянамъ этой губерніи пришлось въ своихъ странствіяхъ также ознакомиться съ дѣйствіями военной силы и испытать на себѣ тѣлесныя наказанія.

Эти массовыя движенія 1854, 1855 и 1856 гг., связанныя со слухами о волѣ, представляютъ собою рѣзкое отличіе отъ волненій на почвѣ слуховъ о волѣ въ 1826 г. При воцареніи Николая I каждое волненіе было изолировано отъ другого, и слухи скорѣе являлись поводами или сопутствующими явленіями. Почти въ каждомъ такомъ волненіи 1826 г. можно вскрыть болѣе частную и въ то же время сильнѣе дѣйствующую правовую или экономическую причину. Въ 1854—55 и 1856 гг., наоборотъ, крестьяне волновались, уходили изъ родныхъ мѣстъ независимо отъ того, каковы были отношенія между ними и помѣщиками: какъ было указано, въ движеніи „въ Таврію за волей“ крестьяне являлись даже съ благодарностью къ владѣльцамъ, разставались съ ними вполнѣ мирно и дружелюбно. Однѣ и тѣ же цѣли, одни и тѣ же интересы двигали въ одномъ направленіи тысячи крестьянъ безъ всякаго сговора между собою, безъ какой бы то ни было агитаціи, кромѣ ложныхъ слуховъ и толковъ о волѣ. Въ воздухѣ какъ будто бы носилась зараза,

заставлявшая крестьянъ покидать родныя мѣста, разоряться и двигаться съ семьями въ поискахъ желанной воли, какъ то было въ 1856 году, или готовиться жертвовать собою на полѣ брани изъ желанія доставить волю своимъ роднымъ и близкимъ, а при благополучномъ окончаніи похода—и себѣ, какъ то мы видимъ въ движеніи 1854—55 гг. Эти массовыя движенія на почвѣ слуховъ о волѣ, эта воспріимчивость народныхъ массъ къ слухамъ и переходъ ихъ къ активнымъ дѣйствіямъ, несомнѣнно, были опасными признаками, какъ для правительства, такъ и для дворянства. Отчетъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1858 г. не даромъ ставитъ движенія 1855 и 1856 гг. въ непосредственную связь и на основаніи этихъ движеній говоритъ: „Видно было, что мысль о вольности крѣпостныхъ людей возбуждена

Дворъ въ Архангельскомъ.

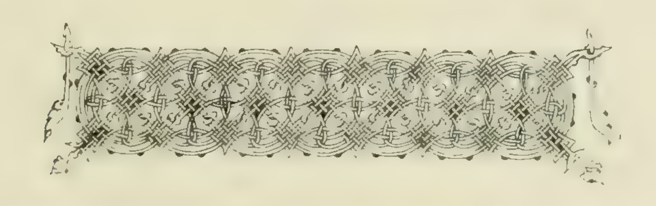
въ народѣ, что они не совсѣмъ терпѣливо выжидаютъ такихъ обстоятельствъ, съ которыми, по ихъ понятію, удобно могло бы быть соединено освобожденіе ихъ изъ крѣпостного состоянія. Все это заставило опасаться, что обнародованіе во всеобщую извѣстность предположеній объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ могло послужить поводомъ къ нарушенію между ними порядка и повиновенія владѣльцамъ". Такія опасенія подкрѣплялись еще тѣмъ, что ложные толки о волѣ въ 1856 г., помимо юга Россіи, были распространены еще въ 9 губерніяхъ (С.-Петербургской, Нижегородской, Калужской, Ковенской, Симбирской, Могилевской, Кіевской, Черниговской, Самарской). Впрочемъ, здѣсь они не привели ни къ какому массовому движенію и, самое большее, сопровождались изолированными безпорядками, быстро прекращаемыми мѣстными силами.

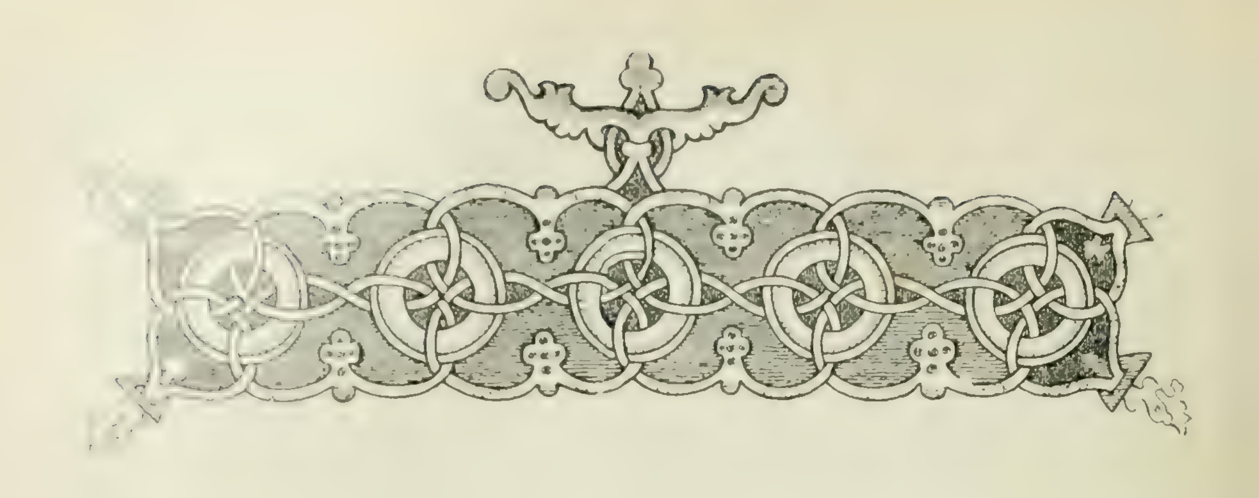
Нужно отмѣтить также, что на ряду съ указанными особыми движеніями (1854, 1855 и 1857 гг.) продолжались и обычныя крестьянскія волненія. Правда, въ 1855 г. ихъ офиціально извѣстно лишь 10 (волненія, связанныя съ государственнымъ ополченіемъ, въ этотъ счетъ не идутъ), въ 1856 г. ихъ число повышается до 25, въ 1857 г. — до 40. Въ 1855 г. въ 4 имѣніяхъ крестьяне были усмирены при помощи полицейскихъ наказаній, въ 3 — для усмиренія употреблена была военная команда. Въ 1856 г. военная команда употреблялась въ 9 имѣніяхъ, а въ 10 — крестьяне усмирены при помощи полицейскихъ наказаній, въ 1 имѣніе былъ даже командированъ фл.-адъютантъ кн. Сумароковъ-Эльстонъ. Наконецъ, въ 1857 году военныя команды были введены въ 24 имѣнія, а въ 16 порядокъ возстановленъ былъ „мѣстными полицейскими мѣрами".

Опасенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, что съ объявленіемъ приступа къ крестьянской реформѣ безпорядки среди крестьянъ разрастутся и примутъ опасные размѣры, оказались, конечно, напрасными. Правда, въ 1858 г. въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ были доставлены мѣстными властями свѣдѣнія о волненіяхъ почти въ 200 имѣніяхъ (по отчету Министерства Внутреннихъ Дѣлъ — болѣе чѣмъ въ 170 имѣніяхъ). Но эта цифра, превышающая почти въ 5 разъ количество волненій въ 1857 году, явилась, несомнѣнно, въ значительной степени результатомъ энергичныхъ требованій министра внутреннихъ дѣлъ отъ начальниковъ губерній доносить о всѣхъ случаяхъ неповиновенія, какъ бы они ни были незначительны. Поэтому въ 1858 г. въ числѣ свѣдѣній о крестьянскихъ волненіяхъ попадаются донесенія о неповиновеніяхъ даже нѣсколькихъ человѣкъ крестьянъ, прекращенныхъ внушеніями или полицейскими мѣрами, примѣненными становымъ приставомъ и другими мелкими полицейскими чинами. Въ 1859 г., по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, было 70 волненій, въ 1860 г. до Высочайшаго свѣдѣнія было доведено о 100 случаяхъ неповиновенія; наконецъ въ 1861 г. до марта мѣсяца, т.-е. приблизительно до объявленія манифеста, извѣстно болѣе 10 случаевъ волненій. Несомнѣнно, такимъ образомъ, что крестьяне не оставались спокойными и во время выработки Положенія 19 февраля. Какъ бы ни были незначительны случаи неповиновеній, свѣдѣнія о которыхъ попадали въ эти годы въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, все же на ряду съ такими незначительными волненіями были и довольно крупныя. Можно указать, для примѣра, на вопіющее дѣло 1860 г. саратовскихъ и самарскихъ крестьянъ кн. Кочубея, желавшаго присвоить себѣ землю, купленную этими крестьянами за собственныя деньги на имя помѣщика. Кромѣ того, эти цифры, если даже не считать выдающагося по количеству неповиновеній 1858 г. показываютъ нарастаніе волненій сравнительно съ 1857 г., а именно: въ 1857 г. было 40 волненій, въ 1859 г. — 70, въ 1860 г. извѣстно 100 случаевъ неповиновеній, и, наконецъ, въ 2 зимнихъ мѣсяца 1861 г. было болѣе 10 слу-

чаевъ. Этотъ фактъ не можетъ удивлять читателя. Крѣпостныя отношенія продолжали существовать; слѣдовательно, существовали причины, вызывавшія волненія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что съ переносомъ разработки крестьянской реформы въ Петербургъ среди крестьянъ стали замѣчаться разочарованіе и опасенія, что господа опять скрали или скрадутъ волю и крѣпостное право будетъ существовать попрежнему. Но къ обычнымъ причинамъ волненій въ это время прибавились новыя. Во-первыхъ, нѣкоторые безпорядки и неповиновенія вызывались циркулировавшими среди крестьянъ слухами о готовящейся волѣ. Во-вторыхъ, многіе помѣщики сами энергично готовились къ предстоящей реформѣ, заблаговременно округляя свои владѣнія, отрѣзая отъ крестьянъ лучшія земли, переселяя ихъ на неудобныя, продавая крестьянъ на свозъ; съ приступомъ къ реформѣ усилилась отдача крестьянъ въ рекруты, случаи безземельнаго освобожденія крестьянъ, даже противъ ихъ воли, ссылки крестьянъ въ Сибирь, каковыми уловками и злоупотребленіями властью помѣщики старались обезпечить за собой возможно бо́льшее количество земли. Правительство боролось съ этими злоупотребленіями, запретивъ пріемъ въ рекруты изъ мелкопомѣстныхъ имѣній, подчинивъ строгому контролю и всячески стѣснивъ ссылку въ Сибирь, переселенія крестьянъ и проч., но помѣщики, конечно, умѣло обходили создававшіяся слабыя преграды, и злоупотребленія на этой почвѣ, видимо, продолжались со стороны „предусмотрительныхъ“ помѣщиковъ. Крестьяне не могли, конечно, спокойно относиться къ такой практической подготовкѣ къ проведенію реформы въ жизнь и энергично протестовали противъ попытокъ обезземелить ихъ или снабдить негодною землею. Отсюда рядъ волненій, тѣсно связанныхъ съ готовящеюся реформою и составляющихъ прелюдію къ волненіямъ при проведеніи въ жизнь Положенія 19 февраля, когда не только „предусмотрительные“ помѣщики, но и вся дворянская масса энергично боролась съ крестьянствомъ изъ-за каждаго клочка земли, пытаясь всячески обездолить и безъ того экономически обездоленнаго реформою крѣпостного крестьянина.

И. Игнатовичъ.

Крѣпостная интеллигенція.

Прив.-доц. П. Н. Сакулина.

«Какъ милости вашей будетъ завгодно,—отвѣчалъ на все согласный Селифанъ. — Коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать».

Гоголь, «Мертвыя души», т. I, гл. III.

«Рабъ, рабъ... и это слово опять раздается въ моихъ ушахъ! Гнусное животное! И ты осмѣлился произносить мнѣ это? О, ты дорого заплатишь мнѣ за него! Тебя не спасетъ отъ моего мщенія ни твое дворянство, ни твои крестьяне, ни даже самое твое ничтожество!»

Дмитрій Калининъ въ драмѣ Бѣлинскаго.

I.

Красивыми пятнами на скромномъ фонѣ русскаго ландшафта выступаютъ дворянскія усадьбы, „дома съ оранжереями, съ китайскими бесѣдками и съ англійскими парками". То идиллически монотонно, то шумно и привольно текла жизнь въ этихъ родовыхъ гнѣздахъ.

Французу не привидится
Во снѣ — какіе праздники,
Не день, не два — по мѣсяцу
Мы задавали тутъ.
Свои индѣйки жирныя,
Свои наливки сочныя,
Свои актеры, музыка,
Прислуги цѣлый полкъ!
Пять поваровъ, два пекаря,
Двухъ кузнецовъ, обойщика,
Семнадцать музыкантиковъ
И двадцать два охотника
Держалъ я . . . . [1]).

[1]) Некрасовъ, «Кому на Руси жить хорошо».

Словомъ, заключаетъ некрасовскій помѣщикъ Оболтъ Оболдуевъ, „жили мы, какъ у Христа за пазухой, и знали мы почетъ".

А вокругъ усадебъ, этихъ оазисовъ крѣпостнической Руси, копошилось море сермяжныхъ душъ. Болѣе 20 милліоновъ рабовъ прислушивалось къ звукамъ господскаго ликованія и съ трепетомъ поглядывало на барскій домъ, на которомъ „флагъ игралъ, игралъ-манилъ привѣтливо, гостепріимство русское и ласку обѣщалъ". Мужикъ зналъ, что именно ему своимъ трудомъ и пóтомъ придется оплатить всѣ барскія затѣи; онъ зналъ, что каждую минуту его самого, его жену или дочь могутъ сдѣлать орудіемъ забавы и чувственнаго наслажденія.

Тріумфальныя ворота въ Кузьминкахъ — имѣніи кн. Голицына.

Что могло таиться въ глубинѣ крѣпостной души?

Было, вообще говоря, двѣ типичныхъ психологіи: психологія крѣпостного раба и психологія крѣпостного человѣка.

Крѣпостное право не могло не воспитывать въ мужикѣ (какъ и въ самомъ баринѣ, по мѣткому наблюденію Герцена) рабьихъ чувствъ. Бывали настоящіе рабы, безропотно мирившіеся съ своимъ положеніемъ и даже убѣжденные въ законности и святости своего подневольнаго существованія. Не говоря уже о забитыхъ, доведенныхъ до полуидіотства Степушкахъ (въ „Малиновой водѣ" Тургенева) или о такихъ безпечныхъ романтикахъ, какъ Калинычъ („Хорь и Калинычъ" Тургенева), нерѣдкость было встрѣтить среди дворовыхъ и крестьянъ защитниковъ господской власти во всей ея полнотѣ. Гоголевскій Селифанъ или тургеневскій буфетчикъ Вася (въ разсказѣ „Два помѣщика") рѣшительно не видятъ для себя ничего зазорнаго въ сѣченіи розгами и спокойно признаютъ право барина подвергать мужиковъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Случалось, что крѣпостной былъ преданъ своимъ господамъ не за страхъ, а за совѣсть и даже какъ бы сознавалъ свою моральную связь съ барской семьей. Таково было „цѣлое благородное сословіе русскихъ дядекъ

и „русскія няни", по выраженію И. И. Срезневскаго[1]), всѣ эти Арины Родіоновны, [illegible], Савельичи, которымъ суждено было сыграть не малую роль въ крѣпостномъ воспитаніи нашей дворянской интеллигенціи. Благодаря имъ, говоритъ И. С. Аксаковъ[2]), „даже въ чудовищную область крѣпостныхъ отношеній проступали порою кроткіе лучи все облагораживающей, [illegible] возвышающей любви. Условія зависимости и неравенства согрѣвались человѣчностью, даже окрашивались какимъ-то мягкимъ, поэтическимъ колоритомъ". Эту мягкость и поэтичность прежде всего вносило, конечно, доброе сердце крѣпостного воспитателя, которое любовно раскрывалось и для барскаго дитяти и подчасъ было полно нѣжной привязанности къ воспитываемому ребенку[3]).

Изъ среды дядекъ, нянекъ и другихъ дворовыхъ, занимавшихъ какую-нибудь привилегированную должность, чаще всего и выходили сознательные рабы, рабы по убѣжденію.

Васькѣ-музыканту, крѣпостному Водовозовыхъ, посчастливилось выкупиться на волю. Старая нянька не завидуетъ его новому положенію. Крѣпостной, но ея рабьей философіи, счастливъ уже тѣмъ, что онъ — человѣкъ „подначальный"; ему не зачѣмъ разсуждать, что дѣлать. „Значитъ, нечего тебѣ голову думкой ломать али какой заботой сердце сушить... и ѣшь ты свой хлѣбушко безпрепятственно..." А если бываютъ помѣщики безчеловѣчные, „такъ я вамъ осмѣлюсь доложить, что у такихъ-то еще лучше крѣпостному: если со смиреніемъ крестъ свой принять, такъ къ лику святыхъ угодниковъ сопричтенъ будешь"[4]). Тѣ же идеи высказывала и Аннушка, крѣпостная „тетенекъ сестрицъ" (въ „Пошехонской старинѣ"), и Салтыковъ по этому поводу замѣчаетъ, что „доктрина эта въ то время была довольно распространенною въ крѣпостной средѣ и, повидимому, даже подтверждала крѣпостное право", хотя пуристы крѣпостничества и подобное „разсужденіе" все же находили крамольнымъ[5]).

Многіе крѣпостные „слуги", однако, не способны были и на такое разсужденіе, а покорно принимали фактъ за вѣковѣчную норму жизни.

Старый слуга Субочевыхъ, Каллiопычъ (въ романѣ Тургенева „Новь") „на вопросъ: не слыхалъ ли онъ, что для всѣхъ крѣпостныхъ вышла воля,— всякій разъ отвѣчалъ, что мало ли кто какія мелетъ врали; это, молъ, у турковъ бываетъ воля, а его, слава Богу, она миновала".

---

[1]) Барсуковъ, «Погодинъ», I, 142.

[2]) «Біографія Тютчева», стр. 19—20.

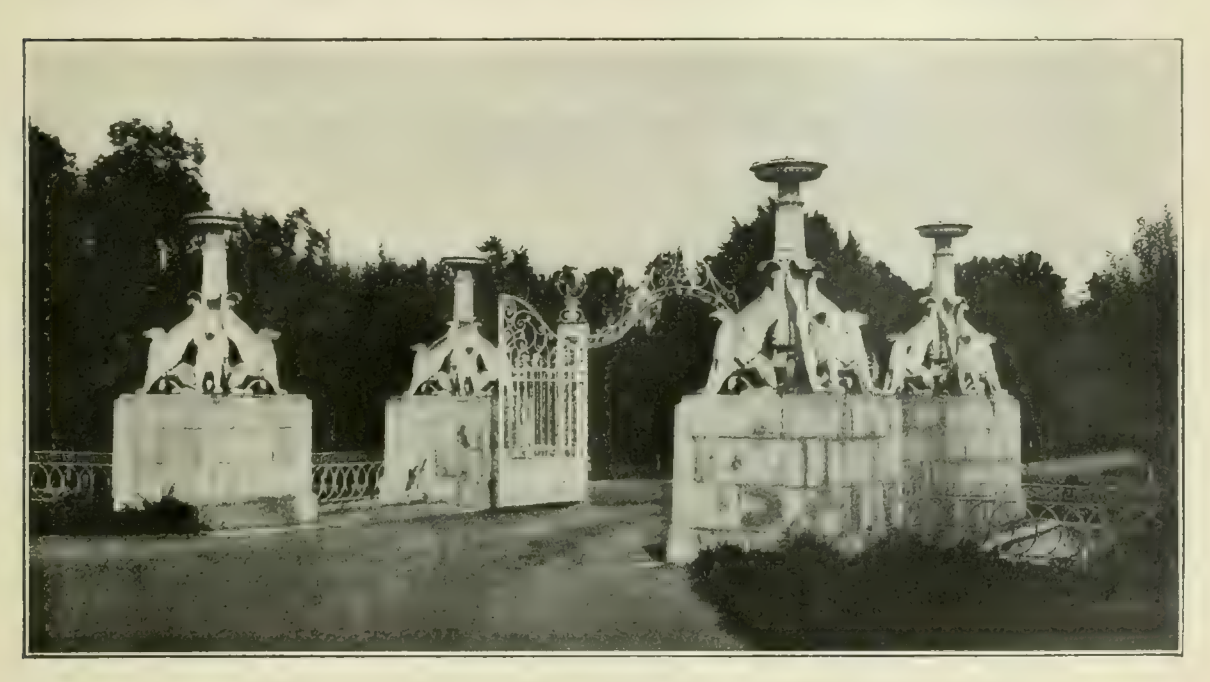
[3]) А господамъ это не мѣшало спокойно продавать своихъ дядекъ и нянь. См. въ «Путешествіи» Радищева главу «Мѣдное».

[4]) «Минувшіе Годы», 1908, май и іюнь, стр. 276.

[5]) Гл. XVIII «Пошехонской старины», Спб., 1895, стр. 295.

Случаи столь явнаго приниженія личности и столь глубокой деморализаціи наблюдались иногда и по отношенію къ большимъ массамъ крѣпостного населенія. Дѣятелямъ крестьянской реформы приходилось порой сталкиваться съ такими грустными фактами, что крестьяне упорно не могли понять своихъ собственныхъ выгодъ и протестовали, напр., противъ отмѣны принудительныхъ браковъ или противъ запрещенія сѣчь розгами при судебныхъ допросахъ [1]).

Но, къ счастью, большая часть крѣпостного населенія не была повинна въ такой тупости и холопской косности. Въ рабѣ не окончательно умиралъ человѣкъ, и человѣкъ проявлялъ себя то спорадическими вспышками законнаго гнѣва, то чаще скрытыми страданіями души. По разнымъ поводамъ (экономическимъ и моральнымъ) и въ разныхъ формахъ выражалось недовольство народа крѣпостнымъ правомъ: жалобы по начальству, побѣги, убійства помѣщиковъ или управляющихъ, самоубійства, волненія и т. п. — все это свидѣтельствовало о томъ, что народъ сознавалъ соціальную неправду, тяготѣющую надъ нимъ, и стремился сбросить мучительное ярмо [2]).

Кузьминки (подъ Москвой). Ворота передъ домомъ („Стар. годы").

Мало того, крѣпостная масса выдѣлила изъ своей среды интеллигенцію въ полномъ смыслѣ этого слова. Вся трагедія русскаго рабства

[1]) И. И. Игнатовичъ, «Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія». Изд. 2. М. 1910. стр. 239—241. Въ дальнѣйшемъ мы не разъ ссылаемся на эту книгу.

[2]) Ibid., стр. 241 и слѣд., 273—5. См. также статью г-жи Игнатовичъ «Волненія помѣщичьихъ крестьянъ отъ 1854 по 1863 г.» въ «Минувшихъ Годахъ», 1908, № 5—6—11.

[illegible] этой крѣпостной интеллигенціи [1]). Являясь въ своей [illegible] аномаліей крѣпостного быта, интеллигенція была, однако, [illegible] порожденіемъ крѣпостного права и всего уклада тогдашней [illegible]

II.

Какимъ же образомъ создавалась наша крѣпостная интеллигенція?

Заранѣе можно сказать, что просвѣщеніе крѣпостного народа находилось въ самомъ жалкомъ состояніи. До XIX вѣка сельская школа почти вовсе не существовала, если не считать какого-нибудь десятка примитивныхъ и недолговѣчныхъ школокъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ 1828 г. министръ Шишковъ могъ насчитать всего на все 600 народныхъ училищъ, въ 1830 г. начальныхъ училищъ было всего 718, въ 1836 г. ихъ было только 661, причемъ наибольшій процентъ падалъ, конечно, на города. Количество сельскихъ школъ болѣе или менѣе увеличивается лишь съ начала 40 гг. и, главнымъ образомъ, въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ. Однако редакціонная комиссія въ 11 губерніяхъ могла назвать лишь 19 крестьянскихъ школъ [2]).

Причины такого положенія вещей очевидны: трудно примирить рабство и просвѣщеніе.

Правда, у насъ никогда не было недостатка въ наивныхъ или лицемѣрныхъ идеологахъ, которые силились самыя возвышенныя идеи вѣка согласовать съ наличными соціальными условіями [3]).

Карамзинъ одинъ изъ первыхъ сталъ мечтать о „просвѣщенномъ земледѣльцѣ“ и, разумѣется, подъ непремѣннымъ условіемъ, что крестьянинъ будетъ доволенъ своимъ положеніемъ. Въ разсужденіи „Нѣчто о наукахъ, ис-

[1] Этотъ, по нашему мнѣнію, весьма удачный терминъ впервые былъ употребленъ г-жею Е. Лѣтковой («Отеч. Зап.», 1883, № 11). Ея статьѣ мы обязаны и многими фактическими указаніями. Нѣкоторую помощь по части библіографіи оказалъ намъ С. П. Мельгуновъ.

[2]) Приведенная статистика, разумѣется, не отличается строгой точностью. О состояніи народной школы въ крѣпостное время см. въ слѣдующихъ работахъ: П. Н. Милюковъ, «Очерки по исторіи культуры», ч. II.—Г. Фальборкъ и В. Чарнолускій, «Народное образованіе въ Россіи», Спб., 1899.—В. И. Чарнолускій, «Начальное образованіе въ первой половинѣ XIX ст.» (въ «Исторіи Россіи въ XIX в.», изд. бр. Гранатъ, вып. 13 и 14).

[3]) Въ 1816 г. московскимъ профессоромъ Львомъ Цвѣтаевымъ были изданы, напр., «Первыя начала права естественнаго». Здѣсь мирно уживаются такіе принципы, какъ «не почитай никогда человѣчества въ другихъ за средство» или «никакое разумное существо не можетъ заставить дѣлать другое что-нибудь противъ его воли» (стр. 10), съ признаніемъ факта личнаго и наслѣдственнаго рабства, «ибо нѣкоторые обѣщались кому-либо служить въ продолженіе своей жизни», а «нѣкоторые и съ потомствомъ своимъ отдалися въ зависимость другихъ» (36 стр.). Тѣмъ же духомъ проникнута и знаменитая въ своемъ родѣ книга «О должностяхъ человѣка и гражданина», изданная въ 1783 г., по повелѣнію императрицы Екатерины II, для народныхъ городскихъ училищъ.

кусствахъ и просвѣщеніи“ (1793 г.), направленномъ противъ Руссо, онъ истощаетъ все свое краснорѣчіе, чтобы достойнымъ образомъ восхвалить просвѣщеніе, какъ „Палладіумъ благонравія“ и „добродѣтели“. Обращаясь къ тѣмъ, „которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ“, Карамзинъ убѣждаетъ ихъ въ безвредности просвѣщенія. Кто наслаждается „плодами искусства и науки“, „тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ“. „Текущій кристалъ“ просвѣщенія равно способенъ утолить жажду „и властелина и невольника“, и „просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Сатрапа“ [1])

Кузьминки, конный дворъ. („Старые годы“).

Конечно, это говоритъ намъ сентименталистъ. Но его идиллическія грезы не перестаютъ повторять всѣ тѣ, кто хочетъ видѣть мужика „просвѣщеннымъ“ и въ то же время крѣпостнымъ. Необыкновенно характерное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ книга Бориса Волжина „Деревенскій староста Миронъ Ивановъ. Народная быль для русскихъ простолюдиновъ“ (Спб., 1839). Эта книга сама по себѣ типична, какъ образецъ произведеній, предназначавшихся для народнаго чтенія [2]).

Дѣйствіе происходитъ въ имѣніи кн. Честова. Идеальный помѣщикъ нашелъ себѣ дѣятельныхъ помощниковъ въ лицѣ священника о. Никандра

---

[1]) Сочиненія Карамзина, т. I. Подъ ред. Л. Н. Поливанова. Стр. 453—455.

[2]) По характеру и плану она напоминаетъ книгу Жюссье, переведенную у насъ въ 1838 г. подъ заглавіемъ: «Дядя Симонъ, торговецъ по ярмаркамъ, или умъ хорошо, а два лучше того» (Спб.). Ср. рецензію Бѣлинскаго въ IV т. (Венгерова), стр. 62—63. Въ томъ же духѣ и книга: «А. Тейльса, Ручная библіотека для людей, употребляемыхъ по русскому сельскому хозяйству и по части домоводства», 1838, Москва. Выразителемъ крѣпостническихъ идей является здѣсь «престарѣлый священникъ, о. Харалампій». Ср. Бѣл. (Венг.), III, 406—7. Дядя Ириней, фигурирующій въ народныхъ разсказахъ кн. В. Ѳ. Одоевскаго, въ несомнѣнномъ родствѣ и съ дядей Симономъ и съ старостой Мирономъ.

и старостѣ Миронѣ человѣка не только грамотнаго, но и весьма начитаннаго. Дѣйствуя лишь духовными средствами (нравоученіями, школой, книгой, библіотекой и т. д.), о. Никандръ и Миронъ подняли мужиковъ на небывалую высоту экономическаго благосостоянія и нравственнаго совершенства. Дѣло дошло до того, что „почти у каждаго крестьянина въ красномъ углу подъ образами былъ вдѣланъ шкапчикъ, въ которомъ было нѣсколько хорошихъ книгъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ“ (153—154). Авторъ приводитъ даже каталогъ библіотеки Мирона и его сына Сергѣя. Зная, сколько господствуетъ предразсудковъ въ вопросѣ о просвѣщеніи, Волжинъ старательно разъясняетъ, надо думать, „простолюдинамъ“, что „отъ чтенія полезныхъ, наставительныхъ и нравственныхъ книгъ никогда вреда не будетъ“ (158). А если бы на этотъ счетъ обезпокоились господа помѣщики, то нашъ авторъ сошлется на свой „Нравственный катихизисъ“, который онъ составилъ по „Нравоучительнымъ разговорамъ“, изданнымъ для училищъ Удѣльнаго вѣдомства въ 1832 г. Здѣсь въ достаточной мѣрѣ говорится о всевозможныхъ обязанностяхъ добрыхъ поселянъ. Не забыты, конечно, „обязанности къ помѣщикамъ и начальникамъ“.

В. А. Тропининъ.

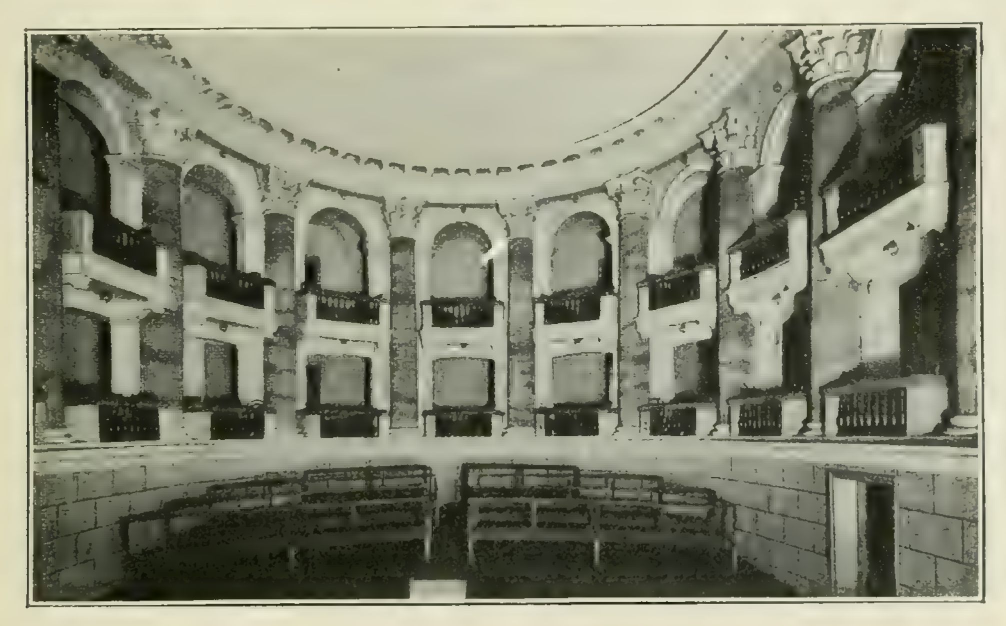
Не только Б. Волжинъ, но въ сущности и вся, правда, весьма скудная литература для народа, не исключая и лучшихъ изданій въ этомъ родѣ, старается просвѣщать и поучать народъ въ предположеніи, что крѣпостное право остается незыблемымъ. Авторы народныхъ книжекъ, подобно Волжину, добросовѣстно убѣждены въ совмѣстимости просвѣщенія и рабства.

Правительство, по крайней мѣрѣ въ николаевскую эпоху, и помѣщики не раздѣляли, однако, такого наивнаго взгляда, и фактическая дѣйствительность была безконечно далека отъ идилліи какого-нибудь Волжина. Уже Шишковъ въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія отчетливо формулировалъ руководящій принципъ, что „науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ“. Какую же надобность въ образованіи можетъ имѣть сынъ крѣпостного мужика? Правительству извѣстны случаи, когда дѣти крѣпостныхъ попадали въ гимназіи и даже университеты. Высочайшій рескриптъ 1827 г. категорически усматриваетъ въ этомъ вредъ двоякій: „Съ одной стороны, сіи молодые люди, получивъ

Архангельское. Видъ на паркъ съ террасы.

первоначальное воспитаніе у помѣщиковъ или родителей нерадивыхъ, по большей части входятъ въ училища съ дурными навыками и заражаютъ ими товарищей своихъ въ классахъ и чрезъ то препятствуютъ попечительнымъ отцамъ семействъ отдавать своихъ дѣтей въ сіи заведенія; съ другой же, отличнѣйшіе изъ нихъ по прилежности и успѣхамъ пріучаются къ роду жизни, къ образу мыслей и понятіямъ, не соотвѣтствующимъ ихъ состоянію. Неизбѣжныя тягости онаго для нихъ становятся несносны, и отъ того они нерѣдко въ уныніи предаются пагубнымъ мечтаніямъ или низкимъ страстямъ" [1]). Въ виду всего этого предписывается не пускать крѣпостныхъ далѣе приходскихъ и уѣздныхъ училищъ или низшихъ профессіональныхъ школъ. При министрѣ Уваровѣ соблюдался тотъ же поря-

Театръ въ Архангельскомъ. („Міръ Искусствъ").

докъ и притомъ съ большей строгостью и послѣдовательностью, чѣмъ раньше. Люди крѣпостного состоянія, говорится въ министерской запискѣ 1843 г., допускаются въ среднія и высшія уч. заведенія не иначе, „какъ когда, по волѣ помѣщиковъ, получатъ увольненіе отъ сего состоянія". То же ограниченіе было распространено и на лицъ, поступающихъ въ Академію Художествъ (тогда какъ еще въ началѣ 30 годовъ медаль, получаемая крѣпостнымъ отъ Академіи Художествъ, давала ему право на свободу), хотя крѣпостные и здѣсь въ сущности никогда не могли разсчитывать на вполнѣ благосклонный пріемъ: президентъ Академіи, Оленинъ, напр., относился къ крѣпостнымъ, по меньшей мѣрѣ, скептически: „изъ крѣпостныхъ", по его

---

[1]) Н. К. Шильдеръ, «Императоръ Николай I», II, 34.

[illegible] не остался порядочнымъ человѣкомъ" [1]). Николаевское правительство [illegible]довательно ставило себѣ задачу подавлять „необузданное стремленіе [illegible] людей изъ низшихъ сословій къ высшему образованію, [illegible] ихъ изъ первобытнаго состоянія безъ пользы для государства". Вѣдь школа и книга способны „приводить низшіе классы нѣкоторымъ образомъ въ движеніе и поддерживать оные какъ бы въ состояніи напряженія", а это „не только безполезно, но и вредно" (изъ резолюціи главнаго управленія въ 1834 г.). Охраняя существующій порядокъ вещей, правительство стремилось воздвигать всякія плотины на пути просвѣщенія народныхъ массъ. Его политика, ясная и послѣдовательная, вполнѣ отвѣчала господствовавшимъ взглядамъ дворянскаго класса.

Среди помѣщиковъ далеко не часто попадались убѣжденные сторонники просвѣщенія крѣпостного народа, подобные миѳическому князю Честову или историческому Николаю Муравьеву. Въ имѣніи Муравьева существовало учебное заведеніе, „въ коемъ 60 крестьянскихъ дѣтей воспитываются столь хорошо, что въ теченіе четырехъ лѣтъ могутъ быть управителями имѣній". На этотъ прискорбный фактъ въ началѣ николаевскаго царствованія и обращалъ вниманіе государя Бенкендорфъ [2]).

Въ большинствѣ же случаевъ помѣщикъ отстранялъ отъ себя излишнія заботы о созданіи народной школы. Еще среди депутатовъ екатерининской комиссіи 1768 г. раздавались опредѣленные голоса противъ народной школы, потому-де земледѣльцу нужна, самое большее, лишь „россійская грамота", а ей онъ научится и безъ школы. И затѣмъ, почти черезъ сто лѣтъ, въ 1858 г., напр., тульскіе помѣщики откровенно констатируютъ, что въ ихъ имѣніяхъ „способовъ распространенія грамотности не имѣется", и въ этомъ они также не видятъ особенной бѣды: „времени у крестьянъ для занятій науками нѣтъ", и грамотность для мужика „болѣе вредна, нежели полезна" [3]).

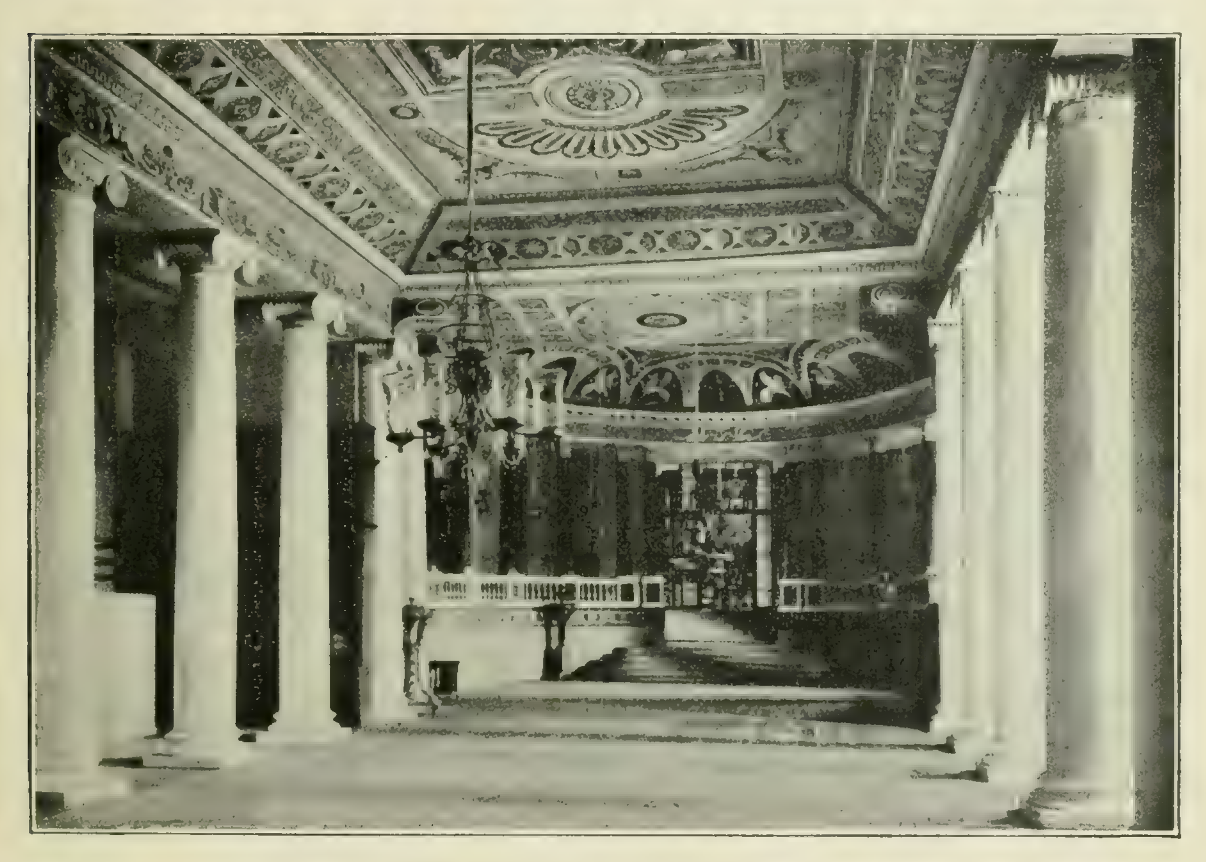
Тѣмъ не менѣе, передъ нами налицо фактъ существованія образованныхъ людей изъ среды крѣпостного крестьянства. Изъ предыдущаго нетрудно заключить, что это явленіе должно было носить спорадическій характеръ и имѣть мѣсто, главнымъ образомъ, у крупныхъ помѣщиковъ, потребности которыхъ были настолько сложны и утонченны, что они уже чувствовали нужду въ людяхъ интеллигентныхъ профессій. Весь складъ помѣщичьей жизни, опредѣлявшійся преимущественно условіями натуральнаго

[1]) А. Оленинъ, «Краткое историч. извѣстіе о состояніи Академіи Художествъ», Спб., 1829, стр. 77.

[2]) М. Лемке, «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.», стр. 43.

[3]) Д. Успенскій, «Помѣщики и грамотность крестьянъ», «Русск. М.», 1904, № 3.— Ср. статью Чарнолускаго въ «Исторіи Россіи», вып. 14, стр. 124—5, и книгу Игнатовичъ, стр. 232—3.

хозяйства, неизбѣжно велъ за собой образованіе крѣпостной интеллигенціи. „Въ то время,—пишетъ Кропоткинъ [1]),—завѣтнымъ желаніемъ каждаго помѣщика было, чтобы все необходимое въ хозяйствѣ изготовлялось собственными крѣпостными людьми“. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ составѣ многочисленной дворни помѣщиковъ встрѣчаются актеры, музыканты, живописцы, архитектора, учителя, врачи, юристы и т. п. Графъ Строгановъ владѣлъ столь талантливымъ архитекторомъ, что ему поручалъ нѣкоторыя работы самъ имп. Павелъ [2]). Крѣпостной фельдшеръ Тургеневыхъ былъ за границей

Театральная зала въ Останкинѣ.

одновременно съ Иваномъ Сергѣевичемъ и обучался въ Берлинскомъ университетѣ [3]). Твердышевъ обучалъ своего крѣпостного Дороѳея Серебрякова врачебному искусству у московскихъ докторовъ (Лѣткова, 163). Былъ крѣпостной врачъ („Саша докторъ“) и у Кропоткиныхъ („Записки революціонера“, 51). У графа Орлова въ Отрадѣ, кромѣ артистовъ и художниковъ, „былъ

[1]) «Записки революціонера», 24.

[2]) Memoires de M-me Vigée-Lebrun, Paris, 1835, II, p. 316.—Статья бар. Врангеля въ «Старыхъ Годахъ», 1910, іюль—сент., стр. 26.

[3]) Житова, «Воспоминанія о семьѣ И. С. Тургенева», «В. Е.», 1884, ноябрь.—Игнатовичъ, 210.

[illegible] поджидать въ опредѣленномъ часу появленія на [illegible] планеты и о томъ докладывать; были и доморощенные [illegible] было лицо, исправлявшее должность богослова"[1]). Вслѣд-[illegible] намъ правительственнаго распоряженія, крѣпостной могъ [illegible] образованіе или у отдѣльныхъ учителей, или за границей. Впрочемъ, художники могли обучаться также въ арзамасской школѣ А. В Ступина[2]).

Иногда крѣпостной человѣкъ привлекалъ благосклонное вниманіе барина самымъ своимъ талантомъ. Къ числу такихъ рѣдкихъ случаевъ нужно отнести, напр., судьбу знаменитаго О. А. Кипренскаго. Онъ былъ крѣпостнымъ бригадира Дьяконова; помѣщикъ замѣтилъ въ немъ талантъ, помѣстилъ его въ Академію Художествъ и далъ ему волю.

Особую группу среди крѣпостной интеллигенціи составляли такъ называемые воспитанницы и воспитанники, нерѣдко изъ числа незаконнорожденныхъ дѣтей барина. По свидѣтельству кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго, „по заведенному изстари порядку, воспитанницы должны были находиться въ каждомъ московскомъ порядочномъ домѣ"[3]).

Самый большой процентъ среди крѣпостной интеллигенціи составляли живописцы и артисты. Представители прочихъ интеллигентныхъ профессій считались единицами, тогда какъ люди этихъ категорій—сотнями. Во-первыхъ, въ сферѣ искусства крѣпостному легче всего было проявить свой талантъ, такъ сказать, непосредственно, безъ предварительнаго правильнаго ученія. А во-вторыхъ, въ живописцахъ и артистахъ помѣщики ощущали наибольшую надобность. Старыя барскія усадьбы полны произведеній крѣпостныхъ художниковъ. „Живопись въ исторіи крѣпостной Россіи,—читаемъ въ статьѣ бар. Врангеля[4]), — дала намъ наиболѣе выдающіеся таланты. Портретное искусство было необходимой частью помѣщичьяго быта — всякій хотѣлъ имѣть изображеніе свое и близкихъ. Эта настойчивая прихоть создала множество, если и не всегда хорошихъ художниковъ, то весьма занимательныхъ бытописателей. Кривые и косые, неуклюжіе и неумѣлые портреты работы крѣпостныхъ имѣютъ для насъ драгоцѣнную прелесть подлинныхъ документовъ".

Но все же наибольшее количество крѣпостныхъ, о которыхъ у насъ все время идетъ рѣчь, было занято сценой.

Крѣпостной театръ, служившій одной изъ любимыхъ забавъ стараго барства, заслуживаетъ того, чтобы сказать о немъ особо нѣсколько словъ.

[1]) Біограф. очеркъ гр. В. Г. Орлова, II, 14.

[2]) Объ этой школѣ и ея крѣпостныхъ воспитанникахъ—см. въ превосходной статьѣ бар. Врангеля («Старые годы», 1910, іюль—сент., стр. 31).

[3]) Кн. В. Ѳ. Одоевскій, «Катя или исторія воспитанницы», «Новоселье», кн. II, стр. 376.

[4]) Бар. Врангель, «Помѣщичья Россія», «Старые годы», 1910, іюль — сент., стр. 30. См. и всю главу «Искусство крѣпостныхъ» (25 и сл.).

III.

„Драматическій словарь 1787 года“ съ восхищеніемъ писалъ: „Каждый знаетъ, что въ десятилѣтнее время и меньше начальники, управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи, придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства заводить благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенные и строящіеся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры... Благородное россійское дворянство, вошедшее во вкусъ благонравнымъ воспитаніемъ, находитъ свою забаву, вмѣсто отдохновенія, въ зрѣніи театра и въ прочихъ безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Просвѣщеніе

Крѣпостной оркестръ Гончаровыхъ („Стар. годы“).

торжествуетъ, благонравіе и нѣжность въ обхожденіи; жестокость исчезаетъ, забавы буйственныя оставлены вездѣ, даже въ отдаленныхъ россійскихъ провинціяхъ“.

Интересный образчикъ оптимистическихъ сужденій людей екатерининской эпохи! Въ этомъ панегирикѣ царствованію Екатерины II и благородному россійскому дворянству, однако, вполнѣ вѣрно переданъ самый фактъ быстраго размноженія театровъ по провинціальнымъ городамъ и дворянскимъ усадьбамъ.

Крупные магнаты, какъ графъ Шереметевъ, гр. Каменскій, гр. З. Г. Чернышовъ, кн. Н. М. Волконскій, имѣли огромныя труппы изъ крѣпостныхъ артистовъ, и притомъ не только драматическія труппы, но и оперныя

и [illegible] разумѣется, свои декораторы, свои театральные перевод-
[illegible] композиторы. Напримѣръ, крѣпостной кн. Н. М. Волконскаго [illegible] оперу „Милена" на слова Хераскова. (Имя композитора не [illegible] для потомства) [1]). По ихъ примѣру и мелкіе помѣщики заводили свои крѣпостные театры; артистовъ бывало немного, ну „а все-таки человѣкъ по десяти". Тогда такъ было принято и... казалось..., что иначе и быть не могло" [2]).

Нѣкоторые театры были хорошо организованы и богато обставлены. Такъ, подмосковный театръ гр. Шереметева (въ Кусковѣ), „изъ частныхъ театровъ самый старшій и лучшій", „не уступалъ петербургскимъ придворнымъ и далеко превосходилъ устройство тогдашняго московскаго" [3]). За немногими исключеніями, труппа Шереметева состояла изъ крѣпостныхъ людей. Крѣпостными были и декораторъ (Иванъ Аргуновъ) и переводчикъ (Василій Врублевскій). Балетомъ управлялъ иностранецъ, итальянецъ Чіанфанели. Иностранцы вообще нерѣдко приглашались на роли капельмейстеровъ и режиссеровъ. „Капельмейстера изъ нѣмцевъ держалъ, — разсказываетъ Туманъ о графѣ Петрѣ Ильичѣ („Малиновая вода" Тургенева),—да зазнался больно нѣмецъ: съ господами за однимъ столомъ кушать захотѣлъ; такъ и велѣли ихъ сіятельство прогнать его съ Богомъ; у меня и такъ, говоритъ, музыканты свое дѣло понимаютъ. Извѣстно: господская воля". Дѣйствительно, помѣщики-театралы умѣли обходиться собственными средствами, безъ иноземнаго содѣйствія, и не гнушались брать на себя роль режиссеровъ.

Знаменитый Суворовъ, у котораго также была крѣпостная труппа, отдаетъ своему управляющему характерное распоряженіе: „Васька комикомъ хорошъ, но трагикомъ будетъ лучше Никитка. Только должно ему научиться выраженію, что легко по запятымъ, точкамъ, двоеточіямъ, восклицательнымъ и вопросительнымъ знакамъ. Въ риѳмахъ выйдетъ легко. Держаться надобно каданса въ стихахъ, подобно инструментальному такту,—безъ чего ясности и сладости въ рѣчи не будетъ, ни восхищенія,—о чемъ ты все сіе подтвердительно растолкуй. Вмѣсто Максима и Бочкина съ комическими ролями можно пріучать и маленькихъ пѣвчихъ изъ крестьянъ. Сверхъ того, французской грамматикѣ заставить учиться исподволь Алексашку-парикмахера; ему и Николай покажетъ, только бы онъ умѣлъ читать" [4]).

---

[1]) „Разсказы бабушки", „Р. В.", 1878, № 4, стр. 714.—Отдѣльно: «Разсказы бабушки изъ воспоминаній пяти поколѣній, записанные и собранные ея внукомъ Д. Благово». Спб., 1885, стр. 55.—Лѣткова, стр. 161.

[2]) Лѣткова, 161.

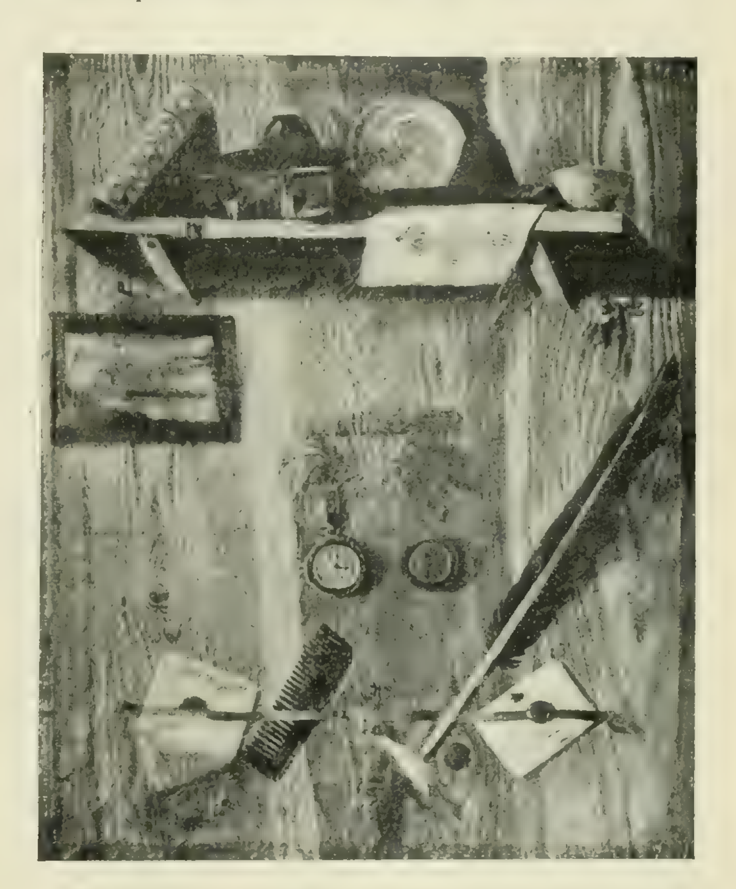
[3]) Б. В. Варнеке, «Исторія р. театра», Казань, 1908, ч. I, стр. 139.

[4]) Н. Рыбкинъ, «Генералиссимусъ Суворовъ», стр. 64. В. И. Семевскій, «Крестьяне въ царствованіе Ек. II», Спб., 1887.—Лѣткова, 171.—Варнеке, I, 143.

Не знаемъ, какъ управляющій Суворова приводилъ въ исполненіе инструкцію барина, но намъ извѣстно, какъ велъ себя въ качествѣ капельмейстера крѣпостной управляющій нѣкоей г-жи Б., которому временно пришлось замѣщать настоящаго дирижера оркестра. Замѣтивъ, что басъ, во время паузы, положилъ смычокъ и не играетъ, управляющій возмутился такой лѣнью музыканта и въ гнѣвѣ избилъ его своей дирижерской палкой [1]).

Не лучше приходилось артистамъ, когда самъ баринъ вмѣшивался въ режиссерскую часть, а это, конечно, происходило постоянно.

Помѣщики вербовали въ труппу всѣхъ, по своему личному усмотрѣнію; вспомнимъ, кѣмъ только ни былъ несчастный Сучокъ („Льговъ" Тургенева) и кучеромъ, и поваромъ, „кофишенкомъ", „фалеторомъ", садовникомъ, доѣзжачимъ, рыболовомъ и, наконецъ, и „ахтеромъ... на кеятрѣ игралъ". „Вотъ меня возьмутъ и нарядятъ,—вспоминаетъ самъ Сучокъ,—я такъ и хожу наряженый, или стою, или сижу, какъ тамъ придется. Говорятъ: вотъ что говори,—я и говорю. Разъ слѣпого представлялъ... Подъ каждую вѣку мнѣ по горошинѣ положили... Какъ же!"

„Мертвая природа" (рис. крѣпостного худож. Теплова).

При этихъ условіяхъ въ крѣпостныхъ труппахъ, разумѣется, бывало не мало людей мало способныхъ, а неграмотные попадали то и дѣло, такъ что роли разучивались съ голоса. Князь И. М. Долгорукій, побывавши въ нижегородскомъ театрѣ кн. Шаховского, далъ о немъ такой высокомѣрный отзывъ: „Какого ожидать дарованія отъ раба неключимаго, котораго можно и высѣчь и въ стулъ посадить по одному произволу? Слѣдовательно, и толпа его актеровъ, которыхъ очень много, играетъ точно такъ, какъ волъ везетъ тягость,

---

[1]) Лѣткова, 175.

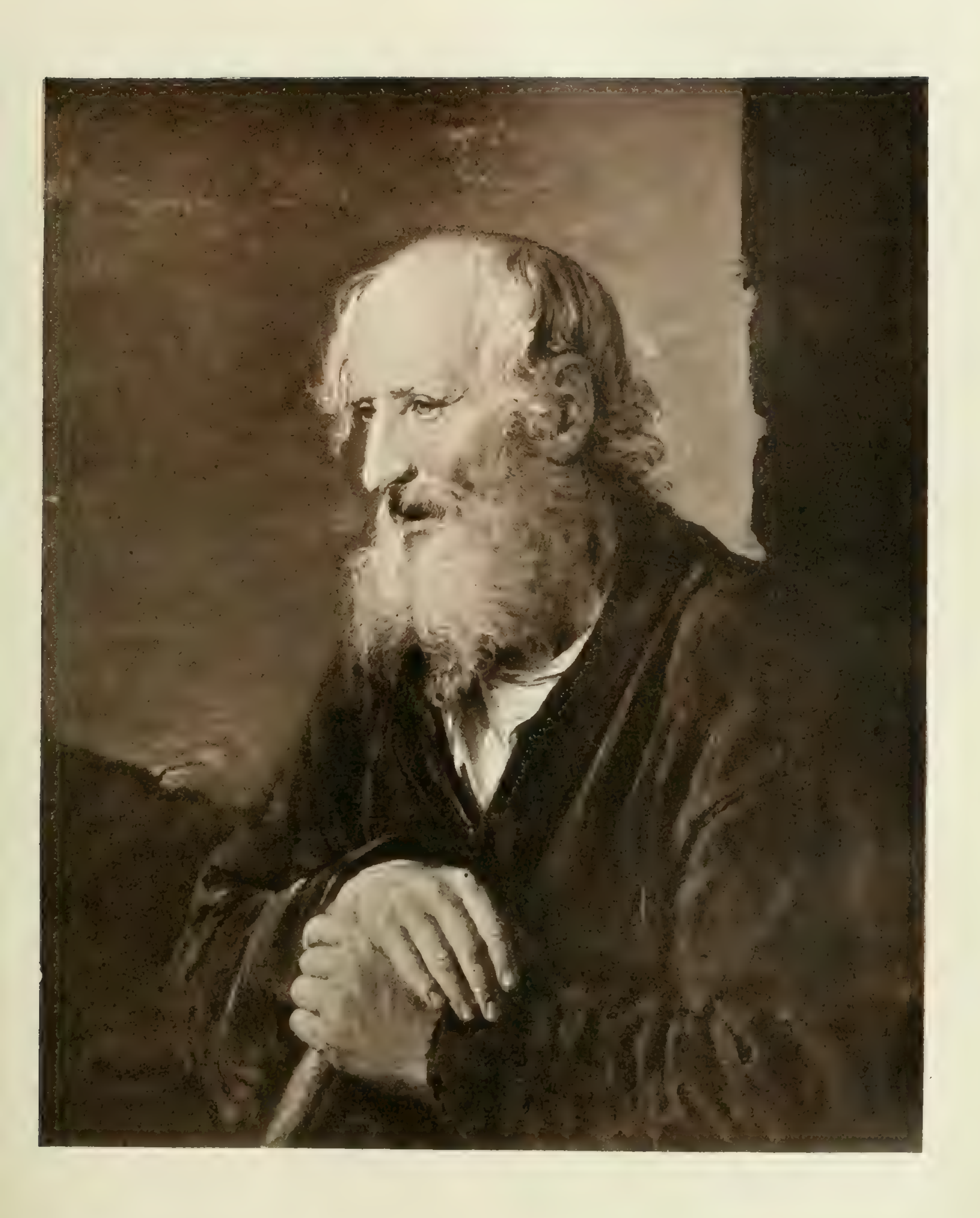
[illegible] духомъ гонитъ. Я не восхожу къ причинамъ, отъ чего [illegible] не можетъ имѣть превосходнаго таланта. Скажу только [illegible] театральныя весьма хороши въ Нижнемъ для людей [illegible] но, назвавши ихъ актерами, почти нельзя смотрѣть безъ отвра[illegible] на ихъ тѣлодвиженія: они не играютъ, а, такъ сказать площаднымъ словомъ, кривляются; но повторимъ, что для холопей и это больше, нежели чаять можно“ (Варнеке, I, 141—2).

Если и справедливо, что въ крѣпостныя труппы часто попадали люди безъ призванія и таланта, то принципіальное мнѣніе кн. Долгорукаго о рабахъ актерахъ опровергается цѣлымъ рядомъ фактовъ изъ жизни крѣпостныхъ театровъ. На ихъ сценахъ подвизались нерѣдко крупные таланты, которые потомъ, если судьба оказывалась для нихъ благосклонной, пріобрѣтали всероссійскую извѣстность, какъ М. С. Щепкинъ, какъ Асенкова.

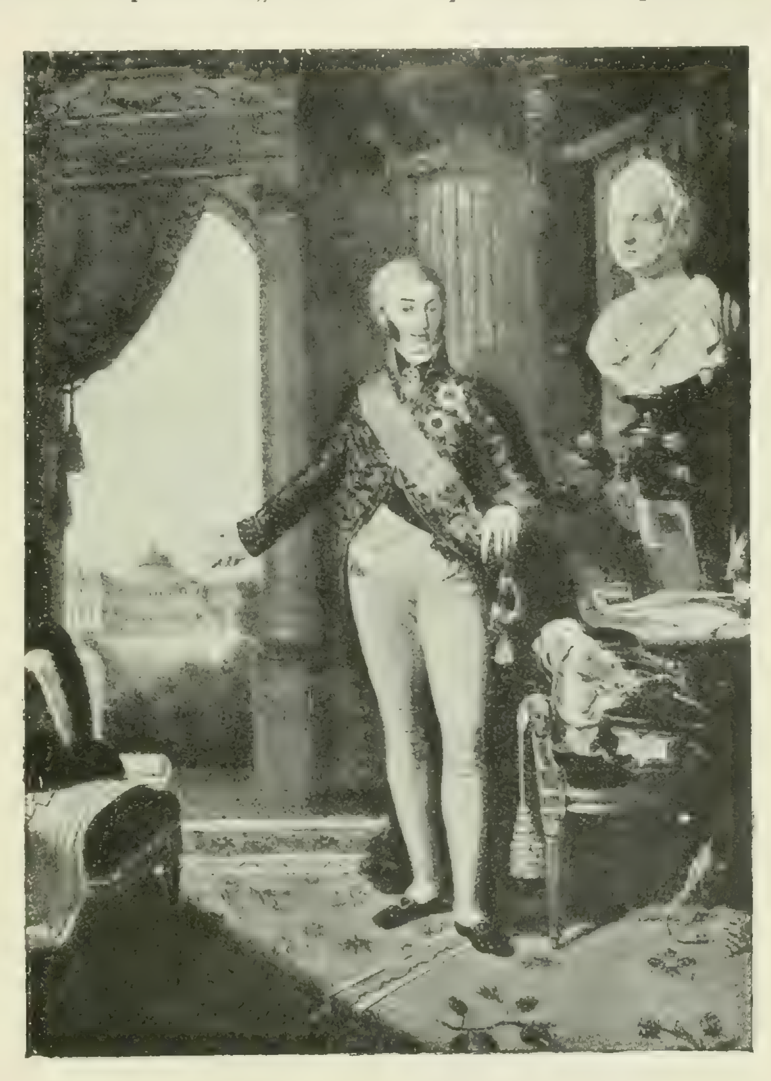
Независимо отъ степени своего таланта, артистъ принужденъ былъ испытывать на себѣ весь капризъ и деспотизмъ помѣщичьей власти. Вотъ нѣсколько фактовъ, характеризующихъ обращеніе помѣщиковъ съ своими крѣпостными артистами. Старичокъ камергеръ Ржевскій, сидя въ ложѣ, устроенной на сценѣ его балетнаго театра, говорятъ подпрыгивалъ на стулѣ и кричалъ: „Анюта, выше подымай! Грушенька, руки, руки!“ (переписка Булгакова въ „Р. Арх.“, 1901, VI, стр. 27). Въ театрѣ гр. Каменскаго постоянно висѣла плеть; если чья-нибудь игра не нравилась графу, онъ въ антрактѣ шелъ за кулисы и плетью расправлялся съ виновниками, такъ что „вопли наказуемыхъ отчетливо слышались зрителями“. А провиниться передъ Каменскимъ было нетрудно: онъ требовалъ, чтобы играли безъ суфлера, выучивая на память свои роли; самъ онъ сидѣлъ съ записной книжкой и вносилъ въ нее каждую сдѣланную актеромъ ошибку. Случалось, что за провинности графъ сѣкъ и своихъ premières amoureuses. Конюшня вообще составляла необходимое отдѣленіе крѣпостного театра.

Сельскій священникъ („Записки сельскаго священника“ въ „Р. Ст.“, 1880, янв.) разсказываетъ объ одномъ помѣщикѣ, который отличался такой любовью къ искусству и обладалъ столь утонченнымъ музыкальнымъ слухомъ, что не могъ простить своимъ церковнымъ пѣвчимъ, своимъ пѣвцамъ и актерамъ ни малѣйшей погрѣшности. „Каждая ошибка на полтона замѣчалась имъ: „Ты, Саша, опять сфальшивила въ „Достойно“ ля-діэзное, а ты, Даша, въ концертѣ въ „Пріидите“—ди-фисъ“. Послѣ такого замѣчанія Саша и Даша получали по 25 горячихъ. Вечеромъ та же самая Саша должна была участвовать въ спектаклѣ. Если, по мнѣнію барина, она держится „не совсѣмъ ловко“ въ роли графини, безъ надлежащаго достоинства, то опять отсылается на конюшню, чтобы получить установленное наказаніе.

А вотъ французъ De Passenans присутствуетъ на спектаклѣ въ театрѣ помѣщика Б. Въ халатѣ и ночномъ колпакѣ съ трубкой во рту расхаживалъ

баринъ во время представленія между кулисами, „подбадривая словами и жестами своихъ крѣпостныхъ артистовъ". Когда актриса, исполнявшая роль Дидоны, въ чемъ-то ошиблась, разгнѣванный режиссеръ-баринъ безъ церемоніи выскакиваетъ на сцену, наноситъ Дидонѣ звонкую пощечину и кричитъ: „Я говорилъ, что поймаю тебя на этомъ. Послѣ представленія ступай на конюшню за заслуженной наградой". „Дидона, — продолжаетъ разсказчикъ, — поморщившись отъ пощечины, приняла снова гордый видъ и продолжала свою арію какъ ни въ чемъ не бывало" [1].

Гр. Н. П. Шереметевъ (портр. Боровиковскаго).

Описывая пензенскій театръ, Вигель говоритъ объ артистахъ: „Все это были какія-то страдальческія фигуры, все какъ-то отзывалось побоями и нѣкоторые увѣряли, будто на лицахъ сквозь румяна и бѣлила были иногда замѣтны синія пятна". Князь П. А. Вяземскій въ 1822 г. познакомился съ пензенскимъ театромъ Гладкова, „провонявшаго чеснокомъ и водкой" (соч., т. IX, 72—73), и въ результатѣ своихъ наблюденій записалъ: „Больнѣе всего, что пьяный помѣщикъ имѣетъ право терзать своихъ подданныхъ за то, что они дурно играли или не понравились помѣщику. Право господства не должно бы простираться до этой степени".

Подобные разсказы можно бы приводить безъ конца. Но и этихъ иллюстрацій достаточно, чтобы представить себѣ фактическое положеніе крѣпостныхъ актеровъ въ моменты служенія „святому искусству".

---

[1]) La Russie et l'esclavage, II, 140—1.—Лѣткова, 168.

Иной разъ актерки составляли попросту барскій гаремъ, и любезный помѣщикъ при случаѣ потчевалъ ими и своихъ гостей, какъ это дѣлалъ, напр. [illegible], о которомъ вспоминаетъ Вигель. Отдѣльные факты, въ родѣ того, что графъ Шереметевъ женится на своей крѣпостной актрисѣ, или Семенова выходитъ замужъ за кн. Гагарина, являются рѣдкими исключеніями.

Крѣпостной театръ былъ прежде всего забавой богатыхъ помѣщиковъ, но иногда владѣльцы пользовались имъ, какъ источникомъ доходовъ, торгуя талантами своихъ крѣпостныхъ. Крѣпостныя труппы играли по городамъ, на ярмаркахъ: отдѣльные актеры участвовали въ другихъ труппахъ и платили барину оброкъ. Одинъ изъ князей Одоевскихъ жилъ на средства, зарабатываемыя его крѣпостнымъ оркестромъ (Лѣткова, 163—164). За ненадобностью, помѣщикъ продавалъ свою труппу или распродавалъ „поодиночкѣ" своихъ актеровъ и актрисъ.

На страницахъ „С.-Пет. Вѣдомостей" или „Моск. Вѣдомостей" конца XVIII в. и въ началѣ XIX можно встрѣтить объявленія, въ родѣ слѣдующаго: „Продается музыкантъ, 35 лѣтъ съ женою и дочерью, да крестьянинъ, обученный ткацкому мастерству" [1]).

Водовозова продала своего Ваську-музыканта съ женой за 1.500 руб. Помѣщица Черткова въ 1805 г. продала Юрасовскому за 37.000 р. ассигнаціями „крепосной музыкальный хоръ, преизрядно обученый музыке, образованый въ искустве семъ отменными, выписными изъ чужихъ краевъ, сведущими въ своемъ деле музыкальными регентами, всего 44 крепостныхъ музыканта съ ихъ жены, дѣти и семействы, а всего на всего съ мелочью 98 человѣкъ" [2]). А подъ „мелочью" продавщица разумѣла „стариковъ, дѣтей, музыкальные инструменты, пьесы и прочія принадлежности".

Графъ Каменскій пріобрѣлъ у Офросимова актеровъ Кравченковыхъ съ шестилѣтнею дочерью, вымѣнявъ ихъ на 250 крестьянскихъ душъ (Лѣткова, 162). Въ 1806 г. государь купилъ за 32 тысячи рублей труппу въ 74 человѣка, крѣпостныхъ А. Е. Столыпина, которые давно уже подвизались на сценѣ Московскаго Петровскаго театра (Варнеке, I, 143). Казна пріобрѣла также и труппу кн. Волконскаго (ib., II, 15).

Такъ протекала жизнь крѣпостныхъ рабовъ искусства. И нельзя въ достаточной мѣрѣ надивиться кн. Шаликову, который, захлебываясь отъ восторга, описывалъ тѣ наслажденія, какія доставилъ ему и другимъ гостямъ владѣлецъ Буды. Они слушали прекрасную оперу, видѣли блестящій балетъ, цыганскія пляски „терпсихориныхъ нимфъ", блуждали съ этими нимфами въ

[1]) Ср. фотограф. снимки съ объявленій въ I т. нашего изданія.

[2]) Кн. А. Л. Голицынъ, «Изъ прошлаго. Матеріалы для исторіи крѣпостныхъ помѣщичьихъ театровъ въ Орловской губерніи», Орелъ, 1901 г.—В. В. Каллашъ, «Крѣпостные театры и балеты XIX в.», «Р. М.», 1901, ноябрь, 149.

лабиринтѣ „Острова любви“, и нашъ князь сдѣлался даже „плѣнникомъ одной Эвхариты и, подобно сыну Улиссову, не желалъ свободы“. „Сколько пріятностей, сколько просвѣщенія! — восклицаетъ сентиментальный путешественникъ. — Въ заключеніе скажу, что помѣщикъ „Буды“ благотворитель: всѣ сіи плѣняющія насъ существа, о которыхъ печется онъ, какъ отецъ о дѣтяхъ, извлечены имъ изъ ничтожества, т.-е. изъ крестьянскаго состоянія. Судите же, какое разстояніе между теперешнею участью ихъ и тою, которая ихъ ожидала! Превращеніе ихъ покажется непонятнымъ для насъ!“ [1]).

IV.

Къ какой бы категоріи ни принадлежалъ крѣпостной интеллигентъ, юридически онъ былъ не болѣе, какъ res.

Мемуары хранятъ множество разсказовъ о фактическомъ положеніи крѣпостной интеллигенціи вообще. Разсказы эти однообразны по содержанію, но полны глубокаго трагизма.

Обыкновенно баринъ стремился всѣми возможными способами эксплуатировать талантъ и образованіе своего крѣпостного и по большей части безъ всякаго уваженія къ его человѣческому достоинству. Спеціальныя профессіональныя знанія не всегда освобождали крѣпостного отъ другихъ, часто унизительныхъ работъ. Французъ De Passenans („La Russie et l'esclavage“) удивлялся, что крѣпостные артисты, окончивъ спектакль, принуждены были браться за лопату и метлу. Другой иностранецъ Ed. Don Clark („Voyage en Russie, en Tartarie et en Turquie“) съ изумленіемъ наблюдалъ, какъ одному художнику приказывали заниматься починкой стульевъ и столовъ или чистить сапоги. Графъ Морковъ, не задумываясь, заставлялъ своего крѣпостного и уже извѣстнаго художника Тропинина, который къ тому же обучалъ рисованію его собственныхъ дѣтей, исполнять малярныя работы и даже служить за столомъ въ качествѣ лакея. Только въ возрастѣ 47 лѣтъ (въ 1823 г.) Тропининъ получилъ свободу [2]).

Баринъ помыкалъ судьбой своего крѣпостного, какъ хотѣлъ. Крѣпостной Поляковъ получилъ прекрасное художественное образованіе, пріобрѣлъ уже извѣстность въ Петербургѣ въ качествѣ талантливаго портретиста, и вдругъ помѣщикъ потребовалъ, чтобы онъ сопровождалъ его въ роли лакея и стоялъ у него на запяткахъ (Рамазановъ въ біогр. Тропинина). Ученый агрономъ кн. Кропоткина, Гараська (Герасимъ Кругловъ) по волѣ барина превращается также въ лакея („Записки“, 52). Другой помѣщикъ какой-то Ч.

---

[1]) На эти любопытныя страницы путешествія Шаликова въ Малороссію обратилъ вниманіе В. В. Каллашъ въ своей интересной статьѣ (стр. 147).

[2]) Рамазановъ, «В. А. Тропининъ», «Р. В.», 1861, № 11.

разсердился на этого крѣпостного за то, что онъ безъ спроса поѣхалъ на базаръ въ сосѣднее село. И вотъ расправа: баринъ „велѣлъ раздѣть его донага и вывести на средину двора, подать себѣ кресло и начать сѣчь... И плечи, и руки, и ноги, и спина—все было изсѣчено; человѣкъ весь облитъ былъ кровью. Баринъ велѣлъ перестать сѣчь и заставилъ его итти домой. Кое какъ поплелся было несчастный, но баринъ натравилъ собаку, и та, тутъ же на мѣстѣ, изорвала его до смерти. Священникъ не сталъ хоронить“ [1]).

Аракчеевъ безъ церемоніи сѣкъ за малѣйшую провинность своего крѣпостного архитектора, „профессора Академіи“, Семенова [2]). Е. Н. Водовозова [3]) разсказываетъ цѣлую эпопею о Васькѣ-музыкантѣ, крѣпостномъ человѣкѣ ея матери. Васька „обладалъ феноменальными музыкальными способностями“, получилъ недурное музыкальное образованіе и вообще былъ настолько образованъ, что производилъ впечатлѣніе интеллигентнаго человѣка. За свое пристрастіе къ музыкѣ Василію пришлось претерпѣть рядъ мучительныхъ перипетій, а между тѣмъ, по отзыву разсказчицы, ея мать была доброй помѣщицей, въ 60-хъ же годахъ, „несмотря на свой уже преклонный возрастъ, сдѣлалась истинною защитницею народа, послѣдовательницей не на словахъ, а на дѣлѣ просвѣтительныхъ идей освободительной эпохи“ (274). Вся бѣда несчастнаго музыканта состояла лишь въ томъ, что его профессія оказалась ненужной для обѣднѣвшей вдовы-помѣщицы, что онъ не могъ приносить ей осязательнаго дохода.

Нерѣдко помѣщики совершенно открыто утилизировали талантъ и образованіе своихъ крѣпостныхъ, отпуская ихъ на оброки или выгодно перепродавая. Извѣстно, напр., что Дм. Ал. Яньковъ продалъ Обольянникову даровитаго художника Озерова съ женой и дочерью за 2.000 ассигнаціями [4]).

Художникъ на оброкѣ долженъ былъ платить помѣщику разъ въ двадцать больше, чѣмъ обыкновенный крестьянинъ [5]).

Если рабья психологія, какъ мы видѣли, далеко не характеризуетъ настроенія всей массы крѣпостного населенія, то тѣмъ больнѣе должны были чувствовать свое положеніе представители крѣпостной интеллигенціи. Люди, выдѣлявшіеся своими способностями и развитіемъ, перѣдко весьма образованные и чуткіе, они не могли спокойно примиряться съ своей долей. Жизнь превращалась для нихъ въ нескончаемый рядъ мученій, физическихъ

---

[1]) „Записки сельскаго священника“, „Р. Ст.“, 1880, мартъ, стр. 466.

[2]) «Старые годы», 1910, іюль—сентябрь, стр. 28 (статья бар. Врангеля, «Помѣщичья Россія»).

[3]) Воспоминанія, «Минув. Годы», 1908, май и іюнь.

[4]) „Разсказы бабушки, записанные и собранные ея внукомъ Д. Благово», Спб., 1885, стр. 255: ранѣе—въ «Р. В.», 1878, № 4.

[5]) В. И. Семевскій, «Крестьяне при Екатеринѣ II», стр. 195.

и моральныхъ; вѣдь въ ихъ лицѣ грубыми и часто невѣжественными деспотами оскорблялся даръ Божій, попирались искусство и наука.

У А. И. Герцена въ Москвѣ былъ крѣпостной слуга Матвѣй. „Я любилъ его,—говоритъ Герценъ въ своемъ дневникѣ подъ 14 іюня 1843 г.,—онъ былъ для меня болѣе, нежели слуга, я въ немъ воспиталъ благородныя свойства и они принялись; онъ мальчикомъ вступилъ въ мой домъ и съ лѣтами пріобрѣлъ истинно-человѣческія достоинства. Онъ развился болѣе, нежели надобно, avec une précocité, которая начинала его мучить неравно-

Гр. П. Н. Шереметева (портр. Аргунова).

мѣрностью своей. Онъ тяготился своимъ состояніемъ, часто бывалъ небреженъ, но всегда благороденъ, онъ искупалъ цѣлый классъ людей въ моихъ глазахъ“. Матвѣй случайно утонулъ 22 лѣтъ, и тѣмъ былъ положенъ конецъ его начинавшимся мукамъ.

А. В. Никитенко въ своемъ дневникѣ подъ 16 іюля 1836 г. разсказываетъ о томъ, какъ въ домѣ гр. Головкина онъ нашелъ „мальчика лѣтъ четырнадцати, который въ маленькой комнаткѣ срисовывалъ копію съ картины Рубенса. Копія прекрасная: она почти кончена. Это крѣпостной чело-

вѣкъ графа Головкина. Я говорилъ съ нимъ. Въ немъ опредѣленные признаки таланта, но онъ уже начинаетъ думать о ничтожествѣ жизни, предается лѣни и унынію. Графъ ни за что не хочетъ дать ему волю... Что будетъ изъ этого мальчика? Теперь онъ самоучкою снимаетъ копіи съ Рубенса. Черезъ два или три года онъ сломаетъ кисти, броситъ картины въ огонь и сдѣлается пьяницею или самоубійцею. Графъ Головкинъ, однако, считается добрымъ бариномъ и человѣкомъ образованнымъ... О Русь! О Русь!" [1]).

Крѣпостной Д. И. Маслова, поэтъ Ив. Сибиряковъ, получившій свободу въ 1821 г., несмотря на всю свою робкую сдержанность, въ грустныхъ стихахъ изливалъ свою тоску по волѣ.

Увы! и я, и я рожденъ
Въ послѣдней смертныхъ долѣ,
Природой чувствомъ надѣленъ,
Столь гибельнымъ въ неволѣ! —

писалъ Сибиряковъ („В. Евр.", 1818, № 24).

Т. П. Пассекъ оставила намъ воспоминанія о настроеніи двухъ крѣпостныхъ художниковъ—живописца и скульптора. „Живописецъ, по фамиліи Летуновъ,—говоритъ она (Воспоминанія, изд. 2-е, I, стр. 258),—давалъ уроки рисованія мнѣ и Сашѣ (т.-е. А. И. Герцену); кроткій, тихій, онъ былъ постоянно грустенъ и, видя наше сочувствіе, иногда высказывалъ намъ свое безпокойство относительно сыновей своихъ, которымъ давалъ нѣкоторое образованіе. О выкупѣ нечего было и думать. Онъ имѣлъ большое семейство и былъ бѣденъ. Какъ окончилась судьба его, не знаю, но спустя много лѣтъ услыхала, что старшій сынъ его кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ на медицинскомъ факультетѣ и впослѣдствіи былъ ординаторомъ въ клиникѣ".

Скульпторъ, обладавшій замѣчательнымъ талантомъ, былъ ученикомъ Витали. „Онъ страстно любилъ свое искусство, болѣзненно жаждалъ видѣть лучшія произведенія рѣзца, учиться подъ голубымъ небомъ Италіи, мечталъ о славѣ, и, можетъ-быть, былъ бы славою Россіи, но, постоянно страдая чувствомъ своей неволи, умеръ въ молодости—мученикомъ своей несчастной участи" (ib., 158—9).

Гонимый и осмѣянный, Васька-музыкантъ (Водовозовой) забирался куда-нибудь на сѣновалъ и тамъ отводилъ себѣ душу игрой на скрипкѣ.

Среди крѣпостныхъ гр. Н. П. Шереметева былъ композиторъ Дегтяревскій; на средства помѣщика онъ учился у лучшихъ преподавателей музыки, ѣздилъ даже въ Италію, написалъ, по словамъ Никитенка (I, 6), „много прекрасныхъ пьесъ, преимущественно для духовнаго пѣнія", которыя сдѣлали

---

[1]) Записки и дневникъ А. В. Никитенко, т. I, стр. 276.

его имя весьма извѣстнымъ. Дегтяревскій молилъ своего владѣльца о свободѣ, но получилъ отказъ и „сталъ въ винѣ искать забвенія страданій“. За пьянство его подвергали разнымъ унизительнымъ наказаніямъ; онъ продолжалъ пить и, „наконецъ, умеръ, сочиняя трогательныя молитвы для хора“. Дегтяревскій угасъ „среди глубокихъ, никѣмъ непонятыхъ и никѣмъ не раздѣленныхъ страданій. Это была одна изъ жертвъ того ужаснаго положенія вещей на землѣ, когда высокіе дары и преимущества духа выпадаютъ на долю человѣка только какъ бы въ посмѣяніе и на позоръ ему. Дегтяревскаго погубили талантъ и рабство“.

Хорошо извѣстно, какъ много настрадался въ неволѣ Т. Шевченко, и его біографъ, Чалый, вспоминаетъ, что поэтъ часто въ бесѣдахъ возвращался къ былымъ годамъ рабства, и рѣчь его поднималась „до поэтическаго паѳоса: библейскимъ пророчествомъ звучала его потрясенная и изстрадавшаяся душа“. Да о чемъ иномъ, какъ не о страданіи, говоритъ намъ вся скорбная поэзія Шевченка, который въ одномъ изъ своихъ стихотвореній 1848 г., обращаясь къ покойной матери, писалъ:

Концертное зало въ Останкинѣ.

> ...Добре, мамо,
> Що ти заранi спать лягла!
> А то-бъ ти Бога прокляла
> За мій таланъ.
>
> (Кобзарь, 416).

Одинъ крѣпостной музыкантъ, получившій свое образованіе также въ Италіи, съ отчаянія отрубилъ себѣ палецъ на лѣвой рукѣ, воскликнувъ: „Будь проклятъ талантъ, если онъ не могъ избавить меня отъ рабства“ (De Passenans, p. 92.—Лѣткова, 176).

[illegible] и самоубійство были обычными финалами крѣпостной драмы. Художникъ Ма[illegible]ковъ, когда баринъ отвергъ предложеніе о его выкупѣ и [illegible] его изъ Петербурга въ деревню, предпочелъ застрѣлиться [1]). Другой крѣпостной художникъ повѣсился въ господскомъ саду; третій крѣпостной [illegible] топится [2]). Живописецъ Поляковъ, живописецъ фонъ Риттера, по прозванію Флейта, басъ изъ хора Шереметева, котораго помѣщикъ не хотѣлъ отпустить на волю, и т. д. и т. д.—спиваются [3]).

„Саша докторъ“, крѣпостной Кропоткиныхъ, застрѣлился, такъ какъ не могъ жениться на дѣвушкѣ, которая была крѣпостной другого помѣщика (Кропоткинъ, „Записки“, 51). А ученый агрономъ тѣхъ же Кропоткиныхъ только въ солдатчинѣ нашелъ для себя счастливый выходъ (какъ герой повѣсти Павлова „Именины“ или Радищева въ „Путешествіи изъ Петербурга въ Москву“, глава „Городня“) (см. „Записки“ Кропоткина, стр. 51—3, гдѣ разсказана чудесная судьба „Гараськи“).

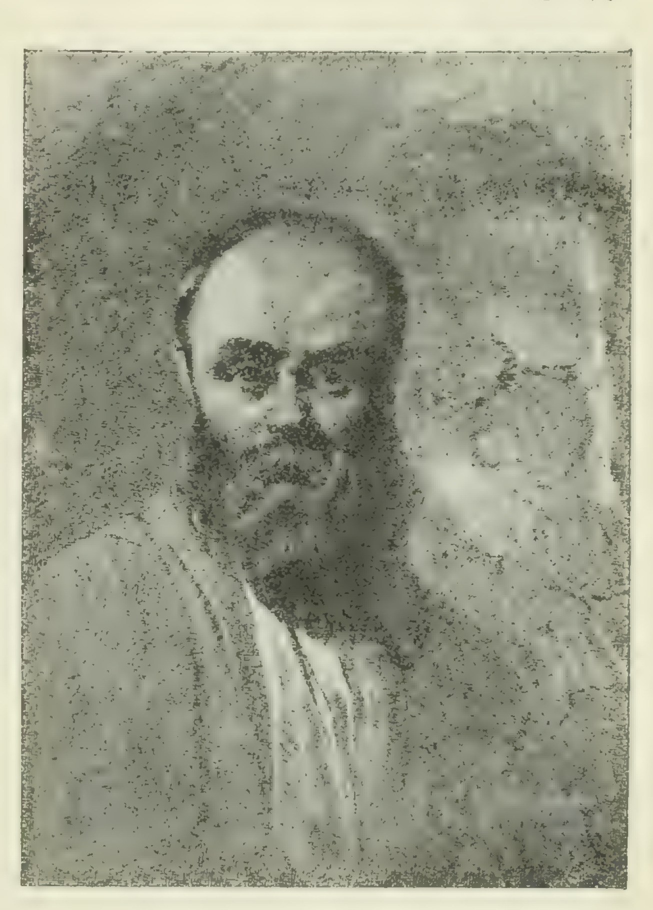
Иногда дѣло принимало трагическій оборотъ для самого барина. Типиченъ въ этомъ случаѣ фактъ убійства фельдмаршала гр. М. Ѳ. Каменскаго („Р. Ст.“, 1875, сент., стр. 212—213), о чемъ разсказываетъ гр. Августъ Делагарди въ письмѣ отъ іюля 1811 г. къ Юлію Грифиту. Графъ Каменскій отправилъ въ Лейпцигъ двоихъ крѣпостныхъ учиться музыкѣ. „Эти молодые люди,—разсказываетъ Делагарди,—пріобрѣли тамъ, кромѣ превосходныхъ познаній въ своемъ искусствѣ, идеи о свободѣ и независимости, совершенно противныя той участи, на которую судьба обрекла ихъ со дня рожденія. По возвращеніи ихъ къ помѣщику, онъ обращался съ ними сначала съ нѣкоторымъ уваженіемъ, которое они заслуживали своимъ искусствомъ, но нѣсколько дней тому назадъ, за одинъ маловажный проступокъ, помѣщикъ приказалъ ихъ высѣчь, и они были подвергнуты этому наказанію въ присутствіи своихъ товарищей. Тогда эти несчастные, внимая только жаждѣ мести, ожидали наступленія ночи для приведенія въ исполненіе своихъ намѣреній. Съ топорами въ рукахъ они проникли въ спальню графа, упрекали его за то, что вздумалъ извлечь ихъ изъ той сферы, въ которой природа произвела ихъ на свѣтъ, и далъ имъ возможность оцѣнить чрезъ пагубное для нихъ просвѣщеніе настоящее достоинство человѣка, для того, чтобы ввергнуть ихъ опять въ самое унизительное рабство. Сказавъ это, они убили самымъ безчеловѣчнымъ образомъ безоружнаго старика“. Это происшествіе вызвало большіе толки въ дворянскихъ кругахъ на тему о рабствѣ и просвѣщеніи: господа толковали о томъ, какъ опасно для нихъ просвѣщать своихъ рабовъ, не сдѣлавъ ихъ свободными, или освобождать, не просвѣтивъ ихъ сперва.

1) В. П. Снѣжневскій, „Нижегор. Сборникъ“, т. X, 1890, стр. 557.—Игнатовичъ, 236.
2) Н. Рамазановъ, «В. А. Тропининъ», „Р. В.“, 1861, кн. 11, стр. 54.
3) Игнатовичъ, 235—8; Лѣткова, 175—8.

Всѣ подобные факты настолько внушительны своей голой правдой, что не нуждаются въ особыхъ поясненіяхъ съ нашей стороны.

Крѣпостная интеллигенція и ея драма были крупнымъ явленіемъ въ общественной жизни тогдашней Россіи. Его отмѣтили многочисленные мемуаристы, не могла обойти его и наша литература. Конечно, мы заранѣе предвидимъ, что писателямъ не удастся съ надлежащей свободой и глубиной раскрыть передъ нами всѣ тайники страдающей души крѣпостного интеллигента. Правительство строго смотрѣло за тѣмъ, чтобы литература не поселяла вражды къ дворянскому сословію и крѣпостному праву. „Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа“ [1]).

Т. Г. Шевченко (соб. портр.).

Такова была неизмѣнная точка зрѣнія правительства. При этихъ условіяхъ литература, конечно, не могла нарисовать фигуру крѣпостного интеллигента во всемъ ея трагическомъ величіи, но она ясно сознавала соціальную важность вопроса и не разъ пыталась привлечь къ нему сочувственное вниманіе русскаго образованнаго общества.

Припомнимъ нѣсколько фактовъ изъ исторіи этихъ литературныхъ попытокъ защитить человѣческое достоинство крѣпостного интеллигента. Литература поможетъ намъ глубже прочувствовать психологію крѣпостного, покажетъ его судьбу въ индивидуальныхъ переживаніяхъ литературныхъ героевъ.

Во главѣ писателей, которыхъ интересовалъ данный вопросъ, слѣдуетъ поставить славное имя А. Н. Радищева.

---

[1]) Сборникъ постановленій etc., 264—265. (Лемке, «Очерки», 258).

Въ городѣ Городня авторъ былъ свидѣтелемъ прощанія рекрутовъ съ родными и слышалъ кругомъ рыданія и слезы. Но вотъ въ толпѣ онъ увидѣлъ человѣка среди рекрутъ, „стоящаго бодро и весело на окресть стоящихъ сопровождающихъ“. Удивленіе путешественника еще болѣе возросло, когда крестьянинъ ярко обрисовалъ ему положеніе холопей, отданныхъ во власть жестокосердыхъ дворянъ, и высказалъ мысли, „недостающія нерѣдко въ людяхъ, несвойственно называемыхъ благородными“. Оказалось, что этотъ несчастный, радующійся солдатчинѣ,—крѣпостной, сынъ дядьки своего господина. Старый баринъ, „человѣкъ добросердечной, разумной и добросердечной, нерѣдко рыдавшій надъ участью своихъ рабовъ“, воспиталъ его наравнѣ съ своимъ сыномъ, и онъ сдѣлалъ даже бо́льшіе успѣхи, чѣмъ барчукъ. На 17-мъ году вмѣстѣ съ молодымъ бариномъ онъ былъ отправленъ въ чужіе края, при чемъ господинъ сказалъ ему знаменательныя слова: „Рабъ ты въ предѣлахъ сего государства, но внѣ оныхъ ты свободенъ. Возвратясь же въ оное, узъ рожденіемъ твоимъ на тебя наложенныхъ ты не обрящешь“. Черезъ пять лѣтъ крѣпостной и его молодой баринъ возвращаются въ отечество, но въ это время какъ разъ умираетъ старый господинъ. Молодой баринъ, который, впрочемъ, не чувствуетъ къ нему особаго расположенія, все же хотѣлъ исполнить волю отца, если только его крѣпостной сверстникъ будетъ того достоинъ. Но, обладая „тѣсной душой“, „робостью духа и легкомысліемъ“, онъ подчинился требованіямъ своей жены, и недавній его сотоварищъ былъ низведенъ на степень лакея. „Малѣйшее мнимое упущеніе сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки. О государь мой, лучше бы мнѣ не родиться! Колико кратъ негодовалъ я на умершаго моего благодѣтеля, что далъ мнѣ душу на чувствованіе. Лучше бы мнѣ было возрасти въ невѣжествѣ, не думавъ никогда, что есмь человѣкъ всѣмъ другимъ равный“. Боясь „вышняго надъ всѣми Судіи“, онъ едва удерживался отъ самоубійства, а когда злая госпожа, въ гнѣвѣ за его отказъ вступить въ бракъ съ горничной (забеременѣвшей отъ племянника барыни), рѣшила отдать его въ солдаты, онъ радовался этому, какъ самому счастливому исходу: „Теперь буду хотя знать, что жребій мой зависѣть можетъ отъ добраго или худого моего поведенія... Одна мысль утѣшаетъ, что безъ суда батожьемъ наказанъ не буду!“

Сквозь старомодный и нѣсколько сентиментальный стиль Радищева правдиво выступаютъ реальныя черты страдальческой жизни крѣпостного интеллигента. Въ глубокой и прочувствованной картинѣ крѣпостного быта авторъ „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ отвелъ мѣсто и этому своеобразному типу старой русской жизни. Разсказъ Радищева даже и теперь производитъ сильное впечатлѣніе.

Александровская эпоха, насколько мы знаемъ, не дала ни одного произведенія съ сюжетомъ изъ жизни крѣпостной интеллигенціи.

Зато въ литературѣ 30 — 40-хъ годовъ можно назвать нѣсколько произведеній, гдѣ положеніе крѣпостного интеллигента составляетъ главный мотивъ. Это обстоятельство само по себѣ служитъ однимъ изъ симптомовъ того, что русская жизнь николаевской эпохи уже достаточно сознала необходимость паденія крѣпостного права. Повѣсть 30 — 40-хъ гг., все болѣе и болѣе проникаясь общественнымъ настроеніемъ той эпохи, овладѣла и интересующей насъ темой. При этомъ, что весьма типично для всего литературнаго періода, крѣпостной интеллигентъ болѣе всего заинтересовалъ писателей, которые не занимали перваго мѣста въ ряду художниковъ слова. Въ то время какъ Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь совершенно обошли эту соціальную проблему, В. А. Ушаковъ, Н. Ф. Павловъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій, В. И. Даль, Н. В. Кукольникъ, А. И. Герценъ и В. Г. Бѣлинскій съ большей или меньшей силой обрисовали судьбу крѣпостного интеллигента. Одни ставили вопросъ робко, переводя его на почву общаго принципа гуманности, не касаясь самыхъ основъ института крѣпостного права, другіе (немногіе) обнажали и соціальные корни изображаемаго явленія.

Немалымъ успѣхомъ въ свое время пользовалась повѣсть Вас. Ап. Ушакова „Киргизъ-Кайсакъ“ (2 ч. М. 1830 г., 2 изд. М. 1835 г.) [1]. Бѣлинскій въ „Литературныхъ мечтаніяхъ“ (1834 г.) призналъ „Киргизъ-Кайсака“ „явленіемъ удивительнымъ и неожиданнымъ: онъ отличается глубокимъ чувствомъ и другими достоинствами истинно-художественнаго произведенія“. Критикъ продолжаетъ хвалить эту повѣсть Ушакова и позднѣе (см. изд. Венгерова, II, 89, 353 — 4, VIII, 377). Мы, конечно, не назовемъ „Киргизъ-Кайсака“ „истинно-художественнымъ произведеніемъ“, хотя первая часть повѣсти написана весьма литературно, живо и съ искреннимъ юморомъ. Дѣйствіе повѣсти происходитъ во второй половинѣ 20-хъ гг. Герой произведенія блестящій гвардейскій офицеръ, Викт. Ипп. Славинъ, отчасти надѣленный чертами Чацкаго. Славинъ занималъ выдающееся положеніе въ высшемъ свѣтѣ, но черезъ нѣкоторое время открылось, что онъ незаконный сынъ калмычки и русскаго казака, что ребенкомъ онъ былъ проданъ голодной матерью за 100 руб. и считался крѣпостнымъ княгини Холмской. Это открытіе имѣло для Славина самыя роковыя послѣдствія. Отецъ любимой имъ дѣвушки, высокомѣрный и глупый князь Любскій, отказываетъ ему въ рукѣ дочери. Славинъ изнемогаетъ подъ тяжестью обрушившагося на него горя и умираетъ

Крѣпостное право, какъ таковое, въ повѣсти почти не затронуто; въ тѣхъ немногихъ мѣстахъ, гдѣ говорится о положеніи крестьянъ (ч. II, стр. 80, 226, второе изд.), они изображаются почти благоденствующими. Поступокъ

[1] Въ 1834 г. C. Goldhammer перевелъ повѣсть Ушакова на нѣм. языкъ («Der Kirgis-Kaissak.», Leipzig).

князя Любскаго вызываетъ рѣзкое осужденіе со стороны весьма вліятельныхъ представителей высшаго свѣтскаго и чиновнаго міра. Такъ, дядя невѣсты, просвѣщенный и идеальный сановникъ гр. Рѣшимовъ, не находитъ словъ для выраженія своего негодованія противъ кн. Любскаго. „Обѣ столицы въ негодованіи на этого дурака,—говорилъ гр. Рѣшимовъ въ утѣшеніе Славину, а въ Москвѣ его даже не принимаютъ къ себѣ многіе изъ прежнихъ знакомыхъ". Такимъ образомъ авторъ повѣсти возстаетъ лишь противъ сословныхъ предразсудковъ и проповѣдуетъ идею личнаго достоинства человѣка, каково бы ни было его происхожденіе. Славинъ не испыталъ на себѣ гнета крѣпостного права, онъ только жертва аристократическо-кастовыхъ взглядовъ, будто бы осуждаемыхъ всѣмъ высшимъ обществомъ.

Тотъ же уголъ зрѣнія находимъ мы у **В. И. Даля**. Въ своихъ многочисленныхъ произведеніяхъ онъ отвелъ мѣсто и вопросу о взаимоотношеніи сословій, но въ сущности также былъ далекъ отъ принципіальнаго протеста противъ крѣпостного права. Въ разсказѣ „Крестьянка" [1]) передъ нами бывшая крѣпостная горничная, сдѣлавшаяся, по капризу судьбы, женой гвардейскаго офицера, полковницей и помѣщицей. На ея примѣрѣ авторъ хотѣлъ показать, что „человѣкъ одинъ и тотъ же, во всякомъ платьѣ; и если ему только дать образовать умъ и сердце — навѣрное, по наружности онъ скоро оботрется", освоится съ требованіями „условнаго, свѣтскаго быта" (184). Но формула „человѣкъ одинъ и тотъ же, во всякомъ платьѣ", хотя и вложена въ уста бывшей крѣпостной, звучитъ въ произведеніяхъ Даля безжизненно, отвлеченно. Пышнова (фамилія героини) поддерживаетъ любовныя отношенія съ своимъ отцомъ и сестрами, но положительно ничего не дѣлаетъ для освобожденія ихъ отъ крѣпостной зависимости. Она убѣждена, что „возвышеніе человѣка свыше его состоянія рѣдко счастливитъ его" (183); можно быть счастливымъ и въ черной избѣ: счастье есть „довольство, ограниченность потребностей и спокойная совѣсть", оно — „внутри насъ, а не снаружи" (196).

Даже въ большой и весьма талантливой повѣсти „Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ" (1843 г.) [2]) Даль не ставитъ принципіальнаго вопроса. Повѣсть даетъ намъ широкую и вѣрную картину разныхъ сторонъ русской жизни 40-хъ годовъ. Въ центрѣ—злополучный Вакхъ Сидоровъ Чайкинъ, сынъ мѣщанина, превратившійся въ крѣпостного интеллигента и затѣмъ переживщій всевозможныя приключенія. Судьба распоряжалась имъ самымъ капризнымъ образомъ, и его жизнь могла бы показаться невѣроятною, если бы авторъ не сумѣлъ нарисовать жизни своего героя на общемъ фонѣ помѣщичьяго и административнаго произвола. Въ этомъ отношеніи повѣсть Даля — замѣча-

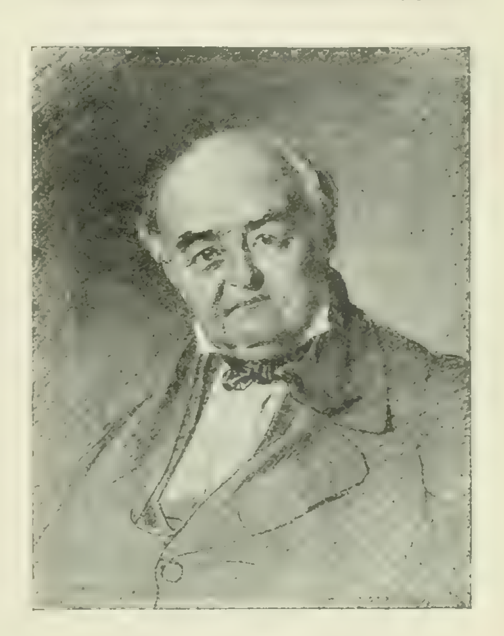
---

[1]) В. И. Даль. Полное собраніе сочиненій. 1897 г., томъ IV.

[2]) Даль, т. III. Первоначально была напечатана въ «Б. для Чт.», 1843 г., т. 57.

тельное произведеніе, и Чайкинъ въ своей борьбѣ съ администраціей и обществомъ является интереснымъ типомъ нашей разночинной интеллигенціи николаевской эпохи. Но все же Чайкинъ страдаетъ не столько въ качествѣ крѣпостного интеллигента (ср., однако, стр. 21, 34), сколько вообще въ качествѣ россійскаго обывателя и честнаго общественнаго дѣятеля. „Быть крѣпостнымъ, — прямо заявляетъ авторъ (21),—это по себѣ еще не такъ велика бѣда“.

Иначе задумана повѣсть кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго „Катя, или исторія воспитанницы“ (1834 г.)[1]. Это лишь отрывокъ изъ неоконченнаго романа, но и въ настоящемъ своемъ видѣ разсказъ богатъ бытовымъ содержаніемъ. Среди его дѣйствующихъ лицъ обращаютъ на себя наше вниманіе воспитанница Катя и воспитанникъ Владиміръ. Катя была дочерью одного изъ офиціантовъ графини. Находясь въ полной зависимости отъ милостей и капризовъ госпожи, занимая въ семьѣ какое-то фальшивое положеніе, воспитанницы всегда оказывались „самыми несчастными существами въ мірѣ“. Катя не составляла исключенія. Еще въ дѣтствѣ, когда разсказчику было лѣтъ 6 (разсказъ ведется отъ имени одного молодого человѣка), а Катѣ лѣтъ 10, на дѣтскомъ маскарадѣ барчукъ, одѣтый въ гусарскій шитый мундиръ, не захотѣлъ танцовать съ „холопкою“. „И что же? Вмѣсто того, чтобы выдрать мнѣ уши, заставить у Кати просить прощенія, заставить танцовать съ нею,—всѣ, напротивъ, стали смѣяться и хвалить меня“ (379).

М. С. Щепкинъ (портр. Шевченко).

Только впослѣдствіи, „входя въ лѣта“, барчукъ понялъ, что онъ жестоко оскорбилъ Катю, которая рано стала сознавать свое положеніе. Молодой человѣкъ почувствовалъ угрызенія совѣсти и опасался, что Провидѣніе „въ сей или будущей жизни“ можетъ наказать его.

Въ томъ же домѣ воспитывался и Владиміръ, прижитый графомъ съ одной изъ его крѣпостныхъ. Графиня относилась къ нему ласково и гуманно, но опять-таки по-своему. Владиміръ получилъ хорошее образованіе. Изъ университета, какъ подобаетъ, онъ вышелъ съ настроеніемъ идеалиста-эстетика. Владиміръ и Катя, естественно, сблизились между собой и полюбили другъ друга. Владиміръ старался перенести Катю „въ свой міръ меч-

[1]) Альманахъ «Новоселье», ч. II. Въ собраніе сочиненій 1844 г. не вошла.

[illegible] [illegible] ей „тотъ міръ мыслей и чувствъ, который ежеминутно [illegible] и [illegible] въ его сердцѣ“ (101). Графиня, по разнымъ сообра-[illegible], [illegible] сближенію молодыхъ людей, а когда Владиміръ обна-[illegible] художественный талантъ и страсть къ живописи, графъ приказалъ [illegible] отправиться въ Италію, и такимъ образомъ молодые люди были разлучены.

На этомъ кончается отрывокъ, напечатанный въ „Новосельѣ“. У читателя остается впечатлѣніе, что авторъ на сторонѣ Кати и Владиміра, что его возмущаетъ деспотическая власть (хотя и облеченная по наружности въ мягкія формы) господъ надъ крѣпостной интеллигенціей. Катя и Владиміръ страдаютъ, потому что не въ правѣ распорядиться своей судьбой.—Въ бумагахъ Одоевскаго, хранящихся въ Имп. Публ. библіотекѣ (переплетъ № 20 и папка № 80), оказались планъ всего романа и нѣкоторыя къ нему замѣтки. Изъ нихъ мы узнаемъ, что авторъ намѣревался сдѣлать Катю женой откупщика и заставить ее грубо мстить дочерямъ графини. „Холопка“ съ самой непривлекательной стороны должна была проявить свой характеръ. Зато Владиміръ, повидимому, до конца выдерживаетъ свою благородную роль. По возвращеніи изъ Италіи, онъ, очевидно, въ качествѣ крѣпостного, становится слугой Павлинова, мужа Кати; Катя нѣкоторое время—его любовница. Онъ пьетъ; наконецъ излѣчивается. Передъ смертью Владиміръ встрѣчается съ Катей. Та „протягиваетъ ему руку — онъ отдергиваетъ свою“. Какъ видимъ, ненаписанная часть романа представляла бы для насъ весьма большой интересъ. Но и напечатанныя главы позволяютъ намъ признать за Одоевскимъ несомнѣнную заслугу, что онъ, съ полнымъ сознаніемъ важности вопроса, направилъ свое творческое вниманіе на положеніе крѣпостныхъ „воспитанниковъ“ въ барскомъ домѣ. Въ обращеніи графини съ Катей, а особенно съ Владиміромъ не было ничего, по внѣшности, жестокаго, но тѣмъ сильнѣе проявляется скрытая жестокость ненормальныхъ соціальныхъ отношеній. Одоевскій показалъ намъ уголокъ той обыденной драмы, какая могла разыгрываться въ домахъ даже „гуманныхъ“ господъ.

Н. Ф. Павловъ, самъ сынъ вольноотпущеннаго, прочувственно разсказалъ намъ исторію крѣпостного интеллигента въ повѣсти „Именины“ [1]. (Сюжетъ повѣсти, впрочемъ, можетъ показаться намъ нѣсколько анекдотичнымъ). Еще мальчикомъ, герой обнаружилъ страстную охоту пѣть. Его отдали учиться на флейтѣ. „Я плакалъ, но ни одно сердце не откликнулось на беззащитный плачъ мой, никто не прижалъ ребенка къ теплой груди и не постарался ласками отереть его слезы“ (38). „Меня готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца“. Онъ оказался способнымъ музыкантомъ, хорошо пѣлъ. Талантъ

[1]) Н. Павловъ, «Три повѣсти», М., 1835

свелъ его въ Москвѣ съ артистами и любителями музыки; одинъ молодой человѣкъ, „фанатикъ музыки, пламенный поклонникъ искусствъ“, сталъ ему покровительствовать и полюбилъ его, „какъ равнаго, какъ друга“. Герой усердно занимался и своимъ самообразованіемъ, хотя въ книгахъ, къ своему огорченію, онъ не нашелъ ничего о себѣ самомъ, т.-е. о людяхъ, занимающихъ подобное же общественное положеніе. Въ Москвѣ, а потомъ и въ деревнѣ, куда онъ перебрался съ своимъ покровителемъ, герой давалъ уроки музыки и сознавалъ себя человѣкомъ. Онъ почувствовалъ себя даже счастливымъ, когда полюбилъ Александрину, внучку одной помѣщицы. Ихъ сближала общая любовь къ музыкѣ. „Мнѣ мечталось, что мы равны съ нею, что мы жили въ царствѣ музыки... я позабылъ, кто я!“ (75). Дѣло дошло до объясненія. Александрина „боязливо, съ потупленнымъ взоромъ шептала увѣренія, которыя дышали чистой, безкорыстной страстью, въ которыхъ каждый звукъ былъ чувство, глубокое, искреннее чувство“. Но, когда герой произнесъ роковыя слова: „я крѣпостной человѣкъ“, Александрина упала въ обморокъ. Покровитель хотѣлъ выкупить молодого человѣка за 10 тысячъ руб., но баринъ успѣлъ проиграть въ карты и деревню и своихъ крѣпостныхъ. Съ ужасомъ представлялъ себѣ несчастный всѣ ожидающія его страданія. „Какіе-то страшные образы летали передъ моими глазами; кто-то нашептывалъ мнѣ на ухо про смерть, про мщеніе“ (90). Онъ покушался даже на убійство барина, но барина не оказалось въ спальнѣ, „да у меня не достало бы силы на такое дѣло“. Онъ бѣжалъ, гдѣ-то скитался и, какъ бродяга, не помнящій родства, былъ отданъ въ арестантскія роты. Съ восторгомъ надѣлъ онъ сѣрую шинель. „Никому жизнь солдата не представлялась въ такихъ очаровательныхъ краскахъ! Я дышалъ свободно, я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть: я сдѣлался слугой не людей, но смерти“ (99—100).

Въ персидскую войну герой отличился и былъ произведенъ въ офицеры. Случайная встрѣча свела его съ Александриной; она была уже замужемъ за другимъ. Военная служба сдѣлала нашего героя свободнымъ, но жизнь его была разбита. Онъ озлобленъ на людей и вымещалъ „тогдашнія страданія на первомъ, кто попадется“ (43).

Павловъ намѣренно не далъ своему герою никакого имени („What's in a name?“ говорится, между прочимъ, въ эпиграфѣ изъ „Ромео и Юліи“ Шекспира). Жизнь героя типична для крѣпостной Россіи; такихъ страдальцевъ было много, и авторъ не оставляетъ въ читателѣ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, какія соціальныя причины порождали страданія героя. Тутъ мы имѣемъ дѣло не съ простыми общественными предразсудками, какъ у В. А. Ушакова, а съ ясно сознаннымъ общественнымъ зломъ. Въ повѣсти Павлова не даромъ говорится объ оркестрѣ изъ дворовыхъ людей и о продажѣ музыкантовъ „по тысячѣ рублей за штуку“ (66). „Три повѣсти“ вызвали

[illegible] эпизодъ [1]); гоненію, между прочимъ, подвергся рисунокъ на отдѣльномъ листѣ, изображающій чудовище, въ которое рука невидимаго существа вонзаетъ кинжалъ. Своею повѣстью Павловъ хотѣлъ вонзить кинжалъ слова въ чудовище крѣпостного права [2]).

Жуткія страницы изъ жизни крѣпостной интеллигенціи находимъ мы у А. И. Герцена въ его романѣ „Кто виноватъ“ (1841—1846) и въ разсказѣ „Сорока воровка“ (1846). Излишне говорить, что Герценъ былъ принципіальнымъ противникомъ крѣпостного права.

Любонька, „дочь преступной любви“ Негрова, такая же „воспитанница“, какъ Катя въ романѣ Одоевскаго. Положеніе обѣихъ воспитанницъ было, конечно, одинаково. Несмотря на вполнѣ барскую обстановку ея жизни, несмотря на то, что ее „баловали“, Любонька сознавала себя чужимъ человѣкомъ въ домѣ Негровыхъ, и только дневнику повѣряла свои тайныя думы. Впослѣдствіи Любонька дѣлается женой Круциферскаго и переживаетъ цѣлую драму на почвѣ личнаго чувства, когда въ ея домѣ появляется Бельтовъ.

Второй жертвой тогдашняго быта въ изображеніи Герцена является Софи, мать Бельтова. Въ числѣ другихъ дворовыхъ дѣвушекъ, она, по приказанію помѣщицы, получила образованіе; барынѣ хотѣлось „изъ нихъ сдѣлать гувернантокъ для своихъ дочерей или для постороннихъ“. Жизнь не замедлила показать Софи „всю длину, ширину и глубину ея двусмысленнаго положенія“. „Оскорбляемая, унижаемая всѣмъ и всѣми“, несчастная дѣвушка, въ которой воспитаніе раскрыло „столько нѣжнаго, деликатнаго, что на нее все окружающее дѣйствовало въ десять разъ сильнѣе“, готова была принять ядъ. „Злоба, ненависть“ наполняли ее сердце. Въ отчаяніи она выходитъ замужъ за своего прежняго оскорбителя, Бельтова (отца); простила ему обиду, даже полюбила его, но ничто не могло „исторгнуть горькаго начала изъ души ея“. Она „боялась людей, была задумчива, дика, сосредоточена въ себѣ, была худа, блѣдна, недовѣрчива, все чего-то боялась, любила плакать и сидѣла молча цѣлые часы на балконѣ“ (175).

---

[1]) См. Сухомлиновъ, II, 452—5.

[2]) Интересенъ отзывъ Пушкина о повѣстяхъ Павлова (изд. «Просвѣщенія», т. VI, стр. 386—8): «Три повѣсти г. Павлова очень замѣчательны и имѣли успѣхъ вполнѣ заслуженный. Онѣ разсказаны съ большимъ искусствомъ, слогомъ, къ которому не пріучили насъ записные наши романисты». «Г. Павловъ первый у насъ написалъ истинно занимательные разсказы. Книга его принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ, по выраженію одной дамы, забываютъ даже обѣдать». «Повѣсть Именины, несмотря на свою занимательность, представляетъ нѣкоторыя несообразности. Идеализированное лакейство имѣетъ въ себѣ что-то неестественное, непріятное для здраваго вкуса. Можетъ-быть, это же самое происшествіе представляло въ разительной простотѣ своей сильнѣйшія краски и положенія болѣе драматическія, но требовало и кисти болѣе сильной и болѣе глубины въ знаніи человѣческаго сердца».

Третья, также женская фигура въ произведеніяхъ Герцена, это — крѣпостная артистка Анюта въ повѣсти „Сорока-воровка“. Эта небольшая, но сильно написанная повѣсть посвящена М. С. Щепкину, да и своимъ происхожденіемъ обязана разсказу знаменитаго артиста. У Щепкина было въ запасѣ не мало скорбныхъ наблюденій надъ жизнью крѣпостныхъ актеровъ. Е. С. Некрасова передала („Р. М.“, 1904, № 1) подобный же разсказъ Щепкина подъ заглавіемъ „Крѣпостной музыкантъ и генеральская дочка“. Крѣпостной музыкантъ и генеральская дочка полюбили другъ друга, и, конечно, такая любовь должна была привести къ роковой развязкѣ: по просьбѣ дѣвушки, музыкантъ застрѣлилъ ее; ему самому не хватило заряда, онъ пробовалъ утопиться, но рѣка была покрыта льдомъ. Несчастный остался живъ, повинился въ убійствѣ и былъ засѣченъ до смерти.

Катерина (рис. Шевченко).

Другой разсказъ Щепкина объ участи одной крѣпостной артистки послужилъ Герцену сюжетомъ для его повѣсти. Изложеніе ведется отъ имени „одного извѣстнаго художника“ (т.-е. Щепкина). Разсказчикъ былъ пораженъ необыкновенно тонкой игрой Анюты въ пьесѣ „Сорока-воровка“ [1]). Онъ знакомится съ нею, узнаетъ отъ нея самой всю исторію ея многострадальной жизни и убѣждается, что передъ нимъ выдающаяся артистка по призванію. Анюта жила только искусствомъ и для искусства. Первый ея господинъ относился къ ней по-человѣчески, цѣнилъ ея дарованіе и далъ ей средства побывать въ Италіи и въ Парижѣ. Но вотъ онъ скоропостижно умираетъ. „Въ мрачной боязни,—говоритъ Анюта,—ждали мы шесть недѣль; онѣ прошли: вскрыли бумаги, но въ нихъ ничего не нашлось“. Труппа попала въ руки князя Скалинскаго. Театръ Скалинскаго былъ богатый, матеріальная

[1]) «Сорока-воровка, или Палезозская служанка». Ист. драма въ 3 д. гг. Коніе и д'Обиньи. Пер. съ фр. Г. Вальберка. Спб., 1816. Есть и опера на этотъ сюжетъ, музыка Россини (Спб., 1822).

обстановка [illegible] улучшилась, но князь „съ перваго раза далъ почувствовать всю непріятную разницу между нимъ и его гаерами, назначенными для его удовольствія“. Князь сдѣлалъ Анютѣ гнусное предложеніе, и когда она отвергла его, то должна была испытать на себѣ всю грубую месть барина. Съ отчаянія Анюта завязываетъ романъ съ однимъ крѣпостнымъ актеромъ и скорѣ умираетъ отъ родовъ.

„Бѣдная артистка!—восклицаетъ разсказчикъ.—Что за безумный, что за преступный человѣкъ сунулъ тебя на это поприще, не подумавши о судьбѣ твоей? Зачѣмъ разбудили тебя? Затѣмъ только, чтобъ сообщить вѣсть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя въ неразвитости, и великій талантъ, неизвѣстный тебѣ самой, не мучилъ бы тебя; можетъ-быть, подчасъ и поднималась бы съ дна твоей души непонятная грусть, зато она осталась бы непонятной“.

Еще по поводу Любоньки Герценъ задавался вопросомъ, хорошо или худо поступили Негровы, давъ ей барское воспитаніе, и отвѣчалъ: „Можно многое сказать и за и противъ. Кто считаетъ высшею цѣлью жизни человѣческое развитіе, во что бы оно ни стало, какія бы оно послѣдствія ни привело,—тотъ будетъ со стороны Глафиры Львовны. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни счастье, довольство, въ какомъ бы кругу оно ни было и на счетъ чего бы оно ни досталось, — тотъ будетъ противъ нея. Любонька въ людской если бъ и узнала со временемъ о своемъ рожденіи, понятія ея были бы такъ тѣсны, душа спала бы такимъ непробуднымъ сномъ, что изъ этого ничего бы не вышло; вѣроятно, Алексѣй Абрамовичъ, чтобы вполнѣ примириться съ совѣстью, далъ бы ей отпускную и, можетъ быть, тысячу-другую приданаго; она была бы при своихъ понятіяхъ чрезвычайно счастлива, вышла бы замужъ за купца третьей гильдіи, носила бы шелковый платокъ на макушкѣ, пила бы по двѣнадцати чашекъ цвѣточнаго чаю и народила бы цѣлую семью купчиковъ; иногда приходила бы она въ гости къ дворечихѣ Негрова и видѣла бы съ удовольствіемъ, какъ на нее съ завистью смотрятъ ея бывшія подруги. Такъ она могла бы прожить до ста лѣтъ и надѣяться, что сто извозчичьихъ дрожекъ проводятъ ее на Ваганьковское кладбище. Любонька въ гостиной—совсѣмъ иное дѣло: какъ бы глупо ее ни воспитывали, она получила возможность образоваться; самая даль отъ грубыхъ понятій людской—своего рода воспитаніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ она должна была понять всю несообразную нелѣпость своего положенія; оскорбленія, слезы, горести ждали ее въ бельэтажѣ, и все это вмѣстѣ способствовало бы дальнѣйшему развитію духа, а можетъ-быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, развитію чахотки. Итакъ, выбирайте сами, хорошо или худо сдѣлала m-me Негрова“.

Авторъ уклоняется отъ прямого отвѣта, да и дѣйствительно,—этотъ прямой отвѣтъ заключалъ бы въ себѣ ни то ни другое, а третье—требованіе уничтоженія крѣпостного права.

То, чего не рѣшился или не могъ сказать прямо Герценъ, съ благороднымъ энтузіазмомъ высказано было студентомъ В. Г. Бѣлинскимъ въ его драмѣ „Дмитрій Калининъ“ (1831).

Герой драмы — крѣпостной, въ качествѣ „воспитанника“ получившій прекрасное образованіе въ домѣ помѣщика Лѣсинскаго, который былъ его отцомъ. Дмитрію Калинину Бѣлинскій въ значительной степени приписалъ свой темпераментъ, свое настроеніе и идеи. При жизни старика Лѣсинскаго, Калининъ еще примирялся съ своимъ положеніемъ и почти готовъ былъ считать себя счастливымъ, когда дочь Лѣсинскаго Софья отвѣтила на его любовь (Калининъ только подъ конецъ узнаетъ о томъ, кто его отецъ). Но какъ это было съ Анютой и въ тысячѣ другихъ случаевъ, судьба скоро повернулась спиной къ Калинину. Лѣсинскій умеръ, наслѣдникъ уничтожилъ уже заготовленную отпускную Калинина, и онъ очутился рабомъ людей, давно ненавидѣвшихъ его. Вся его жизнь принимаетъ теперь трагическій оборотъ. Калининъ убиваетъ Андрея Лѣсинскаго, убиваетъ по ея просьбѣ и Софью (какъ въ разсказѣ Щепкина) и, наконецъ, закалываетъ себя кинжаломъ со словами: „Свободнымъ жилъ я, свободнымъ и умру!“

Молодой авторъ не поскупился на потрясающія сцены, чтобы выразить всю силу своего негодованія противъ крѣпостного права. Вотъ что говоритъ, напримѣръ, Калининъ въ одномъ изъ своихъ монологовъ (изд. Венгерова, I, 122): „Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право—однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба; можетъ продать его какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже, Отецъ человѣковъ! Отвѣтствуй мнѣ: Твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ зміевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?..“

Какъ ни значителенъ субъективный элементъ въ пьесѣ Бѣлинскаго, но въ основѣ ея сюжета лежитъ неподдѣльная правда, и прототипомъ Лѣсинской считаютъ пензенскую помѣщицу Мосолову. Авторъ былъ убѣжденъ, что онъ говоритъ святыя истины, и въ своей трогательной наивности думалъ, что и не можетъ быть иного взгляда на изображаемое имъ явленіе жизни. Дѣйствительность не замедлила разочаровать нашего идеалиста. Цензоръ, профессоръ Л. А. Цвѣтаевъ (авторъ руководства по естественному праву) призналъ сочиненіе Бѣлинскаго „безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ“, и драматургъ вскорѣ былъ извергнутъ изъ стѣнъ университета.

Несмотря на указанные литературные недостатки пьесы, протестъ Бѣлинскаго былъ, въ сущности самымъ энергичнымъ и прямымъ, но онъ раздался въ тиши и замеръ только въ стѣнахъ помѣщенія для казеннокоштныхъ студентовъ университета.

Недавно опубликовано посмертное произведеніе **Н. В. Кукольника** „Крѣпостной художникъ“ [1]). Оно написано въ 1857 г., почти наканунѣ освобожденія. Послѣ всего, что говорилось до сихъ поръ, намъ уже нетрудно предугадать сюжетъ повѣсти и его развитіе. Литературныя достоинства повѣсти невелики; въ ней много натянутаго, искусственнаго; психологія бѣдна. Но въ ея основѣ лежитъ быль, слышанная Кукольникомъ отъ одной дамы, и нѣкоторые типы (напр., арзамасскаго помѣщика, которому принадлежалъ крѣпостной художникъ Карпуша) ему удались. Если арзамасскій помѣщикъ въ достаточной мѣрѣ грубъ, невѣжественъ, корыстолюбивъ, то, въ противовѣсъ ему, Кукольникъ выводитъ рядъ положительныхъ героевъ, съ новыми понятіями о достоинствѣ человѣка и съ новыми взглядами на значеніе искусства. Профессора Академіи Художествъ настаиваютъ, чтобы господинъ отпустилъ Карпушу на волю: безъ этого онъ не только не можетъ поступить въ Академію, но „безъ свободной мысли, безъ независимой воли никогда не будетъ художникомъ“. Добрая барыня выкупаетъ Карпушу и даетъ ему возможность поучиться въ Мюнхенѣ. Изъ Германіи онъ возвращается образованнымъ художникомъ и джентльменомъ; вскорѣ онъ женится на своей меценаткѣ. Тонъ повѣсти въ общемъ свѣтлый, оптимистическій. Съ одной стороны, здѣсь могла сказываться всегдашняя склонность Кукольника къ идеализаціи: не даромъ онъ былъ авторомъ пресловутой патріотической драмы „Рука Всевышняго отечество спасла“. Но, съ другой стороны, на настроеніи автора могъ отразиться общій приливъ оптимизма, чѣмъ характеризуются первые годы новаго царствованія. Лизавета Сергѣевна (меценатка), а особенно Папаша (такъ называется въ повѣсти одно изъ дѣйствующихъ лицъ) стремятся къ новымъ формамъ жизни. Лизавета Сергѣевна не только выкупаетъ крѣпостного художника, не только отпускаетъ на волю свою горничную Палашу, но и мечтаетъ о какой-то широкой общественной работѣ. Папаша же весьма своеобразно относится къ своимъ крестьянамъ съ явной тенденціей подготовить ихъ къ самостоятельной и свободной жизни. Предчувствіе грядущей свободы проникаетъ все дѣйствіе повѣсти.

Такимъ образомъ, наша литература крѣпостнической эпохи [2]) хотя и не полно, робко, но освѣтила вопросъ о соціальномъ положеніи крѣпостной интелли-

---

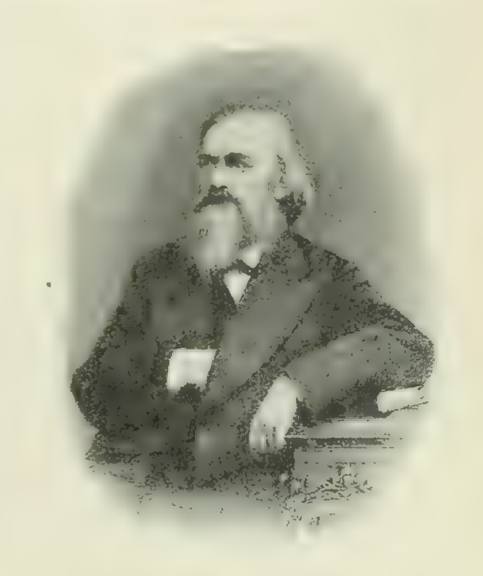
[1]) «Нива», 1909, № 24—29.

[2]) Мы взяли все наиболѣе существенное. Нѣкоторое отношеніе къ интересующему насъ сюжету имѣютъ еще: романъ XVIII в. «Ростовское озеро»; произведенія Тимоѳеева «Художникъ» (1834) и Ѳеоф. Матв. Толстого «Моргунъ, капельмейстеръ-самоучка»; разсказъ кн. Кугушева «Корнетъ Отлетаевъ»; «Петрусь» Шевченка.

генціи и съ возможной для нея убѣдительностью показала, что жизнь такого интеллигента находится въ роковой зависимости отъ случая и произвола господъ, что самое счастье безправнаго человѣка, — будетъ ли то талантъ, образованіе, любовь, — является для него источникомъ новыхъ и новыхъ страданій.

V.

Въ заключеніе хотѣлось бы отдать себѣ нѣкоторый отчетъ въ томъ, какое соціальное значеніе могла имѣть крѣпостная интеллигенція въ общемъ ходѣ русской жизни. Имѣемъ ли мы дѣло только съ длиннымъ рядомъ индивидуальныхъ драмъ, лишній разъ подчеркивающихъ всю жестокость тогдашнихъ общественныхъ условій, или мы можемъ говорить о крѣпостной интеллигенціи, какъ объ извѣстномъ соціальномъ факторѣ?

Н. И. Костомаровъ.

Намъ уже извѣстно, что происхожденіе крѣпостной интеллигенціи нельзя считать совершенно случайнымъ. Пусть въ отдѣльныхъ случаяхъ появленіе того или другого интеллигента въ крѣпостной средѣ объясняется простымъ капризомъ господъ, пожелавшихъ „воспитать" или своихъ незаконныхъ дѣтей, прижитыхъ съ крѣпостными женщинами, или крѣпостныхъ, почему-либо понравившихся имъ. Но важно то, что развитіе самой помѣщичьей жизни, ростъ потребностей и вкусовъ въ самомъ дворянскомъ классѣ вызывали нужду въ интеллигентныхъ работникахъ. Но и помимо всего этого, можно утверждать, что интеллигенція должна была нарождаться уже потому, что въ самомъ крѣпостномъ народѣ была внутренняя потребность вырваться изъ мрака и неволи. „Необузданное стремленіе къ просвѣщенію", по офиціальному выраженію николаевской эпохи, несомнѣнно, наблюдалось среди крѣпостныхъ, особенно занимавшихъ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ рядовые крестьяне.

Дать образованіе сыну и добиться свободы—это идеалъ болѣе сознательныхъ крѣпостныхъ или бывшихъ крѣпостныхъ. Художникъ, о которомъ разсказываетъ Пассекъ, озабоченъ участью своихъ дѣтей, и одному изъ его сыновей удалось сдѣлаться ординаторомъ клиники. Въ Новгородѣ въ 1842 г. Герценъ встрѣтилъ буфетчика гостиницы. Самъ онъ — „чей-то вольноотпущенный" и совѣщается съ Герценомъ насчетъ своего сынишки гимназиста.

„Да ужъ мнѣ бы хотѣлось его послѣ въ университетъ, чтобы былъ человѣкомъ", говоритъ онъ. „In potentia много въ русской душѣ", замѣчаетъ по этому поводу Герценъ. Лучшими представителями этой категоріи крѣпостныхъ являются родители Погодина и Никитенка.

Въ количественномъ отношеніи крѣпостная интеллигенція была невелика, разбросанные по усадьбамъ, такіе интеллигенты поневолѣ жили разрозненною жизнью. Имъ въ пору было только спасать свой талантъ и личность. Но все же у насъ есть факты, удостовѣряющіе, что эти носители сознательной мысли крѣпостного народа не прошли безслѣдно и для развитія въ массѣ идей права и свободы.

Жена графа Н. П. Шереметева, бывшая крѣпостная актриса, благотворно вліяла на своего мужа: по словамъ Никитенка (I, 5), „она одна могла успокоивать и укрощать жалкаго безумца, который считался властителемъ многихъ тысячъ душъ, но не умѣлъ справляться съ самимъ собою".

Много ли, мало ли, сказать трудно, но документально засвидѣтельствованъ фактъ, что крѣпостные бывали учителями въ приходскихъ школахъ. Въ 1807 г. Главное правленіе училищъ признало, что „помѣщики могутъ употреблять способныхъ крѣпостныхъ людей своихъ для обученія юношества въ приходскихъ училищахъ" ¹).

Отецъ Никитенка, занимая должность старшаго писаря, „вообразилъ себѣ, что избранъ Провидѣніемъ дать другое устройство своей родинѣ, установить равновѣсіе между людьми привилегированными и бѣдными и учредить такой порядокъ, чтобы послѣдніе всегда находили защиту противъ самоуправства и произвола первыхъ" (Записки и дневникъ, стр. 8). И не только вообразилъ, но пытался осуществлять свои идеи. Никитенко подробно повѣствуетъ о всѣхъ злоключеніяхъ, которыя неизбѣжно встрѣтились отцу въ его дѣятельности.

Шереметевскій крѣпостной, Иванъ Звонаренко, получившій порядочное образованіе и даже готовившійся къ поступленію въ высшее учебное заведеніе, обвинялся въ „развращающемъ вліяніи на молодыхъ людей", даже купеческихъ сыновей. Его присудили къ тѣлесному наказанію. Онъ бѣжалъ, сдѣлался „идейнымъ" разбойникомъ. Народъ продолжалъ уважать „Ивана Ивановича", разсказывалъ о немъ много легендъ и все ждалъ, что Звонаренко привезетъ указъ о волѣ ²).

Мы не имѣемъ основанія прямо утверждать, чтобы во время народныхъ возмущеній крѣпостной интеллигентъ выступалъ въ руководящей роли. Но что дѣло не обходилось безъ него, объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ императоръ Николай I.

---

¹) Рождественскій, «Истор. обзоръ дѣятельности М. Н. Пр. 1802—1902 г.», стр. 73.

²) «Кіевск. Старина», 1896 («Изъ недавняго прошлаго Слоб. Украйны»).—Игнатовичъ, 242—3.

Въ мартѣ **1842** г. въ засѣданіи Государственнаго Совѣта императоръ Николай обращалъ вниманіе высшихъ сановниковъ на то, что въ странѣ назрѣваетъ перемѣна, и что „теперь мысли уже не тѣ, какія бывали прежде". Первую причину „этой перемѣны мыслей и чаще повторяющихся въ послѣднее время безпокойствъ" государь видѣлъ въ „собственной неосторожности помѣщиковъ, которые даютъ своимъ крѣпостнымъ несвойственное состоянію послѣднихъ высшее воспитаніе" [1]).

Мнѣніе достаточно компетентное и краснорѣчивое.

Кузьминки (Влахернское) 1811 г., имѣніе кн. С. М. Голицына. („Ст. годы").

Крѣпостная интеллигенція, по самой природѣ своей, была живымъ протестомъ противъ крѣпостного права. Ея страданія громко говорили о томъ, что просвѣщеніе и рабство несовмѣстимы.

Нисколько не преувеличивая дѣла, мы, кажется, можемъ утверждать, что крѣпостная интеллигенція самымъ фактомъ своего существованія, а въ иныхъ случаяхъ и своимъ активнымъ вмѣшательствомъ въ жизнь, оказала нѣкоторое вліяніе на разложеніе крѣпостного строя. Крѣпостные интеллигенты стояли въ первыхъ рядахъ тѣхъ счастливцевъ, которымъ удавалось добиваться свободы. Они были піонерами народной воли.

Нелегко, конечно, было добыть эту свободу. Художникъ Мирошниченко, крѣпостной генерала Орлова, получилъ волю въ такомъ возрастѣ, что ему, при радостномъ извѣстіи о свободѣ, оставалось лишь со слезами промолвить:

---

[1]) «Госуд. Совѣтъ 1801—1901», Спб., 1901, стр. 64.

„На що мині [illegible] теперь тая воля? Куда я зь нею пійду і що робитиму“ (Чалый „Жизнь и произведенія Шевченка“, стр. 27). Вспомнимъ разсказъ А. В. Никитенка (I, 122—128) о томъ, какъ онъ получилъ волю. Его положеніе было сравнительно благопріятнымъ: у него было много вліятельныхъ покровителей, и все же потребовались огромныя усилія, чтобы вырвать изъ рукъ графа отпускную будущему русскому профессору. Та же исторія съ М. С. Щепкинымъ (кн. Рѣпнинъ выкупилъ артиста у гр. Волькенштейна, но затѣмъ еще цѣлыхъ три года держалъ его у себя въ неволѣ), съ Шевченкомъ, съ Тропининымъ и т. д. и т. д.

Получивъ свободу, крѣпостные интеллигенты вступали въ ряды общерусской интеллигенціи, и количество ихъ, относительно говоря, было довольно значительно. Изъ крѣпостныхъ вышли: прославленная артистка Ек. Семенова († 1849); преобразователь русской сцены М. С. Щепкинъ; лучшій украинскій поэтъ Т. Шевченко; крупные русскіе ученые — Погодинъ [1]) и Никитенко; талантливые художники — Тропининъ, Кипренскій, И. П. Пожалостинъ, Л. А. Сѣряковъ (ксилографъ); портретистъ Тих. Шабановъ, Аргуновы (Иванъ и Николай); композиторъ и литераторъ XVIII в. М. Матинскій; поэтъ Ив. Сем. Сибиряковъ († 1848); беллетристъ Н. Ф. Павловъ (сынъ вольноотпущеннаго); поэты: Слѣпушкинъ и Ив. Майковъ; архитекторъ А. Н. Воронихинъ (строитель Казанскаго собора въ Петербургѣ); археологъ И. А. Голышевъ, А. Никольскій, авторъ научной работы „Хозяйственное описаніе Балашевскаго у., Саратовской губ.“ (50 годовъ). („Крѣпостной человѣкъ сенатора Талызина“, какъ значилось на его книгѣ).

А сколько, можетъ-быть, большихъ талантовъ было загублено навсегда!

Нашъ списокъ не претендуетъ на исчерпывающую полноту [2]). Но все же онъ даетъ намъ право заключить, что притокъ крѣпостной интеллигенціи, примыкавшей ближайшимъ образомъ къ разночинцамъ, долженъ былъ способствовать общему процессу демократизаціи русской интеллигенціи въ николаевскую эпоху. Все говорило о необходимости измѣненія въ соціально-экономической структурѣ Россіи. Реформа 19 февраля, являясь первымъ шагомъ на этомъ пути, въ частности положила конецъ и позорному факту существованія въ Россіи „крѣпостной интеллигенціи“ [3]).

П. Сакулинъ.

—

[1]) Отецъ историка Петръ Моисеевичъ Погодинъ былъ крѣпостнымъ графа Салтыкова, но занималъ вліятельное положеніе «домоправителя» въ Москвѣ. Въ 1806 г. онъ съ семействомъ былъ отпущенъ на волю. Слѣдов., М. П. Погодину, родившемуся 11 ноября 1800 г., къ счастью, не пришлось быть въ положеніи «крѣпостного интеллигента». Н. Барсуковъ, «Погодинъ», I, стр. 1—3.

[2]) См. еще имена болѣе или менѣе извѣстныхъ крѣпостныхъ художниковъ въ статьѣ бар. Врангеля, стр. 27, 29, 30, 31.

[3]) Знаменитый русскій историкъ Н. И. Костомаровъ (портретъ на стр. 101) былъ сынъ помѣщика Острогожскаго у., Воронежской губ., и крестьянской дѣвушки, прежде крѣпостной. Отецъ, убитый крестьянами, не успѣлъ усыновить родившагося до брака мальчика. Наслѣдники сдѣлали Н. И. казачкомъ у себя, но мать выкупила сына, отдавъ почти все свое состояніе. *Ред.*

Крестьянскій обозъ.

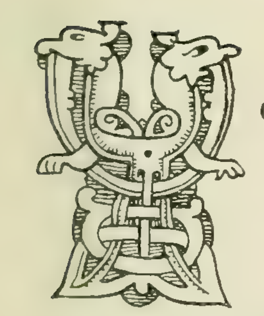
Картина Орловскаго (Рум. музей).

Шаблыкино, имѣніе Кирѣевскихъ (рис. Р. К. Жуковскаго).

Помѣщичье хозяйство наканунѣ реформы.

Прив.-доц. В. И. Пичета.

словія хлѣбной торговли въ первой половинѣ XIX в. Разложеніе натурально-хозяйственнаго строя и переходъ къ мѣновому хозяйству составляетъ сущность экономическаго развитія дореформенной Россіи. Правда, признаки разложенія отживающаго строя уже отчетливо были видны и въ XVIII вѣкѣ: городъ уже и тогда отчасти успѣлъ отдѣлиться отъ деревни и стать рынкомъ для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Развитіе же промышленности и кустарнаго ремесла раздѣлило страну на два района: промышленный и земледѣльческій, изъ которыхъ первый нуждался въ продовольственной помощи второго, такъ какъ у него уже не хватало своего собственнаго хлѣба для потребностей населенія. Нельзя также не указать при этомъ и на развивавшійся международный товарообмѣнъ. Въ XVIII вѣкѣ Россія приступала только къ завоеванію внѣшняго рынка; наканунѣ реформы ея положеніе на внѣшнемъ рынкѣ замѣтно упрочилось, и ея сырье съ успѣхомъ конкурируетъ тамъ съ такими же продуктами другихъ странъ. Быстрый темпъ въ развитіи нашихъ хозяйственныхъ отношеній слѣдуетъ поставить въ самую тѣсную связь съ торжествомъ капиталистическаго производства на Западѣ и лихорадочнымъ ростомъ фабрично-заводской промышленности, что сильнѣе всего сказалось на Англіи. Въ промышленныхъ странахъ замѣчалось естественное сокращеніе площади посѣвовъ, и, благодаря быстрому росту городского населенія, своего мѣстнаго хлѣба уже не хватало для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія, вслѣдствіе чего чувствовалась постоянная нужда въ привозномъ хлѣбѣ. Конечно, этотъ процессъ такъ или иначе долженъ былъ отразиться на развитіи сельскаго хозяйства въ тѣхъ странахъ, гдѣ природныя условія благопріятствовали процвѣтанію сельско-

хозяйственной культуры, и Россіи, уже ранѣе вывозившей хлѣбъ за границу и вступившей на путь международнаго торговаго обмѣна, было необходимо увеличить количество вывозимаго за границу хлѣба для того, чтобы занять на хлѣбныхъ рынкахъ Запада прочное положеніе.

Лучшимъ показателемъ все увеличивающагося товарообмѣна являются обороты по внѣшней торговлѣ. Можно отмѣтить тенденцію къ ихъ значительному увеличенію наканунѣ реформы въ сравненіи съ началомъ XIX вѣка, когда общая цѣнность нашего экспорта равнялась только 75 милл. руб.; въ срединѣ же вѣка—обороты по внѣшней торговлѣ равнялись 230 милл. руб. Нашъ экспортъ почти исключительно заключался въ сырьѣ; если въ тридцатыхъ годахъ начинаютъ вывозить и предметы обрабатывающей промышленности, то, въ общемъ, это нисколько не измѣнило характера нашего международнаго товарообмѣна. Среди вывозимаго сырья первоначально хлѣбъ составлялъ по цѣнности 15—16% всего русскаго вывоза, а наканунѣ крестьянской реформы экспортъ хлѣба по цѣнности равнялся 30—35% всего вывоза. Въ 1846 году было вывезено за границу 51 милл. пуд. хлѣба, а въ 1852 году экспортъ уже поднялся до 66 милл. руб., несмотря на то, что хлѣбная производительность степной полосы была еще только въ зародышѣ, и она могла поставить на внѣшній рынокъ сравнительно небольшое количество хлѣбовъ [1]). Во всякомъ случаѣ, даже при этомъ условіи, участіе юга въ нашей хлѣбной торговлѣ преимущественно по вывозу пшеницы черезъ порты Чернаго и Азовскаго морей было довольно значительнымъ. Впрочемъ, развитіе денежнаго хозяйства сильно тормозилось отсутствіемъ хорошихъ путей сообщенія. Такой путешественникъ, какъ бар. Гакстгаузенъ, наблюдавшій хозяйственную жизнь Россіи въ сороковыхъ годахъ, отмѣчаетъ, что „Россія представляетъ собой обширную равнину, которой лучшія внутреннія губерніи удалены отъ моря, которой необильныя рѣки три четверти года несудоходны, дороги въ дождливое время непроѣзжаемы, шоссейныхъ путей не существуетъ, о желѣзныхъ дорогахъ не начинаютъ и думать“. Разумѣется, это не могло не служить тормозомъ для хозяйственнаго развитія страны. Благодаря отсутствію дорогъ, у помѣщика не было увѣренности въ томъ, что хлѣбъ будетъ доставленъ во-время на рынокъ, а это не могло не влiять на увеличеніе торговыхъ оборотовъ. Многіе изъ помѣщиковъ не рисковали вывозить хлѣбъ на продажу, предпочитая продавать его на мѣстѣ. Правда, встрѣчались помѣщики, которые, несмотря на отдаленность отъ рынка, все-таки вывозили хлѣбъ, напрягая до нельзя извозную промышленность. Послѣднее обстоятельство не скрылось отъ вниманія такого тонкаго знатока крѣпостного хозяйства, какимъ былъ Ю. Ѳ. Самаринъ. То же подтверждается и А. И. Кошелевымъ, указывавшимъ, что въ помѣщичьихъ

[1] Лосицкій, «Хозяйствен. отнош. при паденіи крѣпостного права» («Образованіе», 1906, XI, стр. 195).

хозяйствахъ „хлѣбные отвозы утроились или учетверились". Помѣщики-предприниматели обыкновенно не стѣснялись разстояніемъ, и крестьянамъ приходилось отвозить сплошь и рядомъ хлѣбъ въ мѣстности, отдаленныя отъ нихъ на 200 верстъ и болѣе.

Отсутствіе дорогъ задерживало также установленіе уравнительныхъ цѣнъ на хлѣбъ, подвергавшихся весьма рѣзкимъ колебаніямъ. Отъ неуравнительности ихъ не могло не страдать помѣщичье хозяйство, такъ какъ, благодаря этому, буквально перепутывались всѣ хозяйственные расчеты хозяевъ. Помѣщики, вложившіе въ землю капиталъ, конечно, не могли продавать хлѣбъ по такимъ цѣнамъ, по какимъ продавалъ какой-нибудь мало опытный

На пашнѣ (карт. Венеціанова).

хозяинъ, не учитывавшій стоимости дарового труда и издержекъ доставки хлѣба на рынокъ.

Хлѣбныя цѣны зависѣли отъ урожая и отдаленности вотчины отъ рынка. Колебанія ихъ выражались то въ рѣзкомъ пониженіи, то, наоборотъ, въ необыкновенно быстромъ ихъ ростѣ. Какъ была сильна разница въ цѣнѣ на хлѣбъ, могутъ служить примѣромъ слѣдующія данныя: въ Тулѣ куль ржаной муки продавался по 4 р. 50 к., а зимою 1840 г. поднялся до 23 р. 90 к., въ концѣ того же года 31 р. 50 к., а въ маѣ слѣдующаго года цѣна доходила до 55 р. за куль; весной 1845 года, на пространствѣ 600—700 верстъ, отдѣляющихъ Псковскую губернію отъ Курской, разность въ цѣнахъ на рожь опредѣлялась отношеніемъ 10 : 1; въ то время какъ въ Курской губерніи цѣна ржи

равнялась 1 р. 80 к., въ Псковской она подымалась до 14—15 р. сер.[1]), а въ 1843 году въ Петербургской губерніи хлѣбъ былъ дороже въ сравненіи съ Курской въ пять разъ. И по словамъ Гакстгаузена, въ Харьковской губерніи цѣна на хлѣбъ, смотря по тому, хороши ли дороги или дурны, близка или судоходна рѣка, разнится въ мѣстахъ, отстоящихъ другъ отъ друга на 30 верстъ, болѣе чѣмъ наполовину. Такое колебаніе цѣнъ имѣло особенное значеніе для тѣхъ губерній, которыя производили хлѣбъ на сбытъ. Къ нимъ можно отнести губерніи: Симбирскую, Воронежскую, Пензенскую, Екатеринославскую, Рязанскую, Тамбовскую, Саратовскую Курскую и др.

По расчетамъ дореформенныхъ статистиковъ, ежегодный урожай хлѣба въ 40—50 годахъ составлялъ до 250 милл. четвертей. Изъ этого количества обращалось:

на продовольствіе	земледѣльческаго населенія	132 милл.
„ „	городского населенія и войскъ	18 „
„ „	винокуреніе	10 „
„ „	обсѣмененіе	60 „
	Итого	220 милл.

При отсутствіи дорогъ и уравнительныхъ цѣнъ на хлѣбъ, экспортъ хлѣба былъ крайне невыгоденъ для помѣщиковъ черноземныхъ губерній, болѣе удаленныхъ отъ тѣхъ портовъ, черезъ которые экспортировался хлѣбъ, такъ какъ выручка по продажѣ хлѣба не покрыла бы издержекъ по перевозкѣ. Поэтому западно-европейскіе хлѣбные рынки не могли быть заполнены русскимъ хлѣбомъ, къ тому же встрѣчавшимъ большую конкуренцію со стороны дешеваго хлѣба изъ американскихъ и англійскихъ колоній.

Въ общемъ оставалось 30 милл. четвертей, которые такъ или иначе надо было распродать, что фактически было невозможно, такъ какъ средній нашъ вывозъ равнялся $1\frac{1}{2}$ милл. четвертей или $\frac{1}{6}$ всего средняго производимаго излишка. Такимъ образомъ, производство развивалось быстрѣе сбыта.

Конечно, это не могло такъ или иначе не отразиться на интенсификаціи сельскаго хозяйства, которое прогрессировало весьма медленнымъ темпомъ, а тѣ изъ помѣщиковъ, которые, для поднятія производительности имѣнія вложили въ землю капиталъ, сплошь и рядомъ не могли распродать своего хлѣба и обыкновенно разорялись и возвращались къ старымъ техническимъ пріемамъ обработки земли. Къ тому же юридическія отношенія землевладѣльцевъ къ населенію ихъ земель были болѣе приспособлены къ старымъ хозяйственнымъ формамъ. И это обстоятельство также тормозило интенсификацію сельскаго хозяйства.

Для хлѣбной торговли въ дореформенной Россіи, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, внутренній рынокъ имѣлъ большее значеніе, чѣмъ

[1]) Струве, «Основные моменты», «Міръ Божій», 1899, XII, 280.

внѣшній, но емкость перваго увеличивалась все-таки очень медленно, и это тормозило развитіе сельско-хозяйственной культуры. Прежде всего увеличивается крайне медленно городское населеніе, ростъ котораго задерживается крѣпостнымъ правомъ: въ сравненіи съ XVIII в. процентъ городского населенія поднялся въ 1851 г. до 7,8%. Съ другой стороны, и экономическое развитіе городовъ, за исключеніемъ юго-западнаго и сѣверо-западнаго районовъ, двигалось очень медленно впередъ, такъ какъ деревня, жившая въ рамкахъ натуральнаго хозяйства, являлась незначительной покупательной силой для города. Тѣмъ не менѣе, емкость хлѣбнаго рынка въ теченіе полувѣка значительно увеличилась, такъ какъ промышленныя губерніи, гдѣ преобладало оброчное крестьянство, уже не могли прокормиться своимъ хлѣбомъ и нуждались въ привозномъ. Въ сороковыхъ годахъ Ярославской губерніи уже не хватало половины хлѣба, необходимаго для удовлетворенія продовольственныхъ нуждъ населенія. Крестьяне Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, покупали для сѣмянъ ячмень и овесъ, который подвозился на баркахъ съ низовыхъ губерній. Не хватало хлѣба и въ Тверской губерніи. Крестьяне Смоленской губерніи обыкновенно закупали значительное количество ржи. И въ другихъ промышленныхъ губерніяхъ хлѣбный рынокъ находился въ такомъ же состояніи. Такъ мало-по-малу увеличивалась экономическая зависимость нечерноземной полосы отъ черноземной. Зависимость эта была очень выгодна для помѣщичьяго хозяйства, но при существованіи крѣпостного уклада она не могла быть использована въ полной мѣрѣ, какъ въ силу удаленности и отсутствія дорогъ, такъ и вслѣдствіе рѣзкаго колебанія цѣнъ. Помѣщики черноземныхъ губерній прекрасно учитывали значеніе оброчныхъ губерній въ качествѣ рынка для сбыта сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Лучшимъ показателемъ послѣдняго является ростъ цѣнъ на землю въ черноземныхъ губерніяхъ. Помѣщики оцѣнивали свое имѣніе не только по количеству бывшаго въ немъ крѣпостного населенія, но и въ зависимости отъ почвенныхъ условій, прекрасно понимая, что при радикально измѣнившихся экономическихъ условіяхъ земельный капиталъ имѣетъ большую цѣнность для увеличенія ихъ матеріальнаго благосостоянія, чѣмъ крѣпостное крестьянство, которое въ сущности только задерживаетъ экономическую эволюцію въ странѣ, препятствуя въ то же время извлеченію изъ земельнаго капитала возможно большей ренты.

Другую картину мы видимъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ, гдѣ не земля, а крестьяне цѣнятся, какъ главная доходная статья имѣнія. Поэтому въ губерніяхъ черноземныхъ центральной Россіи нѣтъ особенно рѣзкой разницы въ цѣнахъ на землю, будетъ ли она населенная или ненаселенная. По вычисленіямъ П. Маслова, въ этой полосѣ цѣны населенныхъ земель превышали цѣны ненаселенныхъ на очень незначительную сумму, а именно, въ губерніяхъ: Орловской—на 12%, Тульской—на 11%, Рязанской—на 12%, Воронежской—

6%, Курской—[illegible]. Другая картина рисуется въ промышленныхъ губерніяхъ. Здѣсь разница куда значительнѣе. Такъ, въ Тверской она достигаетъ 29%, Ярославской — 1[illegible]%, Костромской — 52%, Нижегородской — 35%, Владимирской — [illegible]%, Московской — 29%, Смоленской — 26%. Тотъ же экономистъ, на основаніи разницы цѣнъ населенныхъ и ненаселенныхъ имѣній, опредѣляетъ цѣну крѣпостной души для промышленныхъ губерній въ 50,4 рубля, а для черноземныхъ губерній — только въ 20,4 рубля. Такимъ образомъ, увеличеніе цѣнности земли, а не крѣпостныхъ крестьянъ служитъ прекраснымъ показателемъ того, что для помѣщиковъ черноземной полосы крѣпостное право потеряло свое значеніе.

Крѣпостное хозяйство въ XIX вѣкѣ. Крупное помѣщичье хозяйство уже въ XVIII вѣкѣ имѣло въ виду потребности внутренняго и внѣшняго рынковъ. Въ связи съ этимъ въ средѣ крупно-поземельнаго дворянства, несомнѣнно, появился извѣстный интересъ къ вопросамъ, связаннымъ съ сельскимъ хозяйствомъ. Дворянство интересуется и современной экономической доктриной — ученіемъ физіократовъ и, отправляясь отъ основныхъ его положеній, серьезно занимается вопросами агрономіи въ цѣляхъ введенія болѣе усовершенствованныхъ пріемовъ хозяйства. Эта интенсификація сельско-хозяйственной культуры и первыя робкія попытки вложенія капитала въ земледѣльческое производство заставляли помѣщиковъ-агрономовъ больше жить въ деревнѣ и отдавать все свое вниманіе и заботы сельско-хозяйственному производству. Дворянинъ уже въ XVIII вѣкѣ прочно осѣлъ на землю и сталъ руководителемъ своего хозяйства, фактически ставшаго предпринимательскимъ по своимъ задачамъ и цѣлямъ. Отливъ дворянства въ деревню продолжается и въ XIX вѣкѣ. Этому благопріятствовали тогдашнія условія хлѣбной торговли.

Предпринимательское хозяйство въ XIX вѣкѣ ведется въ болѣе широкомъ масштабѣ въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ. Оно захватываетъ, несомнѣнно, большее число имѣній, такъ или иначе уже почувствовавшихъ свою связь съ внѣшнимъ или внутреннимъ рынкомъ. Старые техническіе пріемы уже не въ состояніи удовлетворить помѣщика-предпринимателя, и, несомнѣнно, былъ правъ авторъ „Описанія Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи“, констатируя, что „умственное движеніе въ улучшеніи сельскаго хозяйства съ каждымъ годомъ становится замѣтнѣе“, хотя тотъ же авторъ указываетъ, что трудно управлять „имѣніемъ своимъ съ одной литературой и политикой въ головѣ“. Вслѣдствіе этого получилось то, что „поневолѣ старосты и приказчики попали въ учителя своихъ господъ новымъ познаніямъ практическимъ, принятымъ однажды навсегда безъ всякой критики и потому часто неумѣстнымъ и даже вреднымъ“. Предпринимательское хозяйство, увеличивая доходность имѣнія, должно было давать средства для удовлетво-

ренія потребностей помѣщика, ставшихъ болѣе разносторонними и тонкими. Въ XVIII вѣкѣ помѣщики сравнительно мало покупали на внутреннемъ рынкѣ, довольствуясь продуктами собственнаго производства, но въ концѣ XVIII вѣка намѣчались признаки перемѣны во вкусахъ и потребностяхъ дворянства, уже не довольствовавшагося домашними сукнами и другими дешевыми матеріями, а желавшаго одѣться въ болѣе тонкія ткани. Эта потребность въ первой половинѣ XIX вѣка ощущалась всѣмъ дворянствомъ. Не даромъ промышленныя губерніи продавали въ одной только Малороссіи и Новороссіи

Дѣти во ржи (Трутовскаго).

своихъ товаровъ на сумму до 80 милл. рублей. И интенсификація сельскаго хозяйства, быть-можетъ, независимо отъ воли и желанія помѣщика ставила предъ нимъ ребромъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ, такъ какъ старыя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ не соотвѣтствовали задачамъ предпринимательскаго хозяйства. Отсюда попытка приспособленія этихъ отношеній къ новымъ формамъ хозяйства.

И современники-предприниматели, и ученые агрономы, и даже дореформенные статистики отводятъ много мѣста въ своихъ статьяхъ и книгахъ техникѣ сельскаго хозяйства. Необходима раціональная его постановка, иначе невозмо-

жемъ поднятія его производительности и увеличеніе доходности помѣщичьяго имѣнія, а безъ послѣдняго условія немыслимо удовлетвореніе развивавшихся новыхъ вкусовъ и потребностей. Конечно, предприниматели-практики и теоретики-агрономы за совѣтомъ и выучкой обращались къ западно-европейскому сельскому хозяйству, какъ технически болѣе усовершенствованному. Послѣднее могло научить ихъ весьма многому. Во-первыхъ, на Западѣ давнымъ-давно существовала „плодоперемѣнная система". Для Россіи она до начала XIX вѣка рѣдкость и, пожалуй, ненужная роскошь. Въ помѣщичьемъ хозяйствѣ начала вѣка преобладало „трехполье", да и оно завоевало себѣ право гражданства далеко не во всѣхъ хозяйствахъ. Встрѣчалось трехполье въ недоразвитомъ состояніи не только въ захолустьяхъ сѣвера—по берегамъ Сѣверной Двины, но не рѣдкость было встрѣтить то же явленіе и въ другихъ мѣстностяхъ, не исключая и черноземнаго юга и востока.

Плодоперемѣнная система, въ которой предприниматели-помѣщики видѣли источникъ своего благоденствія, завладѣла умами наиболѣе передовыхъ лицъ изъ среды помѣщичьяго класса. Московское общество сельскаго хозяйства съ его „Земледѣльческимъ Журналомъ" стало центромъ, вокругъ котораго группировались во второй четверти XIX в. помѣщики-предприниматели. Интересъ къ вопросамъ научной агрономіи изъ центра распространился къ периферіи, и въ 30—40 годахъ во многихъ губерніяхъ открываются сельско-хозяйственныя общества, значеніе которыхъ, какъ мѣстъ, гдѣ можно было обсудить и поговорить о техникѣ и экономіи помѣщичьяго хозяйства, было прекрасно учтено современниками.

Интенсификація сельскаго хозяйства, конечно, болѣе всего сказалась въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ для этого были наиболѣе благопріятныя условія, а такими районами являлись юго-западъ и центръ. Сѣверъ и юго-востокъ остались внѣ этого движенія: первый—въ силу неблагопріятныхъ почвенныхъ и климатическихъ условій; второй — благодаря недостатку въ рабочихъ, вслѣдствіе чего, несмотря на обиліе земли, никакое технически-прогрессивное хозяйство не было возможно. Интенсификація сельскаго хозяйства сказалась въ примѣненіи улучшенныхъ пріемовъ обработки земли, расширеніи барской запашки, введеніи улучшенныхъ сѣмянъ и усовершенствованныхъ орудій, травосѣяніи, плодоперемѣнной системѣ, въ попыткахъ соединить сельское хозяйство съ переработкой продуктовъ сельско-хозяйственной производительности въ другой видъ въ томъ же имѣніи.

Попытки введенія англійскаго хозяйства были уже въ XVIII вѣкѣ, но тогда онѣ составляли рѣдкое явленіе. Въ XIX вѣкѣ англійское хозяйство сильно распространилось. Помѣщикъ Левашевъ въ 1807 году завелъ у своихъ крестьянъ четырехпольный сѣвооборотъ съ травосѣяніемъ, калужскій помѣщикъ Полторацкій завелъ въ своемъ имѣніи четырехполье, а подражатели его шли еще дальше: такъ, нѣкто Давыдовъ завелъ девятипольный сѣвооборотъ.

Домашнія занятія крестьянъ Землянскаго уѣзда. (Альбомъ Павлова).

Многіе изъ помѣщиковъ пользовались сѣменами ньюландской и пенсильванской ржи, какъ болѣе высокаго достоинства. Въ XVIII в. почти незамѣтно примѣненіе машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, во второй четверти XIX вѣка употребленіе ихъ довольно значительно: такъ, машиностроительное заведеніе

33) Отпускается въ услуженіе человѣкъ 20 лѣтъ, собою видной, способной во всякую должность, а паче въ лакейскую, поведенія весьма добраго. Тутъ же продается количество тонкихъ пяти-четвертныхъ нынѣшняго года тканыхъ и бѣленыхъ полотенъ за сходную цѣну. Спросить близь Тверскихъ воротъ, идя отъ церкви Димитрія Селунскаго, по булевару къ Мясницкимъ воротамъ второй домъ, діякона оной церкви, у нанимающаго. — 1.

34) Отпускается въ услуженіе дворовая дѣвка 20 лѣтъ, собою видная и способная ходить за Барынею, шить тонкое бѣлье, гладить и крахмалить, также и бѣлую и черную работу способна исправлять. Спросить Прѣсненской Ч. 1 кварт. въ домѣ Ивана Тимофеева Федорова, подъ No 29. — 1.

39) Отпускается въ услуженіе дѣвка, умѣющая шить бѣлье и вышивать, также и прачешную должность исправлять можетъ. Спросить объ ней въ Голицынской больницѣ у смотрителя галлереи. — 1.

40) Отпускается въ услуженіе дѣвка 23 лѣтъ, умѣющая хорошо мыть и гладить всякое бѣлье, Хамовнической Ч., въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Госпожи Покровской. — 1.

39) Отпускаются за излишествомъ разнаго мастерства люди, видные собою и хорошаго поведенія: сапожникъ, онъ же и башмашникъ, токарь, маляръ, столяръ, обойщикъ, порттной, оффиціантъ, знающій читать, писать и играть на флейтѣ. Желающіе могутъ спросить въ домѣ купца Нестерова за Калужскими воротами, въ приходѣ Козьмы и Дамiана у нанимающаго. — 1.

34) Отпускается въ услуженіе садовникъ, который обучался отъ извѣстнаго мастера Г. [illegible]. Спросить въ домѣ Тверской Ч. 5 кварт. подъ No 409, близь Пречистенскихъ воротъ, на валу. — 1.

41) Крестьянинъ Борисъ Сергѣевъ, крѣпостной Лейбъ-гвардіи Штабъ-Ротмистра Алексѣя Петровича Чихачова, Московской Губерніи, Подольскаго уѣзда, изъ села Богоявленскаго отпущенъ имъ былъ въ Сергіевскую Лавру на 7 дней безъ всякаго виду, который по сіе время къ нему Г. Чихачову не явился. Примѣтами же оной: лицемъ бѣлъ, глаза каріе, волосы на головѣ и бородѣ темнорусые, 21 года, о которомъ и явочное прошеніе въ Подольской Земской Судъ подано. Естьли гдѣ онъ проявится, то благоволено бы было переслать его въ Присудственное Мѣсто куда слѣдуетъ. — 1. —

19) Отпускается въ услуженіе хорошаго поведенія лакей, помѣсячно, или въ годъ, который можетъ исправлять и оффиціантскую должность, знающій читать и писать, играетъ на віолончели и скрыпкѣ, да другой ткачь, умѣющій ткать салфетки и полотна, и можетъ исправлять на дворѣ должность дворника. Спросить объ онныхъ близъ Пречистенскихъ воротъ, въ приходѣ Покрова, что на Грязи, въ домѣ подъ No 61, у самого Господина. — 1.

42) Отп[illegible] который можетъ обучать [illegible] жать лошадей и быть при заводѣ. [illegible] сить на Пречистенкѣ, въ домѣ Г. Сам[illegible]ва, у служителя Ивана Семенова Казанова. Тутъ же продается хорошій добротный сыръ съ обождяніемъ денегъ. — 1.

43) Отпускается въ услуженіе горничная дѣвка 18 лѣтъ, знающая разныя рукодѣлія, добраго поведенія. Спросить въ домѣ Гжи. Васильевой, въ Оружейной улицѣ, близъ Смоленскаго рынку. — 1.

40) Отпускается въ услуженіе поваръ, онъ же знаетъ отчасти и кандитерское, съ женою, дочерью и сыномъ. Спросить Хамовнической Ч. въ приходѣ Неопалимыя Купины, въ домѣ Пояркова, у нанимающихъ. Въ ономъ же домѣ продается Холмогорской быкъ. — 1.

Публикаціи въ „Московск. Вѣдом." за 1825 г. объ отдачѣ крѣпостныхъ въ услуженія. (Замаскированная продажа).

бр. Бутеноповъ въ періодъ 1833—1846 гг. изготовило различныхъ машинъ, снарядовъ и орудій на 1 милліонъ руб. сер., въ томъ числѣ 1.100 молотилокъ, 6.060 вѣялокъ, 1.600 плуговъ, 1.200 боронъ. Впослѣдствіи появились и другія машиностроительныя заведенія, и подобнаго рода предпріятія возникали даже въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, изготовлявшихъ орудія и для себя и для сосѣдей. Въ общемъ спросъ былъ настолько значителенъ, что ус-

[illegible] механическія заведенія не успѣвали удовлетворять заказы. Такъ мало-по-малу машина завоевывала себѣ первенство въ прогрессивномъ хозяйствѣ, но, сокращая количество рабочихъ рукъ, она въ то же время ставила передъ помѣщикомъ трудную и мало разрѣшимую при тогдашнихъ условіяхъ задачу: куда дѣвать оставшіяся безъ работы рабочія руки.

Развитіе свеклосахарнаго производства являлось попыткой соединенія сельскаго хозяйства съ промышленностью и, конечно, было показателемъ успѣховъ технически прогрессивнаго хозяйства. Свеклосахарное производство культивировалось не только въ юго-западномъ районѣ, наиболѣе благопріятномъ по климатическимъ условіямъ, но и въ центральной полосѣ, въ губерніяхъ: Московской, Тульской, Рязанской и другихъ, хотя онѣ менѣе были пригодны для этой цѣли. Разведеніе свекловицы требовало цѣлаго ряда машинъ, которыя впослѣдствіи стали примѣняться и при культурѣ хлѣбовъ. Но въ Россіи были мѣстности, гдѣ сельско-хозяйственный прогрессъ почти не былъ замѣтенъ. На юго-востокѣ и отчасти югѣ развивалось тонкорунное овцеводство, что зависѣло отъ усиленнаго спроса на шерсть со стороны фабрикъ и недостаточнаго количества крѣпостного крестьянства, безъ котораго раціональная обработка земли фактически была невозможна. Сначала цѣны на шерсть были высоки: такъ, въ 1825 году тонкая шерсть продавалась отъ 26—60 руб. ассигн. за пудъ, а въ 1843 г. цѣны упали: шерсть продавалась отъ 12—20 руб.; цѣны продолжали падать до 1850 года. Такое паденіе цѣнъ не только результатъ усиленнаго тонкорунниго овцеводства, обогнавшаго спросъ, но также и австралійской конкуренціи. И все-таки, несмотря на низкія цѣны, тонкорунное овцеводство для новороссійскихъ помѣщиковъ составляло главную статью дохода во второй четверти XIX вѣка.

Къ увлеченію раціональными способами хозяйства не всѣ агрономы — теоретики и практики—относились сочувственно. Подсмѣиваясь иногда очень остроумно надъ увлеченіями „аглицкой“ системой, они доказывали безполезность и даже вредъ для страны радикальныхъ техническихъ пріемовъ, принимая во вниманіе ту форму зависимыхъ отношеній, которая существовала между помѣщиками и крестьянами. Они утверждали, что увлеченіе прогрессивной агрономіей совершенно безцѣльное занятіе, ведущее только къ разоренію: мало-по-малу начинается обѣднѣніе крестьянства, имѣнія закладываются и перезакладываются, и вложенный въ землю капиталъ не даетъ соотвѣтствующаго % прибыли.

Возраженія противниковъ „аглицкой системы“ въ нѣкоторомъ отношеніи были справедливы. Большая часть помѣщиковъ не сумѣла раціонально поставить хозяйство на новыхъ началахъ, и увлеченіе „плодоперемѣнной системой“ принесло имъ разореніе. Новая система требовала со стороны помѣщиковъ вложенія большого капитала въ землю. Его-то и не было у большинства помѣщиковъ, обладавшихъ лишь однимъ видомъ „капитала“—крѣ-

постными крестьянами [1]). Уже по одному этому увлеченіе англійской техникой не могло быть продолжительнымъ. Къ тому же и технически усовершенствованное хозяйство, при сравнительно небольшой емкости внутренняго рынка и малодоступности внѣшняго, не могло увеличить доходности хозяйства и съ успѣхомъ окупить расходы по его веденію, такъ какъ за перепроизводствомъ хлѣба его некуда было дѣвать.

Впрочемъ, увлеченіе техникой англійскаго хозяйства сказалось въ сильномъ распространеніи такъ называемыхъ „мѣсячниковъ“, появившихся сначала въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, а потомъ распространившихся и по другимъ, даже многоземельнымъ губерніямъ. Переводъ крестьянъ на положеніе мѣсячниковъ привелъ въ смущеніе одного изъ лучшихъ агрономовъ 30—40 годовъ Вилькинса, а между тѣмъ онъ былъ такъ естественъ, такъ отвѣчалъ потребностямъ помѣщичьяго хозяйства, искавшаго выхода изъ того тупика, въ которое оно попало вслѣдствіе несоотвѣтствія техники хозяйства и формъ труда. Благодаря появленію „мѣсячниковъ“, конечно, увеличивалась барская запашка, такъ какъ вся крестьянская земля присоединялась къ помѣщичьей. Кромѣ того, помѣщичье хозяйство пріобрѣтало такихъ рабочихъ, которые разъ навсегда привязаны къ имѣнію и уже не будутъ отвлекаться отъ работы на землѣ помѣщика для обработки своей собственной небольшой пашни.

Помѣщичье хозяйство въ 30—40 годахъ переживало глубокій кризисъ, послѣ чего началась реакція среди помѣщиковъ противъ примѣненія для обработки земли технически усовершенствованныхъ пріемовъ. Конечно, такой кризисъ-реакція—вполнѣ естественное явленіе. Благодаря отсутствію у большинства изъ помѣщиковъ свободныхъ денегъ, которыя могли бы быть вложены въ хозяйство безъ нужды въ немедленной ихъ реализаціи, поставить хозяйство на новыхъ началахъ могли фактически только весьма немногіе, но и тѣ замѣчали, что существующія соціальныя и экономическія условія являются тормозомъ для широкаго распространенія плодоперемѣнной системы. Для большинства помѣщиковъ увлеченіе новой техникой хозяйства кончилось полнымъ разореніемъ. Этимъ и объясняется возвращеніе къ старымъ экстенсивнымъ техническимъ пріемамъ, не требовавшимъ затраты капитала и въ то же время дававшимъ возможность использовать въ достаточной мѣрѣ крѣпостную рабочую силу. Но новыя потребности рынка и въ этомъ отношеніи вліяли на помѣщика, которому серьезно приходилось задуматься надъ вопросомъ, какъ приспособить крѣпостныя хозяйственныя отношенія къ потребностямъ предпринимательскаго хозяйства.

Отбросивъ въ сторону „интенсификацію земледѣлія“, помѣщики стремятся увеличить производительность своего хозяйства путемъ увеличенія

[1]) «Сущая новость для русскаго сельскаго хозяйства капиталы,—говоритъ одинъ современный помѣщикъ:—о нихъ слуха нѣтъ. Да гдѣ же ихъ и отыскать на улучшеніе хозяйства: никогда на это употребленіе въ наличности денегъ не собирается».

распашки за счетъ новыхъ земель и луговъ. Такое увеличеніе пашни отмѣчаетъ статистика второй четверти XIX вѣка въ губерніяхъ: Харьковской, Пензенской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Рязанской, Казанской, Пермской, Оренбургской. Это были черноземныя губерніи, такъ что хозяйственный расчетъ помѣщика вполнѣ понятенъ. Не такъ легко разрѣшался для помѣщика вопросъ о формахъ эксплуатаціи крѣпостного труда. Не мало помѣщиковъ ломали голову надъ вопросомъ, какая форма крѣпостного труда предпочтительнѣе, барщинная или оброчная, или комбинированіе въ той или другой степени обѣихъ формъ.

Въ ученой агрономіи не выработалось какого-нибудь одного мнѣнія, что, конечно, вполнѣ понятно: разъ условія веденія хозяйства въ губерніяхъ черно-

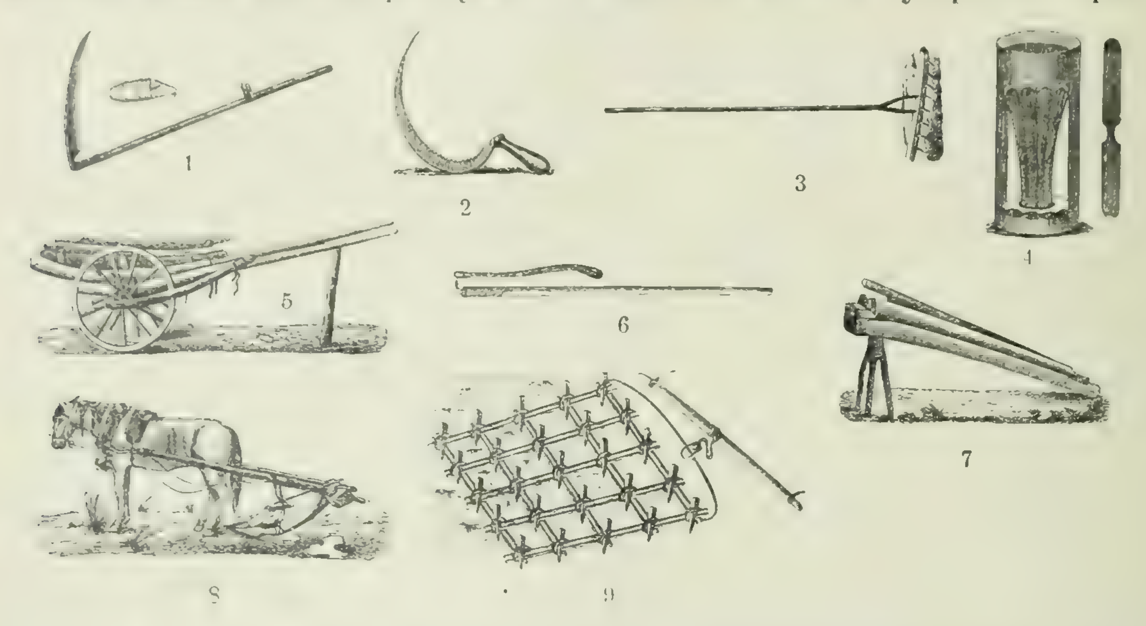

Рис. 1—9 изображаютъ орудія сельско-хозяйственнаго производства при крѣпостномъ правѣ. (Они взяты изъ воспоминаній В. В. Селиванова).

земныхъ и нечерноземныхъ были далеко не одни и тѣ же, то и формы эксплуатаціи крѣпостного труда не могли быть одинаковыми для обоихъ районовъ. Ученая агрономія почти не считалась съ послѣднимъ явленіемъ, отчего ея доводы въ пользу той или другой формы труда носятъ нѣсколько категорическій характеръ и не основаны на всестороннемъ изученіи условій хозяйства въ обѣихъ полосахъ Россіи. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что та и другая система имѣла своихъ горячихъ сторонниковъ и не менѣе убѣжденныхъ и увлекавшихся противниковъ. Доводы теоретиковъ и практиковъ хозяйства станутъ понятнѣе, если принять во вниманіе, что уже въ XVIII вѣкѣ оброчная система доминировала въ промышленныхъ губерніяхъ и что въ половинѣ XIX, какъ увидимъ ниже, бросалась въ глаза тенденція

къ ея значительному повышенію, а въ губерніяхъ черноземныхъ и раньше обычной формой эксплуатаціи крѣпостного труда являлась барщина, которая была господствующей системой въ помѣщичьемъ хозяйствѣ и наканунѣ крестьянской реформы. Помѣщики промышленныхъ губерній на практикѣ пришли къ выводу, что „производительность труда находится въ прямомъ отношеніи къ свободѣ трудящагося. Чѣмъ менѣе стѣсненъ онъ въ выборѣ занятій, въ распоряженіи своимъ временемъ и своими силами, тѣмъ успѣшнѣе его трудъ, наоборотъ, производительность труда постепенно упадаетъ по мѣрѣ ограниченія свободы трудящагося". Разъ свобода труда—основа его производительности, то неудивительно, что экономическій журналъ 30 годовъ. „Земледѣльческій Журналъ" выступаетъ на защиту оброчной системы: „Оброчникъ имѣетъ гораздо болѣе возможности развертывать свои способности,

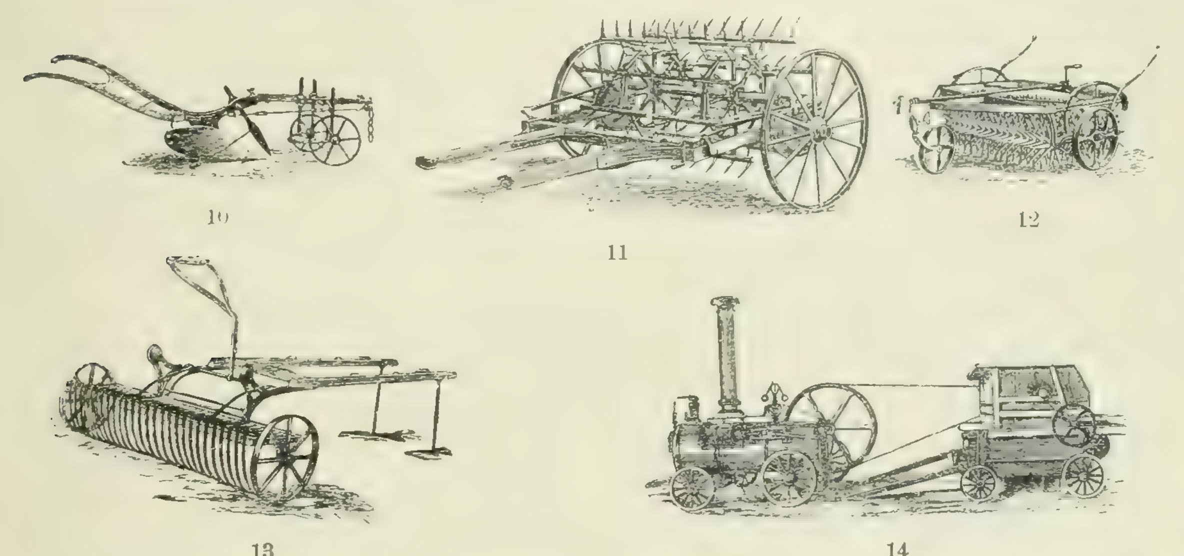

Рис. 10—14 взяты изъ статьи А. И. Кошелева „Поѣздка русскаго земледѣльца въ Англію и на всемірную выставку", напечатанной въ т. I славянофильскаго „Московскаго сборника" (1852 г.). Рисунки эти должны были дать русскому читателю представленіе о сельско-хозяйственномъ прогрессѣ на Западѣ и такимъ образомъ подготовлять помѣщика къ вопросу о необходимости измѣненій крѣпостныхъ отношеній въ цѣляхъ веденія интенсивнаго хозяйства.

чѣмъ барщинникъ, ибо онъ улучшаетъ свое состояніе на томъ пути, куда влечетъ его склонность". Для сторонниковъ оброчной системы низкая производительность барщиннаго труда является очевидной. „Въ барщинскихъ работахъ,—говорится въ томъ же экономическомъ журналѣ,—крестьянское правило: чѣмъ меньше и хуже, тѣмъ и лучше". Къ такому же выводу пришли и многіе изъ помѣщиковъ-практиковъ: такъ, пензенскій помѣщикъ, довольно извѣстный въ современной ему агрономической литературѣ, пишетъ: „Барщина, отнимающая возможность у бѣднаго выйти изъ бѣдности, у зажиточнаго—разбогатѣть; у человѣка, одареннаго какимъ-нибудь особеннымъ талантомъ,—развивать этотъ талантъ; у промышленника—заниматься своимъ промысломъ, дѣйствуетъ на всѣхъ крестьянъ подобно медленному яду, уби-

[illegible] тѣло". И псковскій помѣщикъ Воиновъ такого же мнѣнія о [illegible] барщиннаго труда: „Трудъ не долженъ быть принудительнымъ, если желаютъ, чтобы человѣкъ работалъ съ высшею степенью физическихъ и умственныхъ своихъ способностей. Смѣло можно сказать, что въ хорошо управляемыхъ барщинахъ три четверти барщинниковъ отвѣчаютъ за себя и за другихъ, такъ что работы утягиваются, по крайней мѣрѣ, на четвертую долю времени. Когда бы эту потерю исчислить по всѣмъ имѣніямъ, то, я думаю, результатъ оказался бы государственной важности". Другой же помѣщикъ, Ладыженскій, утверждалъ, „что въ барщинѣ всегда пропадаетъ работа наполовину". Понятно, что для всѣхъ нихъ предпочтительнѣе оброчная система, какъ заранѣе опредѣлявшая ту долю труда, которую помѣщикъ можетъ себѣ присвоить, и въ то же время не стѣснявшая ни его хозяйственной предпринимательской дѣятельности ни самихъ крестьянъ. По словамъ экономиста-практика Поздюнина, „трудъ оброчнаго крестьянина, предоставленный собственному его произволу, не можетъ быть употребляемъ вопреки умственныхъ способностей и тѣлесныхъ силъ работника. При произвольномъ трудѣ всякому воздается по дѣламъ его, и трудолюбіе поведетъ самымъ ближайшимъ образомъ къ совершенству. Оброкъ устраняетъ безпечность, лѣнь, даетъ возможность развитія индивидуальныхъ силъ" [1]).

Такъ мало-по-малу экономическая мысль того времени убѣдилась въ малой производительности крѣпостного труда, но, не рѣшаясь измѣнить радикальнымъ образомъ существующую зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, она предпочитаетъ оброчную систему, какъ наиболѣе подходящую для планомѣрной эксплуатаціи крестьянскаго труда. Такъ постепенно крѣпла мысль въ обществѣ объ убыточности для хозяйства существующихъ крѣпостныхъ отношеній, въ особенности въ имѣніяхъ, гдѣ преобладала барщина, такъ какъ система барщинныхъ отношеній иногда требовала со стороны помѣщика существенныхъ матеріальныхъ затратъ. По словамъ смоленскаго губернатора, „крестьяне въ неурожайные годы въ житницѣ владѣльца находятъ необходимое продовольствіе и сѣмена, и оттого многіе сдѣлались безпечны и не брегутъ собственнымъ своимъ хозяйствомъ. Помѣщики обязаны весьма часто дѣлать пожертвованія для крестьянъ безпечныхъ и лѣнивыхъ". Такого же мнѣнія держатся и сами помѣщики, находя, что „безпечность, столь замѣчательная въ отдѣльныхъ крестьянахъ и происходящая единственно отъ того, что они въ нуждахъ своихъ почти безвозмездно получаютъ пособіе отъ помѣщика, при оброчномъ же крестьянствѣ, если не совсѣмъ уничтожается, то, по крайней мѣрѣ, ослабляется тѣмъ, что, какъ бы въ поощреніе къ трудолюбію, при оброкѣ бываетъ менѣе дурныхъ примѣровъ, при которыхъ помѣщикъ вынужденнымъ находится дѣлать пособіе своимъ крестьянамъ".

[1]) **Лященко**, «Очерки аграрной эволюціи», т. I, стр. 185.

Не менѣе горячо высказывались апологеты барщины. Извѣстный агрономъ Вилькинсъ, по словамъ Ю. Ѳ. Самарина, „очень строгимъ и добросовѣстнымъ расчетомъ“ доказалъ, „что для помѣщика выгоднѣе держать крестьянъ на барщинѣ, чѣмъ на оброкѣ“. По мнѣнію другихъ, оброчная система уже потому менѣе выгодна въ сравненіи съ барщиной, что она не нуждается въ постоянномъ надзорѣ со стороны помѣщика. Имѣніе находится всецѣло въ рукахъ управляющаго, на обязанности котораго лежитъ сборъ оброка, который, впрочемъ, онъ никогда полностью не въ состояніи собрать, такъ какъ крестьяне по разнымъ причинамъ хлопочутъ объ его уменьшеніи. „Я полагаю,—писалъ Александръ Жуковъ въ своемъ сельско-хозяйственномъ руководствѣ,—что самое худшее положеніе имѣнія—оброчное. Никогда не обезпечиваетъ доходовъ владѣльца; всегда болѣе или менѣе накопляются недоимки. Крестьяне вообще безпечны, частью есть изъ нихъ хорошіе хозяева, которые запасаются на случай неурожая, но если неурожай постигаетъ все имѣніе, то бѣднѣйшіе не въ состояніи бываютъ заплатить всего оброка, а „а за ними и исправные не желаютъ противъ нихъ лишняго переплатить; въ самые счастливые годы сверхъ оклада никто не внесетъ. А пожаръ или скотный падежъ бываетъ причиною, что крестьяне не только не платятъ оброка, но и просятъ отъ помѣщика значительнаго вспомоществованія. Основная цѣнность имѣнія безразсудно уничтожена: поля распаханы, земли кое-какъ удобрены, луга въ безпорядкѣ и частью распаханы, лѣса сколь возможно истреблены; самое состояніе крестьянъ разстроено. Почти всегда и для владѣльца оброкъ невыгоденъ и для крестьянъ вообще отяготителенъ“. Барщинный трудъ считали тѣмъ удобнымъ для помѣщичьяго хозяйства, что онъ точно опредѣленъ, хотя и его слабая производительность не скрылась отъ практическаго глаза помѣщиковъ. Когда въ 1856 году Лебедянское общество сельскаго хозяйства поставило на обсужденіе вопросъ о сравнительной выгодности барщиннаго или оброчнаго хозяйства, мѣстные землевладѣльцы высказались въ пользу барщины. „Доходы барщиннаго имѣнія,—по расчетамъ члена этого общества Е. П. Молчалкина,—всегда гораздо выше оброчнаго. У меня 57 рабочихъ тяголъ и я получаю 3.000 руб. однѣми деньгами, кромѣ продовольствія и содержанія себя, лошадей, прислуги, многочисленной дворни, что составитъ болѣе 80 рублей на тягло Такого огромнаго оброка никакое тягло не въ состояніи выплатить“. По расчетамъ хозяевъ, даже въ Костромской губерніи, въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики, въ зависимости отъ условій рынка и почвы, занимались земледѣліемъ, предпочтительнѣе барщина, такъ какъ барщинное тягло въ среднемъ даетъ 150 руб. денежнаго дохода, а оброчное—лишь 50—60 рублей. Такіе доводы приводили въ пользу барщины ея апологеты.

Не скрывая отъ себя недостатковъ обѣихъ системъ, нѣкоторые хозяева пытались придумать иную организацію труда и взиманія повинностей, искус-

ственно сочетания указанныя выше двѣ формы эксплуатаціи крѣпостного труда: перевода всѣхъ дворовыхъ и крестьянъ съ барщины на положеніе оброчниковъ или заставляли этотъ оброкъ отрабатывать на помѣщичьей землѣ по опредѣленнымъ расцѣнкамъ, съ уплатой этого оброка хлѣбомъ или натурой [1].

Тогда теоретическая и практическая мысль средины прошлаго столѣтія усиленно обсуждала вопросъ, какъ наилучше использовать даровую рабочую силу въ цѣляхъ увеличенія доходности имѣнія. Опредѣленнаго мнѣнія по этому вопросу, конечно, быть не могло, такъ какъ слишкомъ были различны условія хозяйства для полосы черноземной и нечерноземной. Единственно, хоть что объединяло эти два взаимно-противоположныя направленія — это признаніе весьма низкой производительности принудительнаго труда. Для образованнаго помѣщика единственнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія вещей была окончательная ликвидація крѣпостныхъ отношеній, но заговорить объ этомъ рѣшительно—по существу рѣшались весьма немногіе, да и способы ликвидаціи представлялись не одинаковыми для помѣщиковъ черноземныхъ и нечерноземныхъ губерній. Но въ общемъ важно общее убѣжденіе, что крѣпостной трудъ мало производителенъ и не удовлетворяетъ новымъ условіямъ развитія помѣщичьяго хозяйства.

Правда, нѣкоторые помѣщики пытались пользоваться, при веденіи хозяйства, вольнонаемнымъ трудомъ, но широкое распространеніе послѣдняго не могло имѣть мѣста благодаря неодинаковой населенности территоріи и неравномѣрному распредѣленію крѣпостного населенія. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ—центральныхъ плотность крѣпостного населенія являлась наиболѣе значительной. На югѣ, юго-востокѣ по Волгѣ и Камѣ — по мѣрѣ удаленія отъ центра число крѣпостныхъ значительно понижается. Такъ, напримѣръ, по даннымъ 10-й ревизіи крѣпостныхъ крестьянъ въ Смоленской губерніи было 69%, Курской—40%, Екатеринославской—37%, а въ Бессарабской—только 1%. Такимъ образомъ, благодаря неравномѣрному распредѣленію рабочихъ рукъ на суглинистомъ сѣверѣ и центрѣ было перепроизводство ихъ, а на плодородномъ югѣ замѣчался ихъ недостатокъ. Конечно, такое неравномѣрное распредѣленіе рабочихъ рукъ не могло не отражаться такъ или иначе на частно-владѣльческомъ хозяйствѣ. Вольнонаемный трудъ въ широкихъ размѣрахъ могъ только примѣняться въ нечерноземной полосѣ, гдѣ было достаточное количество рабочихъ рукъ и гдѣ большая часть крестьянства была на оброкѣ, но гдѣ земледѣліе перестало играть доминирующую роль. Но и тутъ примѣненіе его требовало капитала, котораго у помѣщика не было, такъ какъ хозяйство велось обыкновенно съ помощью крестьянскаго инвентаря. Да и платежъ заработной платы въ формѣ земельнаго надѣла тоже для помѣщика былъ выгоднѣе, чѣмъ вознагражденіе труда рабочаго деньгами. Поэтому переходъ въ

---

[1] **Лященко**, opus cit., стр. 185.

нечерноземной полосѣ къ труду вольнонаемному былъ очень затруднителенъ и матеріально убыточенъ, такъ какъ въ общемъ крѣпостной барщинный трудъ оказывался дешевле свободнаго. Тѣмъ не менѣе, имѣнія, гдѣ примѣнялся вольнонаемный трудъ, все же были, напр., въ имѣніи гр. А. П. Бобринскаго, въ Богородицкомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ Рязанской губерніи и нѣкоторыхъ другихъ.

Радость при маленькомъ дождѣ во время большой засухи (карик. Неваховича 1855 г.).

Вольнонаемный трудъ примѣнялся также въ купеческихъ имѣніяхъ губерній: Воронежской, Тамбовской и Саратовской. То же указываетъ Гакстгаузенъ и относительно губерній Тамбовской и Харьковской. Примѣнялся вольнонаемный трудъ и въ Тверской губерніи, преимущественно въ имѣніяхъ тѣхъ владѣльцевъ, которые не имѣли собственныхъ крѣпостныхъ. То же можно сказать и о собственно-помѣщичьихъ имѣніяхъ: такъ, въ сороковыхъ годахъ въ имѣніи зарайскаго предводителя дворянства Титова обработка земли производилась своими же крестьянами, но „по найму, по вольному со-

глашеніи. У помѣщика Демидова, Нижегородской губерніи, обработка продуктовъ хозяйства производилась наемнымъ трудомъ. Въ наибольшемъ размѣрѣ вольнонаемный трудъ примѣнялся въ Новороссіи — въ губерніяхъ: Херсонской, Екатеринославской, Таврической. Сюда шли крестьяне изъ Малороссіи, центра, отчасти изъ Тульской губерніи. Существуютъ данныя о значительномъ отходѣ крестьянъ гр. Бобринскаго, Тульской губерніи. Не будь вольнонаемныхъ рабочихъ — фактически было бы невозможно снять ежегодный урожай въ Новороссіи.

По матеріаламъ редакціонныхъ комиссій ежегодный приливъ населенія изъ центра и Малороссіи въ степную полосу доходилъ до 300.000 рабочихъ, но и этого количества было недостаточно для удовлетворенія крайней нужды въ рабочихъ рукахъ, благодаря относительно быстрому экономическому росту юга. Правда, помѣщики старались, всѣми законными и незаконными средствами, увеличить ихъ контингентъ — то переселеніемъ изъ центральныхъ губерній, то пріемомъ бѣглыхъ и записью ихъ потомъ въ ревизскія сказки.

Правда, свѣдѣнія наши о размѣрахъ примѣненія вольнонаемнаго труда пока не особенно значительны, но важно установленіе принципіальнаго факта — вытѣсненія въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ труда крѣпостного вольнонаемнымъ. То же слѣдуетъ сказать и о югѣ, гдѣ широкое примѣненіе вольнонаемнаго труда уже потому имѣло мало мѣста, что здѣсь не было достаточнаго контингента рабочихъ, благодаря отдаленности отъ центральныхъ мѣстностей. По этимъ причинамъ, избыточное населеніе центра не могло отправиться на югъ на заработки, гдѣ бы оно могло найти реальное приложеніе своимъ силамъ. И все-таки отходъ существовалъ, тяга на югъ была, хотя, за недостаткомъ данныхъ, трудно учесть размѣры этого отхода.

Однако ни примѣненіе вольнонаемнаго труда, ни сильная эксплуатація крѣпостного труда не достигали своихъ цѣлей. Помѣщику-предпринимателю не удавалось использовать богатѣйшій черноземъ въ той мѣрѣ, въ какой бы онъ этого желалъ и въ какой бы степени оно соотвѣтствовало потребностямъ хлѣбнаго экспорта. Для помѣщиковъ Новороссіи и степного края болѣе, чѣмъ для кого другого, была ясна необходимость отмѣны крѣпостного права, такъ какъ при его существованіи невозможно нормальное передвиженіе населенія на югъ для удовлетворенія его потребностей въ рабочихъ рукахъ, безъ которыхъ невозможно экономическое развитіе юга. Вотъ что говорятъ по этому поводу степные помѣщики въ редакціонныхъ комиссіяхъ. „Когда крестьяне всей имперіи получатъ право переходить съ барщины на оброкъ и даже совершенно выходятъ изъ общества, то цѣлая масса рабочихъ будетъ свободно двигаться къ югу, оплодотворять эти степи вольнымъ трудомъ, возвышать цѣнность земель и обогащать ихъ владѣльцевъ“. Такъ во всѣхъ частяхъ Россіи ненормально создавшіяся условія въ развитіи помѣщичьяго хозяйства прямо или косвенно говорили въ пользу немедленной ликви-

дацін крѣпостныхъ отношеній, форма которой пока еще не предрѣшалась хозяевами-практиками.

Оброчные и барщинные крестьяне. Наканунѣ крестьянской реформы общая численность крѣпостного крестьянства доходила до 10.551.102 ревизскихъ душъ. Вся эта многомилліонная масса по формѣ принудительныхъ отношеній, существовавшихъ между ней и помѣщикомъ, дѣлилась на оброчныхъ и барщинныхъ. Первые уже въ XVIII в. составляли въ 13 нечерноземныхъ великороссійскихъ губерніяхъ преобладающую по численности массу крѣпостного населенія; крестьянъ-оброчниковъ здѣсь уже было 55%, а въ великороссійскихъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ доходилъ только до 26. Такое распредѣленіе вполнѣ понятно: въ первомъ случаѣ земля была малодоходна и

Сельскій праздникъ и конская ярмарка (Алатырскаго уѣзда, Симб. губ.). Мордовскіе костюмы (рис. Рыбинскаго).

надо было получать ежегодную ренту не съ земли, а съ лица, чѣмъ и объясняется преобладаніе оброка надъ барщиной, тѣмъ болѣе, что промышленное развитіе страны давало избыточному крѣпостному населенію полную возможность приложенія своей рабочей силы, что обезпечивало помѣщику правильное поступленіе оброка. Въ черноземныхъ губерніяхъ ежегодную ренту даетъ земля. Отсюда и ея эксплуатація посредствомъ барщины. Увеличивающаяся цѣнность земли и вызвала здѣсь торжество барщины.

Въ XIX вѣкѣ отношеніе между оброкомъ и барщиной значительно измѣняется. Въ губерніяхъ нечерноземныхъ бросается въ глаза быстрое увеличеніе оброчныхъ. Возьмемъ для примѣра нѣсколько губерній: такъ, въ Московской губерніи процентъ оброчныхъ увеличился съ 36 до 67,89%,

во Владимирской съ 50 до 69,88%, Ярославской съ 78 до 89,41%, Костромской съ [illegible] до 87,6%, Псковской съ 21 до 23%. Въ общемъ почти во всѣхъ нечерноземныхъ губерніяхъ процентъ оброчныхъ повысился. Это повышеніе, конечно, разное. Такъ, процентъ въ Московской губ. увеличился на 32%, а въ Псковской — только на 2%. Если же брать только имѣнія, имѣющія болѣе 100 душъ, то повышеніе % оброчныхъ станетъ еще болѣе ощутительнымъ: въ Московской губерніи это выразится въ увеличеніи на 44%, Владимирской 12,5% (во всѣхъ имѣніяхъ только 20), Псковской—на 12%.

Словомъ, во многихъ губерніяхъ нечерноземнаго пространства замѣчается сокращеніе и уменьшеніе барщиннаго труда и увеличеніе оброка. Ростъ предпринимательскаго хозяйства на югѣ дѣлалъ невыгоднымъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ въ промышленной полосѣ. Тамъ же, гдѣ существовала барщина, то она не столько примѣнялась въ земледѣліи, сколько въ вотчинной промышленности. Впрочемъ, не во всѣхъ губерніяхъ нечерноземной полосы замѣтно повышеніе процента оброчныхъ: въ Тверской и Новгородской губерніяхъ онъ незначительно понизился, но въ общемъ картина остается старая: земледѣліе вытѣсняется промысловыми занятіями. Иная картина представляется въ черноземныхъ губерніяхъ. Въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ здѣсь бросается въ глаза рѣзкое увеличеніе процента барщинныхъ крестьянъ, за исключеніемъ губерній Тульской и Курской, гдѣ въ первой % оброчныхъ поднялся съ 8 до 25,39%, а во второй—съ 8 до 24,53%[1]). Въ остальныхъ же губерніяхъ черноземной полосы барщина рѣдко доминируетъ надъ оброкомъ: такъ, въ Воронежской губерніи процентъ барщинныхъ увеличился съ 36 до 55%, Орловской—съ 66 до 72%, Пензенской—съ 48 до 75%. То же преобладаніе барщины можно отмѣтить и въ черноземныхъ губерніяхъ: приволжскихъ, Малороссіи и Новороссіи. Такъ, въ Полтавской губерніи барщинныхъ крестьянъ было 98,86%, въ Черниговской — 97,44%, Екатеринославской — 99,8%, Казанской — 86%, Самарской—79%.

Значительное повышеніе процента барщиннаго крестьянства въ черноземныхъ губерніяхъ Великороссіи и Малороссіи являлось несомнѣннымъ признакомъ упадка крѣпостного хозяйства. Новыя потребности рынка требовали увеличенія производительности хозяйства. Отсутствіе достаточнаго контингента рабочихъ рукъ заставляло помѣщиковъ обходиться почти только съ помощью одного своего крестьянства, рабочія силы котораго были напряжены до крайности.

Дѣленіе Россіи на двѣ полосы по системѣ хозяйства очень рѣзко сказалось на распредѣленіи земельной собственности между крестьянами и помѣщиками. Въ то время какъ въ губерніяхъ нечерноземныхъ въ XIX вѣкѣ замѣтно незначительное уменьшеніе надѣла въ сравненіи съ XVIII в., въ

---

[1]) Увеличеніе числа оброчныхъ въ этихъ губерніяхъ можно объяснить крайнимъ малоземельемъ этихъ губерній и въ то же время ихъ густонаселенностью.

губерніяхъ черноземной полосы бросается въ глаза рѣзкое сокращеніе размѣровъ крестьянскаго землепользованія.

Такое явленіе вполнѣ понятно. Въ нечерноземномъ районѣ земля не представляла собой почти никакой реальной цѣнности; поземельная рента извлекалась изъ крестьянина, благодаря занятіямъ его отхожими промыслами. На черноземной полосѣ основной капиталъ составляетъ земля; поэтому вполнѣ понятно желаніе помѣщика сосредоточить въ своихъ рукахъ возможно большое ея количество для расширенія площади своей собственной запашки,

Ярмарка въ Малороссіи (офортъ Маковскаго).

тогда какъ въ XVIII вѣкѣ и въ этой полосѣ помѣщики предпочитали дать крестьянину возможно большіе по размѣрамъ надѣлы, что, конечно, приходится поставить въ связь съ примитивными условіями хозяйства. Такимъ образомъ, чѣмъ съ большей выгодой помѣщикъ могъ использовать землю, тѣмъ меньшее количество земли оставалось въ рукахъ крестьянства. Благодаря экспропріаціи крестьянскихъ надѣловъ, пролетаризація крестьянства началась задолго до отмѣны крѣпостного права.

Въ самомъ дѣлѣ: въ центральномъ промышленномъ районѣ за помѣщиками числилось 48,10% всей земельной площади, находившейся въ рамкахъ

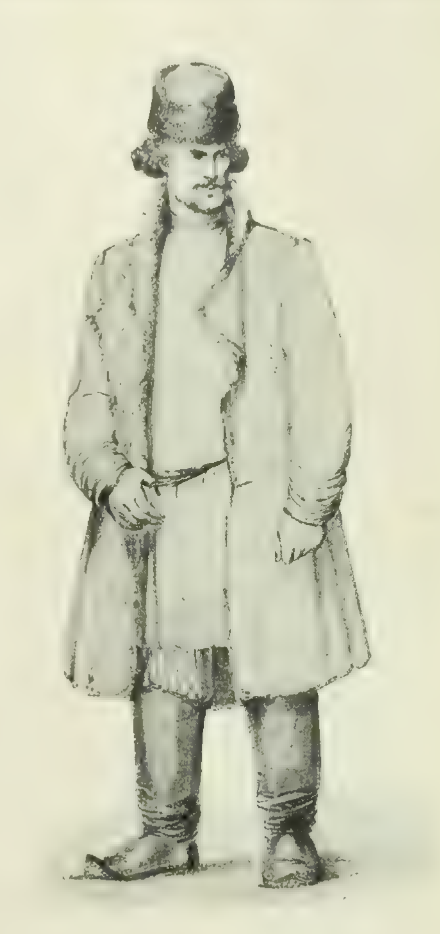
крѣпостного хозяйства, а за крестьянами — 51,9%; въ среднемъ Поволжьѣ за помѣщиками — 61,7%, а за крестьянами — 38,3%; на черноземномъ югѣ за помѣщиками — 72,3%, а за крестьянами — 27,7%. Словомъ, чѣмъ ближе къ чернозему, тѣмъ площадь крестьянскаго землепользованія становится все меньше и меньше. Это распредѣленіе земельной собственности станетъ еще рѣзче, если брать и разсматривать соотношеніе крестьянскаго и помѣщичьяго землепользованія по отдѣльнымъ губерніямъ: такъ, свыше 70% всей земли было въ пользованіи крѣпостныхъ крестьянъ губерній: Петербургской, Владимирской, Ярославской, Тверской, Калужской, Вологодской, Смоленской; въ губерніяхъ: Псковской, Новгородской и Олонецкой—больше 60%, и по мѣрѣ приближенія къ чернозему происходитъ паденіе процента. Въ общемъ въ сравненіи съ XVIII вѣкомъ у оброчныхъ крестьянъ осталось $^4/_5$ всей земельной площади, тогда какъ въ XVIII вѣкѣ они пользовались всей; что касается барщинныхъ, то у нихъ осталось менѣе половины земли, а въ XVIII вѣкѣ въ ихъ рукахъ сосредоточивалось около $^2/_3$ ея.

Конечно, такое сокращеніе площади крестьянскаго землепользованія должно было отразиться на размѣрахъ крестьянскаго надѣла, а если принять во вниманіе и естественный прпростъ народонаселенія, то нужда въ землѣ станетъ еще ощутительнѣе. Сокращеніе размѣровъ надѣла зависѣло отъ малоземелья или многоземелья губерніи, а еще больше отъ системы хозяйства и плодородія почвы въ связи съ развитіемъ промышленныхъ занятій.

Въ губерніяхъ нечерноземныхъ средній размѣръ въ крестьянскихъ надѣлахъ былъ далеко неодинаковъ: онъ колебался между 8,68 — 2,86 десятинами. Малоземелье въ оброчныхъ губерніяхъ зависѣло отъ ихъ населенности. Въ этомъ отношеніи особенно характерна Московская губернія, гдѣ плотность населенія была очень велика.

Что касается барщинной полосы, то среднее количество удобной земли, бывшей въ распоряженіи крестьянина, колебалось между 5,27 и 22,5 десят. Конечно, болѣе обезпеченными землей являлись крестьяне тѣхъ губерній, гдѣ плотность населенія была незначительна; тамъ же, гдѣ плотность была велика, вполнѣ понятно уменьшеніе средняго количества удобной земли, бывшей въ распоряженіи крестьянина (Курская, Рязанская). Относительно большими надѣлами удобной земли располагали крестьяне степной полосы: изобиліе земли и сравнительно слабая плотность населенія давали полную возможность помѣщику, безъ всякаго для себя ущерба, предоставить въ пользованіе крестьянина большее количество земли, напр., въ губерніяхъ: Самарской, Саратовской, Екатеринославской. Если въ промышленныхъ губерніяхъ отхожіе промыслы восполняли недостатокъ въ землѣ, то въ черноземной полосѣ крестьянская масса вела полуголодное существованіе, такъ какъ размѣры крестьянскаго надѣла были недостаточны для нормальнаго существованія. По вычисленіямъ Янсона, для удовлетворенія продовольствен-

ной потребности одной ревизской души въ нечерноземной полосѣ нужно отъ 8—6 десятинъ въ трехъ поляхъ, тогда какъ въ губерніяхъ: Нижегородской, Калужской, Ярославской, Тверской, Олонецкой, Московской — на одну душу приходилось пахоты отъ 2,83 до 1,63 десятины. Отсюда ясна необходимость въ подсобныхъ промыслахъ. Что касается черноземной полосы, то продовольственная потребность ревизской души, по вычисленіямъ того же экономиста, удовлетворяется пятидесятиннымъ надѣломъ при урожаѣ самъ-четвертъ. Конечно, доходовъ съ этого надѣла не хватитъ на уплату денежныхъ повинностей и на покрытіе другихъ хозяйственныхъ потребностей. Между тѣмъ въ черноземныхъ губерніяхъ средній надѣлъ пахоты колебался между 3,68—2 десятинами при почти полномъ отсутствіи другихъ подсобныхъ занятій. Такъ, крестьянская масса обрекалась на полуголодное существованіе задолго до крестьянской реформы.

Крестьянинъ (Неваховичъ).

Въ связи съ этимъ слѣдуетъ отмѣтить любопытный процессъ въ средѣ крѣпостного крестьянства—это рѣзкое увеличеніе числа дворовыхъ ко времени 10-й ревизіи. Крестьяне переводились во дворъ, а ихъ земля присоединялась къ помѣщичьей запашкѣ. Переселеніе съ пашни во дворъ принимало такіе большіе размѣры, что заставило даже правительство обратить на это свое вниманіе и указомъ 2 марта 1858 года воспретить дальнѣйшіе переводы во дворъ крестьянъ, записанныхъ по 10-й ревизіи осѣдлыми. Такъ, по 8-й ревизіи дворовыхъ было 4,14%, по 9-й ревизіи—4,79% и 10-й—6,79%. Это составитъ по отношенію ко всей крѣпостной массѣ 724.000 душъ. Такимъ образомъ въ числѣ дворовыхъ замѣчается приростъ въ 39%, тогда какъ въ числѣ крестьянства—въ сравненіи съ данными 9-й ревизіи—по 10-й ревизіи замѣчается убыль въ $2^{1}/_{3}$% (93,21%)[1]. Абсолютное увеличеніе числа дворовыхъ 201 т. душъ и покрываетъ оказавшуюся убыль крестьянъ[2]. Наибольшее увеличеніе числа дворовыхъ замѣтно, конечно, въ гу-

[1]) Лосицкій, opus cit., стр. 202.
[2]) Лосицкій, opus cit., стр. 202.

берніяхъ черноземныхъ: Херсонской, Екатеринославской, Черниговской, Харьковской, Полтавской, Курской, Воронежской, Пензенской и Орловской.

Наибольшее увеличеніе числа дворовыхъ падаетъ на губерніи черноземныя (61.060 д.) мужского пола и степную полосу, въ которой численность дворовыхъ увеличилась на 50.000 д. мужского пола. Эти дворовые обыкновенно занимались сельско-хозяйственными работами, и ихъ положеніе мало въ чемъ отличалось отъ положенія мѣсячниковъ. Собственно, это—тѣ же мѣсячники. Такъ, въ Екатеринославской губерніи, гдѣ преобладало интенсивное сельское хозяйство, соединенное съ усиленнымъ развитіемъ овцеводства, „почти $^1/_2$ общаго количества посѣвовъ производится обязательно трудомъ дворовыхъ плугатырей, и $^2/_3$ пастуховъ состоитъ тоже изъ дворовыхъ“. „Число дворовыхъ пахарей,—по словамъ Кошелева,—въ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ довольно значительно. Ихъ отличить отъ прочихъ дворовыхъ нетрудно: они занимаются у помѣщиковъ пахотою и другими земледѣльческими работами. Они настоящіе крестьяне и попали въ дворовые только потому, что показаны таковыми по ревизіи. Между ними и крестьянами-мѣсячниками нѣтъ никакой существенной разницы“ [1]).

Вообще трудно учесть степень обезземеленія крѣпостного населенія въ дореформенное время. Можно только отмѣтить, что система обезземеленія преобладала среди мелкопомѣстнаго дворянства, которое, такимъ образомъ расширяя свою запашку, повышало производительность своего хозяйства и увеличивало доходность своего имѣнія. Практиковалось также и отпущеніе на волю безъ земли, иногда за большой выкупъ. Конечно, оставшаяся земля присоединялась къ помѣщичьей собственности. Вся эта картина обезземеленія крѣпостной массы является нагляднымъ показателемъ тѣхъ усилій, которыя напрягалъ помѣщикъ, чтобы какъ-нибудь выйти изъ того тупика, въ который попало помѣщичье хозяйство въ крѣпостной полосѣ вслѣдствіе увеличенія цѣнности земли, и въ то же время связанное обязательственными отношеніями съ крѣпостнымъ населеніемъ.

Если, съ одной стороны, эволюція хозяйственныхъ отношеній въ странѣ такъ болѣзненно отразилась на экономическомъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, подвергавшихся медленному, но систематическому обезземеленію, то, съ другой стороны, не всѣ помѣщики сумѣли приспособить свои хозяйства къ новымъ потребностямъ рынка. Нѣкоторыя изъ имѣній, преимущественно мелкія, не выдержали конкуренціи болѣе крупныхъ хозяйствъ и должны были перейти въ другія руки. Наканунѣ крестьянской реформы по X ревизіи всего насчитывалось 102.870 дворянъ, въ рукахъ которыхъ находилось до 30,6% всей государственной территоріи. Такимъ образомъ, $^1/_3$ страны жила въ рамкахъ крѣпостного хозяйства. Среди дворянскихъ имѣній преобладали мел-

[1]) Лосицкій, opus cit., стр. 203.

кія, менѣе 100 душъ; ихъ было всего около 76,2%; среднепомѣстнаго дворянства (100—500 душъ)—19,2% и крупнопомѣстнаго (500 и болѣе)—3,6%. Среди мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ 41% составляли душевладѣльцы, которые имѣли только около 20 душъ; бытъ такихъ помѣщиковъ почти не отличался отъ быта крестьянъ, что особенно бросалось въ глаза въ Рязанской губерніи—по преимуществу мелкопомѣстной. Правительству приходилось давать субсидіи, чтобы они могли коекакъ свести концы съ концами. Но зато нигдѣ и не былъ такъ тяжелъ крѣпостной трудъ, какъ у этихъ помѣщиковъ. Въ сравненіи съ данными VIII ревизіи % мелкопомѣстнаго дворянства, имѣвшаго не болѣе 20 душъ, упалъ съ 53,5 до 41%. Такимъ образомъ около 12,6% всего дворянства должны были продать свои имѣнія за полною невозможностью выдержать развивавшуюся сельско-хозяйственную конкуренцію.

Помѣщичьи крестьяне Острогожск. уѣзда (альб. Павлова).

Характернымъ явленіемъ для полосы оброчнаго хозяйства является рѣзкое повышеніе оброчныхъ платежей вообще; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно благопріятныхъ для занятій промысловой дѣятельностью, благодаря близости ихъ къ торгово-промышленному району, оброкъ достигаетъ прямо-таки несоразмѣримой на первый взглядъ величины.

Зависимость размѣровъ оброка не отъ земли, а отъ подсобныхъ промысловъ была прекрасно учтена Гакстгаузеномъ: по его словамъ, „оброкъ крѣпостныхъ лежитъ не на землѣ, которую помѣщикъ даетъ крестьянину, но на

его рабочей силѣ и его промыслѣ“. Отсюда ясны причины несоотвѣтствія, размѣровъ землепользованія оброчнымъ платежамъ, разъ была полная возможность для помѣщика извлечь большую для себя пользу изъ своего права на трудъ крестьянина [1]).

Нормальный оброкъ въ XVIII вѣкѣ равнялся 5 руб. съ души или, выражая въ цѣнности рубля средины XIX в., — 7 р. 50 к. Повышеніе его по отдѣльнымъ мѣстностямъ доходило до 20 рублей съ тягла и было явленіемъ относительно рѣдкимъ. Накапунѣ реформы такихъ ничтожныхъ оброковъ уже не было. Современники констатируютъ лихорадочное повышеніе оброка, сопровождавшее объдпѣніе крѣпостного крестьянства. Въ XIX вѣкѣ средній чисто денежный оброкъ колебался отъ 12 р. 50 к. до 27 р. 56 к. съ тягла. Колебаніе размѣровъ оброка по отдѣльнымъ губерніямъ зависѣло, конечно, отъ разныхъ причинъ. Тутъ приходилось учитывать систему хозяйства, развитіе или отсутствіе подсобныхъ промысловъ, размѣры имѣнія, величину состоянія помѣщика. Этимъ и объясняется поразительное разнообразіе въ цифрахъ. Такъ, въ губерніи Ярославской, гдѣ были сильно развиты неземледѣльческіе промыслы, оброкъ повышался до 40—50 рублей. Были цифры и выше. Напр., въ вотчинѣ графа Шереметева Ивановѣ, бывшей крупнымъ промышленнымъ и торговымъ центромъ, размѣры оброка ставились въ прямую связь съ доходами крестьянъ-фабрикантовъ и достигали колоссальныхъ размѣровъ. Въ Ростовскомъ уѣздѣ высота оброковъ объясняется развитіемъ садоводства и птицеводства. Крестьяне деревни „Порѣчья“ гр. Паниной собирали до 40.000 пудовъ цикорія на сумму до 200.000 рублей серебромъ. Понятно, почему они платили огромный оброкъ.

Въ другихъ мѣстностяхъ было развито леноводство, распространенъ дегтярный промыселъ, мочальное производство, постройка судовъ. Иногда оброчнымъ крестьянамъ предоставлялись въ пользованіе рыбныя озера и другія доходныя статьи. Все, конечно, это такъ или иначе учитывалось на величинѣ оброка. Если при веденіи хозяйства преобладала барщинная система, и только незначительная часть крѣпостныхъ отпускалась на оброкъ, то послѣдній, конечно, не могъ равняться по размѣрамъ оброку тѣхъ имѣній, гдѣ господствовало чисто-оброчное хозяйство. Впрочемъ, иногда крупный помѣщикъ по разнымъ условіямъ не могъ вести барщинное хозяйство, тогда крестьяне отпускались на оброкъ, и у такихъ крупнопомѣстныхъ его размѣры были невелики: въ оброчныхъ имѣніяхъ Шереметева, Юсупова, въ Харьковской губерніи, оброки колебались отъ 2 р. 82 к. до 7 р. 94 к. съ души.

Платежомъ чисто-денежнаго оброка не ограничивались повинности крестьянъ. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ они исполняли барщинныя работы, если

[1]) Такъ, напримѣръ, въ имѣніи Панина, Ярославской губерніи, при надѣлѣ въ 1,64 десятины брали 7 рублей съ души и 8 рублей на мелкіе расходы; въ другомъ имѣніи той же губерніи при надѣлѣ 0,98 десятины брали оброку съ тягла 21 руб.

помѣщикъ оставлялъ землю для своей собственной запашки, и въ такихъ случаяхъ оброкъ, соединенный съ барщинной повинностью, былъ ниже чисто-денежнаго оброка.

Оброчные крестьяне вносили еще помѣщику „столовый запасъ“, состоявшій изъ извѣстнаго количества яицъ, куръ, гусей, барановъ, разныхъ жен-

Великоруссы с. Турова, Нижнедѣвицкаго уѣзда (альб. Павлова).

скихъ издѣлій, сбора грибовъ, ягодъ. Впрочемъ, эти натуральныя повинности сплошь и рядомъ замѣнялись платежомъ добавочнаго вознагражденія, что въ большинствѣ случаевъ и предпочиталось крестьянами. Во всякомъ случаѣ, каковы бы ни были размѣры оброка, все-таки высокій оброкъ всегда предпочитался даже незначительной барщинѣ, такъ какъ онъ давалъ оброч-

ному крестьянину нѣкоторую возможность проявленія своей самодѣятельности и иниціативы.

Положеніе барщинныхъ крестьянъ было одинаково тяжелымъ въ обѣихъ полосахъ Россіи: въ полосѣ промышленной крестьяне работали на помѣщичьихъ фабрикахъ и заводахъ, въ плодородной полосѣ обрабатывали землю; тяжесть труда была одинакова. Законъ Павла I о трехдневной барщинѣ почти не исполнялся. Предпринимательское хозяйство требовало повышенія производительности труда. Если послѣднее, при крѣпостномъ укладѣ, фактически было невозможно, приходилось производительность замѣнять его крайнимъ напряженіемъ, что особенно бросалось въ глаза въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, въ которыхъ работали сплошь всю недѣлю. Въ Саратовской губерніи существовала „сквозная барщина“ всѣ семь дней. Встрѣчались имѣнія съ 4 или 5-дневною барщиной. Мѣсячники обыкновенно работали 6 дней. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ помѣщики брали на себя уплату крестьянскихъ податей и благодаря этому увеличивали барщину. Иногда помѣщики брали у крестьянъ хорошіе дни, а крестьянамъ оставлялись ненастные. Попадались и такія имѣнія, гдѣ при существованіи нормальной трехдневной барщины назначался еще одинъ день въ недѣлю, когда всѣ крестьяне должны были поголовно выполнять барскія работы. Въ общемъ колебаніе въ размѣрахъ барщины зависѣло отъ условій, въ которыхъ развивалось предпринимательское помѣщичье хозяйство: отсутствіе наемныхъ рабочихъ въ этомъ случаѣ вызывало крайнее напряженіе крѣпостного труда. Но собственно барщинными работами не ограничивались повинности барщинныхъ крестьянъ. Не менѣе была обременительна и подводная повинность. Крѣпостнымъ приходилось перевозить имущество помѣщика, и въ этомъ случаѣ послѣдній не стѣснялся ни дальностью разстоянія, ни матеріальнымъ положеніемъ крестьянства. Отъ подводной повинности страдали въ особенности крестьяне тѣхъ владѣльцевъ, которые успѣли завести прочныя сношенія съ сельско-хозяйственнымъ рынкомъ, куда ихъ крестьяне и должны были отвозить сельско-хозяйственные продукты. Впрочемъ, иногда отъ подводной повинности можно было освободиться при условіи платежа денежнаго вознагражденія. Такъ, въ имѣніи Семенова, въ Рязанской губерніи, крестьяне были принуждены вывозить для продажи хлѣбъ помѣщика на разстояніи отъ имѣнія 350 верстъ — 52 пуда, 100 верстъ —52 пуда, 50 верстъ—52 пуда съ каждаго тягла, а за освобожденіе отъ этой повинности взималось 11 рублей серебромъ. Благодаря подводной повинности, помѣщики искусно пользовались разницей цѣнъ на хлѣбъ на мѣстѣ производства и сбыта, впрочемъ, нисколько не обращая вниманія на то обстоятельство, что интенсивная подводная повинность очень болѣзненно отражалась на матеріальномъ благосостояніи своего же крестьянина. Наконецъ и въ барщинныхъ имѣніяхъ крестьяне приносили помѣщику такъ называемый „столовый запасъ“, но въ срединѣ XIX в., когда стало развиваться денежное

хозяйство, въ связи съ усиленіемъ эксплуатаціи крѣпостного труда, эта повинность стала исчезать.

Управленіе имѣніемъ. Новыя условія, среди которыхъ развивалось предпринимательское сельское хозяйство, требовали со стороны помѣщика большей о немъ заботы и большаго порядка и отчетности въ веденіи дѣла. Помѣщикъ-предприниматель уже не можетъ всецѣло положиться на управляющаго и довѣрить ему веденіе своего хозяйства. Необходимъ постоянный хозяйскій надзоръ. Помѣщику самому приходится стать во главѣ „сельско-хозяйственной фабрики" и лично руководить ея жизнью и работой въ интересахъ болѣе быстраго приспособленія ея производства къ потребностямъ рынка, въ зависимости отъ котораго находилось и его матеріальное благосо-

Крестьяне на Нижегородской ярмаркѣ (рис. Чернышева въ „Листкѣ" Тимма).

стояніе. Конечно, помѣщикъ не въ состояніи смотрѣть за всѣмъ лично. Онъ попрежнему проводитъ въ жизнь свои сельско-хозяйственныя распоряженія черезъ управляющихъ, но въ то же время дѣятельность послѣднихъ подвергается крайней регламентаціи, сводящей на-нѣтъ ихъ иниціативу и самодѣятельность. Вотчинное законодательство помѣщика не ограничивается только опубликованіемъ однихъ „общихъ" наказовъ управителямъ. Помѣщикъ издаетъ хозяйственныя распоряженія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, и чѣмъ помѣщикъ сильнѣе связанъ съ рынкомъ, тѣмъ вотчинное законодательство становится болѣе разнообразнымъ.

Расчетливый хозяинъ-предприниматель вмѣшивается и контролируетъ всѣ стороны не только своего собственнаго хозяйства. Равнымъ образомъ,

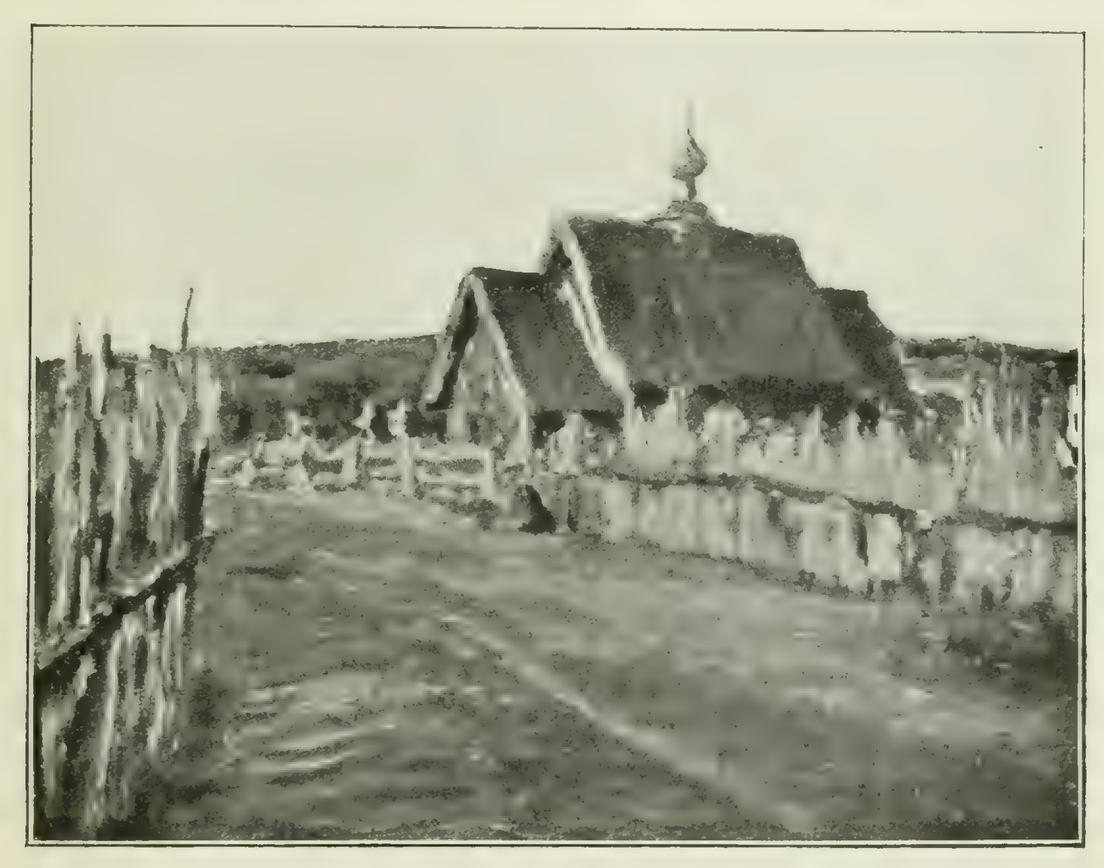
его контролю подлежало и крестьянское хозяйство. Заинтересованный въ трудѣ крестьянина, какъ въ одномъ изъ условій собственнаго благополучія, помѣщикъ подвергаетъ крестьянское хозяйство мелочной регламентаціи, тѣмъ самымъ стѣсняя проявленіе со стороны крестьянства какой бы то ни было самодѣятельности. Конечно, не всѣ помѣщики вмѣшивались во всѣ мелочныя детали какъ своего собственнаго, такъ и крестьянскаго хозяйства. Дѣлали это только тѣ, кто сумѣлъ приноровить свое хозяйство къ новымъ экономическимъ условіямъ и потребностямъ рынка. Конечно, тамъ, гдѣ хозяйство велось по-старому, гдѣ не умѣли и не могли реагировать на потребности рынка, тамъ почти отсутствовалъ мелочной контроль по веденію помѣщичьяго и крестьянскаго хозяйства. Но подобнаго рода хозяйства слѣдуетъ признать экономически отсталыми, и, имѣя въ виду новыя экономическія отношенія, по существу о нихъ не приходится говорить.

Помѣщичьи наказы управителямъ представляютъ обыкновенно цѣлые трактаты объ ихъ обязанностяхъ и о порядкѣ веденія хозяйства, до мелочей обнимающіе всѣ его стороны. Посмотримъ, въ чемъ заключаются обязанности „управителя". Онѣ формулируются такъ въ одномъ изъ наказовъ [1]). По пріѣздѣ въ имѣніе онъ долженъ собрать „на господскомъ дворѣ старостъ, выборныхъ, сотскихъ, десятскихъ и всѣхъ крестьянъ" для прочтенія приказа о безусловномъ повиновеніи новому управителю. Затѣмъ послѣдній приступаетъ къ подробной описи всего имѣнія: переписываются дворовыя и домовыя строенія, весь хлѣбъ, находящійся въ житницахъ и амбарахъ, отдѣльно молоченый отъ немолоченнаго, крупный и мелкій рогатый скотъ, домашняя птица, конскіе заводы, если таковые имѣются въ имѣніи; далѣе слѣдуетъ объѣздъ пашенъ, луговъ, лѣсовъ и пастбищъ. Управитель не только ихъ описываетъ, но также и отмѣчаетъ, въ какомъ состояніи все это было имъ принято. Опись имѣнія заканчивается опросомъ всѣхъ крестьянъ, въ присутствіи старосты, относительно ихъ работъ на господскомъ дворѣ. Сохранившіяся описи нѣкоторыхъ имѣній могутъ иллюстрировать только что сказанное. Вотъ, напримѣръ, опись лѣсовъ и лѣсного матеріала: „первый, изъ Семеновки, пчельникъ, тутъ суши почти нѣтъ, толстаго лѣса нѣсколько деревъ, остальной молодой дубовый лѣсъ довольно высокъ, не заповѣданъ, рубить тутъ не надо". „Лѣсу сосноваго купленнаго, на гумнѣ, очень толстаго 87 длинныхъ деревъ; лѣсу сосноваго 2 аршинъ, толщиной 5 вершковъ, 520 бревенъ, изъ нихъ 30 бревенъ взято; осталось 490, толстыхъ слегъ во всю длину дерева 52; годятся на амбаръ, изъ нихъ управляющимъ взято 3 слеги—осталось 149, весь свѣжъ долженъ быть. Лѣсу очень толстаго 8-аршиннаго 7 бревенъ на гумнѣ" [2]). Такъ же детально переписывались и другія статьи помѣщичьяго хозяйства.

[1]) Неиздан. Готовится къ печати.

[2]) Повалишинъ, «Рязанскіе помѣщики и ихъ крѣпостные», стр. 80.

Съ большими подробностями говорится въ наказахъ о надзорѣ управителя за хлѣбопашествомъ. Съ наступленіемъ весны отдается приказъ крѣпостному крестьянству приготовиться для распашки и бороньбы полей. Начинать то и другое возможно не раньше, чѣмъ высохнетъ земля, да и то слѣдуетъ справиться у болѣе опытныхъ сосѣдей, занимающихся хозяйствомъ уже много лѣтъ. Одна десятина должна быть вспахана четырьмя лошадьми въ одинъ день, и въ такой же промежутокъ времени заборонена двумя лошадьми. На посѣвъ десятины, ржи и ячменя можно отпустить 10

Старая церковь (Мещерина).

четвериковъ, а для десятины овса—2 четверти, лишь бы только были хорошія сѣмена. Наказъ предусматриваетъ возможность опозданія съ посѣвомъ, тогда въ извѣстной пропорціи увеличиваются указанныя выше нормы для засѣва десятины. Когда крестьянскія и господскія поля засѣяны подъ яровой хлѣбъ, тогда можно приступить къ вывозу навоза, для чего слѣдуетъ взять отъ каждаго плуга по два человѣка и раздѣлить на три части такимъ образомъ, чтобы „одна часть возила навозъ со скотнаго двора, другая часть равняла, а третья пахала“.

Послѣ приготовленія полей подъ озимые хлѣба наступаетъ пора сѣнокоса. Всякій работникъ, отправляющійся на сѣнокосъ, долженъ имѣть при себѣ не только косы, грабли, но и топоры и косари для того, что если бы въ случаѣ непогоды сѣнокосъ оказался невозможенъ, работники расчищали бы сѣнокосы и вязали бы вѣники для зимняго корма овецъ. Во время сѣнокоса управитель наблюдаетъ, чтобы сѣно убирали и складывали соотвѣтствующимъ образомъ въ сѣнники, скирды и стоги, и при этомъ ведетъ всему подробную опись. Потомъ пришло время жатвы: въ поле высылаются всѣ крестьяне, или каждому работнику отводится особая „урочная десятина", которую онъ долженъ убрать своими собственными силами. Въ періодъ между окончаніемъ жатвы и молотьбою надо собрать ленъ и высушить, а по отрѣзаніи сѣмянъ приступить къ его моченію. Молотьбой высушеннаго хлѣба заканчивается страдная пора. Нѣтъ нужды перечислять далѣе въ деталяхъ обязанности управителя. И по отношенію къ другимъ отраслямъ хозяйства можно отмѣтить требованіе строгаго контроля и регламентаціи. Большею частью помощниками управителей являлись выборные или назначенные старосты, иногда получавшіе отъ помѣщика небольшое добавочное земельное вознагражденіе, какъ плату за трудъ по управленію имѣніемъ. Управитель отдавалъ свои распоряженія старостамъ, а послѣдніе уже слѣдили за примѣненіемъ этихъ правилъ въ жизни. Верховный надзоръ въ предпринимательскомъ хозяйствѣ оставался въ рукахъ помѣщика. Всякаго рода хозяйственные труды вызывали опубликованіе безчисленнаго множества всякаго рода помѣщичьихъ циркуляровъ. Послѣдніе издаются по самымъ разнымъ поводамъ: стоитъ только помѣщику замѣтить какое-нибудь упущеніе въ хозяйствѣ, и сейчасъ же посылается грозное посланіе управителю. Помѣщикъ Волконскій, недовольный коскимъ заводомъ, послалъ слѣдующій циркуляръ своему управляющему: „Коннымъ заводомъ я, вѣрно, не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока тамъ негодяй Порфирій. Стыдно тебѣ, Иванъ Аѳанасьевичъ, не смотрѣть самому и дозволять безсовѣстному и нерадивому мальчишкѣ, котораго, какъ и тебѣ извѣстно, я считаю изъ всѣхъ дворовыхъ за одного изъ худшихъ людей, дѣлать, что ему угодно. Въ этомъ дѣлѣ передо мной не одинъ Порфирій виноватъ, а и ты также. Уморить трехлѣтокъ, и отъ 19 матокъ дать только 5 жеребятъ можетъ только тотъ, кто мнѣ служить не хочетъ. Замотай на усъ это, Иванъ Аѳанасьевъ. Если ты не умѣлъ или не хотѣлъ заняться заводомъ, то, разумѣется, я тебѣ кланяться не стану и самъ распоряжусь имъ, но ты это не забывай... Потрудись, Иванъ Аѳанасьевъ, подумать, для чего ты сдѣланъ прикащикомъ, и сосчитать, чего стоятъ три издохшіе жеребенка трехлѣтка? Вмѣсто 9 (самаго малаго количества жеребятъ) ты далъ мнѣ только 5. Жалованье тебѣ не брать и не напоминать мнѣ о немъ впредь до приказанія".

Вмѣшательство помѣщика во всѣ детали по завѣдыванію хозяйствомъ — ближайшее слѣдствіе тѣхъ условій, въ которыхъ приходилось развиваться по-

мѣщичьему хозяйству. Всякій хозяйственный ущербъ для помѣщика былъ конечно, очень ощутителенъ, ибо такъ или иначе отражался на доходности имѣнія, съ которой было связано матеріальное благополучіе самого помѣщика. Разъ помѣщикъ-предприниматель беретъ на себя высшій надзоръ по управленію имѣніемъ и веденію хозяйства, то, конечно, всѣ служащіе въ имѣніи должны безусловно повиноваться и слѣдить за точнымъ исполненіемъ хозяйственныхъ распоряженій. Помѣщики издаютъ распоряженіе о времени начала пахоты и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ, размѣрахъ запашки, своевременномъ обсѣмененіи крестьянскихъ полей въ барщинныхъ имѣніяхъ, объ исправномъ отправленіи крестьянами лежавшихъ на нихъ повинностей. Послѣднее условіе было особенно важно для тѣхъ имѣній, которыя вели хозяйство съ помощью барщиннаго труда.

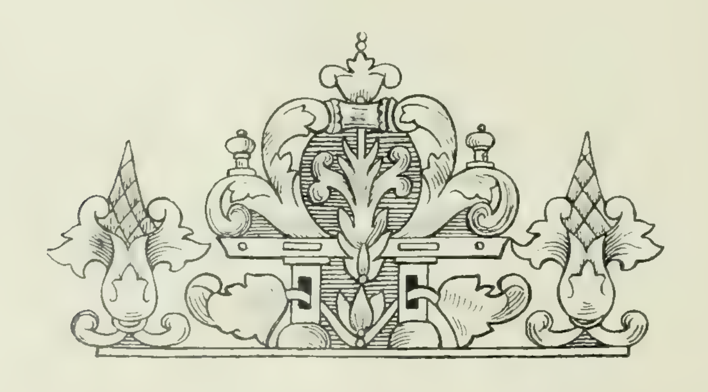
Полевыя работы начинались въ средней полосѣ Россіи съ половины апрѣля, въ южной полосѣ, въ зависимости отъ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условій, — немного ранѣе. По вычисленію Повалишина, средняя продолжительность полевыхъ работъ въ Рязанской губерніи равнялась $5^1/_2$ мѣс. Этотъ выводъ можно принять и по отношенію ко всей черноземной Великороссіи, такъ какъ климатическія ея условія въ общемъ приблизительно одинаковы. Смѣна полевыхъ работъ представляется г. Повалишину въ такомъ видѣ: съ 15 апрѣля по 1 мая пахота земли подъ овесъ и посѣвъ послѣдняго, съ 1 по 20 мая подготовка земли подъ посѣвъ проса, картофеля и посѣвъ ихъ, съ 20 мая по 1 іюня—вывозка навоза, съ 1 по 23 іюня подъемъ пара и боронованіе, съ 23 іюня по 6 іюля—сѣнокосъ, съ 8 іюля по 6 августа—уборка хлѣба, съ 6 по 20 августа—посѣвъ озимаго хлѣба и уборка проса, послѣ 20 августа—уборка картофеля, молотьба урожая и другія домашнія хозяйственныя работы.

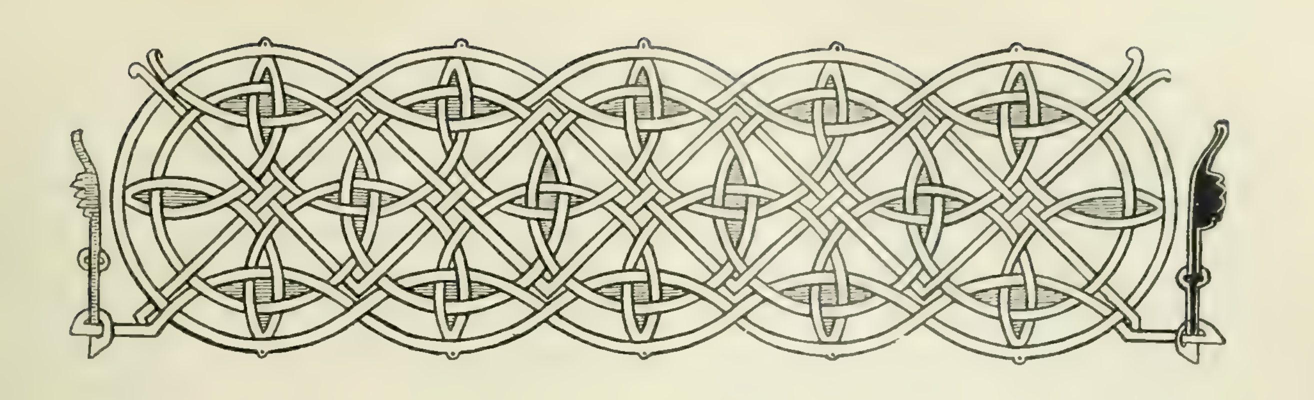
Барщинныя работы распредѣлялись по тягламъ, но порядокъ отправленія барщинныхъ работъ крѣпостными, конечно, былъ неодинаковъ въ имѣніяхъ, и все дѣло зависитъ отъ воли и усмотрѣнія самого хозяина-предпринимателя. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ барщинныя работы производились всѣми наличными тягловыми работниками; въ другихъ — помѣщики требовали на работу ежедневно не болѣе половины наличнаго количества тягловыхъ работниковъ и работницъ. Трудно сказать, какъ распредѣлялись барщинныя работы уже между самими работниками, но, во всякомъ случаѣ, онѣ подвергались строгому учету, и помѣщики-предприниматели обыкновенно назначали своимъ работникамъ опредѣленные уроки. Вотъ какъ должны были распредѣляться барщинныя работы въ имѣніи рязанскаго помѣщика Семенова: метать тремъ работникамъ съ сохами на десятину, двоить, троить и перепахивать пяти работникамъ съ сохами на двѣ десятины, и при нихъ быть двумъ боронамъ безъ работниковъ [1]). Напрягая возможно интенсивнѣе рабочую

[1]) Повалишинъ, opus cit., 62.

силу своего крѣпостного, помѣщики предприниматели въ то же время по-разному относились къ вопросу объ увеличеніи количества тяголъ. Для губерній малоземельныхъ: Тульской, Казанской, Курской, увеличеніе числа существующихъ тяголъ могло создать помѣщику серьезныя хозяйственныя затрудненія, такъ какъ каждое новое тягло требовало земельнаго надѣла, а всякое уменьшеніе барской запашки было немыслимо безъ значительнаго имущественнаго ущерба. Надѣлять новыхъ тяглецовъ изъ крестьянской земли тоже было фактически невозможно, такъ какъ въ этихъ губерніяхъ крестьянскіе надѣлы и безъ того были достаточно микроскопичны. Часто на одно тягло приходилось нѣсколько ревизскихъ душъ; но при послѣднемъ условіи всегда оставалось достаточное количество освобожденныхъ отъ тягла работниковъ, которые и должны были обращаться къ другимъ подсобнымъ занятіямъ или нанимались на работу гдѣ-нибудь на сторонѣ. Совсѣмъ другое было отношеніе къ этому вопросу со стороны помѣщиковъ многоземельныхъ губерній. Помѣщикъ былъ заинтересованъ въ увеличеніи количества новыхъ тяголъ, такъ какъ всякое новое тягло увеличивало наличный контингентъ рабочей силы имѣнія. Въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ 17-ій возрастъ считался вполнѣ достаточнымъ для отправленія самостоятельно тягловой повинности. Впрочемъ, и тутъ все зависѣло отъ усмотрѣнія помѣщика. Не было также опредѣленнаго возраста для тяглового работника, обыкновенно отправлявшаго свое тягло до тѣхъ поръ, пока позволяли ему его физическія силы.

В. Пичета.

Крѣпостная фабрика.

Проф. М. И. Туганъ-Барановскаго.

Одной изъ своеобразныхъ особенностей экономической исторіи Россіи является раннее развитіе въ строѣ ея промышленности крупнаго производства. Нерѣдко думаютъ, что крупное промышленное производство появляется въ Россіи позднѣе, чѣмъ въ Западной Европѣ, и что только въ новѣйшее время Россія начинаетъ нагонять въ этомъ отношеніи страны Запада. Однако мнѣніе это отнюдь не подтверждается фактами.

Въ Западной Европѣ крупное производство въ промышленности начинаетъ быстро расти только съ примѣненіемъ къ труду въ широкихъ размѣрахъ машины, т.-е. съ послѣдней четверти XVIII вѣка. Что касается до мануфактуры, т.-е. крупнаго промышленнаго производства, основаннаго на ручномъ трудѣ, то таковое никогда не играло на Западѣ сколько-нибудь важной роли. Правда, въ XVIII вѣкѣ въ Западной Европѣ распространяется капиталистическая промышленность, но не въ формѣ мануфактуры крупнаго производства,—а въ формѣ такъ называемой „домашней системы крупной промышленности“, при которой, хотя во главѣ предпріятія и стоитъ капиталистъ, но производство остается мелкимъ и происходитъ на дому производителя. Эту форму капиталистической промышленности болѣе ранніе изслѣдователи смѣшивали съ мануфактурой, почему и получилось распространенное мнѣніе, будто въ XVIII вѣкѣ на Западѣ быстро развивается капиталистическая мануфактура. На самомъ же дѣлѣ мануфактура, хотя и существовала на Западѣ въ XVIII вѣкѣ, но какъ очень рѣдкая форма промышленности, притомъ въ видѣ далеко не крупной мануфактуры. Такъ, напр., на европейскомъ континентѣ теперешняя Бельгія была одной изъ странъ наиболѣе

[illegible] въ промышленномъ отношеніи. Въ 1764 г. въ этой странѣ, по даннымъ спеціально произведенной анкеты, было всего 12 мануфактуръ, обрабатывающихъ волокнистыя вещества, при чемъ, однако, эти мануфактуры [illegible] въ широкихъ размѣрахъ и отдачей работы на домъ. Самая крупная изъ этихъ мануфактуръ (полотняная въ Турнэ) имѣла лишь 277 рабочихъ. Еще одна мануфактура имѣла 175 рабочихъ, на прочихъ же число рабочихъ не достигало 100. Въ другихъ отрасляхъ труда мануфактуръ было больше, но и тутъ мануфактуры имѣли небольшіе размѣры—съ 15—20 рабочими. Всего въ Бельгіи насчитывалось, кромѣ двухъ указанныхъ крупныхъ текстильныхъ мануфактуръ, еще всего три мануфактуры съ числомъ рабочихъ болѣе 100—именно фарфоровая мануфактура съ 200 рабочими, табачная со 151 рабочимъ и лѣсопильня со 102 рабочими.

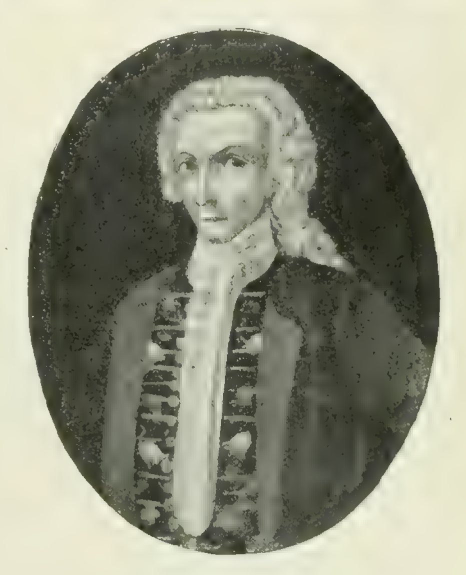
Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ такими же подробными свѣдѣніями относительно другихъ странъ Запада. Но всѣ имѣющіяся данныя заставляютъ думать, что Фландрія по отношенію къ распространенію мануфактуръ не составляла исключенія и что мануфактуры на Западѣ въ XVIII вѣкѣ были вообще очень рѣдкой формой промышленности. Очевидно, на Западѣ имѣлись какія-то условія, препятствовавшія распространенію крупнаго капиталистическаго производства. Нетрудно догадаться, что это были за условія. Для средневѣковой Западной Европы характерно мощное развитіе мелкаго производства въ формѣ цехового ремесла. Цеховая регламентація промышленности сохранилась на Западѣ вплоть до XIX вѣка. Своеобразная экономическая культура, выросшая на почвѣ цехового строя, и воспрепятствовала развитію на Западѣ такой, совершенно чуждой цеховому ремеслу, формы промышленности, какъ мануфактура. Домашняя система крупной промышленности, при которой рабочій работаетъ дома, была гораздо ближе къ ремеслу, чѣмъ мануфактура, и потому капиталистическое производство возникло на Западѣ преимущественно въ формѣ домашней системы.

Мануфактура возникаетъ на Западѣ тремя путями. Однѣ мануфактуры устраиваются благодаря разнаго рода льготамъ и привилегіямъ, которыя государи оказывали иностраннымъ ремесленникамъ съ цѣлью привлечь ихъ въ свою страну. Изъ среды этихъ иностранныхъ ремесленниковъ, которые были, по необходимости, внѣ власти цеха, иногда и возникали мануфактуры. Чаще мануфактуры возникаютъ на основѣ принудительнаго труда. Общественная власть всегда располагала обширнымъ контингентомъ временно-несвободнаго населенія въ тюрьмахъ, сиротскихъ домахъ, исправительныхъ заведеніяхъ и т. п. Въ XVII и XVIII вѣкахъ въ этихъ заведеніяхъ власть начинаетъ устраивать мануфактуры, предоставляя частнымъ предпринимателямъ пользоваться за извѣстную плату трудомъ несвободнаго населенія. Такимъ образомъ для частныхъ предпринимателей являлась возможность избѣгнуть власти цеха и получить въ нужныхъ размѣрахъ дешевую рабочую силу. Великій курфюрстъ

Бранденбургскій издаетъ, напр., въ 1686 г. особый эдиктъ относительно устройства „исправительныхъ, прядильныхъ и мануфактурныхъ заведеній", куда должны были помѣщаться, если нужно, силой, безработные и ихъ дѣти. Какъ указываютъ нѣмецкіе изслѣдователи, рабочій персоналъ германскихъ мануфактуръ того времени состоялъ преимущественно изъ разнаго рода несвободныхъ людей—нищихъ, бродягъ, преступниковъ, сиротъ и т. д.

Объясняется это тѣмъ, что свободные люди не шли на мануфактуру. Домашняя капиталистическая промышленность безъ труда находила нужный рабочій персоналъ, такъ какъ рабочій работалъ въ этомъ случаѣ въ привычной обстановкѣ у себя на дому. Но на мануфактуру рабочій шелъ только подъ вліяніемъ крайней необходимости, и вотъ, чтобы загнать его туда, правительство предоставляло въ распоряженіе предпринимателей несвободный трудъ.

Наконецъ третьимъ видомъ мануфактуры были такія, которыя органически и безъ внѣшняго принужденія и правительственныхъ льготъ вырастали изъ домашней системы крупной промышленности. Но крайне характерно какъ доказательство огромнаго сопротивленія, которое на Западѣ пришлось преодолѣть возникавшему крупному капиталистическому производству, что мануфактуры этого послѣдняго рода были, повидимому, наиболѣе рѣдки, во всякомъ случаѣ, въ центральной Европѣ. Только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Англіи число такихъ мануфактуръ было значительнѣе, хотя и въ Англіи вообще мануфактуръ было немного, а какія были, не принадлежали къ числу крупныхъ.

И. Затрапезновъ.

Наше крупное производство развивалось въ условіяхъ совершенно иного рода. Ничего подобнаго цеховому строю наша промышленность никогда не знала. Мы не знали средневѣковаго города и въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключается крупнѣйшее отличіе экономическаго развитія Россіи отъ таковаго же Запада. Не было, значитъ, и того соціальнаго препятствія, которое на Западѣ помѣшало росту мануфактуры.

Исторія нашей крупной промышленности начинается съ Петра, которому удалось ее насадить путемъ разнаго рода мѣръ поощренія и понужденія. Къ концу царствованія Петра считалось уже 233 фабрики (это были, строго говоря, не фабрики, а мануфактуры, такъ какъ работа на нихъ производилась, конечно, руками). Многія изъ этихъ мануфактуръ были очень крупными:

такъ, напр., на шелковой фабрикѣ Евреиновыхъ было около 1.500 рабочихъ, на казенной парусной фабрикѣ въ Москвѣ было 1.162 рабочихъ, на полотняной фабрикѣ Тамеса — 841 рабочій, на суконной фабрикѣ Микляева въ Казани — 792 рабочихъ, на суконной московской фабрикѣ Щеголина „съ товарищи" работало 730 человѣкъ, на московской ленточной и позументной фабрикѣ Малютина было 280 рабочихъ, на ярославской фабрикѣ Тамеса и Затрапезнаго 180 и т. д. Еще большими размѣрами отличались горные заводы.

Такимъ образомъ Петру, несомнѣнно, удалось создать у насъ крупное промышленное производство. Успѣхъ этотъ объяснялся подготовленностью Россіи къ такому производству и притомъ подготовленностью въ двоякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, историческое развитіе Россіи создало общественные классы, изъ которыхъ могли явиться фабриканты; во-вторыхъ, то же историческое развитіе создало и тѣ классы, изъ среды которыхъ могли явиться фабричные рабочіе.

Что касается до класса фабрикантовъ, то таковой возникъ въ эпоху Петра преимущественно изъ стариннаго капиталистическаго класса Московской Руси—изъ среды торговцевъ. Значительно большая часть петровскихъ фабрикантовъ принадлежала къ торговому сословію. Мануфактуры не могли бы возникнуть безъ значительныхъ скопленій капитала въ обществѣ того времени, такъ какъ мануфактуры требовали крупныхъ денежныхъ затратъ со стороны частныхъ лицъ. Денежными пособіями отъ казны воспользовались всего десятокъ-другой петровскихъ мануфактуръ, а всего ихъ возникло болѣе двухъ сотенъ. Преобладающая часть петровскихъ мануфактуръ устраивалась безъ всякихъ пособій со стороны казны. Между тѣмъ устройство мануфактуры требовало затраты крупныхъ капиталовъ, которые были подъ силу лишь крупнымъ капиталистамъ. И потому лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса—крупныхъ торговцевъ—Петръ достигъ своей цѣли—насажденія у насъ крупной промышленности. Но классъ крупныхъ торговцевъ былъ созданъ не Петромъ, а всей предшествовавшей эволюціей Россіи.

Во-вторыхъ, соціальный строй тогдашней Россіи далъ возможность возникавшимъ мануфактурамъ получить и нужныя имъ рабочія руки. На Западѣ мануфактура не могла получить развитія потому, что свободный мелкій промышленникъ Запада не шелъ въ мастерскую капиталиста. Чтобы загнать его туда, требовались исключительныя условія, которыя лишь изрѣдка имѣлись въ наличности. Именно этотъ „рабочій вопросъ", т.-е. трудность найти рабочаго для крупнаго капиталистическаго производства, и замедлилъ на нѣсколько столѣтій развитіе на Западѣ этой промышленности.

Въ Россіи дѣло рѣшилось иначе, въ полномъ согласіи съ характерными особенностями нашего экономическаго и соціальнаго строя. Наши мануфак-

туры получили нужныя имъ рабочія руки на основѣ принудительнаго труда и въ томъ было ихъ существенное преимущество, съ точки зрѣнія капиталистическихъ интересовъ, передъ мануфактурами Запада.

Первые петровскіе фабриканты выходили, какъ сказано, почти исключительно изъ торговцевъ. При учрежденіи фабрики владѣльцу давалась обыкновенно привилегія, которой ему разрѣшалось свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ, „платя имъ за труды достойную плату“. Но фактически найти такихъ рабочихъ было почти невозможно. На Западѣ, какъ сказано, эта трудность привлеченія на мануфактуру рабочихъ имѣла своимъ слѣдствіемъ крайне слабое развитіе мануфактуры. У насъ же

Одежда рабочихъ въ началѣ XIX в. (Грязновъ „Большая мануфактура“).

специфическій „рабочій вопросъ“ того времени разрѣшился иначе. Петръ создалъ особый классъ „поссессіонныхъ рабочихъ“, которые не считались крѣпостными фабриканта, но, тѣмъ не менѣе, обязаны были постоянно работать на фабрикѣ. По терминологіи того времени, поссессіонные рабочіе были „крѣпки фабрикѣ“. Поссессіонная фабрика, согласно впослѣдствіи выработанному праву, признавалась вмѣстѣ со всѣми находящимися на ней рабочими однимъ нераздѣльнымъ цѣлымъ; владѣлецъ не имѣлъ права раздроблять фабрику, продавать крестьянъ отдѣльно отъ фабрики или переводить ихъ на другую, измѣнять характеръ производства или сокращать его. Со-

стоящихъ при фабрикѣ рабочихъ владѣлецъ имѣлъ право употреблять только на фабричныя работы, выдавая имъ „достаточную" заработную плату [1]).

Основная причина большаго развитія мануфактуры въ Россіи, чѣмъ на Западѣ, и заключалась въ томъ, что на Западѣ капиталисту приходилось искать свободныхъ рабочихъ, а таковые не желали итти въ его мастерскую, у насъ же фабриканты получили несвободныхъ рабочихъ и основали на ихъ трудѣ производство.

Рабочій вопросъ на русскихъ мануфактурахъ разрѣшился, такимъ образомъ, въ полномъ соотвѣтствіи съ основами нашего хозяйственнаго строя того времени. Однако купеческая поссессіонная фабрика, которая первыя десятилѣтія XVIII вѣка представляла собой почти единственный видъ нашей фабрики, имѣла опаснаго врага — дворянство. Дворянство не имѣло никакой склонности уступить купечеству столь важную соціальную привилегію, какъ исключительное право пользоваться принудительнымъ трудомъ въ промышленности. И вотъ между дворянствомъ и купечествомъ возгорается на этой почвѣ борьба. Первое время, когда дворянскихъ фабрикъ было крайне мало и правительство, нуждаясь въ продуктахъ фабричной промышленности, должно было особенно бережно обходиться съ интересами купцовъ-фабрикантовъ, правительство не отступало передъ нарушеніемъ законныхъ правъ дворянства, если этого требовали интересы фабрикантовъ. Но мало-по-малу и среди дворянства фабрики стали получать распространеніе. Дворяне не нуждались въ особомъ соціальномъ институтѣ поссессіонныхъ рабочихъ, такъ какъ владѣли крѣпостными людьми, съ которыми могли дѣлать все, что угодно. И вотъ мы видимъ, что на ряду съ поссессіонной фабрикой начинаетъ развиваться вотчинная фабрика, основанная на трудѣ крѣпостныхъ. Одновременно съ этимъ новые фабриканты изъ числа помѣщиковъ начинаютъ усиленно домогаться лишенія купцовъ права пріобрѣтать къ фабрикамъ поссессіонныхъ рабочихъ. Съ усиленіемъ дворянства борьба эта приводитъ къ тому, что въ 1762 г. право покупать къ фабрикамъ и заводамъ крестьянъ отмѣняется.

Результатомъ этого явилось значительное измѣненіе состава класса фабрикантовъ. Среди петровскихъ фабрикантовъ дворяне почти отсутствовали. Но если мы обратимся къ фабрикантамъ екатерининскаго времени, то среди нихъ мы найдемъ уже много дворянъ. Къ концу XVIII вѣка самыми крупными фабрикантами были уже не купцы, а дворяне. Такъ, изъ 98 суконныхъ фабрикантовъ, которые поставляли сукно въ казну, въ началѣ XIX вѣка было только 12 купцовъ. Это, въ свою очередь, опредѣляло и соотношеніе между свободнымъ и несвободнымъ трудомъ промышленности.

Къ началу XIX вѣка фабрика, основанная на принудительномъ трудѣ, еще превосходила по своему значенію фабрику, основанную на свободномъ

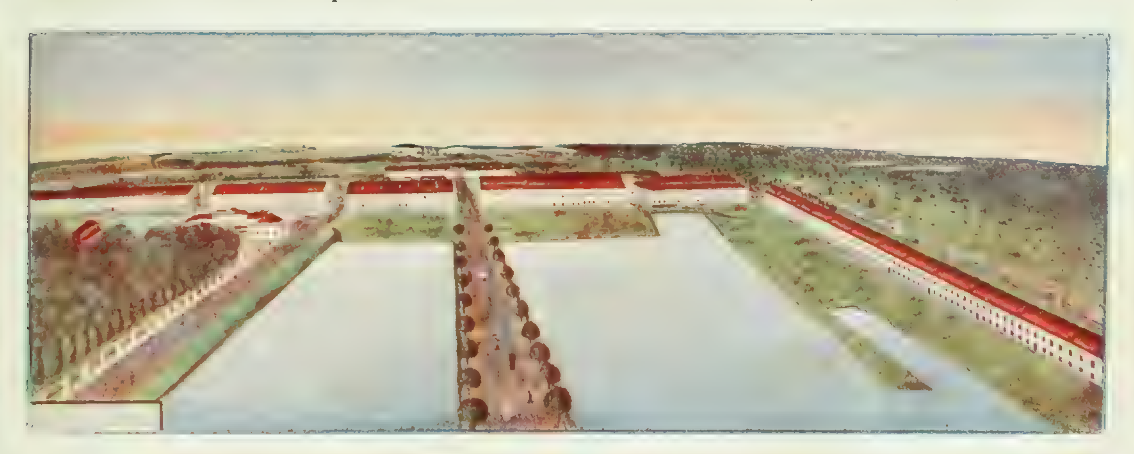
---

[1]) См. статью В. И. Пичета, «Поссессіонные крестьяне» въ т. I «Вел. Реф.».

„Ярославская большая мануфактура" въ началѣ XIX в.

Ярославская полотняная мануфактура была открыта въ 1724 г. Тамесомъ и Максимомъ Затрапезновымъ. Первоначально въ ней было только 172 станка и 780 рабочихъ. Въ слѣдующемъ году мануфактура была между ними подѣлена полюбовно по равнымъ частямъ. Послѣ этого началось постепенное расширеніе полотнянаго производства, и къ 1731 году основныя зданія мануфактуры были выстроены. Въ 1764 г. мануфактура была продана коллежскому асессору Саввѣ Яковлевичу Яковлеву съ приписанными къ ней мастеровыми людьми въ количествѣ 4.680 челов. обоего пола. Во владѣніи его рода она находилась 92 года (1767—1856 г.). Для мануфактуры это было время ея упадка. Сократились и размѣры производства, и уменьшилось число ея рабочихъ. Зданія ветшали и разваливались, и, наконецъ, въ 1857 году она была куплена груп-

пой капиталистовъ съ И. А. Карзинкинымъ во главѣ. Компанія немедленно приступила къ перестройкѣ Яковлевской фабрики, и въ своемъ новомъ отстроенномъ видѣ фабрика просуществовала до 1878 года.

Настоящій рисунокъ заимствованъ, какъ и предшествующіе, изъ книги А. Ѳ. Грязнова, посвященной исторіи фабрики съ 1722 по 1856 г. Такимъ образомъ въ заимствованныхъ рисункахъ одна изъ старинпѣйшихъ фабрикъ въ Россіи представлена въ своемъ историческомъ развитіи. Первые два рисунка (Ярославская мануфактура въ 1731 г. и въ первой половинѣ XIX в.) относятся къ крѣпостной эпохѣ, въ послѣдующемъ изложеніи будетъ представлена Карзинкинская фабрика и въ пореформенное время.

Ред.

трудѣ. Такъ, въ 1804 г. изъ 95.202 рабочихъ на фабрикахъ вольнонаемныхъ рабочихъ было 45.625, т.-е. меньше половины.

Фабрики, основанныя на принудительномъ трудѣ, распадались, какъ указано, на вотчинныя и посессіонныя. Въ 1825 г. всѣхъ рабочихъ на фабрикахъ числилось 210.568, изъ числа которыхъ помѣщичьихъ (крѣпостныхъ) рабочихъ было 66.725, а посессіонныхъ рабочихъ—29.328. Посессіонныя фабрики были болѣе старинными и выдѣлывали преимущественно тѣ товары, въ которыхъ нуждалась казна. Вотчинная фабрика начинаетъ развиваться во второй половинѣ XVIII вѣка и быстро обгоняетъ по своему значенію посессіонную фабрику,—уже въ 1825 г. число крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, превосходитъ число посессіонныхъ.

О вотчинныхъ фабрикахъ наши свѣдѣнія не велики. На многихъ изъ этихъ фабрикъ рабочіе работали безъ всякой платы и притомъ не только на мелкихъ фабрикахъ, но и на крупныхъ. Рабочіе въ этомъ случаѣ работали „братъ на брата“, раздѣлялись на двѣ смѣны, каждая изъ которыхъ поочередно работала на фабрикѣ въ то время, какъ другая оставалась дома. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, фабричная работа исполнялась такъ же, какъ и всякая другая барщина. Въ большинствѣ случаевъ, однако, рабочіе получали денежную плату, хотя и очень небольшую, значительно меньшую, чѣмъ получали вольнонаемные рабочіе.

Въ своей извѣстной запискѣ „о крѣпостномъ состояніи въ Россіи“ А. П. Заблоцкій-Десятовскій приводитъ примѣръ суконной фабрики, устроенной въ Нижегородской губерніи однимъ помѣщикомъ, въ которой работали „мѣсячники“—крестьяне безъ всякой платы. Устроивъ въ своемъ имѣніи фабрику, помѣщикъ уничтожилъ большую часть крестьянской запашки. „Мужики не привыкли къ работѣ,—замѣчаетъ Заблоцкій-Десятовскій,—дѣло исправляютъ худо, ихъ наказываютъ, не выполнившаго урокъ сѣкутъ и сажаютъ въ воскресенье на работу. По отзывамъ сосѣдей, эти люди точно выпущенные изъ тюрьмы. Многіе изъ нихъ находятся въ бѣгахъ“.

При устройствѣ фабрики помѣщики иногда свозили своихъ крѣпостныхъ рабочихъ изъ нѣсколькихъ окрестныхъ селъ и часть этихъ подневольныхъ поселенцевъ помѣщали въ фабричныхъ казармахъ и занимали ихъ исключительно фабричной работой, часть поселяли поблизости отъ фабрики и давали въ ихъ распоряженіе небольшое количество земли.

Такъ, напр., въ Можайскомъ уѣздѣ въ 20-хъ годахъ была устроена кн. Гагаринымъ бумагопрядильня, на которой работало свыше 1.000 рабочихъ крѣпостныхъ изъ 12—15 окрестныхъ деревень. Въ томъ же уѣздѣ была основана въ 40-хъ годахъ гр. Уваровымъ суконная фабрика съ 1.000 человѣкъ крѣпостныхъ рабочихъ. Въ Рузскомъ уѣздѣ на фабрикѣ Воейковой работало до 300 крѣпостныхъ, „надъ которыми помѣщица тиранствовала съ

такимъ самодурствомъ и жестокостью", что старый рабочій, разсказывавшій объ этомъ г. Погожеву, „даже теперь не могъ вспомнить безъ ужаса и содроганія объ этой барынѣ, за малѣйшій проступокъ подвергавшей нещадной поркѣ по 10—12 рабочихъ ежедневно".

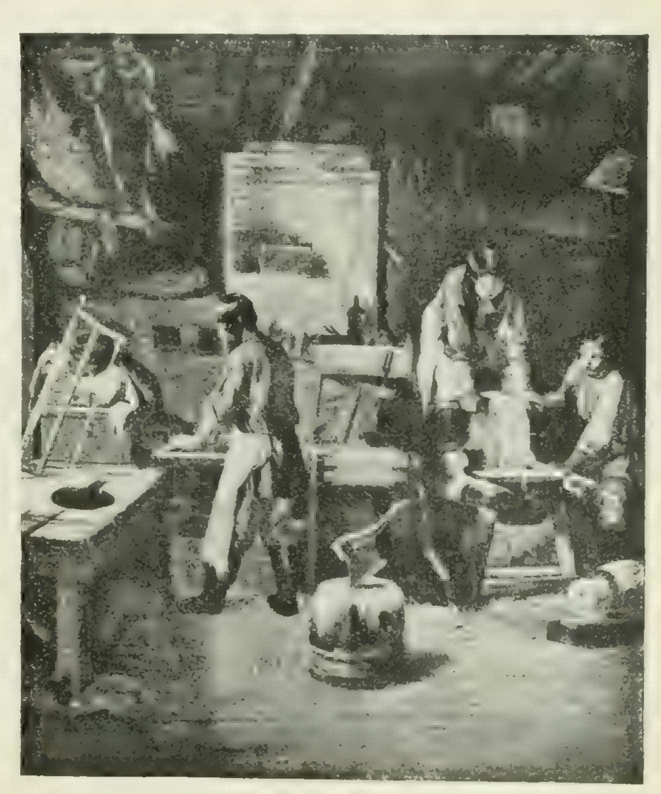
Писатель 30-хъ годовъ Шелеховъ разсказываетъ о вотчинной фабрикѣ, работавшей холстинку и кисею близъ Клина. Рабочіе на этой фабрикѣ прокармливались хлѣбомъ съ собственныхъ полей помѣщика и никакого своего хлѣбопашества не имѣли. Въ Зубцовскомъ уѣздѣ Шелеховъ называетъ вотчинную фабрику, на которой ткачество производилось „братъ на брата" барщинными крестьянами.

Развитіе нашей промышленности повело къ тому, что и въ помѣщичьихъ имѣніяхъ стало быстро увеличиваться число вотчинныхъ фабрикъ, большей частью мелкихъ. По словамъ Гакстгаузена, во второй четверти XIX вѣка дворянство стало усиленно заботиться объ устройствѣ фабрикъ. Рабочими на этихъ фабрикахъ первоначально были дворовые, но они работали плохо; затѣмъ помѣщики стали брать на фабрики крестьянъ, которые были излишни для земледѣльческихъ работъ. Подъ конецъ приходилось нерѣдко и отрывать крестьянъ отъ земледѣлія, такъ какъ фабричное дѣло оказалось выгоднѣе земледѣлія.

На обращеніе дворовыхъ въ фабричныхъ рабочихъ указываетъ и Шелеховъ. „Въ наше время,—говоритъ онъ,—наступила новая эпоха помѣщичьяго быта, эпоха промышленная". Онъ совѣтуетъ обращать дворовыхъ въ фабричныхъ рабочихъ „съ безобидною платою за трудъ" и приводитъ примѣры дворянскихъ фабрикъ—бумагопрядильной и ткацкой, основанныхъ одной помѣщицей, при чемъ около 400 дворовыхъ были обращены въ фабричныхъ. О крѣпостныхъ рабочихъ на вотчинныхъ фабрикахъ говоритъ и Николай Тургеневъ въ своей извѣстной книгѣ о Россіи. По его словамъ, возвышеніе цѣнъ на армейскія сукна имѣло своимъ послѣдствіемъ распространеніе въ помѣщичьихъ имѣніяхъ суконныхъ фабрикъ. „Въ послѣдніе годы появилось новое несчастіе для бѣднаго русскаго мужика—суконныя и другія фабрики... Помѣщики помѣщаютъ сотни крѣпостныхъ, преимущественно молодыхъ дѣвушекъ и мужчинъ въ жалкія лачуги и силой заставляютъ работать... Я вспоминаю, съ какимъ ужасомъ говорили крестьяне объ этихъ заведеніяхъ; они говорили „въ этой деревнѣ есть фабрика" съ такимъ выраженіемъ, какъ если бы хотѣли сказать: „въ этой деревнѣ чума".

Интересна попытка улучшить положеніе крѣпостныхъ фабричныхъ рабочихъ, принадлежавшая извѣстному московскому генералъ-губернатору 30-хъ годовъ, князю Д. В. Голицыну. Въ началѣ 30-хъ годовъ крестьяне помѣщика Груздева въ Рузскомъ уѣздѣ отказались работать на бумагопрядильной фабрикѣ своего владѣльца и подали жалобу начальству на притѣсненія Груздева и, въ особенности, на принужденіе ихъ работать на фабрикѣ, къ чему они, по

ихъ словамъ, не привыкли. Кн. Голицынъ призналъ нужнымъ выработать особыя правила, которыми должны были руководствоваться помѣщики при учрежденіи въ своихъ имѣніяхъ фабрикъ. Правила эти поступили на разсмотрѣніе Комитета Министровъ, который призналъ, что непосредственное вмѣшательство правительственной власти въ отношенія помѣщика къ крѣпостнымъ неудобно, и остановился на томъ, чтобы „поручить губернскимъ предводителямъ дворянства, дабы они сами и черезъ уѣздныхъ предводителей обращали особое и постоянное вниманіе на состояніе помѣщичьихъ людей и въ особенности на крестьянъ, употребляемыхъ на фабрикахъ и заводахъ, „наблюдая: 1) чтобы при учрежденіи новыхъ фабрикъ и заводовъ помѣщики, по возможности, избѣгали обращенія пахотныхъ крестьянъ, особенно же цѣлыми селеніями, къ фабричнымъ работамъ... 2) чтобы на фабрикахъ и заводахъ наблюдать общее правило: „не требовать работы болѣе трехъ дней въ недѣлю“, или же чтобы работали братъ на брата такъ, чтобы половину мѣсяца оставались всегда на своемъ собственномъ хозяйствѣ; тамъ же, гдѣ работающіе не имѣютъ своего собственнаго земледѣлія, чтобы полагаема была, вмѣсто сего, соразмѣрная трудамъ задѣльная плата; 3) чтобы помѣщики пеклись о содержаніи и благосостояніи людей на ихъ фабрикахъ, не принуждали ихъ къ работамъ въ воскресные дни, двунадесятые и храмовые праздники“.

Столярная мастерская (карт. Плахова 1830 г.).

Эти правила, имѣвшія необязательный характеръ, такъ какъ предводители дворянства должны были „внушать“ ихъ дворянамъ, а не требовать по нимъ исполненія, были единственнымъ законодательнымъ актомъ, направленнымъ на регулированіе отношеній помѣщиковъ къ рабочимъ на вотчинныхъ фабрикахъ. Правительство не признавало возможнымъ ограничить власть помѣщика надъ его крѣпостными и потому совершенно воздерживалось отъ какого бы то ни было вмѣшательства въ порядокъ работы на вотчинныхъ фабрикахъ.

Въ другомъ положеніи были поссессіонныя фабрики. Правительство признавало за собой право регулировать на нихъ отношенія фабриканта къ рабочимъ, и въ случаѣ неисполненія фабрикантомъ его обязательства по отношенію къ рабочимъ, фабриканту грозило освобожденіе рабочихъ.

Многія поссессіонныя фабрики были огромныхъ размѣровъ. При Глушковской суконной фабрикѣ графини Потемкиной состояло по 5-й ревизіи 9 121 душа м. п. На полотняной и писчебумажной фабрикѣ Яковлева въ Ярославлѣ работало въ началѣ XIX вѣка около двухъ тысячъ рабочихъ; на суконной фабрикѣ Осокина въ Казани около того же времени—до тысячи человѣкъ; на полотняной и писчебумажной фабрикѣ Гончарова въ Медынскомъ уѣздѣ—962 рабоч. и т. д. Рабочій день на огромномъ большинствѣ поссессіонныхъ фабрикъ продолжался 12 часовъ; денежную плату получали рабочіе почти на всѣхъ фабрикахъ. Фабрики, на которыхъ рабочіе не получали денежной платы, были или небольшими или же работа на нихъ производилась „братъ на брата", т.-е. крестьяне полгода работали на себя и полгода—на владѣльца. Ночная работа, какъ общее правило, не практиковалась. Женщины въ большинствѣ случаевъ принимали участіе въ работахъ точно такъ же, какъ и малолѣтніе. Только на писчебумажныхъ и стеклянныхъ фабрикахъ работали преимущественно взрослые мужчины.

Повидимому, поссессіонные рабочіе, неимѣвшіе полевой земли, все же имѣли по большей части свои собственные дома съ сѣнокосами (если фабрика была не въ городѣ). Иногда они жили при фабрикахъ въ помѣщеніи владѣльцевъ или же нанимали квартиры на сторонѣ (на городскихъ фабрикахъ).

Характерной особенностью быта поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ были ихъ постоянныя столкновенія съ хозяевами. Столкновенія эти возникали благодаря тому, что поссессіонные рабочіе упорно противились сближенію своего положенія съ крѣпостными рабочими, а хозяева, наоборотъ, очень этого хотѣли. Такъ какъ правительство признавало своей обязанностью регулировать условія труда на поссессіонныхъ фабрикахъ, то волненія поссессіонныхъ рабочихъ приводили къ правительственному вмѣшательству въ отношенія рабочихъ къ хозяевамъ на этихъ фабрикахъ. На нѣкоторыхъ крупныхъ поссессіонныхъ фабрикахъ правительство вводило такъ наз. „положенія"—подробныя правила относительно заработной платы, продолжительности труда и вообще всего фабричнаго распорядка. Положенія эти были обязательны какъ для владѣльцевъ, такъ, само собою разумѣется, и для рабочихъ.

Заработная плата на поссессіонныхъ фабрикахъ была вообще значительно выше, чѣмъ на вотчинныхъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ поссессіонные рабочіе получали даже столько же, сколько и вольнонаемные. Но послѣднее было рѣдкимъ исключеніемъ, и однимъ изъ самыхъ обычныхъ поводовъ для волненій поссессіонныхъ рабочихъ было недовольство болѣе высокой платой, получавшейся на той же фабрикѣ вольнонаемными рабочими.

Въ одномъ случаѣ поссессіонные рабочіе (Красносельской бумажной фабрики вблизи Петербурга) пользовались полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ и фактически представляли собой производительную артель, получавшую отъ владѣльца фабрики извѣстную, опредѣленную договоромъ долю съ цѣны вырабатываемаго продукта и совершенно самостоятельно исполнявшую работы. Эта артель, въ составъ которой входило около двухсотъ рабочихъ, вела съ полнымъ успѣхомъ сложное фабричное дѣло болѣе двадцати лѣтъ и представляетъ собой одинъ изъ очень немногихъ извѣстныхъ намъ случаевъ удачнаго крупнаго производительнаго кооператива, просуществовавшаго такъ долго. Тѣмъ интереснѣе, что этотъ случай относится къ крѣпостной Россіи.

Но, какъ общее правило, поссессіонные рабочіе испытывали тяжелый гнетъ принудительнаго труда и должны были вести со своими владѣльцами упорную борьбу, чтобы сколько-нибудь оградить свои интересы. Въ особенности замѣчательна борьба рабочихъ на крупной суконной фабрикѣ Осокина въ Казани со своимъ владѣльцемъ. Борьба эта тянулась въ теченіе многихъ десятилѣтій и сопровождалась чрезвычайными жестокостями со стороны владѣльца. Главнымъ поводомъ къ борьбѣ являлось упорное нежеланіе рабочихъ признавать себя принадлежащими владѣльцу. Рабочіе настаивали на томъ, что они вольные люди, и домогались воли всѣми доступными для нихъ способами, между прочимъ, и многократными обращеніями и жалобами на владѣльца къ Высочайшей власти. Съ этой цѣлью рабочіе посылали особыя депутаціи въ Петербургъ, рекрута изъ фабричныхъ рабочихъ лично подавали прошенія на Высочайшихъ смотрахъ государю и, наконецъ, явились большой толпой къ Николаю Павловичу, когда онъ былъ въ Казани. Кромѣ того, рабочіе много разъ устраивали стачки и упорно отказывались выполнять нѣкоторыя работы. Для усмиренія рабочихъ власти на-смерть засѣкали зачинщиковъ, ссылали многими десятками въ Сибирь, отдавали на каторжныя работы и въ рекрута. Въ 30-хъ годахъ, послѣ подачи рабочими жалобы Николаю I на владѣльца, на фабрику была прислана особая правительственная комиссія для приведенія рабочихъ въ повиновеніе. Комиссія старалась убѣдить рабочихъ, что они не свободные люди, а прикрѣплены къ фабрикѣ Осокина. Однако, по донесенію комиссіи, „таковое истолкованіе и вразумленіе фабричныхъ мастеровыхъ не только не имѣло желаемаго успѣха, но, по укоренившемуся въ нихъ духу своевольства, они рѣшительно объявили членамъ комиссіи, что не перестанутъ отыскивать избавленія отъ рабства г-на Осокина до тѣхъ поръ, пока не получатъ удовлетворенія“.

Послѣ пребыванія Николая Павловича въ Казани, когда рабочіе огромной толпой явились къ нему съ жалобами, для усмиренія рабочихъ были приняты крайнія мѣры въ видѣ жесточайшаго наказанія розгами и удаленія съ фабрики въ Сибирь и на военную службу всѣхъ вожаковъ. Но и это не привело къ желанному результату. Рабочіе, между прочимъ, противились тому,

что на фабрикѣ работали женщины и дѣти. Когда, послѣ наказанія розгами полицмейстеръ прибылъ на фабрику для объявленія приказа министра финансовъ — обязать работать на фабрикѣ женщинъ и дѣтей, то „при объявленіи сего мастеровымъ, только 64 дали подписку, а прочіе, при всѣхъ его убѣжденіяхъ, отказались“. Губернаторъ лично явился убѣждать рабочихъ, но, по заявленію офиціальнаго документа, „люди сіи, закоснѣвши въ упорствѣ, оказали себя и противъ его убѣжденій непреклонными“.

Такую же непреклонность и энергію въ борьбѣ за свои права проявляли и другіе поссессіонные рабочіе. И въ концѣ-концовъ, ихъ борьба увѣнчалась побѣдою: превращеніе поссессіонной фабрики въ фабрику, основанную на вольнонаемномъ трудѣ, находится, несомнѣнно, въ извѣстной связи съ волненіями поссессіонныхъ рабочихъ.

Какъ я указывалъ, крупное промышленное производство могло основаться въ петровское время только на принудительномъ трудѣ, такъ какъ только силой можно было принудить мужика работать на фабрикѣ. Результатомъ компромисса между необходимостью принудительнаго труда и нежеланіемъ дворянства допустить распространеніе на фабриканта изъ купеческаго сословія права владѣнія крѣпостными явился новый соціальный институтъ — прикрѣпленіе крестьянъ къ фабрикамъ и заводамъ. Уже въ концѣ XVIII вѣка положеніе измѣнилось. Фабриканты дворяне, число которыхъ значительно возросло, не нуждались въ поссессіонныхъ рабочихъ для обезпеченія своихъ фабрикъ принудительнымъ трудомъ, такъ какъ они имѣли своихъ крѣпостныхъ. Съ другой стороны, заинтересованность фабрикантовъ изъ купцовъ въ сохраненіи за собой права покупки крестьянъ очень уменьшилась, такъ какъ, благодаря увеличенію числа вольнонаемныхъ рабочихъ, явилась возможность нанимать рабочихъ, а трудъ вольнонаемнаго не могъ не быть производительнѣе труда рабочихъ изъ-подъ палки. Поэтому поссессіонная фабрика, бывшая ранѣе необходимой формой крупнаго промышленнаго производства, въ XIX вѣкѣ стала пережиткомъ прошлаго, потерявши всякое значеніе. Изъ стимула промышленнаго развитія она стала тормозомъ его.

Въ царствованіе Николая Павловича убѣжденіе въ неприспособленности поссессіонныхъ фабрикъ къ новымъ условіямъ промышленности быстро распространяется въ правительственныхъ сферахъ.

Еще въ 1804 г. Шторхъ замѣтилъ, что „при самомъ поверхностномъ взглядѣ бросается въ глаза, какъ мало соотвѣтствуютъ такія фабрики требованіямъ промышленности“. Однимъ изъ условій поссессіоннаго владѣнія было лишеніе фабриканта права сокращать или измѣнять по своему усмотрѣнію родъ производства. Это требованіе не было особенно стѣснительно въ XVIII вѣкѣ, когда промышленность удовлетворяла мало измѣняющемуся спросу. Но когда, съ XIX вѣка, въ Россіи стали возникать новыя отрасли промышленности — напр., хлопчатобумажная, — вытѣснявшія старинныя произ-

водства; когда стали измѣнять родъ и качество продуктовъ, изготовляемыхъ на фабрикахъ (напр., стали выдѣлывать на фабрикахъ тонкія сукна, а не только толстыя солдатскія, какъ прежде); когда техника производства стала прогрессировать (вводились новыя машины), — тогда поссессіонное владѣніе стало неудобно для самого фабриканта. Къ этому присоединялось еще то существенное обстоятельство, что рабочіе упорно противились своему закрѣпощенію и дѣлали поссессіонное владѣніе для фабриканта крайне хлопотливымъ и безпокойнымъ. Хозяинъ поссессіонной фабрики видѣлъ постоянную враждебность къ себѣ своихъ рабочихъ, которыхъ онъ не могъ уволить, — враждебность, при первомъ удобномъ случаѣ, превращавшуюся въ открытое буйство. Поэтому-то право пользованія принудительнымъ трудомъ, которое столь цѣнили фабриканты петровской эпохи, превратилось столѣтіе спустя въ бремя для самихъ же хозяевъ, отъ котораго они искали средствъ избавиться.

Старинный костюмъ крестьянки Осташевскаго у.

Въ концѣ 30-хъ годовъ въ Министерство Финансовъ начинаютъ поступать жалобы многихъ владѣльцевъ поссессіонныхъ фабрикъ на стѣснительность поссессіоннаго владѣнія. Къ этому времени въ правительственныхъ сферахъ окончательно укрѣпилась мысль о необходимости такъ или иначе ликвидировать поссессіонное владѣніе фабриками. 18 іюня 1840 г. былъ изданъ законъ, опредѣлявшій порядокъ увольненія поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ въ свободное состояніе. Законъ этотъ не былъ опубликованъ — его нѣтъ ни въ Сводѣ Законовъ, изданія 1842 г., ни въ Полномъ Собраніи Законовъ, — очевидно, въ виду „буйности“ поссессіонныхъ рабочихъ правительство признавало опаснымъ его оглашеніе.

По этому закону увольненіе фабричныхъ предоставлялось усмотрѣнію фабриканта (въ случаѣ, если фабрика находится въ дѣйствіи). Фабрикантъ получалъ отъ казны извѣстное вознагражденіе, если онъ получилъ рабочихъ покупкой или отъ казны за плату; въ противномъ случаѣ рабочіе увольнялись безъ всякаго вознагражденія фабриканту. Въ случаѣ, если рабочіе же-

лали приписаться въ государственные крестьяне, они должны были пересе-ляться въ указанныя имъ мѣста, получая при этомъ опредѣленное пособіе отъ фабриканта. Поэтому увольненіе рабочихъ, полученныхъ фабрикантомъ безъ всякой платы, могло потребовать довольно значительныхъ денежныхъ жертвъ со стороны фабриканта. Если же за увольняемыхъ рабочихъ фабрикантъ и получалъ плату, то очень небольшую, которая могла и не покрыть суммы, выдаваемой фабрикантомъ переселяющимся рабочимъ. Побудительнымъ мотивомъ для фабриканта къ увольненію рабочихъ могла быть, слѣдовательно, только невыгодность поссессіоннаго владѣнія — неприспособленность поссессіонной фабрики, основанной на принудительномъ трудѣ, къ новымъ условіямъ хозяйства.

Законъ 1840 г. не предписывалъ фабрикантамъ увольнять своихъ рабочихъ, но разрѣшилъ имъ дѣлать это. Фабриканты широко воспользовались этимъ правомъ и въ скоромъ времени болѣе половины поссессіонныхъ фабричныхъ рабочихъ получило свободу по желанію самихъ фабрикантовъ. Мотивы, побуждавшіе фабрикантовъ увольнять рабочихъ, вполнѣ ясно выражаются въ прошеніяхъ, которыя фабриканты подавали Министерству Финансовъ.

„По совершенной невыгодности,—пишутъ, напр., м-ру финансовъ владѣльцы крупной Фряновской шелковой фабрики,—производить работы посредствомъ поссессіонныхъ рабочихъ, коихъ содержаніе обходится дороже сравнительно съ вольнонаемными и падаетъ на цѣну издѣлій, желаемъ мы ихъ уволить отъ фабрики“. Купцы Хлѣбниковы заявляютъ въ своемъ прошеніи, что „какъ духомъ времени измѣнилось фабричное производство, введенъ въ оное механизмъ, замѣняющій ручныя работы, то и производство на фабрикахъ работъ поссессіонными людьми не только неудобно, но и наноситъ постоянно важные убытки, да и самые при нихъ поссессіонные люди сдѣлались уже излишними и обременительными для владѣльца. А потому мы, предполагая парусно-полотняную нашу фабрику устроить болѣе на коммерческихъ правахъ и выдѣлывать издѣлія машинами и вольнонаемными людьми, положили приписанныхъ къ фабрикѣ крестьянъ представить въ казну“.

Фабрикантъ Куманинъ заявлялъ въ своемъ прошеніи, что онъ „по причинѣ измѣнившагося хода мануфактурнаго производства находитъ важныя неудобства и постоянные убытки производить работу на фабрикѣ поссессіонными людьми“ и потому проситъ ихъ уволить. Такихъ прошеній было очень много.

Въ другихъ случаяхъ фабриканты ссылаются на буйства и непокорность фабричныхъ рабочихъ, какъ на мотивъ къ ихъ увольненію. Такъ, купеческая дочь Гусятникова проситъ м-ра фин. уволить ея рабочихъ, такъ какъ это „единственное средство привести ихъ въ тихое состояніе и избавить владѣльца отъ тяжкой обязанности утруждать мѣстное начальство жалобами о

приведенiи ихъ въ повиновенiе". Фабрикантъ Губинъ заявляетъ въ своемъ прошенiи, что „не надѣется водворить между крестьянами совершенное спокойствiе и потому, будучи не въ силахъ управлять фабрикой", проситъ принять крестьянъ въ казенное вѣдомство. На то же указываетъ и цѣлый рядъ другихъ фабрикантовъ.

Невыгодность поссессiоннаго владѣнiя лучше всего иллюстрируется тѣмъ, что въ 40-е годы фабрика съ прикрѣпленными рабочими имѣла значительно меньшую цѣнность, чѣмъ фабрика безъ всякихъ обязательныхъ рабочихъ.

Праздникъ въ деревнѣ (Pauly).

Такъ, освобожденiе поссессiонныхъ рабочихъ крупной Купавинской фабрики произошло потому, что послѣ смерти владѣльцевъ наслѣдники хотѣли продать фабрику, но это оказалось невозможнымъ „по неохотѣ капиталистовъ брать на себя тягости поссессiоннаго владѣнiя", и наслѣдники освободили рабочихъ.

Изъ освобождаемыхъ рабочихъ большинство поступало въ городскiя сословiя и оставалось работать на той же фабрикѣ, на которой работали и до освобожденiя. Если фабрика имѣла земли, отведенныя казной, то фабричные

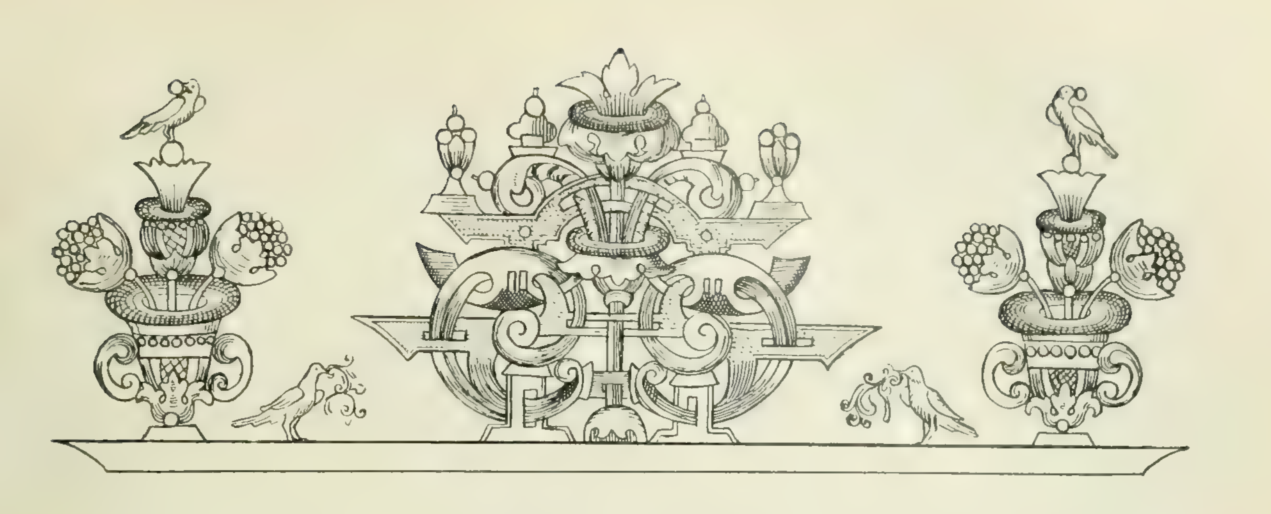
получали въ собственность свои дома и огороды, а иногда и другія земли. Если земля была пріобрѣтена владѣльцемъ за плату, то фабричные, увольняемые въ мѣщане, иногда оставались въ своихъ домахъ и получали пріусадебную землю путемъ выкупа у владѣльцевъ. Въ другихъ случаяхъ фабричные, получавшіе свободу, переселялись на близлежащія пригородныя земли, при чемъ имъ отводились отъ казны земли для постройки домовъ и оказывалась для этого извѣстная денежная помощь. Иногда же рабочіе не получали никакой земли.

Эти уволенные безъ земли поссессіонные фабричные рабочіе составили собой въ центральныхъ губерніяхъ ядро нашего безземельнаго фабричнаго пролетаріата, которому было суждено возрасти въ такой огромной степени впослѣдствіи.

М. Туганъ-Барановскій.

Деревня близъ Москвы (рис. A de Bar).

Дворянскіе проекты по крестьянскому вопросу при Николаѣ I.

В. Н. Бочкарева.

Царствованіе императора Николая I совпало какъ разъ съ моментомъ наибольшаго обостренія того хозяйственнаго кризиса, который уже со второй половины XVIII в. началъ обнаруживаться въ русской крѣпостной деревнѣ. Тяжелыя условія, въ которыя поставлено было и народное и государственное хозяйство вслѣдствіе существованія подневольнаго крѣпостного труда, привлекали къ себѣ вниманіе и правительственныхъ сферъ, и помѣстнаго дворянства за послѣднія 30 — 35 лѣтъ передъ реформой. Свободно и гласно въ печати крестьянскій вопросъ при Николаѣ обсуждаться не могъ, въ виду царившаго цензурнаго гнета. Но именно потому, что въ печати воспрещено было обсуждать крестьянскій вопросъ лицамъ, которыя считали необходимымъ рано или поздно ликвидировать крѣпостныя отношенія, приходилось составлять рукописные проекты, направляя ихъ въ высшія правительственныя сферы.

Въ концѣ 30-хъ годовъ, по словамъ одного современника, среди провинціальнаго дворянства намѣчались двѣ группы, различно относящіяся къ толкамъ и слухамъ о крестьянской реформѣ. Менѣе образованные и менѣе состоятельные дворяне отстаивали необходимость крѣпостного права, которое даетъ возможность удерживать въ повиновеніи „народъ необразованный и грубый“. Не учитывая хозяйственной невыгодности крѣпостного труда, эти пред-

ставители помѣстнаго дворянства были горды сознаніемъ своей громадной власти надъ населеніемъ крѣпостной вотчины. Одни изъ нихъ утверждали, что освобожденные крестьяне „всѣ сопьются и пропадутъ“, а другіе заявляли: „сперва просвѣтите крестьянъ, а потомъ освободите ихъ“. Необходимость добиться вознагражденія за право надъ личностью крестьянина эти лица считали исходнымъ моментомъ предполагаемой реформы. „Хотите взять,—говорили они,—такъ заплатите“. Но среди провинціальнаго дворянскаго общества встрѣчались люди, видѣвшіе соціальную несправедливость въ существованіи крѣпостного права. Они соглашались на личное и безвозмездное освобожденіе крѣпостныхъ, но требовали сохраненія за помѣщикомъ всей земли, которая „всегда и вездѣ есть предметъ, подлежащій куплѣ“.

Особенно усилился интересъ къ крестьянскому дѣлу среди помѣстнаго дворянства въ 40-хъ годахъ въ связи съ законодательною дѣятельностью правительства. Эмансипаціонное настроеніе дворянъ вызывалось также и рядомъ голодныхъ годовъ, во время которыхъ многіе стали задумываться надъ тѣмъ, что не дурно бы освободить крестьянъ и тѣмъ снять съ господъ тяжелую обязанность ихъ прокормленія. Цѣлый рядъ помѣщиковъ принялся за составленіе проектовъ освобожденія крѣпостныхъ; они, по словамъ одного современника, „читались пріятелямъ и знакомымъ, толковъ и разсказовъ было много, споровъ и возраженій еще болѣе“. По словамъ записки Перовскаго, составленной имъ въ 1844 г., „владѣльцы нынѣ уже вовсе не боятся утраты своего достоянія отъ дарованія людямъ свободы“. Крестьянскій вопросъ, по утвержденію того же сановнаго наблюдателя, сдѣлался даже однимъ изъ довольно обыкновенныхъ предметовъ откровенной бесѣды въ образованныхъ состояніяхъ и проникъ, наконецъ, темными слухами и превратными толками въ низшія сословія“.

Съ первыхъ лѣтъ царствованія Николая изъ среды помѣстнаго дворянства выдѣлялись отдѣльныя лица, старавшіеся установить опредѣленную точку зрѣнія на крѣпостныя отношенія и выдвигавшія рядъ мѣръ для перехода къ новому юридическому и экономическому строю. Еще въ 1827 году статсъ-секретарь Муравьевъ составляетъ проектъ, въ которомъ предлагаетъ разрѣшить лицамъ, возведеннымъ за службу въ дворянское достоинство, пріобрѣтать деревни „съ правомъ собственности на одну землю“. Крестьяне, уже на ней поселенные, должны быть свободны и пользоваться землею по добровольному съ помѣщикомъ соглашенію. Авторъ выражалъ при этомъ увѣренность, что и владѣльцы наслѣдственныхъ вотчинъ постепенно сознаютъ необходимость перехода къ новому порядку отношеній, давая охотно крестьянамъ свободу „съ сохраненіемъ права собственности на одну только землю“.

Однако и въ это время начинаютъ высказываться опасенія относительно пагубныхъ послѣдствій отмѣны крѣпостного права законодательнымъ путемъ.

Такъ, въ 1835 г. Пассекъ, находившійся на службѣ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, подаетъ записку, въ которой заявляетъ, что большинство дворянъ не можетъ свыкнуться съ мыслью о возможности „владѣть съ пользою землей и имѣть добрую прислугу, когда не будетъ крѣпостныхъ людей". Освобожденіе, по его мнѣнію, окончательно подорветъ крестьянскую нравственность и явится поводомъ „къ буйному истребленію самого дворянства". До измѣненія законодательнымъ путемъ отношеній между помѣщиками и крестьянами авторъ совѣтуетъ заняться улучшеніемъ быта крестьянъ государственныхъ. И только послѣ этого возможно приступить къ реформѣ крѣпостныхъ отношеній. При этомъ Пассекъ дѣлаетъ рядъ предложеній, клонящихся явно въ пользу дворянскаго сословія. Основная мысль его проекта состоитъ въ томъ, что „ни земля, ни люди не должны выбывать изъ владѣній помѣщика безъ полнаго вознагражденія за нихъ". Сами помѣщики должны сообщить данныя для выработки средней поуѣздной стоимости какъ земли, такъ и крѣпостныхъ душъ. Правительство послѣ этого можетъ приступить къ урегулированію отношеній между помѣщиками и ихъ крѣпостными, а также къ выработкѣ правилъ для ухода крестьянъ на посторонніе заработки. Продажа крестьянъ должна быть дозволена „только селеніями съ землей, а безъ земли цѣлыми семействами исключительно для переселенія

Ворота въ Марьинѣ (въ теперешнемъ ихъ видѣ).

въ [illegible] губерніи". Самый отпускъ крестьянъ на волю обставлялся [illegible] весьма тяжелыми матеріальными условіями. Для перечисленія изъ крѣпостного состоянія въ общество свободныхъ поселянъ, крестьяне должны внести за себя въ губернское правленіе сумму вдвое большую, чѣмъ та, которая предварительно была заявлена помѣщикомъ для выработки указанной расцѣнки. Часть помѣщичьей земли вышедшіе на волю крестьяне могли пріобрѣтать по цѣнѣ также вдвое превышающей цѣну, предложенную помѣщиками. Такимъ образомъ выходъ крестьянъ въ свободное состояніе былъ обставленъ въ проектѣ Пассека цѣлымъ рядомъ условій, преслѣдовавшихъ исключительно матеріальные интересы дворянъ, грозившихъ полнѣйшимъ разореніемъ крѣпостному крестьянству.

Къ концу 30-хъ годовъ эмансипаціонныя идеи успѣли на столько распространиться въ обществѣ, что въ 1837 или 38 г. нѣсколько тульскихъ дворянъ, по словамъ одного современника, составили проектъ освобожденія крестьянъ, за что „сихъ прожекторовъ въ московскомъ англійскомъ клубѣ предали анаѳемѣ". Въ 30-хъ годахъ лишь изрѣдка въ печати попадались статьи по крестьянскому вопросу, но всѣ онѣ были окрашены въ ярко-крѣпостническій колоритъ. Такъ, помѣщикъ Вилькинсъ въ „Земледѣльческомъ Журналѣ" за 1832 г. проводитъ тотъ взглядъ, „что крѣпостнымъ вольность представляется свободою не повиноваться ни старостамъ, ни помѣщикамъ, работать и не работать по своей волѣ, пить и гулять сколько душѣ угодно, не давая никому въ поведеніи своемъ отчета".

Прямую противоположность этимъ реакціоннымъ заявленіямъ составляетъ извѣстная записка 1841 г. Заблоцкаго-Десятовскаго, въ которой онъ съ цифрами въ рукахъ вскрываетъ непродуктивность крѣпостного труда, какъ для частнаго, такъ и для народнаго хозяйства. Онъ настаиваетъ на отчужденіи части владѣльческой земли въ пользу крестьянъ за извѣстное вознагражденіе или деньгами или обязательнымъ трудомъ. Для постепенности въ проведеніи реформы авторъ согласенъ на первое время упразднить только личную зависимость крестьянъ, не разрушая ихъ связи съ землею.

Съ начала 40-хъ годовъ творчество дворянъ-прожекторовъ усиливается, и цѣлый рядъ записокъ по крестьянскому вопросу направляется ими въ петербургскія министерскія сферы. Къ 1841 г. относится записка барона Боде, заявившаго, что „злой духъ времени, сильно подстрекаемый постоянными неурожаями, поведетъ насъ неминуемо къ развязкѣ, къ которой уже давно стремится ложная философія". Авторъ предлагаетъ ликвидировать крѣпостныя отношенія или посредствомъ отпуска крестьянъ съ землею цѣлыми семьями по добровольному обоюдному соглашенію или путемъ покупки за счетъ казны дворянскихъ населенныхъ имѣній. Для улучшенія земледѣлія слѣдуетъ, по словамъ его записки, поощрять переходъ къ подворному землевладѣнію. Каждый, выкупившійся на волю, получаетъ званіе сельскаго

гражданина и можетъ пріобрѣсти участокъ земли въ десять десятинъ по цѣнѣ, установленной съ согласія помѣщика. При покупкѣ имѣній казною слѣдуетъ принимать во вниманіе оброкъ, уплачиваемый крестьянами. Помѣщикамъ правительство можетъ выдавать половину стоимости облигаціями съ погашеніемъ ихъ въ 34 года, а половину—наличными деньгами, изъ которыхъ вычитается весь долгъ, числящійся на имѣніи, въ случаѣ его залога.

Почти одновременно въ 1842 г. представилъ въ Министерство Внутр. Дѣлъ свой проектъ и помѣщикъ Кривцевъ. Онъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что „освобожденіе должно быть произведено съ наименьшимъ потрясеніемъ

Старо-Никольское, имѣніе Мусина-Пушкина („Старые годы“).

общественнаго порядка и съ должнымъ охраненіемъ правъ настоящихъ владѣльцевъ“. Свой планъ авторъ строитъ на идеѣ правительственнаго выкупа. Расцѣнивать крѣпостныхъ онъ предлагаетъ по 500 руб. за душу, а самый выкупъ можетъ быть произведенъ черезъ посредство существующихъ кредитныхъ установленій, капиталы которыхъ можно усилить или выпусками ассигнацій или спеціальными займами. Однако въ заключительной части своей записки авторъ рѣшительно отказывается отъ сдѣланныхъ выше предложеній. Необходимость отсрочки въ дѣлѣ освобожденія вызывается „затруднительнымъ положеніемъ государства отъ болѣзней и продолжительныхъ неурожаевъ, шаткостью вообще торговли и промышленности въ Европѣ и, наконецъ, лихорадочнымъ ея состояніемъ въ политическомъ отношеніи“. Учитывая всѣ эти обстоятельства, Кривцевъ съ паѳосомъ заявляетъ: „воля русскаго

монархія должна покориться общимъ судьбамъ человѣчества", и вполнѣ опредѣленно утверждать, что „время для освобожденія еще не наступило".

Почти аналогичное заявленіе было сдѣлано Дурасовымъ въ Вольно-экономическомъ обществѣ, гдѣ онъ выступилъ съ докладомъ въ 1842 г. Вооружаясь противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ на остзейскій образецъ, докладчикъ въ заключеніе восклицаетъ: „Да не коснется насъ никакой помыслъ или желаніе нововведеній".

Законъ 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ всколыхнулъ застоявшееся провинціальное общество, и дворяне рядомъ статей и записокъ реагировали на его изданіе. Первой пробой гласнаго обсужденія крестьянскаго вопроса при императорѣ Николаѣ была статья Хомякова „О сельскихъ условіяхъ" въ „Москвитянинѣ" за 1842 г. Авторъ, привѣтствуя правительственный починъ въ дѣлѣ законодательнаго регулированія крѣпостныхъ отношеній, рекомендуетъ заключать договоры не съ отдѣльными крестьянами, а съ цѣлымъ міромъ, при сохраненіи общиннаго землепользованія. Для того, чтобы снабдить общину извѣстнымъ нравственнымъ авторитетомъ, Хомяковъ предоставляетъ ей нѣкоторыя административно-полицейскія функціи. За отводимую въ пользованіе крестьянъ землю авторъ предлагаетъ взимать вознагражденіе по принципу половничества, „какъ исконнаго обычая русской хозяйственной дѣйствительности". На сѣверѣ имъ рекомендуется половничество деньгами, а въ средней и южной Россіи—трудомъ или произведеніями земли. Въ этой послѣдней формѣ половничества Хомяковымъ отстаивалась узаконенная въ то время трехдневная барщина. Статья Хомякова вызвала литературную полемику. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" за тотъ же 1842 г. безыменный авторъ хотя и отстаивалъ, подобно Хомякову, необходимость большой правомѣрности при заключеніи договоровъ между помѣщиками и крестьянами, но рядомъ фактовъ опровергалъ самый принципъ половничества. Однако дальнѣйшее обсужденіе закона 1842 г. и его послѣдствій на страницахъ нашихъ повременныхъ изданій было быстро прекращено цензурнымъ вмѣшательствомъ. Этотъ правительственный запретъ вызвалъ къ жизни обширную рукописную литературу и цѣлый рядъ записокъ и проектовъ, какъ крѣпостническаго, такъ и эманспаціоннаго направленія. Въ 1843 г. графу П. Д. Киселеву была прислана записка новороссійскаго помѣщика Левшина. Въ ней онъ стоялъ за упраздненіе крѣпостного права, говоря: „когда человѣкъ самъ не свой, для чего ему трудиться". При переводѣ крестьянъ въ обязанные Левшинъ предлагалъ половину всей помѣщичьей земли оставить подъ барской запашкой, при чемъ крестьяне должны ее обрабатывать собственнымъ скотомъ и собственными земледѣльческими орудіями. Нормальный крестьянскій надѣлъ онъ опредѣлялъ въ 5 десятинъ на душу, но не прочь былъ обезземелить часть крестьянъ для образованія „кадровъ земледѣльческихъ работниковъ". Послѣ заключенія договора продажа и переводъ крестьянъ въ дво-

ровые должны быть прекращены. Собственность крестьянина становится неприкосновенной; выводныя деньги за невѣсть идутъ уже не помѣщику, а въ пользу крестьянскаго общества. Крестьянинъ могъ немедленно получать отпускную съ правомъ собственности на всю свою движимость, внеся за себя выкупъ въ размѣрѣ стоимости 2.000 дней земледѣльческаго труда.

Почти одновременно Киселеву доставленъ былъ анонимный проектъ, составленный какимъ-то просвѣщеннымъ помѣщикомъ одной изъ промышленныхъ губерній. При переводѣ крестьянъ въ обязанные, на что, по замѣчанію автора, крестьяне далеко не всюду пойдутъ охотно, слѣдуетъ предоставить имъ земельные участки. При этомъ необходимо руководствоваться тѣмъ, „чтобы крестьянское нормальное семейство могло на нихъ кормиться, содержать рабочій скотъ, нужный для обработки, и платить легкія денежныя повинности владѣльцу земли и казначейству, но безъ всякаго излишества“. Однако авторъ не видитъ большого соціальнаго зла и въ обезземеленіи крестьянъ. „Обнищаніе крестьянъ обусловливается, по его мнѣнію, не скуднымъ земельнымъ обезпечиваніемъ, а ихъ пьянствомъ и нерадѣніемъ“. Въ Россіи при громадномъ количествѣ земли каждый крестьянинъ можетъ нанять себѣ участокъ „и спокойно не только многіе годы, но и всю жизнь свою владѣть имъ изъ оброка“. Ни оброчныя ни арендныя цѣны не должны быть нормированы закономъ, при чемъ авторъ ссылается здѣсь на парадоксъ Артура Юнга, что „въ нѣкоторомъ отношеніи помѣщики англійскіе, которые берутъ съ своихъ откупщиковъ большую картому, большую оказываютъ пользу отечеству, нежели тѣ, кои меньшую берутъ картому“. Но и въ просвѣщенномъ дворянинѣ ярко проявляется типичный баринъ-крѣпостникъ. Такъ, для большей постепенности въ переходѣ къ новому порядку вещей по закону 1842 г., онъ предлагаетъ сохранить на первое время за помѣщиками право „ссылать крестьянъ на поселеніе или отдавать ихъ въ солдаты съ зачетомъ или безъ зачета рекрутскихъ квитанцій“.

Циркъ въ 40 гг. у Тверскихъ воротъ въ Москвѣ (Штернъ).

На законъ 1842 г. отозвался своими проектами и декабристъ Фонъ-Визинъ. Онъ отстаиваетъ необходимость оброчной системы при переводѣ крестьянъ въ обязанные, при чемъ его не останавливаетъ мысль, что оброкъ въ нѣкоторыхъ вотчинахъ можетъ даже увеличиться при равномѣрномъ распредѣленіи его не по душамъ, а по участкамъ земли. Верховная власть можетъ оказать воздѣйствіе на близкихъ ко двору представителей крупнаго землевладѣнія, а помѣщики средней руки будутъ переводить своихъ крестьянъ въ обязанные въ угоду правительству. Чтобы придать большее распространеніе новому закону, Фонъ-Визинъ предлагаетъ разрѣшить лицамъ не дворянскаго происхожденія покупать населенныя имѣнія съ обязательствомъ заключать договорныя отношенія, съ живущими въ нихъ крестьянами. При этомъ авторъ предлагаетъ даже, для усиленія подобнаго рода покупокъ, купцовъ 3-ей гильдіи и разночинцевъ возводить въ почетные граждане, а купцамъ двухъ первыхъ гильдій и иностраннымъ капиталистамъ, купившимъ не менѣе 500 душъ, жаловать потомственное дворянство. Покупать крестьянъ на своз и для переселенія на новыя земли возможно только при условіи перевода ихъ въ положеніе обязанныхъ. Для той же цѣли Фонъ-Визинъ рекомендуетъ употреблять капиталы богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, при чемъ въ дворянскихъ имѣніяхъ, пріобрѣтенныхъ такимъ путемъ, крестьяне переводятся въ состояніе обязанныхъ, а оброкъ съ нихъ поступаетъ въ видѣ процента на затраченный капиталъ. Слабой стороной этого проекта слѣдуетъ признать стремленіе расширить кругъ помѣщиковъ, введя въ него и купцовъ и разночинцевъ.

Съ изданіемъ закона объ обязанныхъ крестьянахъ связано и составленіе княземъ В. А. Черкасскимъ въ срединѣ 40 гг. проекта постепеннаго освобожденія крестьянъ. Князь В. А. Черкасскій стремился примирить по возможности противорѣчащія выгоды трехъ сторонъ: крестьянъ, помѣщиковъ и государства. Помѣщичьей власти онъ придавалъ большое значеніе, считая ее „могучимъ рычагомъ въ рукахъ опытнаго управленія". Въ законѣ 1842 г. князь Черкасскій видитъ лишь переходную мѣру, которая даетъ возможность постепенно замѣнить для крестьянина власть помѣщика властью общины. Количество уступаемой крестьянамъ въ собственность земли, по мнѣнію автора, не должно превышать размѣра, необходимаго для ихъ пропитанія, чтобы помѣщикъ могъ легко находить рабочія руки и сдавать свои земли въ аренду. Планъ, предлагаемый кн. Черкасскимъ, состоялъ въ слѣдующемъ. Помѣщикъ выдѣляетъ на каждое тягло по $5^1/_3$ десятинъ по цѣнѣ 37 руб. сер. за десятину. Въ теченіе 37 лѣтъ каждое тягло должно уплачивать въ Опекунскій Совѣтъ по 9 руб. для погашенія приходящагося на каждаго крестьянина долга въ размѣрѣ 50 руб. сер. Помѣщику же съ каждаго тягла крестьяне вносятъ оброкъ по одной четверти ржи и по двѣ четверти овса, или при переводѣ на деньги по 14 руб. сер. Надъ такими обязанными крестья-

нами должна быть удержана, ограниченная закономъ, помѣщичья власть, въ чемъ авторъ видитъ ручательство „сохраненія спокойствія общественнаго". По окончанію 37-лѣтняго срока и по уплатѣ всего казеннаго долга крестьяне могутъ выкупиться на свободу, внеся помѣщику заранѣе установленную сумму по оцѣнкѣ отводимой имъ земли.

Не только представители средне-помѣстнаго дворянства въ рядѣ записокъ отозвались на законодательный почипъ правительства, но и среди тогдашней крупной земельной аристократіи попадались лица, склонявшіяся къ новому порядку вещей. Въ 1844 г. князь Н. И. Трубецкой прислалъ графу П. Д. Киселеву проектъ, въ которомъ онъ отказывался отъ крѣпостного права на своихъ

Народное празднество (рис. съ натуры Рыбинскаго 1858 г.).

крестьянъ, обязуясь признавать ихъ вольными людьми, живущими на его землѣ. Всѣ постройки, а также по одной десятинѣ огородной земли, авторъ предполагалъ предоставить крестьянамъ въ собственность. Всѣ остальныя земли и угодья остаются въ собственности помѣщика и предоставляются въ пользованіе крестьянъ по цѣнѣ, установленной владѣльцемъ. Земля отдается внаемъ каждому хозяину отдѣльно, а арендная плата вносится или деньгами или продуктами по мѣстнымъ цѣнамъ. Условія заключаются на 10-лѣтній срокъ, въ теченіе котораго крестьянинъ можетъ съ согласія помѣщика или отказаться отъ арендованнаго участка или передать его другому. Неисправный арендаторъ отвѣчаетъ за недоимку своей собственностью, а его участокъ пе-

редается другому. Лѣса и покосы сдаются крестьянамъ на 25-лѣтній срокъ. Если крестьяне найдутъ для себя болѣе выгоднымъ арендовать земли у сосѣднихъ владѣльцевъ, то ихъ бывшій помѣщикъ не могъ этому противиться. Съ переходомъ къ новому порядку владѣлецъ слагаетъ съ себя всякія обязательства въ отношеніи крестьянъ.

Другой аристократъ, князь Е. Гагаринъ, составилъ въ концѣ 1846 г. проектъ, также сообщенный графу Киселеву. Онъ предлагалъ для проведенія въ жизнь крестьянской реформы безъ всякихъ потрясеній принимать въ залогъ отъ помѣщиковъ только земли, а не души, запретить владѣніе людьми безъ земли, помѣщикамъ же выдать за счетъ казны вознагражденіе за излишнее, сравнительно съ размѣрами земли, количество душъ. Рабство дворовыхъ должно быть уничтожено, и бывшимъ крѣпостнымъ должны быть обезпечены свобода личности и право передвиженія.

Близкій къ императору Николаю князь И. Васильчиковъ, такъ же крупный магнатъ-землевладѣлецъ, въ представленной имъ въ 1845 г. запискѣ проводилъ тотъ взглядъ, что въ Россіи „власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной“. Однако съ злоупотребленіями помѣщичьей власти необходимо бороться. Слѣдуетъ прежде всего ограничить право помѣщиковъ наказывать своихъ крѣпостныхъ, чтобы наказаніе не переходило въ истязаніе. За крестьянами необходимо обезпечить право собственности какъ на деньги, такъ и на недвижимость, которыя являются неприкосновенными, какъ скоро выполнены всѣ обязательства и уплачены казенныя подати.

Но представители аристократическихъ и придворныхъ круговъ, нерѣдко придерживаясь либеральныхъ взглядовъ на крестьянскій вопросъ, далеки были отъ того, чтобы стремиться осуществлять ихъ на практикѣ. Это ярко подтверждается на примѣрѣ Перовскаго, который составилъ въ 1844 г. довольно пространную записку по крестьянскому дѣлу. Основной мотивъ ея тотъ, что „свобода или вольность нынѣшнихъ крѣпостныхъ крестьянъ должна состоять въ сравненіи правъ и обязанностей помѣщичьихъ крестьянъ съ правами и обязанностями крестьянъ государственныхъ“. Но авторъ, боясь крестьянской анархіи, запугиваетъ государя тѣмъ, что „немедленное освобожденіе народа крайне опасно, такъ какъ оно легко можетъ вызвать всеобщее возмущеніе, окончательную развязку котораго даже и гадательно предсказать невозможно“. Относясь отрицательно къ остзейской системѣ, сановный авторъ высказывается за предоставленіе крестьянамъ на извѣстныхъ условіяхъ въ пользованіе помѣщичьей земли. Во избѣжаніе бродяжничества крестьянинъ закономъ долженъ быть привязанъ къ землѣ, а за помѣщикомъ слѣдуетъ сохранить полицейскую власть надъ крестьянскимъ населеніемъ его вотчинъ. Возможность выкупа помѣщичьей земли въ пользу крестьянъ за счетъ казны Перовскій отрицаетъ вслѣдствіе финансовой невыполнимости выкупной операціи. Съ другой стороны, эта мѣра небезопасна и въ политическомъ отно-

шенія, такъ какъ дворянство — это постоянная опора верховной власти — „лишенное вдругъ своего наслѣдія и достоянія неизбѣжно сдѣлается враждебною и опасною стихіею". Переходъ къ новому порядку долженъ происходить путемъ „незамѣтныхъ и постепенныхъ измѣненій" въ родѣ, напримѣръ, преобразованій мѣстнаго управленія и земской полиціи, реорганизаціи денежныхъ и натуральныхъ повинностей и введенія инвентарей или „росписей работамъ и отношеніямъ". Эти росписи само собою приблизятъ крестьянъ къ положенію обязанныхъ. Въ отдаленномъ будущемъ автору рисовалась возможность воспрещенія безземельныхъ сдѣлокъ на крестьянъ, обезпеченіе за ними права на собственность и даже разрѣшеніе свободнаго перехода ихъ отъ одного помѣщика къ другому.

Такимъ образомъ въ первой половинѣ 40 гг. среди представителей крупнаго землевладѣнія стало намѣчаться теченіе въ пользу установленій новыхъ отношеній между господами и крестьянами. Идеи лэндлордизма не были чужды проектамъ, вышедшимъ изъ этихъ аристократическихъ сферъ. Но и въ помѣщичьихъ кругахъ провинціальнаго дворянства мысль о необходимости реформировать бытъ крѣпостной деревни завоевывала съ каждымъ годомъ все больше и больше сторонниковъ. Въ цѣломъ рядѣ губерній вырабатываются проекты по крестьянскому вопросу, при чемъ въ составленіи ихъ принимаетъ участіе довольно значительное количество дворянъ - землевладѣльцевъ. Фактъ задолженности дворянской земельной собственности игралъ при этомъ далеко не послѣднюю роль, при выработкѣ этихъ многочисленныхъ записокъ и проектовъ. Такъ, въ 1844 г. группа тульскихъ дворянъ составляетъ проектъ освобожденія крестьянъ въ цѣляхъ скорѣйшей ликвидаціи хозяйственныхъ затрудненій, вытекавшихъ изъ повсемѣстной задолженности дворянской недвижимой собственности. Авторы его предлагаютъ надѣлить крестьянъ и дворовыхъ „въ собственность по одной десятинѣ на душу, вклю-

М. А. Фонъ-Визинъ (портр. къ „Запискамъ").

чая въ то число усадьбы, огороды, огуменники и выгоны". Освобожденнымъ крестьянамъ помѣщики предоставляютъ также въ вѣчную собственность усадебныя постройки вмѣстѣ со скотомъ и птицей и отказываются навсегда отъ всѣхъ обязательныхъ крестьянскихъ работъ и повинностей. За освобожденіе крестьяне должны будутъ, сверхъ подушной подати, вносить ежегодно въ кредитныя учрежденія по 3 руб. сер. съ десятины въ видѣ % и погашенія той части дворянскаго долга, которая переведется на освобождаемыхъ крестьянъ. Для себя же дворяне выговариваютъ десятилѣтній льготный срокъ, по истеченіи котораго они начнутъ погашать долговыя обязательства, лежащія на оставшейся за помѣщиками землѣ. Получая только земельную осѣдлость, освобожденные крестьяне вынуждены будутъ арендовать помѣщичьи земли „за деньги или за работу по одному указанію собственныхъ выгодъ безъ всякихъ другихъ побужденій". Это произведеніе дворянскаго творчества поражаетъ своей беззастѣнчивою откровенностью и стремленіемъ перенести на крестьянскія плечи почти всю тяжесть казенныхъ и частныхъ долговыхъ обязательствъ, затягивавшихъ мертвою петлею помѣщичье сельское хозяйство.

И въ сосѣдней Рязанской губерніи было много помѣщиковъ, понимавшихъ, по словамъ одного современника, необходимость освобожденія крестьянъ. Въ 1847 г. вопросъ объ измѣненіи быта крѣпостныхъ подымался даже на очередномъ дворянскомъ собраніи, но дальнѣйшаго хода этимъ толкамъ и разговорамъ рязанскими землевладѣльцами дано не было. Зато въ Смоленской губерніи крестьянскій вопросъ подвергнутъ былъ обсужденію на совѣщаніи уѣздныхъ предводителей, и цѣлыхъ два года вниманіе дворянъ было приковано къ проектамъ, выходившимъ изъ среды смоленскихъ помѣщиковъ. Среди нихъ было много лицъ съ ярко консервативной окраской, но встрѣчались и люди, глубоко сознававшіе необходимость радикальной перемѣны въ отношеніяхъ между землевладѣльцами и земледѣльцами. Побудительнымъ стимуломъ для смоленскихъ совѣщаній послужили слова государя, обращенныя къ депутаціи смоленскихъ дворянъ въ маѣ 1847 г. Бесѣдуя съ депутатами, „какъ первый дворянинъ въ государствѣ", Николай выразилъ желаніе, чтобы смоленскіе дворяне „потолковали о положеніи крѣпостныхъ келейно и написали ему о томъ прямо въ собственныя руки". И министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій также совѣтовалъ депутатамъ „дѣйствовать на мѣстѣ съ крайней осторожностью, дабы не породить преждевременными толками безпокойствъ". Хотя все это дѣло должно было быть окутано покровомъ непроницаемой тайны, но оно скоро сдѣлалось извѣстнымъ многимъ помѣщикамъ и побудило ихъ къ составленію какъ единоличныхъ, такъ и коллективныхъ проектовъ. Въ двухъ запискахъ, представленныхъ Стунѣевымъ и еще однимъ безыменнымъ помѣщикомъ, указывалось, что далеко не безопасно самому дворянству приступать къ преобразованію, отъ котораго можетъ зависѣть „достояніе и даже жизнь помѣщиковъ". Отъ освобожденія

крестьянъ „безъ предварительнаго приготовленія и пріученія ихъ къ точному выполненію повинностей относительно землевладѣльцевъ“ могутъ произойти, по мнѣнію авторовъ, „бѣдственныя послѣдствія“. Въ качествѣ подготовительныхъ мѣръ при этомъ рекомендовалось совершеніе актовъ не на людей, а на населенныя земли, запрещеніе отдѣльной продажи лицъ обоего пола и предоставленіе крестьянамъ права собственности на движимое имущество. Дорогобужскій предводитель Кононовъ, ничего не имѣя противъ образованія комитетовъ для наблюденія надъ помѣщиками и для ограниченія злоупотребленія ихъ своей властью, выдвигалъ на первый планъ необходимость испросить у правительства новыя льготы въ платежахъ кредитнымъ установленіямъ; крестьянъ же авторъ пока рекомендовалъ оставить въ прежнемъ положеніи, т.-е. пользоваться половиной ихъ рабочаго времени. Въ 1849 г. тотъ же Кононовъ представилъ записку, направленную на борьбу съ дворянскимъ обѣднѣніемъ; онъ предлагалъ въ ней учрежденіе „общества сохраненія достоянія потомства“. Члены его обязываются вести нерасточительный образъ жизни и откладывать ежегодно по $^1/_5$ дохода въ семейный капиталъ. Когда этотъ капиталъ возрастетъ до цѣнности имѣнія, владѣлецъ обязанъ предоставить свободу своимъ крѣпостнымъ, съ надѣленіемъ ихъ землею по двѣ десятины на ревизскую душу.

А. П. Заблоцкій-Десятовскій.
(Рум. Муз.).

Среди многочисленныхъ смоленскихъ проектовъ выдѣляется своею рѣшительностью записка Вонлярлярскаго. По его мнѣнію, переводъ крестьянъ въ полусвободные, на основаніи закона 1842 г., не улучшитъ ихъ матеріальнаго быта и вызоветъ безчисленное множество непріязненныхъ столкновеній. При сохраненіи нѣкоторой зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ „работа ихъ будетъ хуже прежней, помѣщики будутъ получать еще менѣе дохода, земледѣліе не выйдетъ изъ теперешняго жалкаго положенія“. Ликвидировать крѣпостныя отношенія Вонлярлярскій предлагаетъ на слѣдующихъ основаніяхъ: крестьяне немедленно отчуждаются отъ помѣщика со всею землею, которою они нынѣ пользуются; эта земля поступаетъ въ ихъ наслѣдственную собственность; работу на помѣщика они могутъ выполнять только за условленную плату; освобожденные крестьяне сливаются въ одну массу съ осталь-

Марьино, Новгор. губ., имѣніе Строгоновыхъ („Старые годы").

ными разрядами крестьянскаго населенія, подчиняясь одинаковымъ для всѣхъ законамъ и общимъ для всѣхъ крестьянъ учрежденіямъ; дворовые отпускаются на волю безъ всякаго выкупа, за исключеніемъ только тѣхъ, обученіе которыхъ какому-либо ремеслу стоило помѣщику нѣкоторыхъ издержекъ; вознагражденіе за личность крестьянина и за постройки, большею частью имъ самимъ воздвигнутыя, не взимается; за отводимыя въ собственность крестьянамъ земельныя угодья помѣщики должны быть справедливо вознаграждены; въ основу выкупной операціи положена расцѣнка 4-десятиннаго надѣла въ 160 руб., при чемъ, если правительство дастъ въ ссуду помѣщикамъ для образованія оборотнаго капитала по 30 руб. съ души, то вся выкупная операція, при уплатѣ по 15 руб. съ тягла, можетъ быть совершена въ 37 лѣтъ. Крестьянамъ безразлично, замѣчаетъ авторъ, уплачивать ли оброкъ помѣщику или дѣлать опредѣленные взносы въ кредитное учрежденіе для погашенія выданной ссуды и уплаты за нее процентовъ. Такъ какъ для проведенія реформы потребуется сумма въ 650 милліоновъ, то авторъ предлагаетъ растянуть все дѣло на 4—5 лѣтъ, приступая къ преобразованію ежегодно въ нѣсколькихъ губерніяхъ. Наиболѣе выдающейся стороной проекта Вонлярлярскаго является стремленіе передать крестьянамъ въ собственность всю ту земельную площадь, которою они пользовались въ эпоху крѣпостного права.

Въ январѣ 1848 г. въ Смоленскѣ имѣло мѣсто совѣщаніе 13 дворянъ, выработавшее рядъ правилъ, на основаніи которыхъ слѣдовало приступить къ улучшенію быта крѣпостныхъ. Авторы предлагали сохранить въ прежнемъ размѣрѣ повинности крестьянъ и дворовыхъ, пока не будутъ образованы на новыхъ основаніяхъ опеки для разбора недоразумѣній между помѣщиками и крестьянами и не будетъ предоставлено помѣщикамъ право передавать въ распоряженіе палатъ государственныхъ имуществъ извѣстное количество крестьянъ, отъ которыхъ владѣльцы пожелаютъ освободиться.

Послѣ совѣщанія съ уѣздными предводителями князь Друцкой-Соколинскій, тогдашній смоленскій губернскій предводитель дворянства, представилъ государю записку, которая можетъ разсматриваться, какъ мнѣніе большинства дворянъ, участвующихъ въ обсужденіи даннаго вопроса. По словамъ этой записки, примѣненіе на практикѣ закона 1842 г. парализовалось тѣмъ, что среди крестьянъ распространено мнѣніе, будто „земля Божья и по крайней мѣрѣ общая у нихъ съ помѣщиками". Другимъ препятствіемъ является то, что, при переходѣ въ обязанные, крестьяне лишаются помощи и поддержки помѣщика въ случаѣ различныхъ бѣдствій. Помѣщикамъ же крайне тягостно предоставленіе въ вѣчное пользованіе крестьянамъ значительной части своего имѣнія.

Мальчикъ съ розгами (карт. Венеціанова).

Въ 1849 г. князь Друцкой препроводилъ продолженіе своего труда, въ которомъ ограничивался рекомендаціей самыхъ скромныхъ пожеланій по крестьянскому вопросу въ духѣ Стунѣева и другихъ авторовъ изъ среды смоленскаго дворянства, но въ этой послѣдней запискѣ смоленскаго предводителя ярко проглядываетъ охранительная и даже вполнѣ реакціонная тенденція. Въ Россіи прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ необходимо, дабы землевладѣльцы были обезпечены надлежащимъ количествомъ рабочихъ рукъ. Рабовладѣнія въ Россіи нѣтъ, и крестьяне въ сущности являются настоящими собственниками земли. Владѣніе ихъ землей и безъ права соб-

ственности прочнѣе нежели законныя права помѣщика на всю ихъ землю. Дворянскія имѣнія часто продаются за долги, а крестьяне пользуются землею на которой работали ихъ предки въ теченіе двухъ столѣтій. Реформа, по мнѣнію князя Друцкого, далеко небезопасна и въ полицейскомъ и въ политическомъ отношеніи. Помѣщичья система управленія обезпечиваетъ порядокъ въ странѣ, дѣлая владѣльцевъ отвѣтственными передъ правительствомъ за многіе милліоны людей. Новая же законодательная система можетъ повлечь измѣненіе государственное, т.-е. реформу политическую. Такимъ образомъ, запугивая высшія правительственныя сферы то краснымъ призракомъ народныхъ волненій, то грядущей неизбѣжностью коренныхъ политическихъ преобразованій, представители провинціальнаго дворянства на своихъ частныхъ совѣщаніяхъ отстаивали только интересы своего дворянскаго сословія, рекомендуя самыя скромныя палліативныя мѣропріятія по отношенію къ крѣпостному крестьянству.

Мирясь съ единоличнымъ творчествомъ отдѣльныхъ представителей дворянскаго сословія, правительство безусловно было противъ гласности и публичности въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Такъ, когда въ 1847 г. тульскіе дворяне ходатайствовали о разрѣшеніи образовать губернскій дворянскій комитетъ для выработки общаго по губерніи проекта, то это имъ было воспрещено. Въ 1848 г. почти аналогичный случай имѣлъ мѣсто въ Царскосельскомъ, Ямбургскомъ и Петербургскомъ уѣздахъ. Здѣсь дворяне выбрали особые комитеты для составленія правилъ, регулирующихъ отношенія помѣщиковъ и крестьянъ; но правительство отнеслось весьма неодобрительно къ этому проявленію дворянской самостоятельности. Хотя всѣ эти совѣщанія происходили келейно и выработаннымъ ими правиламъ не предполагали придавать обязательнаго характера, однако министръ внут. дѣлъ въ маѣ 1849 г. потребовалъ рѣшительнаго прекращенія подобнаго рода уѣздныхъ совѣщаній. Это воспрещеніе заниматься тѣмъ, что дворяне, по словамъ ямбургскаго предводителя, считали принадлежащимъ къ существеннымъ законнымъ правамъ и обязанностямъ каждаго дворянина, владѣльца недвижимаго населеннаго имѣнія, крайне ихъ обидѣло, хотя они ему немедленно подчинились.

Съ конца 40 гг. крестьянскій вопросъ снимается съ очереди въ правительственныхъ сферахъ, и императоръ Николай начинаетъ глядѣть на соціальную реформу подъ угломъ зрѣнія тогдашнихъ крѣпостниковъ. Однако и въ эти годы, послѣ измѣненія правительственнаго курса, составлялись отдѣльными дворянами проекты, которые продолжали поступать въ петербургскія министерскія сферы. Такъ, въ 1847 г. рязанскимъ землевладѣльцемъ княземъ Л. Голицынымъ былъ представленъ выкупной проектъ. Авторъ предоставляетъ крестьянамъ въ вѣчное потомственное владѣніе всю землю, находящуюся подъ постройками, выгонами и огородами, и по двѣ десятины пахотной зе-

мли. При выкупѣ принимаются во вниманіе не только стоимость отводимаго участка, но и „помѣщичьи права на поборы и послуги“. Всѣ губерніи подраздѣляются имъ на пахотныя, промышленныя и мѣста на стоверстномъ разстояніи отъ Москвы и Петербурга. Въ первыхъ губерніяхъ земля оцѣнивается по 100 руб. за десятину, во вторыхъ — по 125 руб. и, наконецъ, въ мѣстностяхъ третьяго разряда по 200 руб. за десятину. Выкупъ совершается въ теченіе 47 лѣтъ посредствомъ взноса крестьянами ежегодно 5% въ спеціально учрежденный банкъ, который выдаетъ помѣщикамъ сразу всю сумму 4% облигаціями, за вычетомъ лежащаго на имѣніи долга.

Къ концу 1847 г. относится и проектъ Желтухина, видѣвшаго въ крѣпостномъ правѣ главную причину хозяйственной отсталости Россіи. Безземельное освобожденіе, хотя на него охотно согласились бы помѣщики, крайне опасно, такъ какъ оно, по мнѣнію автора, грозитъ создать 22 милліона пролетаріевъ. Планъ Желтухина состоитъ въ томъ, что всѣ займы, сдѣланные подъ помѣщичьи имѣнія, пересрочиваются на 37 лѣтъ, а незаложенныя имѣнія подвергаются залогу на тотъ же срокъ. Правительство выдаетъ владѣльцамъ ссуду или деньгами или облигаціями. Крестьяне получаютъ небольшіе участки земли, доходъ съ которыхъ равнялся бы величинѣ процентовъ, уплачиваемыхъ ежегодно въ кредитныя учрежденія за ту часть долга, которая приходится по разверсткѣ на крестьянскія земли. Для прокормленія себя крестьяне должны будутъ арендовать часть земли у своихъ бывшихъ владѣльцевъ, такъ что помѣщики, снявъ съ себя всѣ обязательства въ отношеніи крестьянъ, будутъ обезпечены и высокой земельной рентой и дешевыми рабочими руками.

А. Д. Желтухинъ.

Довольно оригинальный проектъ освобожденія крестьянъ составилъ въ 1847 г. графъ Рибопьеръ. Упраздненіе крѣпостного права онъ предлагаетъ произвести посредствомъ рекрутскихъ наборовъ. Срокъ службы можно сократить до 8 лѣтъ и ежегодно брать въ солдаты по 80—100 тысячъ человѣкъ, исключительно изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Отслужившіе, получая безсрочный отпускъ, водворяются на земляхъ ихъ бывшихъ господъ. Изъ этихъ бывшихъ солдатъ образуется сословіе казенныхъ поселенцевъ или фермеровъ, которымъ помѣщикъ обязанъ предоставить полный крестьянскій дворъ, съ необходимымъ количествомъ земли, рабочимъ скотомъ и земледѣльческими орудіями. Какъ сами фермеры, такъ и ихъ потомство пользуются гражданской свободой, а съ помѣщиками они заключаютъ договоръ о пользованіи участкомъ земли на 5 лѣтъ, обязуясь или вносить оброкъ или отбывать опредѣленную

работу. Никакому наказанію фермеръ не можетъ быть подвергнутъ безъ приговора земскаго суда. Свой планъ Рибоньеръ находитъ весьма удобнымъ потому что, во-первыхъ, вся земля укрѣпится болѣе и болѣе за помѣщиками и тѣмъ исчезнетъ въ мысляхъ поселянъ вредное понятіе, будто бы земля ихъ, а не господское достояніе, и, во-вторыхъ, дѣло освобожденія крестьянъ останется въ рукахъ правительства, которое можетъ регулировать его, увеличивая или уменьшая количество набираемыхъ рекрутовъ.

Къ 1848 г. относится и предложеніе князя И. Б. Голицына объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ посредствомъ кредитной операціи. Казна, выпуская кредитные билеты, обезпеченные размѣномъ на золото или серебро, будетъ скупать помѣщичьи имѣнія, доходы съ которыхъ пойдутъ на погашеніе кредитнаго капитала. Эту мѣру прежде всего надо примѣнять къ имѣніямъ, продающимся съ аукціона, чтобы сохранить „честь, спокойствіе и средства къ существованію многихъ дворянъ“.

Рязанскій помѣщикъ А. И. Кошелевъ въ 1850 г. подаетъ проектъ объ освобожденіи принадлежащихъ ему крестьянъ, со всей находящейся въ ихъ пользованіи землею и съ выдачей ему выкупа за счетъ казны по 100 руб. за десятину.

Однимъ изъ послѣднихъ дворянскихъ проектовъ по крестьянскому вопросу при Николаѣ I была записка князя Л. Голицына, составленная въ 1852 г., объ учрежденіи правительственнаго заемнаго банка. При залогѣ въ немъ помѣщичьихъ имѣній, владѣльцы получаютъ „заручныя письма“ или облигаціи по расчету 120—160 руб. на душу. Эти облигаціи погашаются банкомъ въ 41 годъ, посредствомъ ежегодныхъ лотерей. Закладывая имѣнье, помѣщикъ заключаетъ съ крестьянами условіе, отводя имъ землю въ размѣрѣ 2—3 десятинъ на душу. До окончательнаго погашенія облигацій власть помѣщика остается въ полной силѣ. По выкупѣ заручныхъ писемъ крестьяне, превратившись въ вольныхъ, получаютъ на вѣчномъ арендномъ правѣ отъ помѣщика пахотную землю и усадьбу. Если крестьяне пожелаютъ пріобрѣсти въ собственность арендуемый участокъ, то должны внести помѣщику по 150—200 руб. съ души, при покупкѣ ея цѣлымъ міромъ, и по 300—500 руб. при выкупѣ земельнаго участка единичнымъ крестьяниномъ. Такимъ путемъ, по словамъ автора проекта, достигнуто будетъ и освобожденіе крестьянъ и обезпеченіе навсегда земельнымъ владѣніемъ всего населенія безъ покушенія на право собственности.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Николая I наступаетъ глухая пора въ разработкѣ крестьянскаго дѣла, и въ періодъ этого затишья передъ бурями и грозами крымской кампаніи въ обществѣ начинаютъ даже циркулировать феодально-реакціонныя записки, направленныя къ расширенію сферы крѣпостного права и къ усиленію дворянской власти на мѣстахъ.

Длинный рядъ проектовъ, вереницей прошедшихъ передъ нами на предшествующихъ страницахъ, ярко вскрываетъ одинъ фактъ. Тотъ хозяйственный кризисъ, который переживала крѣпостная Россія первой половины XIX в., лучше всякихъ отвлеченныхъ соображеній доказывалъ необходимость освобожденія рабочей массы отъ гнета феодально-крѣпостного режима. Съ каждымъ годомъ капиталистическія отношенія все глубже и глубже проникали въ русскій народно-хозяйственный организмъ, подмывая обветшалые устои стараго сословно-дворянскаго уклада жизни. Если идеологамъ-гуманистамъ отмѣна крѣпостного права представлялась

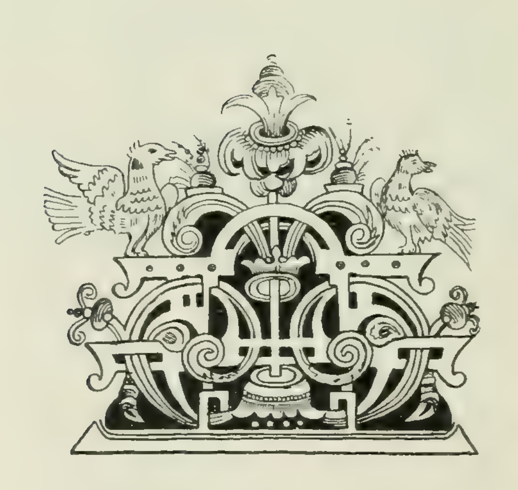

Сельскій праздникъ на Святой. (Волжскіе типы. Рис. Рыбинскаго, 1857 г.).

необходимой изъ соображеній отвлеченно-моралистическихъ, то люди практики, дѣльцы, преслѣдовавшіе свои хозяйственныя выгоды, смотрѣли на этотъ вопросъ подъ инымъ угломъ зрѣнія. Въ освобожденіи себя отъ дарового въ идеѣ, но весьма дорогого на практикѣ крѣпостного труда, они усматривали основную хозяйственную потребность даннаго историческаго момента и это сознаніе необходимости перехода къ новому порядку вещей во имя спасенія своего сословнаго преобладанія красной нитью проходитъ черезъ всѣ изученныя нами произведенія дворянскаго творчества. Видя надвигающійся грозный призракъ новыхъ хозяйственныхъ отношеній, дворяне лихорадочно брались за перо, составляли записки и проекты, стараясь направить

могучій [illegible] потокъ въ русло своихъ сословныхъ вожделѣній. Однако назрѣвшій историческій процессъ нельзя было остановить бумажной плотиной дворянскихъ проектовъ. Жизнь властно требовала перехода къ иному хозяйственному строю, и неудачи крымской войны, выдвинули на первый планъ потребность въ коренныхъ преобразованіяхъ. Феодально - сословныя вожделѣнія, учитывавшія лишь свои хозяйственныя выгоды, должны были уступить мѣсто въ началѣ царствованія Александра II инымъ общественнымъ вѣяніямъ. Разгромъ нашей арміи и гибель морскихъ силъ ярко обнаружили, что крѣпостной строй изжилъ самого себя. Во второй половинѣ 50 гг. пробудились живыя общественныя силы, и изъ среды провинціальнаго дворянства вышло много замѣчательныхъ для своего времени записокъ. Онѣ окончательно подготовили общественное мнѣніе къ необходимости немедленнаго и рѣшительнаго проведенія въ жизнь великой реформы.

В. Бочкаревъ.

Салонъ кн. С. А. Волконской.

Салонъ кн. Волконской (урожд. кн. Бѣлосельской) былъ однимъ изъ наиболѣе популярныхъ въ Москвѣ въ 20 гг. Хозяйка превратила свой домъ въ „настоящую академію наукъ и искусствъ". Здѣсь бывалъ: Пушкинъ, Мицкевичъ, Чаадаевъ и будущіе славянофилы: Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ и др.

Славянофилы и западники о крѣпостномъ правѣ.

I. Славянофилы.

В. Я. Уланова.

I.

Не мы ли были самыми усердными поборниками освобожденія крестьянъ, и притомъ съ надѣленіемъ ихъ въ большихъ по возможности размѣрахъ землею?—съ такимъ вопросомъ, выражающимъ увѣренность въ своихъ заслугахъ, обращается въ посмертныхъ „Запискахъ" А. И. Кошелевъ отъ лица вымершаго почти въ то время славянофильскаго кружка къ противникамъ славянофильства. Насколько Кошелевъ имѣлъ право приписывать своему кружку такую заслугу, мы выяснимъ, разсмотрѣвши личный составъ кружка и отношеніе его членовъ къ крѣпостному праву.

Славянофиловъ, отъ лица которыхъ говоритъ Кошелевъ, нельзя смѣшивать съ людьми, которые, по словамъ Чернышевскаго, „прикрывали пустоту и кичливость своихъ мнѣній напыщенными родомонтадами на отрывочныя

и непонятныя мысли, заимствованныя напрокатъ у славянофиловъ", и которые изливали потоки своего офиціальнаго націонализма въ „Москвитянинѣ" и „Руси". „Нашъ кружокъ, — говоритъ Кошелевъ, — составился не искусственно не съ предварительно опредѣленною какою-либо цѣлью, а естественно, самъ собою, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и видовъ. Люди, одушевленные одними чувствами къ наукѣ и къ своей странѣ, движимые потребностью... мыслить и жить самобытно и связанные взаимною дружбою и пребываніемъ въ одномъ и томъ же городѣ — въ сердцѣ Россіи, — эти люди видались ежедневно, обсуживали сообща возникавшіе вопросы, дѣлили другъ съ другомъ и общественныя радости (которыхъ было очень мало) и общественное горе (котораго было въ избыткѣ), и такимъ образомъ, незамѣтно даже для самихъ участниковъ, составился кружокъ единодушный и единомысленный. Онъ составился такъ незамѣтно, что нельзя даже приблизительно опредѣлить года его нарожденія. Онъ имѣлъ вліяніе сперва слабое, а потомъ все болѣе и болѣе дѣйственное не только въ литературѣ, но и въ общественной, даже въ политической жизни Россіи"... Душою этого кружка былъ А. С. Хомяковъ; другими видными его представителями, кромѣ Кошелева, являются братья Кирѣевскіе, Ю. Ѳ. Самаринъ, братья Аксаковы; Шевыревъ и Погодинъ были только „собесѣдниками", слишкомъ офиціальными приспособленцами, чтобы по существу раздѣлять задушевныя исповѣданія этого кружка. Гораздо болѣе содѣйствовали выясненію этихъ исповѣданій люди, которые вовсе не раздѣляли общихъ славянофильскихъ убѣжденій, но часто и охотно принимали участіе въ бесѣдахъ съ ними. „Такими были, — по сообщенію Кошелева, — Чаадаевъ, Грановскій, Герценъ, Н. Ф. Павловъ и нѣкоторые другіе умные и замѣчательные люди". Вопросы религіи, народности и націонализма, направленіе науки и культуры, общественныя и государственныя явленія современности, — все это служило предметомъ горячихъ споровъ и бесѣдъ, послѣ которыхъ участники „расходились по большей части другъ другомъ недовольные" (Кошелевъ); но былъ вопросъ, который вновь и вновь притягивалъ другъ къ другу этихъ расходившихся во многомъ идейныхъ бойцовъ, устанавливая мостъ между ними: „всѣ мы, — говоритъ Кошелевъ, — ощущали и сознавали необходимость прекращенія разрыва интеллигенціи съ народомъ, — разрыва, вреднаго для обоихъ, равно ихъ ослаблявшаго и пре-

И. В. Кирѣевскій. (Выст. Бѣл.).

пятствовавшаго самостоятельному развитію Россіи". Эти убѣжденія вызывали, вполнѣ естественно, разговоры объ эмансипаціи, какъ ближайшемъ средствѣ слiянія этихъ двухъ стихій русскаго общества, и вполнѣ понятно, что съ этой стороны къ славянофиламъ примыкали люди, которые не раздѣляли другихъ ихъ убѣжденій, видѣли въ нихъ соратниковъ въ борьбѣ съ крѣпостничествомъ. Таковы были, между прочимъ, кн. В. А. Черкасскій, выдающійся дѣятель по освобожденію крестьянъ. Въ журналѣ Кошелева отъ 12 марта 1850 г. мы читаемъ: „Всѣ эти дни по вечерамъ бывалъ въ бесѣдахъ съ моими пріятелями; главный предметъ разговора была эмансипація. Понятія уясняются. Необходимо составить союзъ между людьми благонамѣренными, безъ чего это дѣло не двинется. 17 марта. Въ четвергъ 15 и въ пятницу 16 провели мы вечера: первый у Хомякова, а второй у кн. Черкасскаго, и единственный разговоръ былъ — уничтоженіе крѣпостного права". Вечеромъ 20 февр. 1855 г. послѣ присяги новому императору „Хомяковъ, Ив. Кирѣевскій и еще нѣсколько пріятелей собрались у насъ (Кошелевыхъ), и мы съ надеждами выпили за здоровье новаго императора и отъ души пожелали, чтобы въ его царствованіе совершилось освобожденіе крѣпостныхъ людей и созывъ общей земской думы"... (Записки Кошелева). Чѣмъ ближе къ реформѣ, тѣмъ больше доминируетъ вопросъ о крѣпостномъ правѣ въ бесѣдахъ и письмахъ славянофиловъ, тѣмъ рельефнѣе „уясняются понятія", подготовляя убѣжденныхъ и глубоко освѣдомленныхъ въ вопросѣ общественныхъ дѣятелей, которые перенесли свои бесѣды и споры изъ гостиныхъ на столбцы журналовъ, созданныхъ ими же для пропаганды воззрѣній кружка: „Московскій Сборникъ" (1852 г.), „Русская Бесѣда" (1856 г.), выдѣлившая изъ себя спеціально посвященный эмансипаціи органъ „Сельское Благоустройство" (1858 г.), „Молва" (1857 г.) и „Парусъ" (1859 г.) являются недолговѣчными, но яркими свидѣтелями общественной реализаціи выработанныхъ кружкомъ воззрѣній по занимающему насъ вопросу. Содержаніе этихъ журналовъ, равно какъ проекты, письма и напечатанныя въ свое время статьи славянофиловъ, помогутъ и намъ безпристрастно уяснить тотъ солидный вкладъ, который внесенъ былъ въ крестьянскую реформу кружкомъ славянофиловъ.

П. В. Кирѣевскій. (Выст. Бѣл.).

II.

Время выработки опредѣленныхъ славянофильскихъ воззрѣній и приложенія ихъ къ практической дѣятельности совпадаетъ съ порой, когда жизнь шла такимъ стихійно-быстрымъ темпомъ, что передовые взгляды, высказанные

сегодня прослыть отсталыми на завтрашній день. Кошелевъ, хвастававшійся тѣмъ, что представленныя имъ въ Петербургѣ записки объ освобожденіи крестьянъ даже въ „редакціонной комиссіи, по отзывамъ членовъ комитета и [illegible], оказались самыми радикальными“, уже послѣ поѣздки за границу долженъ былъ сознаться, что его „радикализмъ остался таковымъ не на долгое время, вскорѣ онъ былъ значительно превзойденъ, и меня чуть-чуть не зачислили въ отсталые“, писалъ авторъ „Записокъ“. Это быстрое движеніе впередъ происходило не только въ цѣломъ обществѣ, но и въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ лицъ. Кн. В. А. Черкассkій, проектъ котораго былъ несравненно умѣреннѣе Кошелевскаго, поработавъ въ редакціонной комиссіи, уже видитъ въ „радикальныхъ“ воззрѣніяхъ Кошелева „пасквиль па труды редакціонной комиссіи“ и расходится съ прежнимъ своимъ соратникомъ по губернскимъ комитетамъ.

Вырабатывавшіеся въ кружкѣ теоретическіе взгляды на крѣпостное право и реформу, какъ живое явленіе своего времени, не могли отвердѣть и принять строго опредѣленную форму, во всѣхъ своихъ основаніяхъ и выводахъ подобно взглядамъ славянофиловъ въ религіозной, исторической, политической и др. областяхъ, гдѣ теорія на досугѣ въ союзѣ съ діалектикой осиливала мертвый фактъ и часто насильно дѣлала его своей опорой.

Въ крестьянскомъ вопросѣ, наоборотъ, выработанныя кружками теоретическія воззрѣнія приходилось прилагать къ текучей дѣйствительности, неотразимо вливавшей въ сознаніе все новыя и новыя данныя, ранѣе непредусмотрѣнныя и властно переставлявшія теоретическую позицію дѣятелей.

Поэтому говорить о славянофильскихъ общихъ воззрѣніяхъ на крестьянскій вопросъ, какъ о какой-то строгой, послѣдовательной и всѣми кружками признаваемой программѣ, не приходится; мы ограничимся выясненіемъ самыхъ общихъ воззрѣній, раздѣляемыхъ почти всѣми членами кружка или видными его группами, и выдѣлимъ тѣ особыя мнѣнія отдѣльныхъ славянофиловъ, которыя вышли изъ основныхъ воззрѣній этой школы и были творчески-дѣйственными мыслями въ подготовкѣ крестьянской реформы.

Однимъ изъ главныхъ членовъ славянофильскаго символа вѣры былъ культъ народа. Ив. Аксаковъ и кн. Черкасскій любили иной разъ благодушно подшучивать „надъ народомъ-кумиромъ, коему, по ихъ мнѣнію, поклонялись Хомяковъ и К. Аксаковъ“; но и другіе члены кружка orbi et urbi исповѣдывали свою вѣру въ народъ, какъ опору матеріальнаго и нравственнаго величія Россіи, если не въ настоящемъ, такъ въ будущемъ. Тотъ же кн. Черкасскій, при мысли о „вожделѣнномъ для Россіи днѣ“ освобожденія крестьянъ, впадаетъ въ лирическій тонъ предвидѣнія въ сочиненіи, поданномъ въ университетѣ на золотую медаль. „Тогда, — восклицаетъ онъ, — снова процвѣтетъ славянская волость временъ древнѣйшихъ, процвѣтетъ возвышенная и облагороженная тысячелѣтнимъ развитіемъ гражданственности. О, какъ

блистательно разовьется тогда привольная русская жизнь, русскій эпосъ!..“ Передовыя статьи „Молвы“, написанныя К. Аксаковымъ, были восторженнымъ гимномъ народу.

Въ статьѣ „Опытъ синонимовъ—Публика и Народъ“ К. Аксаковъ оставляетъ рабскій языкъ и проводитъ рѣшительную грань между „публикой“ и „народомъ“. Этотъ опытъ стоилъ „Молвѣ“ жизни. Статья вызвала переполохъ въ офиціальныхъ кругахъ. Графъ П. Х. Граббе по прочтеніи этой статьи опредѣлилъ ея значеніе въ такихъ выраженіяхъ: „Статья „Публика и Народъ“—это зажженный пальникъ, брошенный въ пороховой погребъ; это болѣе, чѣмъ ошибка въ наше взволнованное время“...

Исходя изъ столь необычнаго для рабовладѣльческаго общества взгляда на простой народъ, славянофилы, вполнѣ естественно, не могли мириться съ безправнымъ рабскимъ положеніемъ своего „кумира“ и очень недвусмысленно всюду и вездѣ, съ рискомъ для себя, выражали свое рѣзкое осужденіе крѣпостного права въ Россіи. По мнѣнію Хомякова, высказанному имъ въ кружкѣ еще въ 1839 г., „крѣпостное право—это наглое нарушеніе всѣхъ правъ... Никто изъ насъ,—писалъ онъ,—не можетъ вспомнить безъ горя о томъ, что законъ согласился принять на себя отвѣтственность за мерзость рабства, введеннаго уже обычаемъ“. Возмущался въ своемъ „Парусѣ“ этою „современною мерзостью“ и И. С. Аксаковъ; къ числу „внутреннихъ язвъ Россіи“ относилъ „крѣпостное состояніе“ К. С. Аксаковъ въ своей „Запискѣ о внутреннемъ состояніи Россіи“, представленной въ 1855 г. Александру II. Такая квалификація крѣпостного права не была легкимъ терминомъ салоннаго либерала или грубой фразой неотесаннаго литератора: въ устахъ очень чуткихъ и разборчивыхъ, въ языкѣ славянофиловъ выраженія „крѣпостное право—это наглое нарушеніе всѣхъ правъ, мерзость и язва“—вполнѣ отвѣчали ихъ чувствамъ и убѣжденнымъ взглядамъ на крѣпостное состояніе обожаемаго ими народа. Къ этому взгляду привели ихъ: историческія изысканія, практическіе выводы изъ Евангелія, сознаніе паразитнаго положенія дворянства на народномъ тѣлѣ и экономическія соображенія.

М. П. Погодинъ (портр. у Барсукова).

Славянофилы усердно занимались изученіемъ русскихъ древностей и на свои историческія занятія смотрѣли, какъ на подготовительное средство къ дѣятельности по освобожденію крестьянъ. „Къ чему же было все дѣло наше,

все изученіе русскихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства?" съ горечью восклицаетъ Аксаковъ, упрекая Черкасскаго въ отступленіи отъ славянофильскихъ взглядовъ на общину—міръ, выразившемся въ участіи по составленію доклада административной комиссіи объ общинѣ.

Взглядъ на исторію у славянофиловъ былъ публицистическій: въ ней они искали во что бы то ни стало оправданія своимъ воззрѣніямъ, извлекая изъ старины все, на что бы они могли опереться, и, дѣйствительно, на ряду съ притянутыми за волосы фактами, имъ удавалось по живымъ слѣдамъ современности нащупать въ древности незамѣченныя современными историками стороны жизни; ими былъ поставленъ цѣлый рядъ историко-юридическихъ вопросовъ и во многомъ, если не доказанъ научно, то талантливо предвосхищенъ и намѣченъ путь къ ихъ разрѣшенію.

Споръ К. Аксакова и Хомякова съ С. М. Соловьевымъ вполнѣ подтверждаетъ сказанное нами объ историческихъ воззрѣніяхъ славянофиловъ.

„Исторія Россіи Соловьева, — говоритъ Хомяковъ, — разсказываетъ не исторію Россіи, даже не исторію государства русскаго, а только исторію государственности въ Россіи, во сколько этотъ разсказъ подготовленъ другими изслѣдователями и отчасти имъ самимъ. Это сборъ офиціальныхъ столбцовъ исторической лѣтописи, подведенной подъ нѣкоторую систему. Должно прибавить, что есть и неофиціальная часть, слишкомъ мало обдѣланная; но она не связана никакою живою связью съ офиціальнымъ отдѣломъ".

Живые вопросы современности въ историческихъ изысканіяхъ славянофиловъ были одинаково источникомъ ихъ заблужденій и открытій. Если Соловьевъ для разрушенія славянофильскихъ миражей въ допетровской Руси безпощадно отвлекалъ отъ современнаго кумира его неприглядныя свойства для характеристики ими Руси Московской, то славянофилы старались объяснить изъяны современнаго кумира неосторожнымъ обращеніемъ съ его свойствами дубины „августѣйшаго цырюльника отечества" (Петра) и въ допетровской Руси искали желаннаго образа и пути, по которому должна была направить свой бѣгъ самобытная Русь. Но занимаясь изученіемъ историческихъ источниковъ Московской Руси, славянофилы натолкнулись на бывшее въ то время въ ходу обвиненіе Бор. Годунова въ прикрѣпленіи крестьянъ, въ которомъ „августѣйшій цырюльникъ отечества", видимое дѣло, былъ неповиненъ. И славянофилы конфузливое затрудненіе обошли ловкимъ адвокатскимъ ходомъ. К. Аксаковъ какъ-то мимоходомъ, въ скобкахъ, отмахивается отъ этого пренепріятнаго вопроса. Въ статьѣ „О состояніи крестьянъ въ древней Россіи" онъ говоритъ: „Послѣ укрѣпленія крестьянъ (крѣпостное состояніе до Петра вовсе не было такимъ, каково оно нынѣ), крестьяне не утратили ни правъ своихъ, ни устройства Они лишь не переходили съ земли на землю. Устройство крѣпостныхъ крестьянъ (до Петра) было вполнѣ общинное, такое же, какъ и некрѣпостныхъ... Замѣчательно,

что право законнаго перехода встрѣчается почти до (?) самаго Петра“, радостно хватается за соломинку утопающій защитникъ допетровской Руси.

Хомяковъ вынужденъ былъ, подъ вліяніемъ доводовъ западниковъ, посмотрѣть правдѣ въ глаза открыто. „Крѣпостное состояніе крестьянъ введено Петромъ Первымъ; но,—отступаетъ Хомяковъ,—когда вспомнимъ, что они не могли сходить съ своихъ земель, что даже отлучиться безъ позволенія они не смѣли, что судъ былъ далеко, въ Москвѣ, въ рукахъ помѣщиковъ, что противники ихъ были всегда богаче и выше ихъ...—не поймемъ ли мы, что рабство крестьянъ существовало въ обычаѣ, хотя не было признано закономъ, и что отмѣна холопьяго приказа не могла произвести ни потрясеній, ни бунтовъ и должна была казаться практическому уму Петра простымъ уничтоженіемъ ненужнаго... присутственнаго мѣста. Конечно, никто изъ насъ не можетъ вспомнить безъ горя о томъ, что законъ согласился принять на себя отвѣтственность за мерзость рабства, введеннаго уже обычаемъ, что законъ освятилъ и укоренилъ давно вкрадывавшееся злоупотребленіе аристократіи!“.. Такимъ образомъ, выяснивши степень вины Петра и Московской Руси въ укрѣпленіи крестьянъ, славянофилы не успокоились и занялись отыскиваніемъ смягчающихъ обстоятельствъ для послѣдней.

Комната въ домѣ А. П. Оленина въ его имѣніи „Пріютино“.

Въ результатѣ—рядъ цѣнныхъ поправокъ къ сложившемуся представленію о прикрѣпленіи крестьянъ въ Московской Руси. Таковъ, напр., взглядъ Хомякова на отмѣну Юрьева дня, подготовленную обычными отношеніями и завоеваніями, а не злою волей Годунова, желавшаго угодить служилымъ людямъ. Таково уясненіе К. Аксаковымъ понятія „бѣглыхъ крестьянъ“, которыми при существованіи права перехода даже при Михаилѣ Өедоровичѣ считались тѣ, которые не соблюдали условій и правилъ перехода.

Не оправдывая по возможности вину Московской Руси въ закрѣпощеніи крестьянъ славянофилы пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы привести выводы изъ исторіи крѣпостного права къ выясненію „наглаго нарушенія имъ всѣхъ правъ“ и подготовить историко-юридическую почву къ его отмѣнѣ. Говоря о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ въ Московской Руси, К. Аксаковъ подчеркиваетъ, какъ положительную сторону этого зла, то, что прикрѣпленные къ землѣ крестьяне „поняли населенную и обработанную ими постоянно землю, какъ свою собственность, какъ собственность общины,— убѣжденіе (справедливое), — подчеркиваетъ К. Аксаковъ, — твердо существующее и доселѣ у нашихъ крѣпостныхъ и некрѣпостныхъ крестьянъ“...

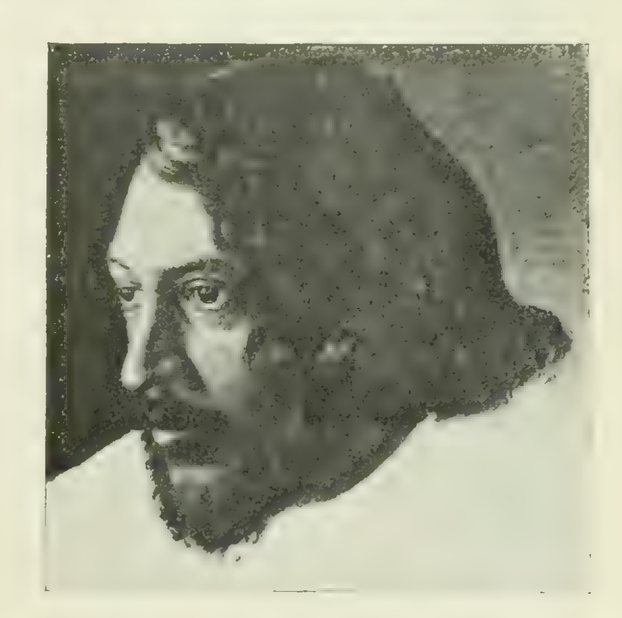
Такъ въ занятіяхъ исторіей славянофилы черпали и убѣжденіе въ „наглости крѣпостного права“ и сильную аргументацію за отмѣну его. Во многомъ они были не правы безсознательно, дѣлали иногда и сознательныя натяжки ради укрѣпленія „живыхъ великихъ вопросовъ“ современности.

Въ большинствѣ случаевъ, люди вѣрующіе, но вѣрующіе „испытующе“ и дѣятельно, славянофилы и въ христіанскомъ ученіи находили аргументы противъ „мерзости“ рабовладѣльчества. „Говоря относительно,—пишетъ Хомяковъ,—рабовладѣлецъ всегда бываетъ развращенъ болѣе, чѣмъ рабъ: христіанинъ можетъ быть рабомъ, но не долженъ быть рабовладѣльцемъ... Въ краяхъ, гдѣ рабство еще существуетъ, память объ этой великой истинѣ должна быть присуща сознанію всѣхъ людей и устремлять ихъ мысли къ рѣшенію общественнаго вопроса, который, какими бы затрудненіями онъ ни былъ обставленъ, не можетъ быть не рѣшенъ“...

Кошелевъ также исходитъ изъ ученія Христова о братствѣ христіанъ въ своихъ отрицательныхъ воззрѣніяхъ на крѣпостное право. „Стыдно и не понятно,—читаемъ мы въ дневникѣ Кошелева,—какъ мы можемъ называть себя христіанами и держать въ рабствѣ своихъ братьевъ и сестеръ. Господинъ не можетъ быть христіаниномъ; господство и христіанство не могутъ существовать. Уничтоженіе рабства надобно главнѣйше основать на Христовомъ ученіи о братствѣ“. Больше того, для Кошелева представляется несовмѣстимымъ ученіе Христа съ христіанствомъ, освящающимъ въ жизни рабство. „Ученіе Христово должно перейти въ жизнь; вѣра и жизнь должны заключить союзъ навѣки... Ученіе Христово должно совершенно измѣнить всѣ общественныя отношенія, правила и удовольствія. Или Христово ученіе есть ложь, или всѣ мы жестокіе наглецы, называя себя христіанами“...

Впрочемъ, болѣе трезвые славянофилы не надѣялись въ офиціальномъ православіи найти поддержку своимъ взглядамъ на рабовладѣльчество. И. С. Аксаковъ писалъ Кошелеву: „Я уже видѣлъ многихъ (и именно въ Петербургѣ), обращенныхъ къ христіанству чтеніемъ La case de l'oncle Tom, и не видѣлъ еще ни одного, обращеннаго проповѣдями Филарета“.

Для такихъ славянофиловъ, какъ И. С. Аксаковъ, достаточно было прислушаться къ собственному голосу совѣсти, проникнутой неофиціальнымъ, „жизненнымъ христіанскимъ элементомъ“, чтобы сознать всю щекотливость своего соціальнаго положенія. Ив. Аксаковъ искренно тяготился, что ему приходится быть паразитомъ на крѣпостномъ тѣлѣ крестьянства. „Оставивъ службу,—писалъ Аксаковъ министру графу Перовскому,—я увидѣлъ себя въ положеніи, еще болѣе непріятномъ: мнѣ приходилось жить на чужой счетъ, т.-е. на счетъ своихъ крестьянъ“. Сознаніе этого заставляло И. С. Аксакова чувствовать свой долгъ передъ народомъ, свою обязанность отдавать всѣ силы своего духа на пользу этому народу настолько, что даже занятіе поэзіей ему казалось измѣной народному дѣлу.

А. С. Хомяковъ.
(Съ портр., прилож. къ сочин.).

Тяготясь своимъ личнымъ отношеніемъ къ крѣпостному праву, И. Аксаковъ не щадилъ крѣпостниковъ, не чувствовавшихъ ложности своего положенія.

Арестованный въ 1849 году по дѣлу Самарина, И. С. Аксаковъ на предъявленные ему Третьимъ Отдѣленіемъ вопросы писалъ съ беззавѣтною откровенностью, зная, что написанное имъ будетъ прочитано „первымъ дворяниномъ въ Россіи“: „Дворянство совершенно оторвалось отъ народа, присвоивъ своей жалкой цивилизаціи право: не вѣрить, когда онъ вѣритъ; не соблюдать уставы церкви, имъ соблюдаемые; не знать языка, которымъ онъ говоритъ; забыть свою исторію и преданія и глядѣть на него только какъ на удобный матерьялъ къ извлеченію изъ него доходовъ [1]). Говорю откровенно,—продолжаетъ И. Аксаковъ,—противно мнѣ было смотрѣть [2]) на какого-нибудь износившагося въ пустой и развратной жизни франта, владѣтеля цѣлыхъ десятковъ тысячъ душъ крестьянъ, которые въ потѣ лица работаютъ кротко и усердно на удовлетвореніе бездушной роскоши своего господина. А господинъ этотъ полонъ глубокаго презрѣнья къ „грубому и невѣжественному мужику“, не умѣетъ безъ ошибокъ подписывать своего имени“...

---

[1]) Николай Павловичъ на память противъ подчеркнутыхъ имъ словъ написалъ: «Справедливаго много, хотя, слава Богу, не въ общемъ примѣненіи».

[2]) Противъ подчеркнутыхъ словъ государь написалъ: «Очень понятно!»

Любопытенъ отвѣтъ, данный Кошелевымъ въ своемъ проектѣ противникамъ крѣпостного права, застращивавшимъ, что крестьяне безъ надзора помѣщиковъ впадутъ въ бѣдность и развратъ. „Нѣтъ,—заявляетъ Кошелевъ,—это условіе винить въ лѣни и безпечности грѣшно вообще и въ особенности намъ, проводящимъ жизнь большею частью въ бездѣльѣ и удовольствіяхъ и рѣдко передающимъ родовое достояніе дѣтямъ нашимъ“ [1]).

Но не по однимъ нравственнымъ побужденіямъ ратовали славянофилы противъ „мерзости крѣпостного состоянія“. Тяжелымъ оно имъ казалось и по экономическимъ соображеніямъ. Противопоставляя спорость свободнаго труда невыгодѣ подневольнаго, славянофилы во всеуслышаніе заявляли, что „любовь къ труду и забота о самихъ себѣ—это качества свободныхъ людей, вытекающія изъ драгоцѣннѣйшаго для человѣка блага — права располагать самимъ собою“. Проповѣдь отмѣны крѣпостного права, подъ видомъ доказательства выгодности для работодателей свободнаго труда надъ подневольнымъ, раздалась изъ устъ славянофиловъ довольно рано.

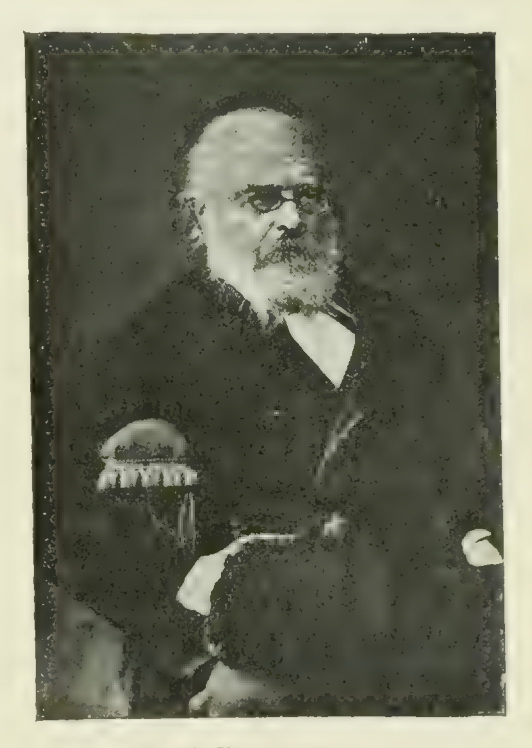
Уже въ 1847 г. въ „Земледѣльческой Газетѣ“ была напечатана смѣлая по тому времени статья Кошелева въ защиту свободнаго труда: „Добрая воля спорѣе неволи“. „Успѣхъ большею частью увѣнчиваетъ наши усилія; почему?—Потому именно, что мы все это дѣлаемъ добровольно, что мы имѣемъ въ виду достиженіе нашей цѣли и работаемъ для себя. Какъ тяжело всякое принужденіе! Сидора мы назначаемъ въ повара, Андрея — въ лакеи, Гаврилу—въ портные и такъ далѣе, между тѣмъ какъ они, быть-можетъ, имѣютъ наклонности къ совершенно инымъ занятіямъ. И мы еще удивляемся, что у насъ мастеровые умѣютъ только перенимать и ничего не выдумываютъ и не улучшаютъ! Мы ставимъ въ примѣръ нѣмцевъ, англичанъ, которые постоянно доводятъ до большого совершенства всѣ ремесла, которыми они занимаются. Да, разница тутъ велика. Они посвящаютъ себя тому, чему хотятъ; добрая воля развиваетъ ихъ умъ съ дѣтства; они хлопочутъ, трудятся — для себя, а не для другого. Взглянемъ на барщинскую работу. Придетъ крестьянинъ сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколько возможно чаще и дольше, а работаетъ сколь возможно меньше, — ему не дѣло дѣлать, а день убить. Съ этою работою сравните теперь работу артельную, даже работу у хорошаго подрядчика. Здѣсь все горитъ: матеріаловъ не наготовишься; времени проработаютъ они менѣе барщинскаго крестьянина, отдохнутъ они болѣе его; но надѣлаютъ они вдвое, втрое. Отчего? — Охота пуще неволи. Войдите въ мануфактуру, гдѣ работаютъ по наряду, даже гдѣ въ видѣ поощренія дается нѣкоторая задѣльная плата. Что вы тамъ найдете? Инструменты непремѣнно въ худомъ видѣ, ибо работники ихъ не берегутъ, они за нихъ не отвѣчаютъ; можно этихъ лю-

---

[1]) Кошелевъ, «Записки», прилож., стр. 63.

дей наказать, но нельзя прогнать. По этой же самой причинѣ работа производится и трудно и неотчетливо; что же касается до сработаннаго количества, то вѣрно едва вполовину противъ вольнаго работника.—Какая разница войти въ мануфактуру, истинно на коммерческой ногѣ устроенную! Какъ тамъ одинъ передъ другимъ боится переработать, такъ тутъ они другъ друга одушевляютъ и подстрекаютъ. Вычетъ заставляетъ каждаго, строже всякаго надсмотрщика, наблюдать за чистотой работы. Собственная выгода будитъ его до свѣта и освѣщаетъ ему вечеромъ. Охота пуще неволи... Одна привычка, одна восточная (не хочу сказать сильнѣе) лѣнь удерживаетъ насъ въ освобожденіи себя отъ крѣпостныхъ людей. Почти всѣ мы убѣждены въ превосходствѣ труда свободнаго передъ барщинскою работою, вольной услуги передъ принужденною,—а остаемся при худшемъ, зная лучшее. Многое можно сказать на счетъ невозможности теперь превратить нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ обязанные, но что удерживаетъ насъ всѣмъ дворовымъ людямъ, на основаніи указа 12 іюня 1844 г., дать отпускныя съ заключеніемъ съ ними обязательствъ? Пусть люди благонамѣренные примутся за дѣло дружнѣе, и тогда, вѣрно, отсталыхъ будетъ немного".

А. И. Кошелевъ.
(Портр. къ „Запискамъ").

Черезъ десять лѣтъ послѣ напечатанія этой осторожной статьи въ „Молвѣ" К. Аксаковъ поднялъ тотъ же вопросъ съ большимъ паѳосомъ, хотя и выражался, въ силу необходимости, рабскимъ языкомъ:

„Благословенъ трудъ,—писалъ Аксаковъ въ передовой статьѣ 23 августа,—и да всякій совершаетъ его всею свободною совокупностью силъ своихъ! Не всѣмъ, однако, людямъ данъ удѣлъ вольнаго труда. Мы видимъ, напримѣръ, въ Америкѣ негровъ, работающихъ скованными руками, совершающихъ тяжелый невольничій трудъ. Мы видимъ это, и сердце наше скорбитъ... Трудъ святъ и воленъ по существу своему. Вольный трудъ споръ и плодоносенъ; съ нимъ миръ и спокойствіе. Твердо уповаемъ, что Господь благословитъ и всѣхъ людей своихъ благословеніемъ вольнаго труда".

Въ дальнѣйшемъ, когда славянофилы отъ „отвлеченныхъ и риторическихъ фразъ" перешли къ дѣятельному участію въ осуществленіи „несбы-

точныхъ мечтаній", то они основывались уже на данныхъ опыта и съ цифрами въ рукахъ.

Въ своихъ замѣчательныхъ проектахъ (Хомяковъ и Кошелевъ) и въ редакціонной комиссіи (кн. В. А. Черкасскій) проводили мысль о необходимости отмѣны барщины, невыгодной ни для помѣщиковъ и фабрикантовъ, ни для крестьянъ, ни для государства [1]).

III.

Помимо всесторонняго уясненія безнравственности и матеріальной невыгоды крѣпостного права и смѣлой пропаганды этого воззрѣнія въ прессѣ, среди знакомыхъ и въ „сферахъ" черезъ подачу проектовъ,—честь, которую славянофилы раздѣляли съ нѣкоторыми другими направленіями среди русской интеллигенціи, большою заслугою славянофильскаго кружка или, лучше сказать, небольшой группы его является теоретическая разработка вопроса объ общинномъ началѣ русской жизни и примѣненіи этого начала въ крестьянской реформѣ.

Споръ, поднятый въ печати между западниками и славянофилами объ историческихъ началахъ древней Руси, привелъ къ тому, что славянофилы, оспаривая родовую теорію Соловьева и его сторонниковъ, выставили въ противовѣсъ ей общинный бытъ, который будто бы являлся основою русскаго общественнаго устройства во всѣ періоды жизни Россіи, и въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ стали подыскивать характерныя черты этого быта въ допетровскій періодъ такъ же, какъ и вскрывать признаки его жизни „подъ колпаками крѣпостного права". Славянофиламъ въ этомъ спорѣ удалось не только выпукло поставить вопросъ, но и многое сдѣлать къ положительному его разрѣшенію въ томъ видѣ, какъ онъ стоитъ въ современной историко-юридической литературѣ.

Когда среди сторонниковъ освобожденія крестьянъ съ землею выдвинутъ былъ вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнья и нашлось много сторонниковъ личной собственности крестьянъ, уже введенной де указомъ 20 февраля 1803 года о *свободныхъ хлѣбопашцахъ*, славянофилы выступили противъ личной собственности крестьянъ въ пользу общиннаго владѣнія со всею силою аргументаціи долголѣтняго изученія вопроса въ его историческомъ и современномъ положеніи. За общиною они признавали уже то преимущество предъ всѣми прочими формами устройства крестьянскаго быта, что община—исконно-національная и привычная для крестьянина форма поземельныхъ отношеній.

---

[1]) См. «Матеріалы для біографіи кн. Черкасскаго», стр. 49; а также прим. № 1; Хомякова «Письмо къ Ростовцеву». Собр. соч., т. III, стр. 291—319; Кошелевъ, «Записки», прилож. № 2.

Самымъ яркимъ и доселѣ не утерявшимъ своей жизненной убѣдительности аргументомъ со стороны славянофиловъ за общинное устройство поземельной крестьянской собственности была мысль, что личное землевладѣніе приведетъ къ образованію пролетаріата, къ ненормальному преобладанію города надъ деревней въ земледѣльческой странѣ и къ развитію нищенства и бобыльства, что при общинѣ невозможно.

Въ частности, въ общинѣ славянофилы видѣли гарантію платежеспособности свободнаго крестьянства и готовую форму устройства освобождаемыхъ изъ-подъ помѣщичьей опеки крестьянъ; развитіемъ этого аргумента старались успокоить и крѣпостниковъ, опасавшихся разоренія отъ освобожденія крѣпостныхъ, и правительство, боязливо думавшее о выработкѣ новаго положенія крестьянъ въ обществѣ и государствѣ. „При предстоящемъ ихъ освобожденіи, на какомъ началѣ, кромѣ мірского, можемъ мы основать исполненіе этой великой мѣры?“ спрашивалъ Кошелевъ въ своемъ проектѣ. „Мірское начало, положенное въ основаніе освобожденія крестьянъ, даетъ намъ возможность обезпечить удовлетворительно выкупные ихъ платежи и взносы государственныхъ податей, устроить землянную (sic!) собственность согласно съ существующими сельско-хозяйственными обычаями, отвратить навсегда опасность бобыльства и, что всего важнѣе, учредить разомъ, безъ проволочекъ и излишнихъ хлопотъ, какъ правильное судопроизводство, такъ и сильное управленіе въ деревняхъ“.

И. С. Аксаковъ (Выст. Бѣлин.).

Но особенно цѣннымъ казалось для славянофиловъ возрожденіе общины потому, что „община есть одно уцѣлѣвшее гражданское учрежденіе всей русской исторіи“. Въ общинѣ славянофилы видѣли источникъ развитія общественной самодѣятельности,—начало, имѣющее вытѣснить произволъ крапивнаго племени, а также начало кооперативной организаціи промышленности.

Впрочемъ, изложенное ученье объ общинѣ раздѣлялось не всѣми лицами, принадлежавшими къ кружку. Ю. Ѳ. Самаринъ, напр., въ 1-й книжкѣ „Сельскаго Благоустройства“ за 1858 г. помѣстилъ статью, въ которой, на ряду съ достоинствами общины, отмѣчалъ и ея невыгодныя стороны для хозяйства и притомъ такъ рельефно, что „его же словами въ журналѣ „Сельское Благоустройство“ били общинныя начала его противники“, въ чемъ и упрекалъ

Ю. Самарина Кошелевъ. Кн. В. А. Черкасскій былъ завѣдомый противникъ общины. Эти разногласія въ средѣ славянофиловъ во взглядѣ на общину послужили впослѣдствіи источникомъ неудовольствія между ея сторонниками и славянофильствующими противниками, которые не могли, да и не хотѣли защитить въ редакціонной комиссіи проведенія общины въ жизнь въ той формѣ, о какой мечтали Хомяковъ, Кошелевъ и Аксаковъ. По словамъ Кошелева, „Хомякова особенно оскорбляли предположенія комиссій, клонившіяся къ уничтоженію или потрясенію крестьянскаго общиннаго землевладѣнія, къ введенію, въ видѣ общаго правила, приговоровъ сельскихъ сходовъ по большинству голосовъ и къ установленію странной регламентаціи по крестьянскому самоуправленію. К. С. Аксаковъ былъ до того взбѣшенъ предположеніями редакціонныхъ комиссій, что написалъ противъ ихъ проектовъ свои возраженія въ видѣ писемъ, которыя и напечаталъ за границей".

IV.

Свои воззрѣнія славянофилы широко распространяли всѣми способами и всюду, гдѣ могли. Мы уже говорили о журнальной дѣятельности славянофиловъ и о тѣхъ печатныхъ органахъ, которыми они пользовались для распространенія въ обществѣ своихъ взглядовъ, и литературная ихъ пропаганда имѣла успѣхъ даже въ отдаленныхъ углахъ Россіи.

Для оцѣнки публицистической дѣятельности славянофиловъ нельзя не коснуться извѣстнаго факта, который современники, да и послѣдующіе критики ставили славянофиламъ въ упрекъ. Въ статьѣ „Нѣкоторыя черты будущаго сельскаго управленія" кн. Черкасскій предлагалъ, на ряду съ очень цѣнными планами (мировой судъ, присяжные судьи и пр.), въ видѣ временной мѣры и въ ограниченномъ закономъ размѣрѣ сохранить еще за помѣщикомъ право тѣлеснаго наказанія крестьянъ. Редакторъ „Сельскаго Благоустройства" Кошелевъ совѣтовалъ Черкасскому отказаться отъ этого предложенія и, не успѣвши въ совѣтѣ, напечаталъ къ статьѣ примѣчаніе, выражающее неодобрительное отношеніе редакціи къ этой мѣрѣ. И. Аксаковъ упрекалъ князя въ потерѣ „такта и чутья"; но, какъ бы то ни было, статья была напечатана и вызвала отпоръ въ передовой прессѣ, настолько суровый, и главное, настолько убѣдительный, что Черкасскій вынужденъ былъ печатно признать свою неправоту.

Славянофилы, помимо обширной переписки съ частными лицами, въ которой съ конца сороковыхъ годовъ яркою нитью проходитъ обсужденіе крестьянскаго вопроса, писали проекты, записки и письма государственнымъ дѣятелямъ, министрамъ, великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ и государю. Смѣло критиковали они правительственныя мѣры по крестьянскому вопросу и съ удивительной по времени откровенностью выражали свои общественныя воззрѣ-

нія. Разборъ всей этой переписки и уясненіе того, что она дала для реформы, слишкомъ вывели бы насъ за предѣлы настоящей статьи, а потому мы ограничимся краткимъ обзоромъ проектовъ и записокъ, которые послужили, несомнѣнно, цѣннымъ вкладомъ, какъ матеріалъ по подготовкѣ крестьянской реформы въ ея широкихъ основаніяхъ. Кошелевъ разсказываетъ: „О составлявшемся мною проектѣ, котораго главныя основанія я охотно сообщалъ всѣмъ, кто только меня о немъ спрашивалъ, много заговорили въ Москвѣ; и въ декабрѣ 1857 г. я получилъ отъ начальника III отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи письмо, которымъ онъ, по Высочайшему повелѣнію, просилъ меня прислать для представленія государю копію съ моего проекта. Въ одно и то же время подобныя же записки были составлены: Ю. Ѳ. Самаринымъ и кн. В. А. Черкасскимъ. Мы ихъ прочли другъ другу, и оказалось слѣдующее: Самаринъ предлагалъ только расширить и сдѣлать болѣе удобоисполнимымъ прежній указъ объ обязательныхъ крестьянахъ; кн. Черкасскій имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ только съ усадьбами. Мой проектъ былъ самый радикальный: я предлагалъ выкупъ крестьянъ съ землею, находящеюся въ ихъ владѣніи. Такое освобожденіе должно было совершиться въ 12 лѣтъ... По выслушаніи моихъ записокъ Самаринъ пришелъ въ ужасъ отъ радикальности предлагаемыхъ мною мѣръ и сказалъ: „Нѣтъ, не посылайте этихъ записокъ: онѣ перепугаютъ въ Петербургѣ и заставятъ итти назадъ“. А Черкасскій, напротивъ того, выразился: „Нѣтъ, отправьте ихъ непремѣнно. Хотя ваши записки дѣйствительно радикальны, но не бѣда — изъ большаго можно убавить, и все-таки останется довольно. Петербургъ надо обстрѣливать“. „Записки“ были отправлены въ трехъ экземплярахъ: для государя, для князя Долгорукаго и для министра внутреннихъ дѣлъ“.

Памятникъ Екатеринѣ II въ одномъ изъ подмосковныхъ имѣній.

Въ это же приблизительно время и Хомяковъ отправилъ Ростовцеву свое знаменитое анонимное письмо-проектъ, который высоко цѣнился Ростовце-

вымъ. Въ этомъ проектѣ мы находимъ испепеляющую критику предлагаемаго нѣкоторыми: 1) освобожденія крестьянъ безъ земли; 2) съ правомъ на часть земли, но съ денежными или работными обязательствами въ пользу помѣщика, и наконецъ, 3) выясненіе вреда и ненадобности длительнаго „переходнаго состоянія“. Затѣмъ Хомяковъ предусматриваетъ невыгоду допущенія добровольнаго соглашенія между помѣщикомъ и его крестьянами съ точки зрѣнія справедливости и финансовой. „Одновременный, однообразный и обязательный выкупъ есть единственное разумное разрѣшеніе всей задачи“ — вотъ основная мысль проекта Хомякова.

К. С. Аксаковъ (портр. Васнецова).

Проектъ Кошелева съ поразительною въ дворянинѣ и владѣльцѣ $3\frac{1}{2}$ тыс. душъ объективностью и спокойною неотразимостью разрушаетъ всѣ ходячія въ то время запугиванія и возраженія крѣпостниковъ противъ уничтоженія крѣпостного права и въ этомъ отношеніи даетъ не только яркую характеристику позиціи крѣпостниковъ и колебаній правительства, но попутно сообщаетъ много цѣнныхъ данныхъ по экономическому состоянію помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ строѣ.

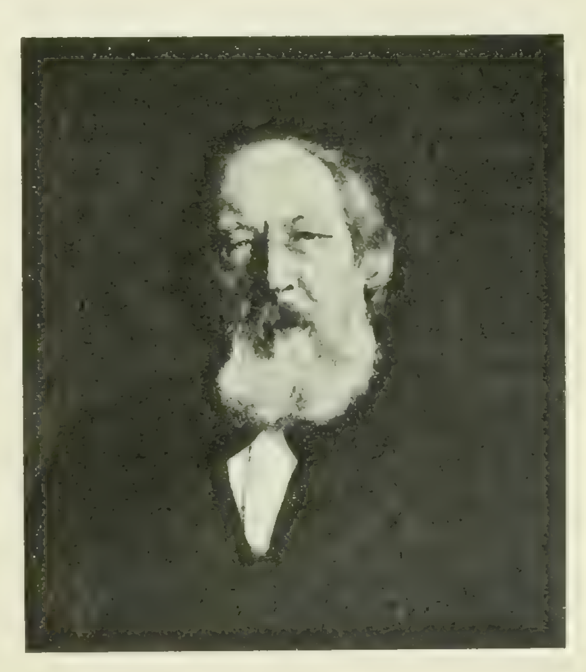
Затѣмъ проектъ устанавливаетъ рядъ причинъ, требующихъ немедленнаго уничтоженія крѣпостного права во имя государственнаго спокойствія и въ интересахъ помѣщиковъ и крестьянъ.

Исчерпывающая и разрушительная критика всѣхъ неудовлетворительныхъ способовъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса съ логической очевидностью привела Кошелева къ слѣдующимъ, предложеннымъ имъ основаніямъ реформы: „Крестьяне должны быть освобождены: 1) съ землею и притомъ съ такимъ количествомъ оной, чтобы они могли существовать безнуждно; 2) вполнѣ и безусловно; 3) прямо и окончательно, безъ переходовъ отъ меньшей къ большей свободѣ; 4) единовременно вездѣ (разница съ Хомяковымъ); 5) мірскими обществами, а не лично и семейно; 6) съ вознагражденіемъ помѣщиковъ за земли, имѣющія по-

ступить въ мірскую собственность, или за оброкъ, коего они лишаются; и 7) путемъ добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, при побужденіи со стороны правительства, подъ его надзоромъ и подъ угрозою произвести освобожденіе правительственнымъ порядкомъ".

Мы видимъ, что основанія эти немногимъ были превзойдены реформою Кромѣ того, вопросъ о финансовой ликвидаціи казною выкупа разработанъ у Кошелева съ большею противъ Хомякова обстоятельностью и детальностью, особенно въ вопросѣ о выпускѣ кредитныхъ бумагъ и облигацій. Отрицательной стороной кошелевскаго проекта является требованіе смягченнаго выкупа личности дворовыхъ и растяжка освобожденія на 12 лѣтъ.

Славянофилы не были только публицистами и кабинетными прожекторами. Они всякій разъ, когда представлялась къ тому возможность, выступали съ живымъ словомъ пропаганды своихъ идей въ дворянскихъ собраніяхъ, среди сосѣдей и спеціально организуемыхъ ими кружковъ. Такъ, Кошелевъ, по его словамъ, еще „въ 1847 г. рѣшился возбудить противъ себя гнѣвъ благороднаго дворянства Какъ въ декабрѣ благородное рязанское дворянство должно было собраться на выборъ,—пишетъ Кошелевъ,—то я вздумалъ сдѣлать ему предложеніе на счетъ упорядоченія отношеній помѣщиковъ къ ихъ крѣпостнымъ людямъ, т.-е. сдѣлать первую попытку къ прекращенію крѣпостного права на людей".

И. С. Аксаковъ (портр. Рѣпина).

Отъ поданнаго въ этомъ смыслѣ предложенія рязанскій губернскій предводитель дворянства пришелъ въ ужасъ и объявилъ, что безъ разрѣшенія изъ Петербурга онъ не рѣшится передать это предложеніе на обсужденіе дворянъ, а самъ усердно разсказывалъ всѣмъ, кого видѣлъ, о злостныхъ намѣреніяхъ автора предложенія. „А потому неудивительно,—замѣчаетъ Кошелевъ,—что слухъ о нихъ быстро распространился по губерніи. Благородное дворянство негодовало, находило, что за это мало меня четвертовать, и готовилось въ предстоящемъ собраніи излить на меня всю желчь". Петербургъ не разрѣшилъ Кошелеву прочитать свой докладъ въ собраніи, и на этотъ разъ попытка Кошелева только встревожила мирную дрему рабовладѣльческой совѣсти.

Въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“ мы находимъ указаніе, еще въ 1844 г. тульскіе дворяне, при участіи Черкасскаго, подали проектъ объ учрежденіи въ губерніи оффиціальнаго комитета по крестьянскому дѣлу, а въ 1846 г. князь учредилъ кружокъ изъ тульскихъ дворянъ для выработки и представленія въ Петербургъ новаго проекта, при чемъ самъ набросалъ его планъ. Хотя правительство и отклонило широкіе замыслы кружка, предоставивъ членамъ его составить проектъ для освобожденія собственныхъ крестьянъ, но среди тульскаго дворянства тѣмъ самымъ уже намѣтилась группа убѣжденныхъ сторонниковъ освобожденія.

Особенно ярко проявили себя славянофилы въ губернскихъ комитетахъ. Ю. Ѳ. Самаринъ писалъ въ 1858 г. передъ открытіемъ Самарскаго комитета Кошелеву и Черкасскому: „Я вошелъ въ переписку съ Шеншинымъ (по Петербургу), съ Урусовымъ (по Москвѣ), съ Карамзинымъ (по Нижнему) и напишу Трубникову въ Казань. Не скрою,—мое самолюбіе радуется при мысли, что малое, очень малое стадо, заявившее себя подъ знаменемъ „Русской Бесѣды“ и „Сельскаго Благоустройства“, выставило трехъ кандидатовъ отъ правительства. Подозрительные люди пригодились“... Кошелевъ, назначенный правительствомъ въ непремѣнные члены въ Рязанскій комитетъ, кн. Черкасскій—въ Тульскій и Ю. Ѳ. Самаринъ—въ Самарскій, рѣшили объединять свою дѣятельность и вводить въ нее другихъ сторонниковъ реформы (напр., Унковскаго) черезъ выработанную ими систему окружныхъ посланій, которыя состояли въ томъ, что начавшій писать обращался съ письмомъ къ двумъ остальнымъ своимъ корреспондентамъ за разъ и направлялъ его къ ближайшему; этотъ съ своими замѣчаніями пересылалъ письмо къ третьему, и т. д. Въ этихъ окружныхъ посланіяхъ, живо рисующихъ работу и борьбу въ трехъ названныхъ комитетахъ, корреспонденты дѣлились своими впечатлѣніями, вырабатывали совмѣстную тактику воздѣйствія на крѣпостниковъ, рекомендовали другъ другу удачные ходы для вырыванія постановленій отъ крѣпостническаго большинства въ пользу крестьянъ, пересылались журналами засѣданій, поддерживали другъ друга и радостями и въ неудачахъ. Переписка эта, помѣщенная въ „Матеріалахъ для біографіи кн. В. А. Черкасскаго“, представляетъ красочный матеріалъ для характеристики комитетской дѣятельности дворянства. Названные члены славянофильскаго кружка были ножами острыми для крѣпостниковъ. Черкасскій въ своей комитетской дѣятельности придерживался правила, что вездѣ и всюду наступательная война выгоднѣе оборонительной.

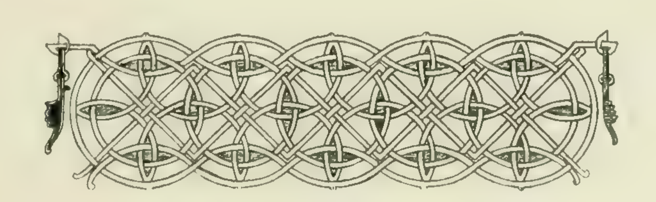
Другой дѣятель изъ „стада, подъ знаменемъ „Русской Бесѣды“, Ю. Ѳ. Самаринъ такъ самъ пишетъ о своей роли въ комитетѣ къ Черкасскому отъ 13 марта 1859 г.: „Въ жизнь мою не работалъ я такъ усиленно, какъ съ 1 янв. Прочіе члены комитета безъ боя, даже безъ сопротивленія — зато и

спасибо не сказавши—уступили мнѣ всю работу, такъ что теперь комитетъ сосредоточился въ моемъ лицѣ. Изъ остальныхъ—нѣкоторые идутъ за мною вслѣдъ, другіе перечатъ и интригуютъ на каждомъ шагу, но дѣла на руки не берутъ, ропщутъ на мой деспотизмъ и всякій разъ обращаются ко мнѣ для составленія проектовъ, представленій, сводовъ статистическихъ свѣдѣній. Въ то же время они сзываютъ дворянскіе съѣзды, чтобы сдѣлать постановленіе: о не ассигнованіи мнѣ жалованья на счетъ дворянства (замѣтьте— мнѣ одному), если бъ большинство комитета избрало меня депутатомъ въ Петербургъ. Я работаю аккуратно по 12 час. въ сутки и не могу сказать, чтобы совершенно безслѣдно. Удалось... спустить барщину съ трехъ дней на два, а женскую зимнюю—на одинъ день; удержать теперешній надѣлъ земли; усилить личный составъ тягла и т. д. Вообще, если не весь комитетъ, то, по крайней мѣрѣ, меньшинство, къ которому я принадлежу, дошло до крайняго предѣла тѣхъ уступокъ, которыя можетъ сдѣлать дворянство, не подвергая себя конечному разоренію, а государство—соціальному банкротству.. Между нами будь сказано: наши потери будутъ огромны (большинство этого даже не понимаетъ); но удовлетворится ли народъ нашими пожертвованіями?"

Положеніе Кошелева въ Рязанскомъ комитетѣ оказалось хуже всѣхъ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ своихъ „Запискахъ". „Большинство членовъ (Рязанскаго) комитета состояло изъ крѣпостниковъ, а меньшинство — изъ робкихъ либераловъ. Во главѣ перваго стоялъ Ѳ. С. Офросимовъ, — человѣкъ умный, довольно образованный, весьма хитрый и ловкій. Мнѣ приходилось съ нимъ постоянно спорить и перечить большинству; рѣдко, почти никогда мнѣ не удавалось проводить свои предложенія. Всего болѣе бѣсило большинство то, что я обнаруживалъ его тайные замыслы и заставлялъ противниковъ освобожденія яснѣе излагать свои мысли". Кончилось тѣмъ, что Кошелеву большинство не стало подавать руки, и комитетъ, въ концѣ-концовъ, выработалъ три проекта, изъ которыхъ Кошелевскій былъ самый либеральный изъ трехъ, какъ и проектъ отъ меньшинства Тульскаго комитета съ Черкасскимъ во главѣ.

Защитниками этихъ проектовъ меньшинства въ редакціонной коммиссіи, какъ извѣстно, были кн. Черкасскій и Самаринъ.

В. Улановъ.

II. Западники 40-хъ годовъ.

В. П. Батуринскаго.

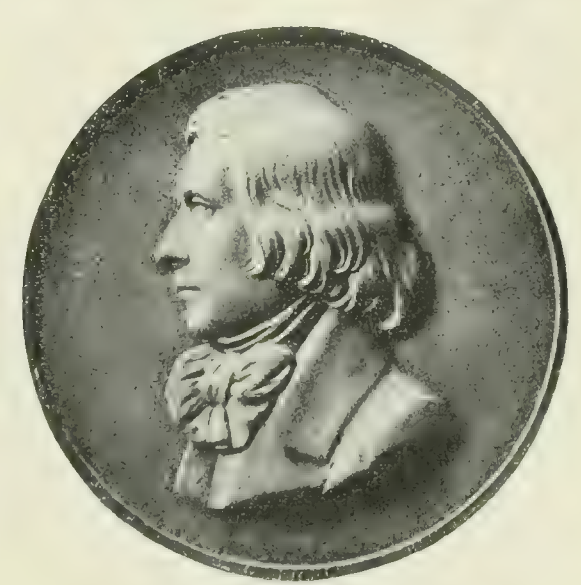
Сороковые годы прошлаго столѣтія представляютъ одну изъ самыхъ многознаменательныхъ эпохъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія. Опредѣленіе „человѣкъ 40-хъ годовъ" сразу дѣлаетъ яснымъ міросозерцаніе литературнаго или общественнаго дѣятеля, къ имени котораго оно прилагается; всякій тотчасъ же вспоминаетъ незабвенныя имена Грановскаго, Бѣлинскаго, Герцена, Огарева, Кавелина, Тургенева, исторію знаменитыхъ тогдашнихъ „кружковъ" и вмѣстѣ съ тѣмъ вспоминаетъ и удушливую атмосферу царившаго тогда правительственнаго произвола, общаго безправія и всѣхъ ужасовъ крѣпостного права. Дѣятельность „людей 40-хъ годовъ" такъ или иначе была направлена на борьбу съ этимъ произволомъ, на пробужденіе общественной мысли и на привитіе молодому поколѣнію идей широкаго гуманизма и уваженія къ человѣческой личности. Всѣ они ярко чувствовали, что одной изъ главныхъ причинъ зла является крѣпостное право, что первымъ этапомъ на пути нормальнаго развитія и освобожденія родины должно быть уничтоженіе этого „института", въ которомъ его апологеты, напротивъ, видѣли прочнѣйшую основу государственной мощи и процвѣтанія Россіи. Для этихъ апологетовъ тогдашняя русская дѣйствительность представляла нѣчто, достойное восхищенія, и эта точка зрѣнія нашла себѣ классическое выраженіе въ знаменитомъ изреченіи Бенкендорфа: „Le passé de la Russie a été admirable, son présent est plus que magnifique; quant à son avenir il est au delà de tout, ce que l'imagination la plus hardie se peut figurer". Задачей дѣятелей 40-хъ годовъ было разрушеніе этой теоріи офиціальнаго самообожанія, пробужденіе въ обществѣ сознанія мерзости всего уклада жизни, покоящагося на крѣпостномъ правѣ, и они, каждый по-своему, выполнили въ предѣлахъ ихъ силъ свою задачу, при чемъ главная роль въ ея выполненіи выпала на долю тогдашнихъ „западниковъ". Одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ по силѣ оказаннаго на общество вліянія надо отвести Бѣлинскому.

Первымъ серьезнымъ литературнымъ опытомъ Бѣлинскаго можно считать его трагедію („Дмитрій Калининъ"), написанную Бѣлинскимъ еще во время пребыванія въ Московскомъ университетѣ [1]).

---

[1]) См. статью П. Н. Сакулина.

Ту же ненависть къ крѣпостному праву, вылившуюся впервые въ юношеской трагедіи, Бѣлинскій проявлялъ всю свою жизнь, за исключеніемъ кратковременнаго періода, когда, подъ вліяніемъ односторонняго увлеченія Гегелемъ, онъ сталъ примирительно относиться къ тогдашнимъ порядкамъ вообще и къ крѣпостному праву въ частности. Въ одномъ изъ писемъ (1837 г.) онъ говоритъ: „Наше правительство не позволяетъ писать противъ крѣпостного права, а между тѣмъ исподволь освобождаетъ крестьянъ. Посмотри, какъ, благодаря тому, что у насъ нѣтъ майоратства, издыхаетъ наше дворянство само собой, безъ всякихъ революцій и внутреннихъ потрясеній. И если у насъ будутъ дѣти, то, доживя до нашихъ лѣтъ, они будутъ знать о крѣпостномъ правѣ, какъ о фактѣ историческомъ, какъ о дѣлѣ прошедшемъ. И все это сдѣлается безъ заговоровъ и бунтовъ и потому сдѣлается прочнѣе и лучше. Давно ли мы съ тобой живемъ на свѣтѣ, давно ли помнимъ себя, и уже посмотри, какъ перемѣнилось общественное мнѣніе: много ли теперь осталось тирановъ помѣщиковъ, а которые остались, то не презираютъ ли ихъ сами помѣщики? Видишь ли, что и въ Россіи все идетъ къ лучшему".

Н. В. Станкевичъ (гипс. медальонъ).

Настроеніе это не могло долго продержаться у такого человѣка, обладавшаго живымъ чувствомъ дѣйствительности, какъ Бѣлинскій, и, дойдя до кульминаціоннаго пункта въ статьяхъ о „Бородинской годовщинѣ", о которыхъ самъ авторъ впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ отвращенія и негодованія на самого себя, оно исчезаетъ. Уже въ 1841 г. Бѣлинскій говоритъ въ письмѣ къ другу, что для него судьба личности „важнѣе судебъ всего міра"... „Я не хочу счастья и даромъ, если не буду спокоенъ насчетъ каждаго изъ моихъ братій по крови"...

Болѣе тѣсное сближеніе съ Герценомъ и воздѣйствіе послѣдняго придало воззрѣніямъ Бѣлинскаго соціалистическую окраску. Но Бѣлинскаго по рукамъ и ногамъ связывали тогдашнія цензурныя условія. „Знаете ли, какія лучшія мои статьи?—спрашивалъ онъ въ письмѣ одного пріятеля.—Вы ихъ не знаете—это тѣ, которыя не только не напечатаны, а никогда и не были и написаны, и которыя я слагалъ въ головѣ моей во время поѣздокъ, гуляній,—словомъ, въ нерабочее мое время... Боже! сколько яркихъ неожиданныхъ мыслей, сколько страницъ живыхъ, но страстныхъ, огненныхъ!.."

Одна изъ такихъ статей Бѣлинскаго, написанныхъ не для печати, дошла до насъ. Это его знаменитое письмо къ Гоголю, представляющее самый яркій протестъ въ русской литературѣ противъ попиранія человѣческаго достоинства и противъ крѣпостного права.

„Россія,— писалъ негодующій Бѣлинскій Гоголю,—видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди (довольно она слышала ихъ!), не молитвы (довольно она твердила ихъ), а пробужденіе въ народѣ чувства человѣческаго достоинства, столько вѣковъ потеряннаго въ грязи и сорѣ,— права и законы, сообразные не съ ученіемъ церкви, а съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и строгое по возможности ихъ исполненіе. А вмѣсто этого она представляетъ собою ужасное зрѣлище страны, гдѣ люди торгуютъ людьми, не имѣя на это и того оправданія, какимъ лукаво пользуются американскіе капиталисты, утверждая, что негръ не человѣкъ; страны, гдѣ люди сами себя называютъ не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Стешками, Палашками; страны, гдѣ, наконецъ, нѣтъ никакихъ гарантій для личности, чести и собственности, но нѣтъ даже и полицейскаго порядка, а есть только огромныя корпораціи разныхъ служебныхъ воровъ и грабителей! Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣненіе тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть. Это чувствуетъ даже само правительство (которое хорошо знаетъ, что дѣлаютъ помѣщики со своими крестьянами, и сколько послѣдніе ежегодно рѣжутъ первыхъ), что доказывается его робкими и безплодными полумѣрами въ пользу бѣлыхъ негровъ и комическимъ замѣненіемъ однохвостнаго кнута трехвостною плетью.

„Вотъ вопросы, которыми тревожно занята вся Россія въ ея апатическомъ снѣ! И въ это-то время великій писатель, который своими дивно-художественными и глубоко истинными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давшими ей возможность взглянуть на самое себя, какъ будто въ зеркалѣ,—является съ книгою, въ которой во имя Христа и церкви учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, учитъ ихъ ругать побольше... И это не должно было привести насъ въ негодованіе?.. Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда я не болѣе бы возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки!.. И послѣ этого вы хотите, чтобы вѣрили искренности направленія вашей книги! Нѣтъ! Если бы вы дѣйствительно преисполнились истиною Христовою, а не діавола ученія — совсѣмъ не то написали бы вы вашему адепту изъ помѣщиковъ. Вы сказали бы ему, что такъ какъ его крестьяне — его братья о Христѣ, и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то

онъ долженъ или дать имъ свободу или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться ихъ трудами какъ можно выгоднѣе для нихъ, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ. А выраженіе: „ахъ, ты неумытое рыло!“ Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали вы его, чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому и не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей? А ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеалъ котораго нашли вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго и виноватаго? Да это и такъ у насъ дѣлается вчастую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго, если ему нечѣмъ откупиться отъ преступленія, и другая поговорка говоритъ тогда: безъ вины виноватъ!.. Проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ — что вы дѣлаете?..“

П. Я. Чаадаевъ (париж. грав.).

Письмо это Герценъ называлъ „геніальной вещью и завѣщаніемъ Бѣлинскаго“. Дѣйствительно, Бѣлинскій вскорѣ умеръ, но письмо его къ Гоголю разошлось въ тысячахъ списковъ по всей Россіи. Правительство прекрасно понимало революціонное значеніе этого геніальнаго политическаго памфлета, и вскорѣ Достоевскому пришлось поплатиться каторгой за „распространеніе“ этого произведенія великаго критика, въ которомъ онъ впервые высказался не связанный цензурными путами со всей мощью и страстью, присущими его таланту. О значеніи этого литературнаго произведенія для исторіи общественнаго развитія Россіи лучшее свидѣтельство оставилъ И. С. Аксаковъ. Съ рѣдкимъ для славянофила безпристрастіемъ онъ писалъ послѣ поѣздки по Россіи:

„Много я ѣздилъ по Россіи, — говоритъ Аксаковъ: — имя Бѣлинскаго извѣстно каждому сколько-нибудь мыслящему юношѣ, каждому, жаждущему свѣжаго воздуха среди вонючаго болота провинціальной жизни. Нѣтъ ни одного учителя гимназіи въ губернскихъ городахъ, который бы не зналъ

наизусть *письма Бѣлинскаго къ Гоголю*; въ отдаленныхъ краяхъ Россіи только теперь еще проникаетъ это вліяніе и увеличиваетъ число прозелитовъ. Тутъ нѣтъ ничего страннаго. Всякое рѣзкое отрицаніе нравится молодости, всякое негодованіе, всякое требованіе простора, правды принимается съ восторгомъ тамъ, гдѣ сплошная мерзость, гнетъ, рабство, подлость грозятъ поглотить человѣка, осадить, убить въ немъ все человѣческое. „*Мы Бѣлинскому обязаны своимъ спасеніемъ*", говорятъ мнѣ вездѣ молодые честные люди въ провинціи. И въ самомъ дѣлѣ, въ провинціи вы можете видѣть два класса людей: съ одной стороны—взяточниковъ, чиновниковъ въ полномъ смыслѣ этого слова, жаждущихъ лентъ, чиновъ и крестовъ, помѣщиковъ, презирающихъ идеологовъ, привязанныхъ къ своему барскому достоинству и крѣпостному праву, вообще довольно гнусныхъ. Вы отворачиваетесь отъ нихъ, обращаетесь къ другой сторонѣ, гдѣ видите людей молодыхъ, честныхъ, возмущенныхъ зломъ и гнетомъ, *поборниковъ эмансипаціи* и всякаго простора, съ идеями гуманными... И если вамъ нужно честнаго человѣка, способнаго сострадать болѣзнямъ и несчастьямъ угнетенныхъ, честнаго доктора, честнаго слѣдователя,—*ищите таковыхъ въ провинціи между послѣдователями Бѣлинскаго*".

На ряду съ литературной дѣятельностью Бѣлинскаго, имѣвшей такое громадное воспитательное значеніе, можетъ быть поставлена дѣятельность его друга, знаменитаго профессора исторіи въ Московскомъ университетѣ Т. Н. Грановскаго, обаяніе глубоко благородной личности котораго оставило неизгладимый слѣдъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія.

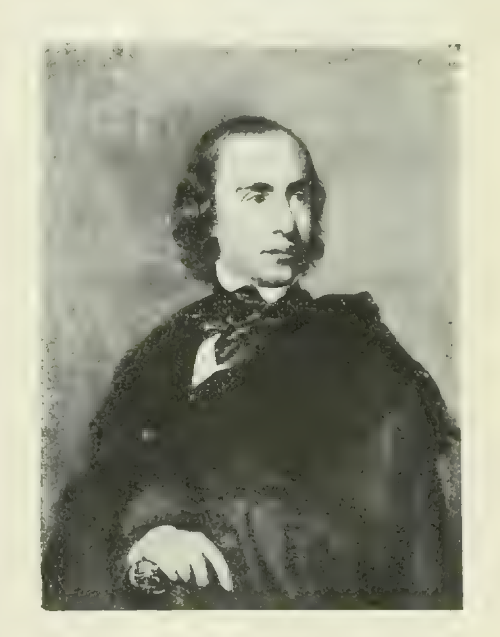
Идейный противникъ Грановскаго, К. С. Аксаковъ, характеризуя значеніе дѣятельности Грановскаго, говоритъ:

„Въ лекціяхъ своихъ передавалъ Грановскій жизнь того или иного времени, со всей ея невидимой обстановкой, съ ея воздухомъ,—такъ сказать, передавалъ художественно: путь, которымъ всего удобнѣе познается юношами истина... Онъ воспитывалъ своихъ слушателей; онъ подымалъ ихъ надъ обыденной жизнью въ высшія сферы духа; онъ будилъ въ нихъ благородныя движенія и чувства; онъ образовывалъ и устремлялъ ихъ силы; это—великое дѣло, огромное значеніе. И вотъ почему эта всеобщая любовь къ Грановскому, и вотъ почему она понятна и законна... Но не на однихъ студентовъ могъ указать Грановскій,—онъ могъ указать на общество, внимавшее полной одушевленія и изящества, возвышенной, увлекательной его рѣчи и теперь благодарно произносящее имя Грановскаго".

На каѳедрѣ и въ публичныхъ лекціяхъ Грановскій, являясь проповѣдникомъ широкой гуманности и западно-европейскаго просвѣщенія, боролся съ вредными крайностями славянофильства, сближавшими иногда это ученіе съ офиціальными хвалителями „самодержавія, православія и народности". Борьба эта и весь характеръ его дѣятельности создали ему массу враговъ

среди этихъ хвалителей, и онъ въ одномъ письмѣ (1846 г.) говоритъ: „Мнѣ посчастливилось имѣть враговъ, которые откровенно сознаются въ своемъ желаніи сбыть меня. Въ прошедшемъ году на меня дѣлали три раза доносъ, какъ на человѣка, враднаго для государства и религіи. Теперь не касаются моей религіи, но нападаютъ на мои политическія идеи“. Интриги и подкопы враговъ затрудняли дѣятельность Грановскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ они лишь способствовали увеличенію его популярности и воздѣйствія на учащуюся молодежь и общество.

Конечно, тиски цензуры, такъ жестоко калѣчившіе литературную дѣятельность Бѣлинскаго, равнымъ образомъ препятствовали свободному выраженію Грановскимъ его взглядовъ. Но и у Бѣлинскаго и у Грановскаго была чуткая публика, привыкшая „читать между строкъ“, ловить каждый намекъ, разбираться сразу во всякихъ аналогіяхъ. Кромѣ того, съ молодежью Грановскій приходилъ въ тѣсное соприкосновеніе не только на лекціяхъ, но и въ тиши своего кабинета, давая студентамъ указанія, снабжая ихъ книгами, руководя ихъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Ученики Грановскаго, какъ и почитатели Бѣлинскаго, являлись въ глуши русской провинціи носителями того идеализма, который даетъ силу бороться съ затягивающей тиной обывательской грязи и обыденщины.

Т. Н. Грановскій (портр. Захарова).

Въ воспоминаніяхъ воспитанницы матери Тургенева имѣется страничка, рисующая отношеніе Грановскаго къ крѣпостному праву:

„Грановскій, — говоритъ Житова, — всегда меня ласкалъ. Прибѣжала я разъ наверхъ, оба, хозяинъ (Тургеневъ) и гость (Грановскій), о чемъ-то очень громко говорили. Иванъ Сергѣевичъ быстро ходилъ по комнатѣ и, повидимому, горячился. Я остановилась въ дверяхъ. Грановскій знакомъ подозвалъ меня, посадилъ къ себѣ на колѣни. Долго сидѣла я, почти притаивъ дыханіе, и сначала ничего не понимала: но потомъ слова: „крѣпостные, вольные, населеніе, несчастные, когда конецъ? и пр.“—слова, столь, мнѣ знакомыя и такъ часто слышанныя, дѣлали ихъ разговоръ мнѣ почти понятнымъ. Какъ теперь, такъ и тогда я не могла бы отчетливо передать все слышанное; но смыслъ былъ мнѣ ясенъ. Въ разговорѣ ихъ такъ ясно высказывались надежды на что-то лучшее, что и я будто чему-то обрадовалась.

„Вдругъ Иванъ Сергѣевичъ точно опомнился и обратился ко мнѣ: ты задремала? Ступай внизъ, ты вѣдь тутъ ничего не понимаешь; тебѣ спать

пора! - Нѣтъ, поняла,—обидѣлась я,—моя Агашенька скоро будетъ вольная, да?—Да, когда нибудь,—задумчиво произнесъ Иванъ Сергѣевичъ, и при этомъ поцѣловалъ меня такъ, будто за что похвалилъ".

Какъ извѣстно, Грановскій владѣлъ крѣпостными, но, къ сожалѣнію, объ его отношеніяхъ къ нимъ не сохранилось никакихъ данныхъ, что, впрочемъ, объясняется тѣмъ, что имѣніемъ управлялъ отецъ Грановскаго, а послѣ его смерти оно было немедленно продано. Могутъ спросить: почему же идеалистъ Грановскій не освободилъ своихъ крестьянъ? Не говоря уже о томъ, что его имущественныя дѣла были очень запутаны, и онъ нерѣдко нуждался, мы въ данномъ случаѣ встрѣчаемся съ той непослѣдовательностью, съ тѣмъ отсутствіемъ настойчивой энергіи, которыя были свойственны даже лучшимъ людямъ той эпохи. Подобный же упрекъ можно поставить и другимъ членамъ того кружка, къ которому принадлежалъ Грановскій. Не мало, вѣроятно, вліяли и тѣ затрудненія, съ которыми въ то время было сопряжено освобожденіе крестьянъ съ землею. Но если самому Грановскому не удалось освободить своихъ крестьянъ, въ рядахъ дѣятелей по освобожденію было не мало его бывшихъ слушателей, въ которыхъ ненависть къ крѣпостному праву была пробуждена вдохновенными лекціями Грановскаго.

П. В. Анненковъ.
(Альбомъ выст. Бѣл.).

Идеалистической атмосферѣ кружковъ 40-хъ годовъ другой характерный „западникъ" И. С. Тургеневъ обязанъ первымъ пробужденіемъ той глубокой ненависти къ крѣпостному праву, которой такъ ярко окрашена первая эпоха его литературной дѣятельности, и которая лишь окрѣпла послѣ пребыванія за границей. Гнусная русская дѣйствительность сдѣлалась невыносимой для Тургенева, и его неудержимо потянуло снова на Западъ. „Я,—говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—не могъ дышать однимъ воздухомъ, оставаться рядомъ съ тѣмъ, что я возненавидѣлъ,—для этого у меня, вѣроятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мнѣ необходимо нужно было удалиться отъ моего врага за тѣмъ, чтобы изъ самой моей дали сильнѣе напасть на него. Въ моихъ глазахъ врагъ этотъ имѣлъ опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ было крѣпостное право. Подъ этимъ именемъ я собралъ и сосредоточилъ все, противъ чего я рѣшился бороться до конца, съ чѣмъ я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я одинъ далъ

В. Г. Бѣлинскій передъ смертью (карт. Наумова).

ее тогда себѣ. Я и на Западъ ушелъ для того, чтобы лучше ее исполнить... „Записки охотника" были написаны мною за границей, нѣкоторыя изъ нихъ — въ тяжелыя минуты раздумья о томъ, вернуться ли мнѣ на родину или нѣтъ".

Извѣстно, какое громадное вліяніе имѣли „Записки охотника" на русское общество. Несмотря на то, что надъ Тургеневымъ, какъ и надъ всѣми писателями той эпохи, тяготѣло цензурное иго, Тургеневу удалось чрезвычайно ярко изобразить главныя стороны быта крѣпостныхъ. Мелкія черты, изображавшія самодурство помѣщиковъ, полное безправіе крѣпостныхъ, ихъ тяжелое экономическое и нравственное положеніе, въ совокупности своей производили потрясающее впечатлѣніе на читателей, пробуждая въ нихъ глубокій ужасъ предъ крѣпостнымъ правомъ. По свидѣтельству самого Тургенева „Записки охотника" сыграли важную роль въ исторіи крестьянскаго вопроса. Императоръ Александръ II самъ сказалъ Тургеневу, что „съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Записки охотника", его ни на минуту не оставляла мысль о необходимости освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости".

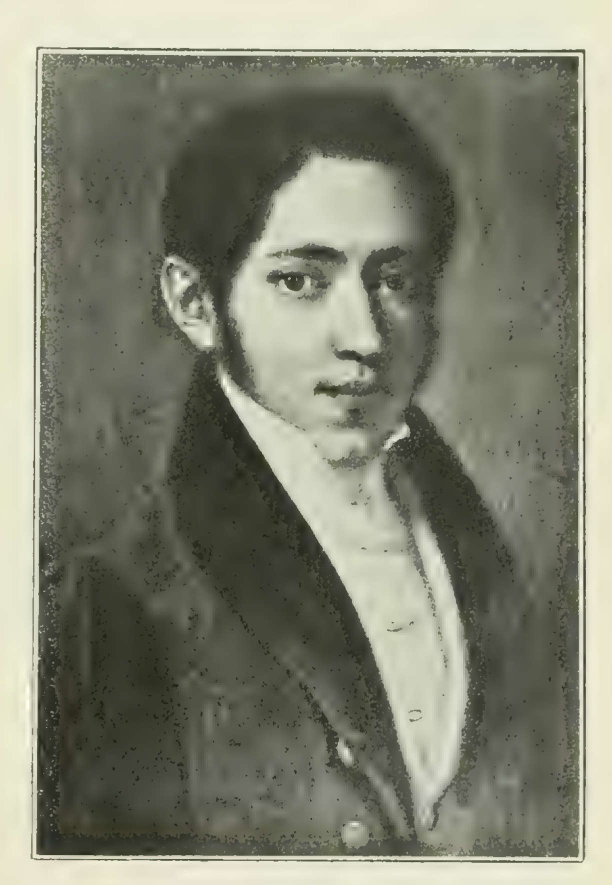
Тургеневу самому пришлось близко наблюдать всѣ ужасы крѣпостного права, такъ какъ его отецъ и въ особенности мать очень жестоко относились къ своимъ крѣпостнымъ. Разсказъ Тургенева „Муму", который Карлейль назвалъ „самымъ трогательнымъ произведеніемъ всемірной литературы", былъ

основанъ на юношескихъ воспоминаніяхъ автора объ эпизодѣ, случившемся въ его семьѣ. По свидѣтельству Анненкова, жестокая барыня разсказа была матерью Тургенева, и глухонѣмой крестьянинъ Герасимъ, несчастный герой разсказа, дѣйствительно существовалъ. Въ воспоминаніяхъ многихъ лицъ о Тургеневѣ неоднократно указывается, что крѣпостные дворовые всегда ожидали пріѣзда Тургенева въ гости къ матери, какъ праздника: онъ выступалъ въ роли ихъ защитника, да и вообще при немъ мать стѣснялась проявлять большую жестокость по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Въ концѣ 1850 года она умерла, и Тургеневъ, возвратясь изъ-за границы, тотчасъ же отпустилъ всѣхъ дворовыхъ на волю и перевелъ на оброкъ пожелавшихъ этого крестьянъ. Но все же онъ не освободилъ ихъ. Трудно понять причины этого. Скорѣе всего можно это объяснить нерѣшительностью характера Тургенева и сознаніемъ, что онъ лично сможетъ свести до минимума неудобства, вызываемыя рабскимъ положеніемъ его крестьянъ. Какъ извѣстно, впослѣдствіи онъ щедро надѣлилъ ихъ землею, отрѣзавъ для нихъ лучшія угодья, и всячески помогалъ имъ, когда они уже были вольными. Эта „филантропія“ Тургенева нерѣдко вызывала насмѣшки его друга, поэта Фета, увѣрявшаго, что крестьяне, пользуясь безконечной добротой Тургенева, самымъ безсовѣстнымъ образомъ обираютъ его.

Среди идеалистовъ этой эпохи лишь одному Н. П. Огареву удалось до извѣстной степени примѣнить на практикѣ тѣ убѣжденія, которыя онъ исповѣдывалъ, и освободить часть своихъ крестьянъ съ землею. Нѣкоторое время надъ памятью Огарева тяготѣло обвиненіе въ томъ, что это освобожденіе было произведено на далеко невыгодныхъ для крестьянъ условіяхъ. Обвиненіе это было разрушено изслѣдованіями А. Д. Повалишина въ его разборѣ „Свободные хлѣбопашцы въ Рязанской губ.“ („Труды Рязан. учен. арх. ком.“, 1892, т. VII, № 3). Достаточно указать, что одна пятая часть лѣса, уступленнаго Огаревымъ крестьянамъ, проданная ими, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ освобожденія, принесла имъ 550.000 рублей серебромъ, то-есть сумму въ два раза большую, чѣмъ весь уплаченный ими выкупъ. Очевидно, что оставшіяся непроданными лѣсныя угодья и богатѣйшія рыбныя ловли представляли милліонную стоимость, а сами крестьяне села Бѣломута до сихъ поръ считаютъ Н. П. Огарева своимъ благодѣтелемъ. По свидѣтельству Анненкова, межевой чиновникъ Ржевскій, пріѣхавъ въ 1861 году въ Бѣломутъ для размежеванія (когда Огаревъ былъ уже эмигрантомъ и нуждался), сказалъ старикамъ-крестьянамъ: „Видите, еще какая благодать остается вамъ по милости помѣщика, отдавшаго вамъ все это за безцѣнокъ, а онъ теперь очень нуждается, — что бы вамъ собрать тысячъ сто и послать ему?“ На что старики отвѣтили съ задумчивостью: „Точно, надо бы!“

Если можно въ чемъ упрекнуть Огарева, такъ это въ непрактичности. Вслѣдствіе незнакомства съ крестьянскимъ бытомъ Огаревъ въ договорѣ съ

крестьянами, отдавая имъ всю землю, опредѣлилъ способъ пользованія ею на черезчуръ идеалистическихъ основаніяхъ, возлагая надежды на торжество общиннаго начала. Впослѣдствіи бѣдные крестьяне, выкупъ за которыхъ заплатили богачи, попали въ кабалу къ послѣднимъ. По словамъ Анненкова, побочный братъ Огарева (сынъ крѣпостной крестьянки) съ негодованіемъ говорилъ объ этой непрактичности поэта: „Зачѣмъ этотъ барчонокъ, — говорилъ онъ, — не взялъ съ богачей два, три, пять милліоновъ за свободу, которой они только и добивались, и не предоставилъ потомъ даромъ всему роду земли и угодья, освобожденныя отъ піявокъ и эксплуататоровъ?"

Н. П. Огаревъ.
Портр., написан. крѣпостн. худож.)

О благодарности бѣлоомутскихъ крестьянъ свидѣтельствуетъ замѣчательный приговоръ сельскаго схода, когда бывшіе крѣпостные Огарева узнали о смерти своего помѣщика.

„Принимая во вниманіе, — говорится въ приговорѣ, — всѣ оказанныя имъ нашему обществу, неизгладимыя изъ памяти благодѣянія, какъ въ бытность крѣпостного права, такъ и при отпускѣ на волю въ свободные хлѣбопашцы въ количествѣ 1.820 душъ, со всѣми угодьями, состоящими при нашемъ селѣ, за соразмѣрную безъ отягощенія насъ сумму, мы единогласно постановили: дабы почтить память нашего незабвеннаго и любимаго нами помѣщика Н. П. Огарева, съ сего 1877 г. учредить отнынѣ и на всѣ времена: въ день смерти его, 31 мая, каждогодно, въ воскресный день, ближайшій къ этому числу, творить объ упокоеніи души его и родителей его поминовеніе въ церкви черезъ священнослужителей службой соборной панихиды и, кромѣ того, ежедневно имѣть поминовеніе души его съ родителями; расходъ на это производить изъ общественныхъ суммъ".

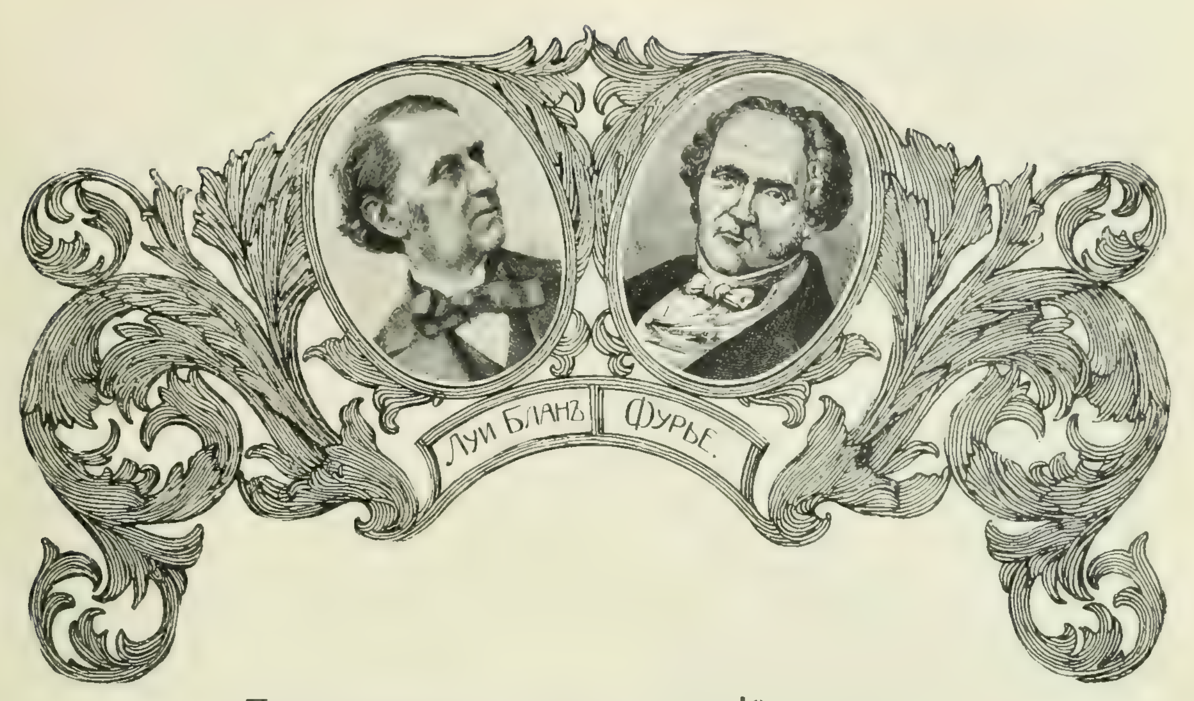
Позже, въ 1900 г., по ходатайству бѣлоомутскихъ крестьянъ въ селеніи разрѣшено учредить библіотеку имени Н. П. Огарева, и когда Н. А. Тучкова-Огарева (вдова поэта) прислала его портретъ, сельскій сходъ постановилъ: „благодарить ее за даръ, присланный портретъ ея супруга, бывшаго на-

шего помѣщика Николая Платоновича Огарева, память о которомъ въ продолженіе 60 лѣтъ со дня освобожденія нашего жива, живетъ и вѣчно будетъ жить въ сердцахъ нашихъ семействъ, какъ объ отцѣ и благодѣтелѣ, щедро наградившемъ наше общество своимъ имуществомъ, которымъ мы, владѣя и пользуясь, живемъ обезпеченно".

Къ сожалѣнію, даже Огаревъ ограничился лишь освобожденіемъ бѣлоомутскихъ крестьянъ, и крестьяне въ остальныхъ его имѣніяхъ (около 2.000 душъ) не были имъ освобождены. Онъ самъ пытался управлять своими имѣніями, думалъ завести рядъ фабрикъ, которыя давали бы крестьянамъ заработокъ, мечталъ основать сельскую школу съ очень обширнымъ курсомъ, но всѣ эти благія начинанія или оканчивались неудачами или замирали въ зародышѣ.

„Непрактичность" и „усталость" были характерными чертами людей 40-хъ годовъ. Вся ихъ энергія уходила преждевременно на освобожденіе себя отъ грязи окружавшей среды, на выработку міросозерцанія, на тяжелую борьбу съ тогдашними условіями. Громадная масса времени и труда затрачивалась на „подготовительную работу", на теоретическую подготовку; изученіе дѣйствительности забывалось, и поэтому идеалисты теоретики, сталкиваясь съ этою дѣйствительностью, часто оказывались безпомощными. Безпомощность эта осложнялась еще „усталостью", сознаніемъ того, что „одинъ въ полѣ не воинъ". Волей-неволей почти вся ихъ дѣятельность сводилась къ распространенію гуманныхъ идей путемъ печати и слова, а на примѣненіе этихъ идей на практикѣ не хватало воли, а иногда и силъ. Но эти отрицательныя черты не уменьшаютъ громаднаго значенія, которое имѣли московскіе кружки 40-хъ годовъ на ходъ развитія русской общественной мысли. „Никогда, ни прежде ни послѣ, — говорилъ Кавелинъ, — не было у насъ сосредоточено въ одномъ пунктѣ столько образованности, ума, талантовъ, знаній. Москва была въ сороковыхъ годахъ центромъ умственнаго движенія въ Россіи, къ которому, прямо или косвенно, примыкало почти все замѣчательное въ ней въ умственномъ и нравственномъ мірѣ. Здѣсь запасались и вырабатывались тѣ нравственныя силы, которыя пошли въ дѣло при начавшемся послѣ крымской войны обновленіи нашего внутренняго быта и строя".

В. Батуринскій.

Петрашевцы и крестьянскій вопросъ.

Проф. В. И. Семевскаго.

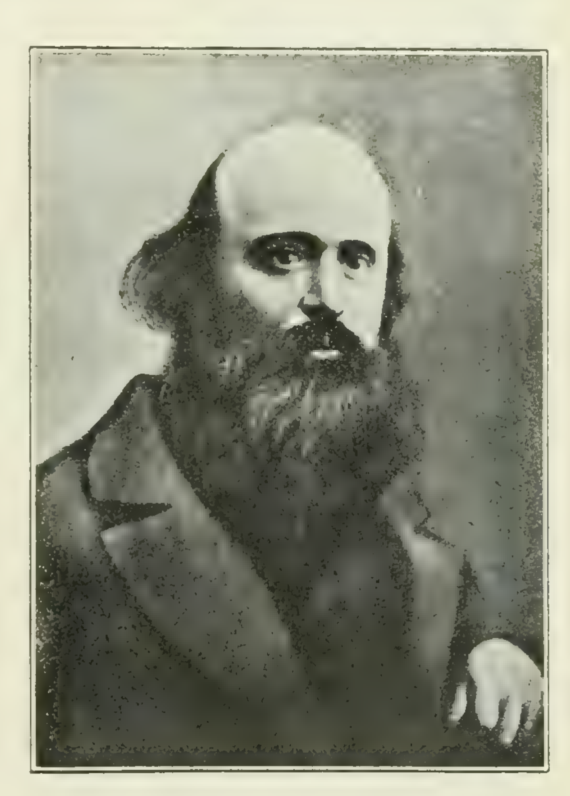
Въ статьѣ объ отношеніи декабристовъ къ вопросу объ уничтоженіи крѣпостного права было упомянуто о вліяніи на „Русскую Правду" Пестеля взглядовъ на аграрную реформу французскихъ предшественниковъ соціализма. Побѣда стараго политическаго строя въ лицѣ императора Николая I надъ стремленіями къ политическимъ преобразованіямъ декабристовъ побудила наиболѣе чуткую молодежь тридцатыхъ годовъ обратиться преимущественно къ вопросамъ соціальнымъ. „Русская Правда" Пестеля была тщательно скрыта правительствомъ за казенными печатями, и вниманіе юныхъ друзей, Герцена и Огарева, было направлено на вопросы соціальными брошюрами сенъ-симонистовъ, ихъ проповѣдями, ихъ процессомъ 1832 г. Уже въ 1833 г., окончивъ университетскій курсъ, Герценъ писалъ Огареву. „Сенъ-симонизмъ имѣетъ право насъ занять. Мы чувствуемъ..., что міръ ждетъ обновленія..., надо другія основы положить обществамъ Европы". Тутъ же онъ указываетъ на систему Фурье по поводу одной статьи о ней во французскомъ журналѣ (1832); вскорѣ послѣ того Огаревъ выражаетъ сочувствіе „фаланстерству". Но сенъ-симонистскія вліянія на Герцена были, по его словамъ, сильнѣе фурьеристскихъ: „сенъ-симонизмъ,— говоритъ Герценъ въ „Быломъ и Думахъ",—легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался въ

существеннымъ". Однако Огаревъ въ „Исповѣди лишняго человѣка" отмѣчаетъ большое значеніе въ ихъ развитіи и фурьеризма. „Мы, дѣти декабристовъ и міра новаго ученики, ученики Фурье и Сенъ-Симона, мы поклялись, что посвятимъ всю жизнь народу, и его освобожденью основою положимъ соціализмъ". Слѣдователи во время процесса 1834 г. заподозрили Герцена и Огарева, по свидѣтельству перваго, въ „мнѣніяхъ революціонныхъ и проникнутыхъ ученіемъ сенъ-симонизма", и послѣ девятимѣсячнаго заключенія дѣло окончилось для нихъ административною ссылкою. Таково было офиціальное крещеніе русскаго соціализма непосредственно вслѣдъ за тѣмъ, какъ во Франціи въ 1834 г. Пьеръ Леру впервые употребилъ въ печати самое слово „соціализмъ". Поэтому Герценъ, выяснивъ себѣ позднѣе значеніе аграрныхъ плановъ Пестеля, имѣлъ основаніе назвать его „соціалистомъ прежде соціализма".

Сочувствіе сенъ-симонизму Герцена и Бѣлинскаго выразилось въ горячемъ восхваленіи въ ихъ печатныхъ статьяхъ произведеній Жоржъ-Зандъ. Дневникъ Герцена первой половины 1840-хъ годовъ обнаруживаетъ значительный интересъ его и къ сенъ-симонизму и къ фурьеризму; признавая здѣсь иногда, что фурьеризмъ всего глубже раскрылъ вопросъ о соціализмѣ. Герценъ заимствовалъ для созданія собственнаго міросозерцанія симпатичныя ему черты изъ обоихъ ученій. Онъ признавалъ, что фурьеристы совершенно правы, обличая современную промышленность, но, оберегая свободу личности, находилъ стѣснительнымъ обязательный, по его мнѣнію, отчасти казарменный, строй фаланстера. Бѣлинскій, по свидѣтельству Достоевскаго, былъ убѣжденъ, что соціализмъ вообще „не только не разрушаетъ свободы личности, а, напротивъ, возстановляетъ ее въ неслыханномъ величіи, но на новыхъ основаніяхъ". Эти оттѣнки мнѣній двухъ друзей сказались въ ихъ отношеніи къ существеннѣйшей сторонѣ поземельнаго строя нашихъ крестьянъ. Въ 1843 г. Гакстгаузенъ, при свиданіи съ Герценомъ, обратилъ его вниманіе на нашу поземельную общину, но онъ, столь горячо защищавшій ее впослѣдствіи, отнесся къ ней сдержанно и съ нѣкоторыми сомнѣніями. Напротивъ, Бѣлинскій взглянулъ на общину слишкомъ оптимистично, считая ее вполнѣ надежною гарантіею отъ развитія пролетаріата, отрицая и въ печатныхъ статьяхъ возможность его у насъ, а въ разговорѣ съ Грановскимъ высказалъ мысль, что Россія лучше сумѣетъ разрѣшить соціальный вопросъ и покончить съ капиталами и собственностью, чѣмъ Западная Европа. Впослѣдствіи Герценъ также высказывалъ мысль, что у насъ сельскій пролетаріатъ— вещь невозможная. Одною изъ симпатичныхъ чертъ общиннаго строя было для него то, что въ общинѣ земля не переходитъ по наслѣдству: въ этомъ было до нѣкоторой степени осуществлено въ аграрной сферѣ преобладающее требованіе сенъ-симонизма—перенесеніе права наслѣдованія съ семьи на государство. Бѣлинскій въ статьѣ о „Парижскихъ Тайнахъ" Евгенія Сю, а Гер-

ценъ въ „Письмахъ изъ Avenue Marigny“ высказали горячее сочувствіе пролетаріату и отвращеніе къ властвующей буржуазіи. Не даромъ Достоевскій называетъ Бѣлинскаго страстнымъ соціалистомъ.

П. Анненковъ въ своихъ воспоминаніяхъ свидѣтельствуетъ, что, пріѣхавъ въ Петербургъ изъ-за границы въ 1843 г., онъ встрѣтилъ въ немъ „отраженіе многихъ сторонъ тогдашней интеллектуальной жизни Парижа. Книга Прудона о собственности, „Икарія“ Кабе, сочиненія Фурье, — все это служило предметомъ изученія, горячихъ толковъ, вопросовъ и чаяній всякаго рода... Книги названныхъ авторовъ были во всѣхъ рукахъ въ эту эпоху... подвергались всестороннему изученію и обсужденію, породили, какъ прежде Шеллингъ и Гегель, своихъ ораторовъ, комментаторовъ, толковниковъ“. Нашъ знаменитый сатирикъ Салтыковъ въ одномъ изъ своихъ произведеній говоритъ, что, оставивъ школьную скамью въ сороковыхъ годахъ, онъ, „воспитанный на статьяхъ Бѣлинскаго, естественно, примкнулъ къ западникамъ. Но не къ большинству западниковъ..., а къ тому безвѣстному кружку, который... прилѣпился къ Франціи. Разумѣется, не къ Франціи Луи-Филиппа и Гизо, а къ Франціи Сенъ-Симона, Кабе, Фурье, Луи-Блана и въ особенности Жоржъ-Занда. Оттуда лилась на насъ вѣра въ человѣчество, оттуда возсіяла намъ увѣренность, что „золотой вѣкъ“ находится не позади, а впереди насъ... Словомъ сказать, все доброе, все желанное и любвеобильное—все шло оттуда“. Въ несомнѣнно автобіографическомъ очеркѣ „Имярекъ“ Салтыковъ говоритъ: „Глядя на вожаковъ, онъ называлъ себя фурьеристомъ“.

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

Однимъ изъ этихъ вожаковъ, несомнѣнно, былъ Мих. Вас. Буташевичъ-Петрашевскій, воспитывавшійся, какъ и Салтыковъ, въ лицеѣ, но окончившій курсъ въ 1840 г., на четыре года ранѣе нашего знаменитаго сатирика. Въ показаніи, снятомъ съ Салтыкова въ Вяткѣ (послѣ ареста Петрашевскаго), онъ призналъ, что „по выходѣ изъ лицея бывалъ у Петрашевскаго нерѣдко по пятницамъ“ (день собраній у него) и въ числѣ прочихъ встрѣчалъ тамъ извѣстнаго критика Валеріана Майкова, Николая Данилевскаго (тогда боль-

ного знатока ученія Фурье, а впослѣдствіи теоретика славянофильства) и Аполлона Григорьева (литератора, позднѣе автора многихъ критическихъ статей). Салтыковъ былъ знакомъ и съ поэтомъ Плещеевымъ, членомъ одного изъ кружковъ петрашевцевъ, и частію лично, частію чрезъ Плещеева бралъ книги изъ библіотеки, учрежденной на деньги, собранныя въ складчину, для изученія литературы по соціализму и экономическимъ и общественнымъ вопросамъ вообще [1]).

М. В. Буташевичъ-Петрашевскій въ 1836 г., еще 14-лѣтнимъ мальчикомъ, былъ замѣченъ въ лицеѣ „въ либеральномъ образѣ мыслей"; окончивъ въ немъ курсъ, онъ поступилъ въ университетъ вольнослушателемъ по юридическому факультету и въ слѣдующемъ году сдалъ экзаменъ на кандидата. Уже въ это время онъ былъ убѣжденъ въ необходимости республиканской формы правленія, прекращенія войнъ и полной терпимости въ дѣлахъ вѣры. Вслѣдъ за тѣмъ онъ предался ревностному изученію сочиненій Фурье. Усвоивъ его систему и ознакомившись со многими сочиненіями по соціальнымъ и юридическимъ вопросамъ, Петрашевскій началъ распространять свои взгляды какъ путемъ устной пропаганды, такъ и раздавая знакомымъ иностранныя книги и журналы [2]). Въ 1845 г. онъ сталъ собирать у себя по пятницамъ своихъ знакомыхъ, — учителей, молодыхъ литераторовъ и студентовъ съ цѣлью вліять на молодое поколѣніе въ духѣ соціализма. Не задаваясь здѣсь цѣлью характеризовать взгляды кружка Петрашевскаго и другихъ близкихъ съ нимъ кружковъ вообще, я остановлюсь только на ихъ отношеніи къ крестьянскому вопросу.

Еще въ 1843 г. Петрашевскій записалъ большое количество темъ, намѣченныхъ имъ для разсмотрѣнія; одна изъ нихъ была озаглавлена такъ: „О (sic) образѣ устройства освобожденныхъ крестьянъ". Въ 1845 г. подъ име-

---

[1]) Въ этой библіотекѣ были, между прочимъ, сочиненія Огюста Конта, Луи-Блана, Кабе, Ламенэ, книги о сенъ-симонизмѣ, фурьеризмѣ, объ освобожденіи рабовъ, о собственности и проч.

[2]) Въ 1844 г. онъ просилъ о принятіи его на должность воспитателя лицея и о допущеніи къ преподаванію юридическихъ наукъ въ этомъ заведеніи, но получилъ отказъ. Осенью того же года начальству сдѣлалось извѣстно, что трое изъ воспитанниковъ младшаго курса лицея посѣщали по праздникамъ Петрашевскаго безъ дозволенія начальства, и вліяніе его обнаружилось «скептическимъ настроеніемъ мысли относительно предметовъ вѣры и существующаго общественнаго порядка, якобы несовмѣстнаго съ благоденствіемъ людей». Одинъ изъ этихъ лицеистовъ, Алексѣй Унковскій, извѣстный общественный дѣятель въ эпоху реформъ, былъ исключенъ изъ заведенія, другой подвергнутъ тѣлесному наказанію, а третій исключенъ еще ранѣе. Принцъ Петръ Георг. Ольденбургскій, въ главномъ завѣдываніи котораго находился лицей, довелъ до свѣдѣнія петербургскаго генералъ-губернатора Кавелина, что пребываніе въ Петербургѣ Петрашевскаго весьма опасно для воспитывающагося въ учебныхъ заведеніяхъ юношества. Шефъ жандармовъ гр. Орловъ также узналъ отъ принца Ольденбургскаго, что Петрашевскій «говорунъ». Вслѣдствіе этого Петрашевскаго, состоявшаго на службѣ въ департаментѣ внутреннихъ сношеній Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отдали подъ секретный надзоръ, который, однако, не обнаружилъ ничего предосудительнаго и потому былъ скоро прекращенъ.

немъ И. Кириллова, автора беллетристическихъ очерковъ, появлявшихся въ печати. Петрашевскій началъ издавать „Карманный словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка", въ первомъ выпускѣ котораго принималъ участіе и Вал. Майковъ, но главнымъ сотрудникомъ котораго былъ самъ Петрашевскій, человѣкъ чрезвычайно начитанный въ разныхъ областяхъ знанія и серьезно образованный. Главною задачею словаря, которую, впрочемъ, оказалось возможнымъ до извѣстной степени выполнить лишь во второмъ выпускѣ, вышедшемъ въ свѣтъ въ слѣдующемъ году, была пропаганда соціализма, но въ статьяхъ „Негрофилъ" и „Негры" затрогивалось и рабство. Здѣсь авторъ приводитъ слова папы Льва X, что „невольничество противно какъ христіанской религіи, такъ и человѣческой природѣ". Негрофилы, не ограничиваясь борьбою съ торговлею неграми, „начали стремиться къ уничтоженію невольничества, начали представлять, что негры, рожденные въ коловіяхъ, не менѣе заслуживаютъ сострадания, какъ и тѣ, которые живутъ въ Африкѣ". Авторъ указываетъ на то, что въ 1824 г. въ Англіи былъ принятъ билль, которымъ смягчена и опредѣлена мѣра наказаній для рабовъ и указаны случаи, когда эти наказанія допускаются, запрещено заковывать негровъ въ цѣпи и разлучать при продажѣ членовъ семейства, признано за неграми-рабами безусловное право собственности—движимой и недвижимой, и они допущены къ свидѣтельству на судѣ противъ своихъ господъ. Наконецъ актомъ парламента въ 1833 г. рабство негровъ было окончательно уничтожено во всѣхъ американскихъ и африканскихъ колоніяхъ Англіи, при чемъ рабовладѣльцы должны были получить вознагражденіе въ 20 милл. фунт. стерл. Въ заключеніе авторъ, прямо намекая на наше крѣпостное право, указываетъ на „разумность и святость уничтоженія подобнаго рабства и угнетенія". Въ статьѣ „Національное собраніе" упомянуто объ уничтоженіи въ началѣ французской революціи (въ ночь 4 августа 1789 г.) „рабства" (l'abolition de la qualité de serf)" и „феодальныхъ судовъ".

Н. Кашкинъ. (Изъ альбома портр. член. Калуж. губ. ком.).

В. Зотовъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, явившись по приглашенію Петрашевскаго на одну изъ его пятницъ въ началѣ 1846 г., онъ засталъ у него довольно многочисленное общество, человѣкъ 20, за чтеніемъ записки о необходимости освобожденія крестьянъ. Зотовъ пришелъ поздно, къ концу чтенія, но присутствовалъ при вызванныхъ ею пре-

ніяхъ, которыя произвели на него неблагопріятное впечатлѣніе [1]). Но упреки эти малоосновательны, такъ какъ послѣ Радищева никто не далъ еще въ [illegible] полной, удовлетворяющей требованіямъ передовыхъ людей программы рѣшенія крестьянскаго вопроса; это сдѣлалъ нѣсколько позднѣе лишь Герценъ, но и то въ его заграничныхъ изданіяхъ первой половины 1850-хъ годовъ. Заслуга же Петрашевскаго во всякомъ случаѣ состояла въ томъ, что онъ будилъ и поддерживалъ въ обществѣ интересъ къ этому дѣлу первѣйшей важности и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространялъ освободительныя идеи. Впрочемъ, неодобрительный отзывъ Зотова, къ тому же весьма неопредѣленный, относится лишь къ преніямъ, о самой же читанной запискѣ онъ ничего не говоритъ.

Въ бумагахъ Петрашевскаго сохранилось двѣ записки по крестьянскому вопросу. Первая изъ нихъ озаглавлена: „Проектъ объ освобожденіи крестьянъ", написанный рукою Петрашевскаго, видимо, вчернѣ, такъ какъ въ немъ есть недописанныя фразы, онъ не вполнѣ обработанъ и на первомъ листѣ его есть продолженіе выписки изъ какой-то французской книги, гдѣ, между прочимъ, упоминается о людяхъ, болѣе всего стремящихся къ прекращенію рабства негровъ. Какъ внѣшніе признаки, такъ равно слогъ [2]) и содержаніе проекта даютъ полное основаніе думать, что онъ принадлежитъ самому Петрашевскому.

„Проектовъ, имѣвшихъ цѣлью освобожденіе крестьянъ,—говоритъ авторъ,—или установленіе правильныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками въ Россіи, являлось множество, и всѣ они, какъ намъ извѣстно, по большей части являлись неудовлетворительными. Причинъ этому было много, и въ нихъ играли главную роль личныя отношенія ихъ составителей, такъ что, читая большую часть изъ нихъ, можно... опредѣлить, не зная лица (автора), какъ принадлежность его къ извѣстному сословію, такъ и къ должностямъ или роду службы, имъ занимаемой": проекты чиновника того или другого министерства, литератора, занимающагося изящною словесностію, священника, офицера генеральнаго штаба можно легко отличить отъ проектовъ доктора, купца или „великорусскаго помѣщика, гордящагося своей родовитостью и сожалѣющаго въ глубинѣ сердца о боярщинѣ, мѣстничествѣ, патріархальности", отъ проектовъ придворнаго, ханжи или свѣтскаго фата, готовящагося въ камеръ-юнкеры [3]). Всѣ эти проекты, по мнѣнію автора за-

[1]) «Посыпались,—говоритъ Зотовъ,—предложенія всякаго рода,—и возможныя и совершенно фантастическія, но все это было не разработано, не приведено въ систему, не выяснено, главная черта—не практично».

[2]) Напр., обыкновеніе пояснять свою мысль французскими словечками.

[3]) Петрашевскій, серьезно интересовавшійся и естествознаніемъ, замѣчаетъ на поляхъ, что Кювье по одному клыку могъ воспроизвести все животное, и прибавляетъ: «скажите мнѣ глупость, я опредѣлю, чья она».

писки, „грѣшатъ односторонностью“ и простотою пріемовъ. Составители ихъ приступаютъ къ разрѣшенію этого сложнаго дѣла, „отъ котораго зависитъ благосостояніе милліоновъ“, безъ надлежащаго опредѣленія и выясненія необходимыхъ для этого вопросовъ. Многіе государственные люди не подготовлены къ рѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ и потому стараются „умалять его значеніе“. Авторъ говоритъ, что нельзя даже назвать „опытами“ такого рѣшенія „разныхъ полумѣръ, которыя являлись въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ, и неудовлетворяющихъ тѣмъ цѣлямъ, съ каковыми онѣ появлялись, этихъ похвальныхъ по своимъ намѣреніямъ законодательныхъ случайностей, несогласныхъ съ духомъ положительнаго законодательства, правами и экономическими учрежденіями страны, дѣйствующихъ раздражительно на умы, никому не доставляя ни надлежащаго удовлетворенія ни обезпеченія въ будущемъ, поражающихъ массу общества своей неожиданностью, которыя являются и болѣе законодательными предвареніями всѣхъ тѣхъ, до кого могло сіе касаться, о томъ, каковаго направленія въ духѣ администраціи можно приблизительно ожидать на будущее время“. На замѣчаніе — „что-нибудь лучше, чѣмъ ничего“, авторъ отвѣчаетъ: „но лучше ничего, чѣмъ худое“.

Д. Д. Ахшарумовъ.

Поставивъ вопросъ: „какіе могутъ быть способы освобожденія крестьянъ?“ авторъ спѣшитъ высказать свое собственное мнѣніе: первымъ „и самымъ простымъ способомъ можетъ для сего являться прямое, безусловное освобожденіе ихъ съ тою землею, которая ими была обрабатываема, безъ всякаго вознагражденія за то помѣщика. Такое разрѣшеніе этого вопроса просто, да и не слишкомъ несправедливо, на томъ основаніи, что родъ человѣческій есть въ совокупности обладатель земного шара“, и „всякій отдѣльный членъ человѣчества имѣть можетъ ту часть въ своемъ владѣніи земного шара“, которая пришлась бы на его долю по раздѣлу поровну между всѣми его обитателями, ту „часть земли, которую прочіе его совладѣтели на земномъ шарѣ изъ нашей планеты ему заблагоразсудили за что-либо свободно уступить“. Принявъ въ соображеніе, что на земной поверхности есть еще много не воздѣланной земли, авторъ находитъ, что „пай, нами данный крестьянину, будетъ несравненно менѣе того, какой ему слѣдовало бы по-настоящему получить. Имѣя это въ виду, нельзя не признаться въ томъ, что все-таки при семъ раздѣлѣ на долю помѣщиковъ придется хорошая, чуть не льви-

ная часть. Ибо въ пользу ихъ останутся тѣ поля, кои не нужны для пропитанія освобожденныхъ крестьянъ, строенія, ими для нихъ сдѣланныя, и т. п.

Итакъ освобожденіе крестьянъ съ землею, которая обрабатывалась ими (для себя) безъ всякаго вознагражденія за нее помѣщикамъ — вотъ, по мнѣнію Петрашевскаго, самое простое и справедливое рѣшеніе крестьянскаго вопроса, но онъ самъ чувствуетъ всю трудность осуществленія его на дѣлѣ. „Такое рѣшеніе вопроса объ уничтоженіи рабства", говоритъ онъ, было бы единственно годнымъ или возможнымъ, если бы у разныхъ людей было тождество въ развитіи, — тогда это ничего не представило (бы) неудобнаго. Это рѣшеніе сего вопроса можно признать справедливымъ". Здѣсь обрывается записка Петрашевскаго.

Высказавъ свое собственное мнѣніе, онъ долженъ былъ, конечно, считаться съ мнѣніями другихъ по этому предмету. Мадерскій, молодой человѣкъ, жившій у Петрашевскаго, показалъ, что на одномъ изъ собраній у него былъ читанъ проектъ объ освобожденіи крестьянъ, составленный Андреевымъ. Петрашевскій же заявилъ, что проектъ этотъ составленъ „какимъ-то господиномъ Ушаковымъ", ему неизвѣстнымъ, и былъ полученъ имъ отъ Барановскаго. Вѣроятно, дѣло идетъ о запискѣ (сохранившейся въ бумагахъ Петрашевскаго) подъ заглавіемъ „Письмо помѣщика . . .ской губерніи объ обращеніи помѣщичьихъ крестьянъ въ свободныхъ землевладѣльцевъ".

Авторъ письма начинаетъ съ того, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ «занимаетъ всю Россію, составляетъ предметъ сужденій и толковъ всѣхъ сколько-нибудь мыслящихъ людей». Отъ рѣшенія этого вопроса «зависитъ спокойствіе отечества, благоденствіе крестьянъ, состояніе и самая жизнь помѣщиковъ». «Настоящія отношенія» между помѣщиками и крестьянами «не могутъ долго существовать, во-первыхъ, потому, что они положительно не опредѣлены и потому зависятъ отъ произвола, а во-вторыхъ, потому, что они неестественны. Идея свободы, какъ электрическая искра, пробѣжала по деревнямъ и селамъ, умы крестьянъ въ броженіи, страсти разгораются, всякій понимаетъ по-своему эту ожидаемую свободу, и, согласно съ ожиданіями, родятся, несомнѣнно, въ скоромъ времени и требованія. Уже распускаются самые опасные слухи: въ народѣ толкуютъ, даже будто вышелъ уже указъ о свободѣ, который будто бы скрывается помѣщиками. Общій крикъ: «Государь хочетъ насъ сдѣлать свободными, а бояре ему мѣшаютъ!» Логическое слѣдствіе этой мысли, глубоко вкоренившейся въ народѣ, можетъ быть только—рано или поздно—общее возстаніе крестьянъ противъ предполагаемыхъ утѣснителей своихъ. Отъ помѣщиковъ «зависитъ принять мѣры, которыя бы разубѣдили крестьянъ ихъ» и «отвратили отъ отечества грозящую ему опасность», иначе «пожаръ вспыхнетъ и прежде всѣхъ истребитъ всѣхъ помѣщиковъ». «Большая часть помѣщиковъ,—продолжаетъ авторъ,—говорятъ, что они не прочь дать свободу крестьянамъ, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобъ сохранить землю. Я думаю, что помѣщики, желающіе этого, не понимаютъ сами истинныхъ выгодъ своихъ, а увлекаются только пріятною мыслью, что освободятся отъ заботъ, сопряженныхъ съ крѣпостнымъ состояніемъ, и отъ обязанностей, которыя до сихъ поръ лежатъ на нихъ, относительно прокормленія крестьянъ и обсѣянія полей ихъ въ случаѣ неурожая, относительно покупки лошадей и рогатаго скота въ случаѣ падежа. Если эта мысль

несправедлива, хотя и нисколько не филантропическая, то, съ другой стороны, не должно забыть, что отпустить крестьянъ на волю безъ земли, т.-е. безъ всякой недвижимой собственности, значить совершенно разорить помѣщиковъ, лишивъ ихъ всякой возможности, по крайней мѣрѣ, въ первое время, имѣть работниковъ для воздѣлыванія полей. Это слѣдствіе весьма естественно: крестьяне еще не довольно развиты, чтобъ удовольствоваться однимъ глухимъ словомъ «свобода», которой они желаютъ единственно для улучшенія матеріальнаго быта своего,—поэтому, если не сдѣлать этого, т.-е. не дать имъ собственности, которая есть первое основаніе порядка, то они неминуемо будутъ искать свободы въ праздности, пьянствѣ и буйствѣ, за этимъ послѣдуютъ грабительства, убійства, хозяйство будетъ совершенно оставлено, и 6.000.000 людей могутъ умереть съ голоду».

Авторъ письма предлагаетъ: 1) «Обратить въ полную собственность помѣщичьихъ крестьянъ ту часть земли, которая нынѣ находится въ пользованіи ихъ, обязавъ ихъ принять на себя ту часть казеннаго долга, которая относительно количества земли придется на долю ихъ, прибавивъ къ тому еще различіе между оцѣнкой и дѣйствительной цѣнностью... Если имѣніе не заложено, то всю сумму крестьяне должны своему бывшему помѣщику и могутъ по произволу своему или внести ее разомъ, или уплатить въ 26 лѣтъ, платя 5%, и, кромѣ того, 2% въ уплату капитала... 2) Такъ какъ такого рода выкупъ крестьянъ самъ собою уничтожаетъ всякаго рода барщину, то помѣщикъ долженъ будетъ нанимать ихъ же самихъ или другихъ работниковъ для своего хозяйства. Но такъ какъ въ первое время крестьяне, быть-можетъ, по разнымъ причинамъ не захотятъ наниматься къ помѣщику своему, то при объявленіи новаго порядка вещей должно быть тоже опредѣлено, хотя на первые три года, что крестьяне обязаны ставить по требованію помѣщика извѣстное число работниковъ конныхъ или пѣшихъ за плату, которая должна быть назначена по каждому уѣзду. Крестьяне же должны бы получить названіе свободныхъ землевладѣльцевъ и быть подъ вѣдомствомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и особеннымъ попечительствомъ представителей дворянства. 3) Всѣ поборы натурою, подъ названіемъ столовыхъ и другихъ, должны быть уничтожены... 4) Дворовые люди дѣлаются свободными, но обязаны въ теченіе года прослужить у помѣщика, если онъ того потребуетъ, или платить ему оброкъ въ теченіе этого года; но помѣщику не должно быть предоставлено право выбирать одного человѣка изъ семейства; это подало бы поводъ къ большимъ злоупотребленіямъ. Онъ долженъ или сохранить все семейство, или все отпустить» [1]. Письмо заканчивается такими словами: «Дай Богъ, чтобы помѣщики рѣшились на эти улучшенія: нынче это возможно и привяжетъ къ нимъ благодарностью крестьянъ: быть-можетъ, завтра будетъ поздно, и никакія жертвы не обезоружатъ тогда столь долго угнетенный классъ народа».

Въ этомъ проектѣ, слѣдовательно, въ отличіе отъ предположенія Петрашевскаго освободить крестьянъ съ землею, находившеюся въ ихъ пользованіи, безъ всякаго вознагражденія помѣщикамъ предлагается освобожденіе ихъ съ тою же землею за опредѣленный выкупъ, вносимый крестьянами. Проектъ очень кратокъ, и въ немъ нѣтъ рѣчи о содѣйствіи крестьянамъ со стороны государства кредитною операціею. Разногласіе въ показаніяхъ Мадерскаго и Петрашевскаго относительно имени автора проекта, сокрытіе въ заглавіи письма даже названія губерніи, гдѣ было его имѣніе, и, наконецъ, то, что

---

[1] Въ слѣдующемъ пунктѣ проекта рѣчь идетъ объ учрежденіи народныхъ училищъ, «по крайней мѣрѣ, на 300 душъ по одному».

рукопись письма, сохранившаяся въ бумагахъ Петрашевскаго, вѣроятно, написанная, судя по почерку, одною изъ его сестеръ, вызываютъ предположеніе, что, быть можетъ, письмо это составлено однимъ изъ членовъ кружка петрашевцевъ съ цѣлію пропаганды идеи освобожденія съ землею среди помѣщиковъ. Какъ мы уже указали, мысль Петрашевскаго о томъ, что всего справедливѣе было бы освободить крестьянъ съ землею безъ всякаго вознагражденія, ему самому, повидимому, казалась едва ли осуществимою; поэтому могло явиться желаніе выступить съ болѣе пріемлемымъ правительствомъ и дворянствомъ проектомъ, отъ имени одного изъ помѣщиковъ. Судя по его слогу, проектъ во всякомъ случаѣ составленъ не самимъ Петрашевскимъ.

Ни въ проектѣ Петрашевскаго, ни въ „Письмѣ помѣщика“ не затрогивается вопросъ о формахъ крестьянскаго землевладѣнія; помѣщикъ говоритъ о предоставленіи въ „собственность“ крестьянъ земли, находящейся въ ихъ пользованіи, но не разъясняетъ, въ собственность ли общины или отдѣльныхъ хозяевъ. Но изъ неизданной также записки Петрашевскаго подъ заглавіемъ „Объясненіе, что такое соціализмъ“, видно, что онъ, какъ это и естественно для соціалиста, былъ сторонникомъ общиннаго землевладѣнія. Здѣсь онъ говоритъ: „Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей юродивости не дошедшаго до той нищеты, которая бы его лѣни соотвѣтствовала,— ищите причину, вы найдете, что передѣлъ полей, общее пользованіе землею и есть тому причина“.

Не говоря уже о мысли въ проектѣ Петрашевскаго о безвозмездномъ освобожденіи крестьянъ съ землею, даже предположенія, высказанныя въ „Письмѣ помѣщика“, не встрѣтили бы сочувствія въ тогдашнемъ дворянствѣ и не были бы одобрены правительствомъ [1]).

У семьи Петрашевскихъ (его самого, матери и 4 сестеръ) было нераздѣленное имѣніе въ 240—250, а по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ и около 300 душъ въ Новоладожскомъ уѣздѣ, Петербургской губ. При предположенномъ въ ближайшемъ будущемъ раздѣлѣ (какъ видно, поровну) онъ долженъ былъ получить на свою долю отъ 40 до 50 душъ. Званіе помѣщика Петербургской губ. возбудило въ немъ мысль поднять крестьянскій вопросъ въ петербургскомъ губернскомъ дворянскомъ собраніи. Очевидно, изъ опасенія противодѣйствія со стороны правительства и самихъ дворянъ онъ далъ своему проекту заглавіе: „О способахъ увеличенія цѣнности дворянскихъ или населенныхъ имѣній“ и включилъ въ него лишь немногія предположенія относительно крестьянъ. Утверждая, что тогдашняя цѣна населенныхъ имѣній ниже ихъ дѣйствительной стоимости и что это вредно для общественнаго благосостоянія, Петрашевскій считалъ одною изъ причинъ этого „предоста-

—

[1]) Сравни мою статью въ сборникѣ «Крестьянскій строй», изд. кн. П. Д. Долгорукова и гр. С. Л. Толстого, 1905 г., т. I, стр. 269—279.

вленіе владѣнія населенными землями одному только классу“ и потому предлагалъ дать купцамъ право пріобрѣтать населенныя земли подъ условіемъ обращать крестьянъ изъ крѣпостныхъ въ обязанные (на основаніи указа 2 апрѣля 1842 г. [1]) и затѣмъ участвовать въ дворянскихъ собраніяхъ по дѣламъ, касающимся обоихъ сословій, какъ землевладѣльцевъ. Одновременно съ этимъ онъ совѣтовалъ крестьянамъ дать право выкупаться на свободу за извѣстную сумму. Петрашевскій отлитографировалъ свою записку и во время дворянскихъ выборовъ въ Петербургѣ роздалъ ее въ количествѣ до 200 экз. [2]). Какъ видно изъ заключенія къ ней, Петрашевскій надѣялся подробно изложить всѣ перечисленныя въ ней мѣры въ губернскомъ дворянскомъ собраніи и „словесно разрѣшить тогда же всѣ недоразумѣнія и вопросы разнаго рода, могущіе возникнуть“ по этому предмету [3]). Но петербургскій губернскій предводитель дворянства Потемкинъ объявилъ Петрашевскому, что государю „благоугодно, дабы о семъ предметѣ не было разсужденій“. Петрашевскій усомнился въ вѣрности этого заявленія, но подчинился требованію Потемкина, хотя и считалъ, что по закону имѣетъ полное право внести свое предложеніе и такимъ образомъ „разрѣшить многое въ труднѣйшемъ изъ всѣхъ вопросовъ нашей общественной жизни“. Что Потемкинъ дѣйствовалъ не по собственному усмотрѣнію, а по внушенію свыше, можно заключить изъ того, что когда въ томъ же 1848 г. дворяне Царскосельскаго, Ямбургскаго и Петербургскаго уѣздовъ задумали составить поло-

А. Н. Плещеевъ (портр. Ярошенко.)

---

[1]) См. мою книгу «Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка», т. II, стр. 63—64.

[2]) Онъ посылалъ ее и въ другіе города, какъ, напр., художнику Бернардскому въ Кіевъ, Н. М. Благовѣщенскому (извѣстному впослѣдствіи профессору римской словесности) въ Казань и другимъ.

[3]) «Былое», 1906 г., № 4, стр. 60—62.

женіе, точно опредѣляющее повинности помѣщичьихъ крестьянъ, и для выработки его выбрали особые комитеты, то министръ внутреннихъ дѣлъ нашелъ избраніе комитетовъ противозаконнымъ, и дѣйствія дворянства въ этомъ направленіи были прекращены [1]).

Какъ видно изъ показаній Петрашевскаго, онъ полагалъ, что отъ этого „литографированнаго листка" и начинаются обвиненія, на него взведенныя. Третье отдѣленіе Е. В. канцеляріи вновь обратило вниманіе на Петрашевскаго еще въ концѣ февраля 1848 г. Послѣ же раздачи записки министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій поручилъ своему чиновнику Липранди собраніе свѣдѣній о Петрашевскомъ, а слѣжка со стороны агентовъ III отдѣленія, по соглашенію Перовскаго съ гр. Орловымъ, была прекращена. Наблюденіе, которое установилъ Липранди, привело къ аресту петрашевцевъ въ ночь съ 22 на 23 апрѣля 1849 г. Съ другой стороны, записка Петрашевскаго не понравилась и нѣкоторымъ лицамъ, съ нимъ въ общемъ единомышленнымъ, какъ, напр., жившему въ Ростовѣ (Ярославской губ.) страстному поклоннику ученія Фурье Влад. Кайданову. Петрашевскій послалъ и ему свою записку съ просьбою сообщить ее тамошнимъ дворянамъ, но тотъ отвѣчалъ своему брату (15 декабря 1848 г.), что едва ли можетъ быть полезенъ Петрашевскому, „во-первыхъ, потому, что помѣщичьи крестьяне Ростовскаго уѣзда принадлежатъ по большей части Панину, Шереметеву, Орлову и другимъ богачамъ, живущимъ въ С.-Петербургѣ, а въ Ростовѣ только 4 разорившіеся помѣщика, и то такіе, съ которыми можно еще играть въ карты, но никакъ не говорить о какомъ-нибудь дѣлѣ; во вторыхъ, потому, что я не могу проповѣдывать то, чему самъ не сильно сочувствую, а я не могу сочувствовать его проекту, какъ и всему тому, что ведетъ къ меркантильному феодализму и финансовой аристократіи; да къ тому же я не помѣщикъ, меня нисколько не интересуетъ возвышеніе цѣнности населенныхъ имѣній; пусть цѣны на имѣнія падаютъ ниже и ниже и даютъ государству возможность пріобрѣтать эти имѣнія отъ помѣщиковъ". Между тѣмъ слѣдственная по дѣлу петрашевцевъ коммиссія нашла, будто бы авторъ этой записки „вышелъ въ ней совершенно изъ предѣловъ, допускаемыхъ закономъ" [2]).

Такимъ образомъ попытка Петрашевскаго вынести крестьянскій вопросъ на болѣе широкую арену не могла осуществиться по причинамъ, отъ него независящимъ, и приходилось продолжать обсужденіе его на кружковыхъ собраніяхъ, при чемъ, между прочимъ, возбуждалъ споры вопросъ о томъ, въ какой послѣдовательности должны совершиться три самыя настоятельныя

[1]) Впрочемъ, въ дѣлѣ Петрашевскаго въ III отдѣленіи Е. В. канцеляріи сказано, что «раздача» ея «остановлена по дурному впечатлѣнію, которое она произвела; нынѣ записка сія распространена по городу во многихъ экземплярахъ».

[2]) Изъ дневника шт.-кап. Кузьмина, жившаго въ Тамбовѣ (въ іюнѣ 1848 г.), видно, что тамошній помѣщикъ Сабуровъ выразилъ рѣшительное несогласіе, съ крѣпостнической точки зрѣнія, съ предложеніями Петрашевскаго въ его литографированной запискѣ.

Переполохъ по случаю пріѣзда гостей. (Сценка изъ помѣщичьяго быта 40 гг. Гравюра Брокша).

реформы: уничтоженіе крѣпостного права, введеніе гласности судопроизводства и суда присяжныхъ и свобода печати. Петрашевскій полагалъ, какъ видно изъ его письма къ Кузьмину въ Тамбовъ, что вопросъ объ эмансипаціи крестьянъ не можетъ быть разрѣшенъ безъ предварительнаго преобразованія судоустройства и судопроизводства и введенія суда присяжныхъ;

Ѳ. М. Достоевскій (портр. Перова).

Д. Д. Ахшарумовъ думалъ, что обѣ эти реформы должны совершиться въ одинъ день, а Спѣшневъ ставилъ на первый планъ крестьянскую реформу. Въ преніяхъ о крестьянскомъ вопросѣ на собраніяхъ у Петрашевскаго участвовали еще учитель Ястржембскій, окончившій курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія чиновникъ Головинскій, офицеры Пав. Кузьминъ, Григорьевъ и

[illegible] Ѳ. М. Достоевскій. По показанію нѣкоторыхъ товарищей Головинскій доказывалъ возможность освободить крѣпостныхъ крестьянъ безъ содѣйствія и воли правительства, чрезъ возстаніе ихъ самихъ", [illegible] крестьянамъ „не трудно внушить, до какой степени противоестественны ихъ отношенія къ помѣщикамъ", и утверждалъ, что „для освобожденія крестьянъ всѣ мѣры хороши" [1]). Ахшарумовъ въ запискѣ подъ названіемъ „Три вопроса" совѣтовалъ такъ начинать пропаганду среди народа: „Вотъ, ребята, вы крѣпостные, вы платите оброкъ, ходите на барщину, вы стѣснены, у васъ нѣтъ ничего своего, все помѣщичье; теперь онъ васъ можетъ переселить, продать, прогнать; полиція деретъ съ васъ все, что хочетъ, вашихъ справедливыхъ жалобъ на дворянъ не слушаютъ, а когда вы сами дотронетесь до дворянства рукой, васъ сѣкутъ за это до смерти и сзываютъ всѣхъ дворниковъ смотрѣть для примѣра и страха. А сколько дворянъ съ царемъ?.. нѣсколько тысячъ, а васъ сколько всѣхъ? мильоны", и затѣмъ рекомендуетъ совѣтовать народу выбирать своихъ представителей въ собраніе депутатовъ въ Москвѣ, такъ сказать, „явочнымъ порядкомъ". Петрашевскій на допросахъ въ слѣдственной комиссіи заявилъ, по поводу обвиненія въ разговорахъ объ освобожденіи крестьянъ, что не считаетъ въ этомъ себя виновнымъ, такъ какъ это лишь „выражало желаніе правильно пользоваться собственностью". Въ письмѣ къ слѣдователямъ онъ говоритъ, что Пугачевскій бунтъ произвели „старообрядство-раскольничество и рабство, а не яицкій казакъ. Пушкинъ этого не замѣтилъ".

Кружокъ, собиравшійся у Дурова и Пальма, преимущественно былъ занятъ вопросомъ объ освобожденіи крестьянъ. Одни высказывали мнѣніе, что правительство, послѣ революціи 1848 г. окончательно вступившее на путь крайней реакціи, едва ли займется рѣшеніемъ этого дѣла, и что слѣдуетъ ожидать движенія скорѣе снизу, чѣмъ сверху; другіе, напротивъ, утверждали, что нашъ народъ будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Достоевскій надѣялся на легальный способъ освобожденія, но въ крайнемъ случаѣ допускалъ и желательность возстанія народа [2]). Достоевскій не былъ фурьеристомъ и утверждалъ, что въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа,—въ общинѣ, артели и круговой порукѣ,—существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія западныхъ соціалистовъ.

[1]) Н. Г. Чернышевскій, увлекавшійся ученіемъ Фурье подъ вліяніемъ Ханыкова, одного изъ петрашевцевъ, но не привлекавшійся къ слѣдствію по ихъ дѣлу, въ январѣ 1849 г. толковалъ извозчику, что освобожденія нельзя дождаться при однѣхъ только просьбахъ добромъ,—«его нужно взять силою». Е. А. Ляцкій, «Н. Г. Чернышевскій и Н. И. Введенскій», «Современ. Міръ», 1910 г., № 6, стр. 160.

[2]) Главное преступленіе Достоевскаго по докладу генералъ-аудиторіата состояло въ чтеніи въ мартѣ 1849 г. на собраніяхъ у Петрашевскаго и Дурова полученнаго изъ Москвы отъ Плещеева письма Бѣлинскаго къ Гоголю, въ которомъ былъ съ поразительною силою выраженъ протестъ противъ крѣпостническихъ мнѣній автора «Переписки съ друзьями».

Спѣшневъ полагалъ, что только „крѣпостной вопросъ“ можетъ подать поводъ къ народному возстанію, и, на основаніи разсказовъ Черносвитова, считалъ наиболѣе удобною для начала народнаго возстанія мѣстность близъ Урала, откуда оно можетъ распространиться и на низовыя губерніи.

Въ бумагахъ студента Филиппова было найдено объясненіе десяти заповѣдей, составленное съ цѣлію пропаганды и потому написанное слогомъ, доступнымъ народу. Здѣсь, между прочимъ, энергично обличалось крѣпостное право [1]). Обличеніе его находимъ и въ статьѣ „Солдатская бесѣда“, составленной поручикомъ Григорьевымъ и предназначавшейся, очевидно, для чтенія солдатъ [2]); она была прочитана на собраніи у Спѣшнева.

Великороссіяне Нижнедѣвицкаго уѣзда (альб. Павлова).

Въ запискѣ, составленной для слѣдственной коммиссіи, Петрашевскій обѣщалъ указать „способы—множество мѣръ, которыя могутъ содѣйствовать къ разрѣшенію вопроса объ освобожденіи крестьянъ, этого труднѣйшаго и щекотливѣйшаго изъ вопросовъ нашего быта общественнаго“, и тутъ же пояснилъ: „Это у меня въ главныхъ чертахъ обдумано. Литографированная

[1]) «Политическіе процессы николаевской эпохи. Петрашевцы» (сборникъ матеріаловъ, уже ранѣе напечатанныхъ въ Россіи и за границей). Изд. Саблина. М. 1907 г., стр. 43—44.
[2]) «Былое», 1906 г., № 5, стр. 191—194.

программѣ есть только легкій намекъ на это". Мы видѣли, что Петрашевскій находилъ справедливымъ освобожденіе крестьянъ со всею тою землею, которая находилась въ ихъ пользованіи. Онъ считалъ также полезнымъ и общинное землевладѣніе. То и другое совершенно совпадаетъ съ программою, высказанною Герценомъ въ его заграничныхъ изданіяхъ первой половины пятидесятыхъ годовъ [1]). Но Петрашевскій шелъ даже далѣе, и считалъ желательнымъ безвозмездную передачу земли крестьянамъ. Однако, судя по сохранившемуся въ его бумагахъ „Письму помѣщика", онъ, быть можетъ, готовъ былъ, въ видѣ уступки требованіямъ дворянства, допустить и выкупъ земли крестьянами, но безземельное освобожденіе, какъ и Герценъ, считалъ, очевидно, нелѣпостью. Въ отличіе отъ Спѣшнева, Головинскаго и нѣкоторыхъ другихъ онъ, по его словамъ, не желалъ возстанія крестьянъ. Герценъ въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ также возлагалъ надежду на уничтоженіе крѣпостного права верховною властію.

Головинскій, говорившій на собраніяхъ у Петрашевскаго о возможности возстанія крестьянъ, и предъ крестьянскою реформою при Александрѣ II повторялъ: „волю надо брать". Онъ требовалъ тогда отъ помѣщиковъ Алатырскаго уѣзда, Нижегородской губ., гдѣ жилъ самъ, чтобы они отпустили крестьянъ на волю съ землею до царскаго указа, не дожидаясь того, когда „Муравьевъ и К° изуродуютъ основы воли и закрѣпостятъ крестьянъ еще крѣпче", ненавидѣлъ крѣпостниковъ и клеймилъ ихъ при всякой встрѣчѣ, а они, помня, что онъ былъ въ 1849 г. вмѣстѣ съ другими петрашевцами приговоренъ къ смертной казни, называли его висѣльникомъ [2])

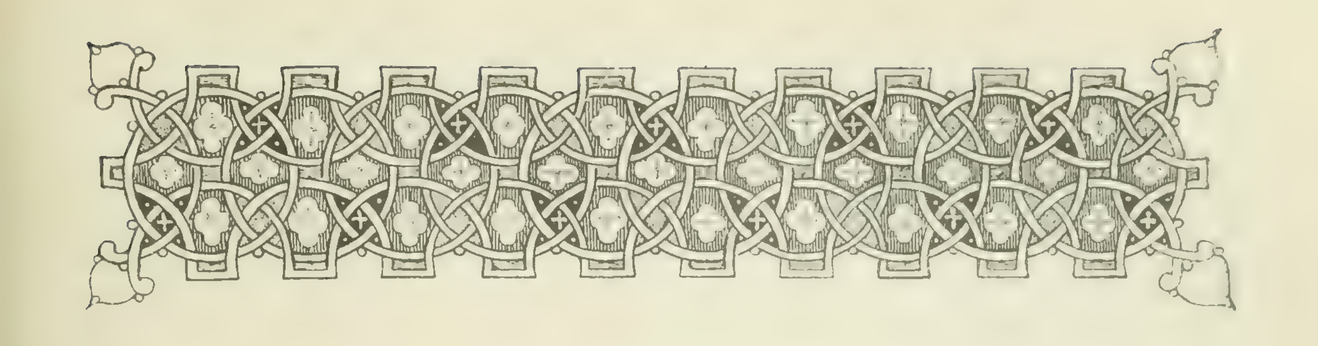
Кашкинъ, у котораго собирался кружокъ усердныхъ послѣдователей Фурье (Ахшарумовъ, Ханыковъ, Дебу и др.), а также и Спѣшневъ послужили при Александрѣ II крестьянскому дѣлу въ званіи мировыхъ посредниковъ [3]). Петрашевскій же умеръ ссыльно-поселенцемъ въ глухой деревнѣ Енисейскаго уѣзда и могъ непосредственно послужить народу только тѣмъ, что писалъ жалобы для всѣхъ пострадавшихъ отъ притѣсненій мѣстной администраціи.

В. Семевскій.

[1]) См. мою книгу „Крестьянскій вопросъ", т. II, стр. 614.

[2]) Н. Крыловъ. «Изъ далекаго прошлаго». «Вѣстникъ Европы», 1900 г., № 5, стр. 183—184.

[3]) О петрашевцахъ вообще см. мои брошюры: 1) «Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 1840-хъ годовъ», 1905 г., и 2) «Крѣпостное право и крестьянская реформа въ произведеніяхъ М. Е. Салтыкова», стр. 1—16, а также 3) мою вступительную статью къ книгѣ Д. Д. Ахшарумова, «Изъ моихъ воспоминаній (1849—1851 гг.). Спб., 1905 г.

Цензура и крѣпостное право.

В. А. Розенберга.

Въ концѣ 1842 года въ московскомъ цензурномъ комитетѣ происходила чисто гоголевская сцена. Предсѣдательствовалъ помощникъ попечителя московскаго учебнаго округа Д. П. Голохвастовъ, кузенъ Герцена, тотъ самый „образцовый сынъ", „лучшій племянникъ" и „примѣрный чиновникъ", у котораго узелъ галстука „никогда не былъ ни великъ ни малъ". Засѣдали тоже извѣстныя лица: цензоры М. Т. Каченовскій, „злой паукъ"; Н. И. Крыловъ, знаменитый „Никита", „ученикъ Савиньи — вотъ что (по его собственному выраженію) дорого", „цензоръ-европеецъ", по выраженію Гоголя, въ усердіи, впрочемъ, не уступавшій „цензорамъ-азіатцамъ" И. М. Снегиреву и В. В. Флерову, которые также принимали живое участіе въ этой цензурной „комедіи". Докладывалъ Снегиревъ о своихъ сомнѣніяхъ насчетъ объемистой рукописи, поступившей въ комитетъ 12 декабря того же года. На заглавномъ листѣ ея крупными буквами было выведено: „Мертвыя души", а пониже и помельче: „поэма Н. Гоголя". Но до чтенія этой второй строчки заглавнаго листа дѣло не дошло. Какъ только Голохвастовъ услыхалъ названіе: „Мертвыя души", онъ закричалъ „голосомъ древняго римлянина":

— Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертія!

Докладчикъ счелъ себя обязаннымъ разъяснить почтенному собранію, что авторъ въ своемъ произведеніи занимается гораздо менѣе возвышеннымъ предметомъ. Но когда выяснилось, что мертвыя души значитъ просто ревизскія души, произошла еще большая „кутерьма".

Нѣтъ,—закричалъ предсѣдатель, а съ нимъ и половина цензоровъ,— этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было,

а одно само это слово „ревизская душа", ужъ этого нельзя позволить: это значитъ — противъ крѣпостного права!

И даже послѣ того Снегиревъ, единственный изъ всей компаніи читавшій рукопись, ни увѣрялъ, что у Гоголя здѣсь „о крѣпостномъ правѣ и намѣка нѣтъ", московскій цензурный комитетъ не читая запретилъ „поэму" съ такимъ опаснымъ заглавіемъ. Еще бы! Противъ крѣпостного права — да вѣдь это хуже даже, чѣмъ противъ безсмертія души. Но если бы и оказалось, что книга не противъ, а за крѣпостное право, то и въ такомъ случаѣ ее слѣдовало запретить. О безсмертіи души еще можно было писать хоть за, о крѣпостномъ правѣ — ни за, ни противъ... Это была первая заповѣдь цензуры: крѣпостное право на русскую мысль ревнивѣе всего оберегало основу изъ основъ общественнаго уклада своего времени — крѣпостное право на русскаго мужика.

Л. В. Дубельтъ.

Поэтому и русская печать представляла въ то время изумительное зрѣлище. Въ томъ же 1842 году, когда московскій цензурный комитетъ испугался „Мертвыхъ душъ", былъ изданъ указъ 2 апрѣля объ обязанныхъ крестьянахъ. Самый указъ, а еще больше предшествовавшіе ему слухи о работахъ „секретнаго" комитета и готовящихся будто бы рѣшительныхъ шагахъ въ сторону освобожденія крестьянъ вызвали въ обществѣ много толковъ, растревожили крѣпостниковъ, возбудили кое-какія надежды у сторонниковъ крестьянской свободы и породили не мало записокъ по этому вопросу. Но въ печати по поводу указа 1842 года появилось всего... четыре журнальныхъ статьи. До изданія указа 2 апрѣля съ самаго начала царствованія Николая I журналы хранили глубокое молчаніе обо всемъ, что имѣло хотя бы отдаленное отношеніе къ опасной темѣ. Но и четырехъ статей 1842 года оказалось совершенно достаточно для того, чтобы исполнилась мѣра цензурнаго терпѣнія. Уже на рубежѣ слѣдующаго года разыгрался цензурный анекдотъ съ „Мертвыми душами", увѣковѣченный въ памяти потомства самимъ Гоголемъ, а затѣмъ снова для русской печати началась полоса, когда надо было свято хранить обѣтъ молчанія о самомъ больномъ вопросѣ русской жизни...

Мудрено ли, что при такихъ условіяхъ почти сплошь вся русская литература по крѣпостному праву превратилась въ письменность, чуравшуюся печатнаго станка, какъ опаснѣйшаго искушенія врага рода человѣческаго. А авторы утѣшались мыслію, что ихъ рукописи все-таки „не погибнутъ въ Летѣ"... Примѣры, правда, были соблазнительные:

Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ,
И Пушкина стихи въ печати не бывали—
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.

Пушкинъ, настоящій Пушкинъ, „вслѣдъ Радищеву возславившій свободу“, дѣйствительно, не остался неизвѣстнымъ своимъ современникамъ, хотя въ „печати“ и не бывалъ. Но, право, думаете ли вы, что Россія осталась бы на картѣ Европы, если бы русское общество было способно спокойно дождаться 1870 года, чтобы прочитать всю пушкинскую „Деревню“? Нѣтъ, когда усердная перлюстрація дѣлаетъ невозможной частную переписку при содѣйствіи правительственной почты, отправляютъ письма „съ вѣрной оказіей“,—неудобно это, но—что подѣлаешь?—не отказаться же въ самомъ дѣлѣ отъ удовлетворенія насущной потребности. И если печать за полвѣка могла воспроизвести только первые 34 стиха „Деревни“, да и то подъ псевдонимомъ „Уединенія“, то общество, разумѣется, должно было изыскать свои „средствія“, чтобы ознакомиться и съ запретной частью стихотворенія Пушкина. И вотъ вышло такъ, что съ дозволенія цензуры русскому обывателю полагалось знать, какъ подъ „мирный шумъ дубровъ“ у поэта „творческія думы въ душевной зрѣютъ глубинѣ“. Но вопреки строжайшему запрету не „иные“ только, а безъ преувеличенія вся грамотная Россія въ свое время прочитала, что было первою и „ужасною“ мыслью ея любимаго писателя въ этомъ „пріютѣ спокойствія“. Вся грамотная Россія, изъ поколѣнія въ поколѣніе, вплоть до 1861 года, твердила наизусть:

Но мысль ужасная здѣсь душу омрачаетъ:
Среди цвѣтущихъ нивъ и горъ
Другъ человѣчества печально замѣчаетъ
Вездѣ невѣжества губительный позоръ.
Не видя слезъ, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее влачится по браздамъ
Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ:
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя,
Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
Для прихоти развратнаго злодѣя;
Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ.
О, если бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить,

Почто съ груди моей горитъ безплодный жаръ
И не данъ мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ?
Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство павшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?...

Кости поэта давно истлѣли въ могилѣ, когда взошла эта „заря“, хоть и не столь прекрасная, какъ мечталась она Пушкину. Тутъ и цензура перемѣнила гнѣвъ на милость и лѣтъ черезъ десять послѣ 19 февраля изъявила согласіе на напечатаніе „Деревни“ въ предѣлахъ отечества; въ Лондонѣ Герценъ напечаталъ ее еще въ 1856 г. Но къ тому времени, когда явилась возможность предать тисненію это стихотвореніе, подлинной рукописи поэта уже не нашлось. И „Деревня“ Пушкина была возстановлена по спискамъ, ходившимъ въ былые годы во множествѣ по рукамъ. Вотъ и смѣйтесь послѣ этого надъ альбомами уѣздныхъ барышень и надъ пристрастіемъ къ спискамъ молодыхъ людей николаевскаго времени.

Но одинъ ли Пушкинъ долженъ былъ „бѣжать“ цензуры, а, стало быть, и печати, если хотѣлъ „сердца тревожить“ напоминаніемъ о крѣпостномъ правѣ? Развѣ страстные монологи Чацкаго о „зефирахъ и амурахъ, распроданныхъ поодиночкѣ“, не были старою новостью для русскаго читателя, когда они предстали предъ нимъ въ печатныхъ строчкахъ? Развѣ юношескія произведенія „неистоваго Виссаріона“ и не менѣе неистоваго Лермонтова, обличавшія злѣйшую язву своего времени—крѣпостное право, попали въ печать раньше освобожденія крестьянъ?.. И теперь еще на радость библіофиламъ и историческимъ журналамъ нѣтъ-нѣтъ да и отроютъ въ грудѣ старыхъ бумагъ безцѣнные отрывки изъ произведеній Грибоѣдова, Бѣлинскаго, Лермонтова, Тургенева, Салтыкова. Раньше результаты подобныхъ раскопокъ бывали еще счастливѣе, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ пореформенныя изданія чуть ли не всѣхъ нашихъ болѣе или менѣе крупныхъ писателей первой половины девятнадцатаго вѣка. Но все это только обломки рукописной литературы по крестьянскому вопросу эпохи крѣпостнаго права, обломки, уцѣлѣвшіе благодаря случаю или обаянію имени автора.

Смѣльчаки, рѣшавшіеся затронуть въ печати крѣпостное право, всегда находили цензурный шлагбаумъ спущеннымъ. А если кому и удавалось ненарокомъ проскочить, то не надолго: по сю сторону цензурныхъ рогатокъ было такъ пустынно, что непрошенный гость не могъ остаться незамѣченнымъ, и распоряженіе воротить назадъ слѣдовало съ неукоснительностью законовъ природы. Ничего не пропускать, а въ случаѣ пропуска по оплошности—запретить и примѣрно наказать не только дерзкаго сочинителя, но и недоглядѣвшаго цензурнаго аргуса. Въ этомъ — вся исторія цензуры и ея отношенія къ крѣпостному праву. Мѣнялись лица, мѣнялись законы, мѣня-

лись настроенія правящихъ круговъ и политическія обстоятельства, — но цензурная практика оставалась неизмѣнной и — какъ въ эпохи реакціоннаго засилья, такъ и среди либеральныхъ вѣяній — по отношенію къ крѣпостному праву цензура руководствовалась однимъ принципомъ: noli me tangere. Поэтому въ цензурной исторіи крѣпостного права нѣтъ движенія: первая ея страница, какъ двѣ капли воды, похожа на послѣднюю и на любую изъ серединныхъ. И въ либеральныя и въ реакціонныя времена литераторы видѣли въ цензурѣ одинаковый пріемъ:

О чемъ цензуру ни прошу—
Ото всего Тимковскій ахнетъ.

Но только въ благополучныя минуты имъ, этимъ цензурнымъ просителямъ, вмѣстѣ съ отказомъ Тимковскаго свыше посылалась очаровательная улыбка: „Faites remercier Pouchkine des bons sentiments que ses vers inspirent“. А чаще въ пополненіе къ цензурному запрету слышался суровый окрикъ „клонится къ возмущенію крестьянъ противу помѣщиковъ“. Согласитесь, что въ томъ и другомъ случаѣ по существу положеніе печати было не хуже и не лучше. Его можно было бы назвать сплошнымъ анекдотомъ, подобнымъ московскому анекдоту съ „Мертвыми душами“, если бы только этотъ семидесятилѣтній анекдотъ не былъ политъ слезами и орошонъ кровью.

Кровь—на первой же страницѣ цензурной исторіи крѣпостнаго права, которая, кстати сказать, является первой страницей и исторіи нашей цензуры вообще. Радищевъ, „рабства врагъ“, жестоко поплатился за честь „избѣжать“ цензуры, т.-е. найти читателей вопреки строгому ея запрету. Правда, не одна вражда къ крѣпостному праву навлекла на Радищева суровую кару. Въ этомъ первомъ русскомъ литературномъ процессѣ писатель былъ обвиненъ во всемъ томъ, что въ теченіе многихъ десятилѣтій составляло предметъ постоянныхъ обвиненій противъ русской печати. И указъ 4 сентября 1790 года, данный черезъ семь лѣтъ послѣ разрѣшенія „во всѣхъ городахъ и столицахъ заводить типографіи и печатать книги на россійскомъ и иностранныхъ языкахъ, съ освидѣтельствованіемъ оныхъ отъ управы благочинія“, является какъ бы волчьимъ паспортомъ, выданнымъ всей русской печати

ПУТЕШЕСТВІЕ

ИЗЪ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно, и лаяй.“

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стих: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Факсимиле перваго изданія Радищева.

[illegible] столѣтіе по меньшей мѣрѣ. Вотъ этотъ замѣчательный документъ, въ которомъ прописаны всѣ дѣйствительныя и мнимыя вины не только „коллежскаго совѣтника Радищева", но и всѣхъ русскихъ писателей, [illegible] и малыхъ, уже мертвыхъ или еще живущихъ, которые считали [illegible] итти „вслѣдъ Радищеву" и служить дѣлу свободы, — вотъ этотъ приговоръ:

„Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Владимира кавалеръ Александръ Радищевъ оказался въ преступленіи противу присяги его и должности подданнаго изданіемъ книги, подъ названіемъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву", наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное къ властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми израженіями противу сана и власти царской; учинивъ, сверхъ того, лживый поступокъ, прибавкою послѣ цензуры многихъ листовъ въ ту книгу, въ собственной его типографіи напечатанную, въ чемъ и признался добровольно. За таковое его преступленіе осужденъ онъ палатою уголовныхъ дѣлъ Санктпетербургской губерніи, а потомъ и Сенатомъ нашимъ на основаніи государственныхъ узаконеній, къ смертной казни; и хотя, по роду столь важной вины заслуживаетъ онъ сію казнь, по точной силѣ законовъ означенными мѣстами ему приговоренную; но мы, послѣдуя правиламъ нашимъ, чтобъ соединить правосудіе съ милосердіемъ, для всеобщей радости, которую вѣрные подданные наши раздѣляютъ съ нами въ настоящее время, когда Всевышній увѣнчалъ наши неусыпные труды въ благо имперіи, отъ Него намъ ввѣренной, вожделѣннымъ миромъ съ Швеціей, освобождаемъ его отъ лишенія жизни и повелѣваемъ, вмѣсто того, отобрать у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безъисходное пребываніе; имѣніе же, буде у него есть, оставить въ пользу дѣтей его, которыхъ отдать на попеченіе дѣда ихъ".

Интересно, что этотъ смертный приговоръ, несмотря на двукратную ссылку указа на „точную силу законовъ", былъ юридически несостоятеленъ. Радищевъ выпустилъ книгу съ разрѣшенія предварительной цензуры и потому, какъ онъ и самъ указывалъ суду, отвѣтственности вообще за нее не подлежалъ. Но этого мало: чтобы приговорить писателя къ смертной казни за его литературное произведеніе, судъ долженъ былъ совершить вопіющее насиліе надъ логикой и справедливостью и признать за Радищевымъ преступленіе, формулированное въ старомъ уголовномъ законѣ буквально такъ: „а которые воры чинятъ въ людяхъ смуту и затѣваютъ на многихъ людей воровскимъ своимъ умышленіемъ затѣйныя дѣла, и такихъ воровъ за такое ихъ воровство казнити смертію". Какъ видите, Катковъ, доносившій черезъ сто лѣтъ на „разбойниковъ пера", не былъ оригиналенъ.

Радищевъ былъ отправленъ въ Илимскій острогъ для искупленія грѣховной мечты объ освобожденіи крестьянъ и прочихъ своихъ прегрѣшеній по части „вредныхъ умствованій, разрушающихъ покой общественный“. А указъ о наказаніи его остался на долгіе годы истиннымъ руководствомъ для законодательства и цензурной практики.

Мы видѣли, что Радищева покарали за дозволенное цензурой сочиненіе, хотя по законамъ того времени авторъ отвѣчалъ только за „самовольное изданіе недозволенныхъ книгъ“ (указъ 15 января 1783 г.). Но подобные пробѣлы въ „законахъ отечества“ оставались недолго. Екатерина II закончила свое царствованіе указомъ 16 сентября 1796 г. „объ ограниченіи свободы книгопечатанія и ввоза иностранныхъ книгъ“. Содержаніе этого указа сводится къ тремъ главнымъ положеніямъ: 1) „частными людьми заведенныя типографіи, въ разсужденіе злоупотребленій, отъ того происходящихъ.., упразднить“, 2) подвергать „осмотру“ иностранныя книги и предавать „сожженію тѣ изъ нихъ, кои найдутся противными закону Божьему, верховной власти, или же развращающія нравы“, и 3) „генералъ-губернаторамъ и прочимъ, кому слѣдуетъ, предписать о точномъ и бдительномъ надзираніи, дабы всѣ сіи распоряженія исполняемы были непремѣнно, дабы всякія злоупотребленія были отвращаемы и пресѣкаемы, и дабы виновные, гдѣ по симъ дѣламъ окажутся, законному суду и взысканію подвержены были“. Павлу, вскорѣ наслѣдовавшему престолъ, оставалось сдѣлать сравнительно немного. Онъ приказалъ: „Книги, цензурою признаваемыя недозволенными, и даже тѣ, кои кажутся сомнительными, представлять на разсмотрѣніе совѣту Его Величества“. Позднѣе и для дозволенныхъ книгъ была установлена вторая цензура въ Петербургѣ. Всѣмъ „цензурамъ“ было объявлено, чтобы „ни одна изъ нихъ безъ одобренія С.-Петербургской цензуры печатать книги не дозволяла, и всѣмъ имъ по сему предмету быть подчиненными означенной цензурѣ“. А въ руководство такимъ образомъ объединенной цензурѣ былъ преподанъ словарь вредныхъ, а потому, конечно, недопустимыхъ въ печати словъ, какъ-то: врачъ, граждане, отечество и—особенно—общество.

„Редакторы отстаиваютъ свои статьи“ (кар. Искры“, 1862).

Освобожденная не только отъ вредныхъ идей, но и отъ вредныхъ словъ русская печать была освобождена въ то же царствованіе и отъ конкуренціи западной книги. Павловскія цензурныя реформы завершились знаменитымъ

указомъ 18 апрѣля 1800 г., гласившимъ: „Такъ какъ чрезъ вывозимыя изъ-за границы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ впредь до указа повелѣваемъ запретить впускъ изъ-за границы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку“. Понятно, что въ вѣкъ объявленія опалы даже на бѣдную „музыку“ печать, лишенная „отечества“ и „общества“, должна была забыть о существованіи крѣпостного права. Но ей было дозволено восхвалять власть за данную крестьянамъ „полну волю свободнымъ въ праздникъ быть отъ дѣлъ“.. Увы! хвала даже за такую „полну волю“ была нѣсколько преждевременна.

Александръ I отмѣнилъ ограничительныя мѣры своихъ предшественниковъ и издалъ первый уставъ о цензурѣ, самый либеральный изъ всѣхъ бывшихъ у насъ. Но и въ этомъ уставѣ сказалась традиція указа по дѣлу Радищева. Ст. 19 устава 1804 года гласила: „Если же въ цензуру прислана будетъ рукопись, исполненная мыслей и выраженій, явно отвергающихъ бытіе Божіе, вооружающаяся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющая верховную власть или совершенно противная духу общественнаго устройства и тишины, то комитетъ немедленно объявляетъ о такой рукописи правительству, для отысканія сочинителя и поступленія съ нимъ по законамъ“. А такъ какъ „законы отечества“ охраняли прежде всего крѣпостное право, то и „дней Александровыхъ прекрасное начало“ омрачилось запрещеніемъ книги Пнина, отважившагося заговорить въ печати на опасную тему. Благочестивая цензура столь либеральной эпохи, запрещая эту книгу (во второмъ изданіи) и распоряжаясь объ отобраніи изъ книжныхъ лавокъ остатковъ перваго, писала въ назиданіе автору: „Хотя бы то и справедливо было, что русскіе крестьяне не имѣютъ собственности, ни гражданской свободы, однако зло сіе есть зло, вѣками укоренившееся, и требуетъ осторожнаго и повременнаго исправленія... Если бы сочинитель нашелъ или думалъ найти какое-нибудь новое средство... къ истребленію рабства въ Россіи, то приличнѣе бы было предложить оное проектомъ правительству. А разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную, губительную тучу“.

Позднѣе, когда либеральныя вѣянія прошли, „разгорячать“ сплошь неграмотныхъ крестьянъ книгами на русскомъ языкѣ не пришлось ни академику Шторху, ни харьковскому профессору Шаду, ни петербургскимъ профессорамъ Арсеньеву, Герману, Куницыну. Если нѣкоторымъ писателямъ и удавалось провести свои книги черезъ цензуру и напечатать, то оплошность цензора быстро исправлялась его начальствомъ,—и книги или статьи, авторы которыхъ дерзновенно нарушили обѣтъ молчанія о крѣпостномъ правѣ, запрещались, какъ „противорѣчащія явно истинамъ христіанскимъ и клонящіяся къ ниспроверженію всѣхъ связей семейственныхъ и государственныхъ“.

А цензорамъ дѣлалось приличное внушеніе (иногда ихъ просто гнали со службы) и на будущее время предписывалось „обратить вниманіе“, чтобы „ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опровerженіе вольности или рабства крестьянъ, не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ“.

Ни за, ни противъ—чего лучше! И только писатели все никакъ не могли взять въ толкъ это мудрое правило и время отъ времени, пользуясь разсѣянностью цензоровъ, проводили въ печать „неумѣстныя выраженія и сужденія, какъ то: что государь императоръ позволилъ покупать свободу и что главное средство къ возведенію россійскаго государства на высочайшую степень благосостоянія состоитъ въ томъ, чтобы доставить крестьянамъ бо̀льшую гражданскую свободу и даровать въ полной мѣрѣ права и преимущества, приличныя имъ какъ существамъ разумнымъ“. Цензора пропускали такія проявленія вольномыслія! Понятно, что правительство было ужасно озабочено прекращеніемъ легкомыслія писателей и снисходительности цензуры, тѣмъ болѣе, что послѣдствіемъ писательской невоздержанности, какъ оказывается, были... крестьянскія волненія. Вы, быть-можетъ, считаете это невѣроятнымъ? Вотъ и Радищевъ возражалъ на подобное обвиненіе своимъ судьямъ: „народъ нашъ книгъ не читаетъ“. Но не только судьи Радищева, но и военный губернаторъ Малороссіи тридцать лѣтъ спустя, въ 1821 году, твердо держался того взгляда, что литература безмѣрно опасна для нечитающаго книгъ мужика, и офиціально сообщалъ, что одно волненіе крестьянъ во ввѣренномъ ему краѣ было вызвано статьею „Историческаго, статистическаго и географическаго Журнала“. Не удивляйтесь,—на свѣтѣ есть много непонятнаго.

Съ этой минуты я запрещаю въ нашемъ городѣ чтеніе „Искры“... Ногайку освободить отъ дежурства и возложить на него исключительно бдительный надзоръ за непозволительными газетами. („Искра“, 1860).

Николаевское царствованіе началось и кончилось безъ иллюзій. Собственно въ области цензурной начало его ознаменовалось изданіемъ „чугуннаго“ устава 1826 года, а конецъ дѣятельностью знаменитаго бутурлинскаго комитета. Въ промежуткѣ цензурная практика шла по старому руслу, только, пожалуй, еще откровеннѣе, еще прямѣе.

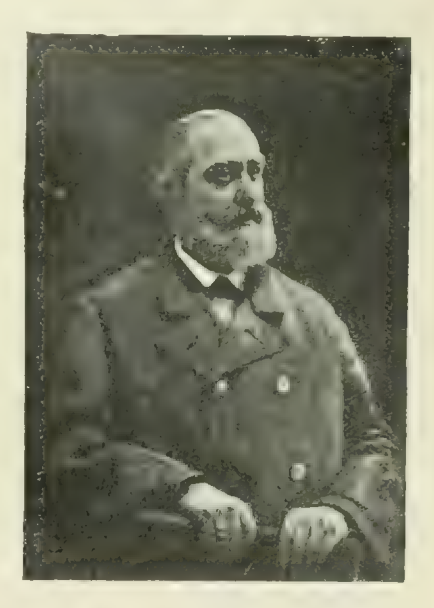
Въ недостаткѣ прямоты нельзя упрекнуть прежде всего уставъ 1826 г. Такъ, ст. 169 этого устава гласила: „Запрещаются къ печатанію всякія частныхъ людей предложенія о преобразованіи какихъ-либо частей государствен-

ніяхъ устройства или измѣненіи правъ и преимуществъ, Высочайше дарованныхъ разнымъ состояніямъ и сословіямъ государственнымъ, если предположенія сіи не одобрены еще правительствомъ“. В 1828 году былъ изданъ новый цензурный уставъ, на основаніи котораго цензура не должна была запрещать „всякія сужденія“ „объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, земледѣлія, фабрикъ и т. п.“, если эти сужденія „не противны общимъ правиламъ“ цензурнымъ. Но по отношенію крѣпостного права продолжало дѣйствовать старое общее правило—и если не прямо закономъ, то министерскимъ циркуляромъ воспрещено было „разсуждать“ въ печати на эту скользкую тему. И печать не разсуждала вплоть до 1842 года, когда не только литераторамъ, но и цензурѣ показалось, что по поводу новаго закона можно, пожалуй, и поговорить. Разъясненіе ошибки не заставило себя долго ждать: 6 ноября того же года цензурнымъ комитетамъ было разослано предписаніе: „Всѣ статьи о сельскихъ условіяхъ между крестьянами и помѣщиками, прежде пропуска къ напечатанію ихъ, должны быть представляемы на разрѣшеніе главнаго управленія цензуръ“. Циркуляръ этотъ имѣлъ магическое дѣйствіе: крѣпостное право снова исчезло на нѣсколько лѣтъ съ горизонта печати, а цензура простерла свою бдительность до запрещенія „Мертвыхъ душъ“ за одно только заглавіе.

Новая попытка вернуться къ запретному предмету была сдѣлана въ печати лишь незадолго до 1848 года, отразившагося у насъ цензурной вакханаліей. И на этотъ разъ за появленіемъ нѣсколькихъ статей научнаго и беллетристическаго характера (Заблоцкаго-Десятовскаго, Герцена, Григоровича, Тургенева) послѣдовало общее распоряженіе, вернувшее законодательство о печати къ мудрому правилу 1826 г.: „Разсужденія о потребностяхъ и средствахъ къ улучшенію какой-либо отрасли государственнаго хозяйства въ имперіи, когда подъ средствами разумѣются мѣры, зависящія отъ правительства, и вообще сужденія о современныхъ правительственныхъ мѣрахъ не пропускаются въ печать“. Вмѣстѣ съ тѣмъ цензорамъ не забыли напомнить и о возложенныхъ на нихъ сыскныхъ обязанностяхъ. Напоминали имъ объ этомъ и раньше (напр., въ 1831 году по случаю польскаго возстанія). Но теперь, въ виду событій на Западѣ, такъ всполошившихъ наше правительство, напоминаніе было сдѣлано съ особенной настоятельностью. Министръ народнаго просвѣщенія, въ вѣдѣніи котораго тогда была цензура, разослалъ 14 мая 1848 года слѣдующій секретный циркуляръ: „Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ отнесся ко мнѣ, что писатели нерѣдко представляютъ къ разсмотрѣнію сочиненія самаго преступнаго содержанія, и цензоры часто воспрещаютъ вполнѣ такія сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ весьма многія мѣста... Цензоры объясняютъ, что если бы правительству извѣстны были всѣ сочиненія или мѣста въ статьяхъ, которыя ими воспрещены къ напечатанію, то оно, усмотрѣвъ, сколько вредныхъ книгъ и мыслей остановлено, отдало бы еще по-

хвалу усердію и предусмотрительности цензоровъ. Объясненія сіи показываютъ, что дѣйствіе цензоровъ ограничивается единственно тѣмъ, что они возвращаютъ писателямъ преступныя сочиненія или уничтожаютъ въ нихъ нѣкоторыя мѣста, а сами писатели остаются не только безъ взысканія, но даже въ неизвѣстности правительству, тогда какъ многіе изъ нихъ въ сочиненіяхъ своихъ обнаруживаютъ самый вредный образъ мыслей. Государь императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ, Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы тѣ изъ воспрещаемыхъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ въ писателѣ особенно вредное, въ политическомъ и нравственномъ отношеніи, направленіе, были представляемы отъ цензоровъ, не гласнымъ образомъ, въ 3-е отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, съ тѣмъ, чтобы послѣднее, смотря по обстоятельствамъ, или принимало мѣры къ предупрежденію вреда, могущаго происходить отъ такого писателя, или учреждало за нимъ наблюденіе".

Связавъ такимъ образомъ цензурное вѣдомство тѣснѣйшими узами съ знаменитымъ „Третьимъ отдѣленіемъ", правительство объявило и редакторамъ повременныхъ изданій „предупрежденіе" о томъ, „что за всякое дурное направленіе статей ихъ журналовъ, хотя бы оно выражалось косвенными намеками, они лично подвергнутся строгой отвѣтственности, независимо отъ отвѣтственности цензуры".

С. М. Соловьевъ (портр. Рѣпина).

Словомъ, всѣ нити, соединяющія цензурную дѣятельность съ руководящими началами приговора по первому русскому литературному процессу, были старательно закрѣплены. Эта, такъ сказать, „радищевская" традиція наизнанку, въ параллель настоящей радищевской традиціи, живущей въ русской литературѣ до нашихъ дней, — сохранилась до послѣдняго же времени въ нашемъ законодательствѣ о печати. Только съ отмѣной въ 1905 году предварительной цензуры потеряла силу дѣйствующаго закона ст. 61 (по изд. 1890 г.) устава о цензурѣ, въ которой значилось: „Издатели или редакторы подцензурныхъ повременныхъ изданій, ежели въ нихъ окажутся сочиненія, по своему прямому содержанію или по косвеннымъ намекамъ, принадлежащія къ роду тѣхъ, которыя означены въ уложеніи о наказаніяхъ въ статьяхъ (такихъ-то), подвергаются опредѣленнымъ въ сихъ статьяхъ наказаніямъ, независимо отъ отвѣтственности разсматривавшаго періодическое изданіе цензора". При изданіи новаго уголовнаго уложенія статью эту не отмѣнили, а только измѣнили въ редакціонномъ отношеніи. Правда, редакторы

[illegible] 61 устава о цензурѣ привлекались къ отвѣтственности лишь [illegible] предусматривающимъ наиболѣе тяжкія преступленія, тогда какъ „предупрежденіе“ 1848 года грозило отвѣтственностью за „всякое дурное направленіе“. Уступка времени, очевидно, но надо и то принять во вниманіе, что въ свое время и генералъ-адъютантъ Орловъ не всѣхъ „особенно вредныхъ“ писателей, выданныхъ ему цензурой, намѣревался карать: глядя „по обстоятельствамъ“, иныхъ онъ хотѣлъ подвергнуть только „наблюденію“.

„Предупрежденные“ литераторы сороковыхъ годовъ старались, конечно, не навлекать на себя гнѣвъ строгихъ блюстителей порядка. Цензура ревниво оберегала нравы, нравственность и законы отечества отъ преступныхъ посягательствъ литераторовъ. Но все-таки никакъ не могла въ должной мѣрѣ угодить правительству. И, какъ шило изъ мѣшка, всюду вылѣзало или только правительству казалось, что вылѣзаетъ, главная язва быта, главная основа общественнаго строя — крѣпостное право. „Неумѣстныя выходки“, могущія „возбуждать непріязнь или завистливое чувство однихъ сословій противъ другихъ“, обнаруживались даже въ такихъ произведеніяхъ, какъ повѣсть „Похожденія и приключенія гостинодворскихъ сидѣльцевъ или поваливай наши гуляютъ“. „Выходки“ допускалъ, какъ оказывается, и знаменитый историкъ С. М. Соловьевъ: онъ напечаталъ въ „Современникѣ“ статью, въ которой не нашли „ничего предосудительнаго по духу ея изложенія“. Но историкъ не скрылъ такихъ дѣяній Лжедмитрія, какъ объявленіе „крестьянамъ, что они вольны захватывать земли господъ своихъ, служившихъ Шуйскому, вольны даже жениться на дочеряхъ господскихъ“. Цензору, пропустившему статью Соловьева, было сдѣлано внушеніе: „подобныя подробности“ составляютъ „достояніе исторіи“, но вовсе не полезны „въ журналѣ, расходящемся въ большомъ количествѣ и во всѣхъ классахъ общества“.

Особенныя заботы прилагались къ тому, чтобы отъ обличеній крѣпостного права въ печати оградить одинъ классъ—„простой народъ“. Съ этою цѣлью въ 1850 году понадобилось издать даже общій циркуляръ въ руководство цензорамъ. Наставленіе это заканчивалось слѣдующимъ обязательнымъ правиломъ: „Сочиненія, въ которыхъ изъявляется сожалѣніе о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ, описываются злоупотребленія помѣщиковъ или доказывается, что перемѣна въ отношеніяхъ первыхъ къ послѣднимъ принесла бы пользу, не должны быть вообще разрѣшаемы къ печатанію, а тѣмъ болѣе въ книгахъ, предназначаемыхъ для чтенія простого народа“. Ради полнаго успокоенія печати оставалось и на этотъ разъ только принять мѣры къ устраненію „опасенія, что подъ знаками нотными могутъ быть скрыты злонамѣренныя сочиненія, написанныя по извѣстному ключу“,—и мѣры были приняты. Наконецъ, вредными могли оказаться и самые законы отечества, охранять которые была призвана цензура. И вотъ въ 1853 году изданъ былъ новый законъ, который даже въ то время нашли невозможнымъ „безъ неудобства“

опубликовать во всеобщее свѣдѣніе. Этимъ закономъ цензоры были „обязаны обращать особенное, бдительное вниманіе, какъ на предметъ, содержаніе и самую форму узаконеній, предназначаемыхъ въ видѣ матеріаловъ для исторіи, такъ и на время и обстоятельства, въ которыхъ они послѣдовали“. За разрѣшеніемъ сомнѣній цензура должна была обращаться во второе отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи, а то требовало въ такихъ случаяхъ объясненій: „въ пропускѣ какихъ именно узаконеній затрудняются цензоры и по какимъ причинамъ“...

Рѣшительный ударъ этой полицейско-цензурно-крѣпостнической идилліи нанесъ севастопольскій разгромъ. Рѣшительный ударъ, но не смертельный. И въ тѣ годы, когда самое крѣпостное право было уже взвѣшено судьбою,

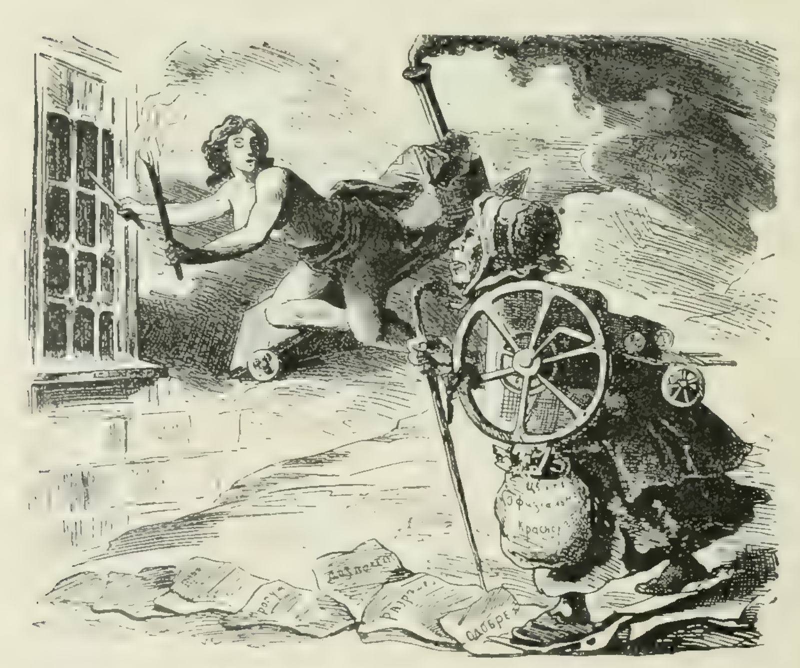

Н. Г. Чернышевскій у позорнаго столба.

цензура все еще дѣятельно защищала его. А вслѣдъ за тѣмъ, какъ оно пало, палъ послѣдней жертвой крѣпостнической ненависти и самый выдающійся литературный борецъ за свободу эпохи крестьянскаго освобожденія. Какъ и Радищевъ, Н. Г. Чернышевскій былъ осужденъ за всѣ прегрѣшенія литературныя, какія только, по условіямъ и понятіямъ времени, можно было взвести на писателя. Сенатъ нашелъ, что Чернышевскій „своею литературною дѣятельностью имѣлъ большое вліяніе на молодыхъ людей, въ коихъ со всею злою волею посредствомъ сочиненій своихъ развивалъ матеріалистическія въ крайнихъ предѣлахъ и соціалистическія идеи, которыми проникнуты сочиненія его, и указывая въ ниспроверженіи законнаго правительства и существующаго порядка средства къ осуществленію выше упомянутыхъ идей, былъ особенно вреднымъ агитаторомъ, а посему Сенатъ признаетъ справедливымъ подвер-

гнуть его строжайшему изъ наказаній, въ 284 ст. поименованныхъ, т.-е. по 4-й степени въ мѣрѣ близкой къ высшей, по упорному его запирательству, несмотря на несомнѣнность доказательствъ, противъ него въ дѣлѣ имѣющихся“. Въ дѣйствительности, какъ извѣстно, никакихъ „доказательствъ“ противъ Чернышевскаго, кромѣ его самоотверженной литературной дѣятельности и вызванной ею неукротимой вражды къ нему вліятельныхъ крѣпостниковъ, у суда не было. Онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ на каторгу такъ же, какъ за три четверти вѣка передъ тѣмъ Радищевъ—къ смертной казни, явно неправосудно. Начало и конецъ крестнаго пути, которымъ русская литература шла въ эпоху цензурной защиты крѣпостного права, освѣщены живыми факелами.

Владиміръ Розенбергъ.

Идея и пресса (карикатура Степанова въ „Искрѣ“, 1862 г.).

Крѣпостные крестьяне въ русской беллетристикѣ.

Н. П. Сидорова.

Стоять всегда впереди всѣхъ набѣговъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности — такую задачу указывалъ для „дружины писателей" въ одномъ черновомъ наброскѣ А. С. Пушкинъ. Отнюдь не отрицая самостоятельнаго значенія художественнаго творчества, можно утверждать, что въ условіяхъ развитія русской культуры наша литература дѣйствительно была преимущественнымъ средоточіемъ духовныхъ силъ страны: она не только отражала въ себѣ уже сложившіеся взгляды и стремленія, но и двигала впередъ русское общество, просвѣщала и гуманизировала его сознаніе, содѣйствовала выработкѣ его религіозно-моральныхъ и общественныхъ идеаловъ; желала быть и была не только зеркаломъ дѣйствительности, но и „вождемъ по жизни". Такъ было и по интересующему насъ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Задолго до Григоровича и Тургенева, еще съ XVIII вѣка, сквозь формальныя стѣсненія ложно-классической піитики, сквозь не всегда хорошо переваренный хаосъ чужеземныхъ идей и поэтическихъ образовъ, новорожденная русская литература исподволь и неловко, но все-таки пробивалась къ самостоятельности и „народности". Подражательность, выработка по чужой указкѣ литературныхъ формъ, наполнявшихся и заимствованнымъ содержаніемъ — были необходимой ступенью къ „своему"; русской литературѣ нужно было пройти эти школьные годы, чтобы, окрѣпнувъ на заданныхъ упражненіяхъ, стать затѣмъ на свои собственныя ноги и подойти къ родной дѣйствительности;

Но въ эти удобные годы, по мѣткому слову Герцена, „русская мысль пріучается высказываться, является литература, является разномысліе, тревожатъ вопросы, народная поэзія вырастаетъ изъ пѣсенъ Кирши Данилова въ Пушкина“. Въ этомъ основное, жизненное „направленіе“ всей нашей литературы XVIII вѣка, въ этомъ ея главная „тяга“, которой предстояло развитіе въ будущемъ.

А. С. Пушкинъ (портр. Кипренскаго).

Первые шаги въ сближеніи литературы съ подлинной русской жизнью были, вполнѣ понятно, неискусны и даже фальшивы: настоящее, пережитое чувство, черты дѣйствительности съ трудомъ укладывались въ литературныя формы установленнаго образца; въ рѣчахъ „піитическихъ и великолѣпныхъ“ тонулъ голосъ искренняго чувства, восторга или умиленія; въ обязательномъ шумѣ и трескотнѣ высокопарныхъ одъ часто совсѣмъ терялись реальныя

очертанія того лица или событія, которыя настраивали „лиру“ поэта..., и про очень многія попытки обрисовать русскіе нравы можно сказать то же, что говорилъ извѣстный писатель XVIII вѣка Лукинъ о комедіяхъ Сумарокова, называя ихъ „изъ чужихъ писателей неудачно взятыми и на нашъ языкъ почти силою втащенными“. Еще труднѣе было подойти къ изображенію простого народа, „подлаго“ по тогдашнему воззрѣнію и считавшагося наравнѣ съ „прочимъ домашнимъ скарбомъ“. Это была, казалось бы, уже совершенно не подходящая „матерія“ для высокой поэзіи—оды, поэмы, трагедіи. И, однако, аристократическій кодексъ ложноклассицизма долженъ былъ податься и пойти на уступки подъ напоромъ растущаго общественнаго самосознанія: никогда совсѣмъ не умиравшее инстинктивное сочувствіе къ родному и народному просвѣтлялось гуманными вѣяніями западно - европейской науки и поэзіи и искало себѣ выраженія...

А. С. Грибоѣдовъ (портр. Крамского).

Старыя литературныя формы даютъ готовыя схемы и мѣсто для изображенія картинъ изъ народной жизни, сначала условныхъ, затѣмъ все болѣе жизненныхъ и правдивыхъ. Не останавливаясь на этихъ формахъ (burlesque, пастораль, комическая опера и др.), можно отмѣтить два главныхъ литературныхъ теченія, ярко сказавшихся къ концу XVIII в.: рядомъ или скрещиваясь съ сатирическимъ реализмомъ становился оптимистическій сентиментализмъ.

И именно сентиментальной литературѣ нужно поставить въ заслугу ея „открытіе“ человѣка въ крѣпостномъ крестьянинѣ, ея стремленіе показать его лучшія человѣческія стороны, хотя сочувствіе и интересъ къ крестьянскому міру въ повѣствовательно - сентиментальной литературѣ конца XVIII и начала XIX в. почти всегда отливается въ наивно - фальшивыя формы и краски.

Сентиментализмъ шелъ какъ нельзя болѣе въ ладъ съ общественнымъ „прекраснодушіемъ“ „дней александровыхъ прекраснаго начала“, и первое десятилѣтіе XIX в. было порой его блистательнаго расцвѣта. Сентименталистъ

[illegible] о „платоновской республикѣ": для него, потрясеннаго впечатлѣніями французской революціи, „свобода мудрая свята, но равенство — [illegible]". Карамзинъ, который задаетъ тонъ въ литературѣ, ясно устанавливаетъ отношеніе сентиментализма къ народу:

«Пріятна зрѣнію картина
Различною игрой цвѣтовъ;
Для глазъ печальна та равнина,
Гдѣ нѣтъ ни рощей ни холмовъ.
Сей дубъ, природой вознесенный,
Для низкихъ древъ не есть ли щитъ?
Пусть буря грозная свиститъ:
Миртъ слабый, дубомъ осѣненный,
Растетъ покойно и цвѣтетъ —
Такъ въ обществѣ народъ живетъ».

Писатель, оставляя для себя роль „вознесеннаго природой" дуба, охотно любуется покойнымъ цвѣтеніемъ сельскаго „мирта".

Въ самомъ началѣ вѣка „народъ" попадаетъ на русскую сцену въ новомъ сентиментальномъ освѣщеніи, представлявшемъ все-таки прогрессъ сравнительно съ комическимъ и глумливымъ отношеніемъ къ народу въ формахъ burlesque и комической оперы. Вас. Ѳедоровъ передѣлываетъ „Бѣдную Лизу" Карамзина въ драму „Лиза, или слѣдствіе гордости и обольщенія", съ тѣмъ отличіемъ отъ повѣсти, что Лизу вытаскиваютъ изъ пруда, возвращаютъ къ жизни и Эрастъ на ней женится. Болѣе интересными являются попытки изображенія народнаго быта у Н. И. Ильина въ его драмахъ „Лиза, или торжество благодарности" (1801 г.) и „Великодушіе, или рекрутскій наборъ" (1803 г.). Пьесы эти имѣли громадный успѣхъ; публика, по свидѣтельству очевидца С. Т. Аксакова, „плакала навзрыдъ". Какими чертами рисовалась психологія дѣйствующихъ лицъ, можно видѣть, напр., изъ разговора старосты Ѳедота съ его сыномъ Кремневымъ, вернувшимся съ военной службы честнымъ служакой, который никогда не грабилъ на штурмахъ и вынесъ съ собой изъ службы только ружье.

Ѳедотъ. Вѣрный товарищъ моего Осипа! Дай обнять себя (хочетъ обнять ружье, но вдругъ останавливается). Скажи правду, Осипъ, много крови текло по этому штыку?

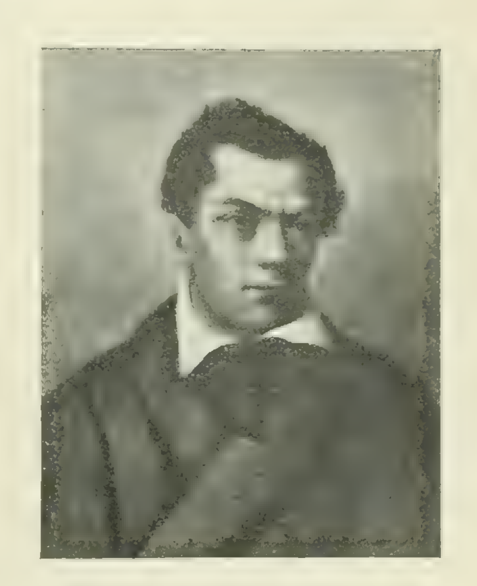
Кремневъ. Много, батюшка!

Ѳедотъ. Брось же его, Осипъ; у меня глаза помутятся смотрѣть на него. (Отвергываетъ штыкъ.) Али нѣтъ, отдадимъ его перековать въ косу; утренняя роса ѣдка, она всю кровь съ него собьетъ и сдѣлаетъ его опять чистымъ.

Кремневъ. Воля твоя, родитель. («Лиза»).

Въ „Рекрутскомъ наборѣ" изображается любовная драма Архипа, который со своей вдовой-матерью живетъ въ экономическомъ поселкѣ. Во время сбора подушныхъ назначается рекрутскій наборъ; Архипъ не можетъ пол-

ностью внести подушныя. Это приводитъ его въ отчаянье, такъ какъ ему придется разстаться съ горячо-любимой и уже сговоренной за него сироткой Варварой: бурмистръ, который самъ имѣетъ виды на Варвару, запретилъ помогать Архипу и составилъ съ подъячимъ Побоpинымъ ложный приказъ объ отдачѣ въ солдаты всѣхъ неисправныхъ плательщиковъ. Какъ разъ во-время вернувшiйся изъ отлучки крестный отецъ Архипа вноситъ за него 5 руб., но бурмистръ съ подъячимъ заявляютъ, что рекрутъ не можетъ выкупаться. При разставаньи съ Архипомъ крестный отецъ такъ тронутъ горемъ его и его матери, лишающейся единственной своей поддержки, что предлагаетъ своимъ сыновьямъ спасти несчастныхъ. Одинъ изъ сыновей соглашается. Пораженный великодушiемъ бурмистръ кается, и драма кончается свадьбой Архипа и Варвары. Надо замѣтить, что даже такъ подкрашенная народная жизнь казалась критикѣ предметомъ мало достойнымъ „кисти живописца", такъ какъ состоянiе выведенныхъ въ этихъ драмахъ людей, заявляла критика, „есть послѣднее въ обществѣ", а ихъ „мысли, чувства и самый языкъ весьма ограничены"...

Н. А. Полевой. (Выст. Бѣл.).

На ряду съ повѣстью и драмой сентиментализмъ ярко сказался въ литературѣ путешествiй, которыя усиленно плодятся въ первое десятилѣтiе XIX в. Авторъ-путешественникъ (Шаликовъ, В. Измайловъ, Невзоровъ и др.) ѣдетъ въ Кронштадтъ, Казань, Малороссiю, Крымъ,—словомъ, „странствуетъ подъ небомъ любезнаго отечества съ душою мирною и ясною". Такихъ же мирныхъ и ясныхъ онъ ищетъ и впечатлѣнiй... „Другъ человѣчества", онъ, правда, не проходитъ мимо человѣческихъ несчастiй, но мы не найдемъ у него „уязвленнаго человѣческими страданiями сердца", какъ у Радищева; „мизантропическiя мысли" онъ гонитъ прочь, чтобы убаюкать въ душѣ „прiятное впечатлѣнiе"; если онъ „раздѣляетъ жестокiя другихъ несчастiя", то сердце его въ то же время „тайно восхищается, видя себя къ тому способнымъ". Яркую и злую характеристику этого литературнаго теченiя въ моментъ его расцвѣта мы находимъ въ „Журналѣ Россiйской Словесности" 1805 г. Авторъ статьи „Письмо къ другу изъ столицы" говоритъ, что у насъ въ литературѣ появилась повальная болѣзнь, которую онъ называетъ „опухолью сердца". „Главнѣйшiе признаки ея... состоятъ въ круженiи головы, часто находитъ и большой бредъ при воззрѣнiи на самую бездѣлицу; руки трясутся, чтобы оставить на бумагѣ память о прогулкѣ по полю, саду, по улицѣ,

по [illegible], по карманамъ... Вередъ на сердцѣ такъ щекотливъ, что малѣйшее [illegible] на него... производитъ сильное потрясеніе во всемъ человѣкѣ и представляетъ ему все въ горестномъ, а иногда въ миломъ видѣ... [illegible] плачетъ, если по неосторожности случится ему отереть пыль съ крылышекъ мотылька... Сколько нибудь смазливая коровница кажется ему Граціей. Одна упавшая съ неба снѣжинка наполняетъ десятокъ страницъ"...

Чтобы представить, какъ рисовалась такому страдающему „опухолью сердца" писателю крестьянская жизнь, достаточно остановиться на самомъ показательномъ для этой плеяды путешественниковъ — кн. Шаликовѣ („Путешествіе въ Малороссію"). „Для друга человѣчества и природы есть неизъяснимое удовольствіе въ чистомъ веселіи чистосердныхъ поселянъ", говоритъ Шаликовъ и даетъ картину такого веселья въ праздникъ Купалы: „Сельскіе Лицы [1]) ударили въ смычки свои; тамъ раздались нѣжныя свирѣли, здѣсь громкія пѣсни, молодыя крестьянки и крестьяне составили рѣзвыя пляски; пожилые сѣли за столы, на которыхъ изъ большихъ сосудовъ благоухалъ нектаръ и амброзія ихъ—горѣлка и свѣжій хлѣбъ; иные бросились на качели... прочіе разсѣялись по рощѣ и лугу; мы ходили и веселились съ счастливыми поселянами. Добрый ихъ помѣщикъ радовался искренно счастію ихъ и раздѣлялъ его съ нами въ чувствительномъ своемъ сердцѣ"... А вотъ другая картина, гдѣ Шаликовъ хотѣлъ начертить „горестный образъ" угнетеннаго жизнью крестьянина: „Слушая однажды обѣдню въ сельскомъ храмѣ, я взглянулъ на стоящихъ подлѣ меня крестьянъ—и увидѣлъ множество горбатыхъ между ними; одежда и лица доказывали, что они гораздо бѣднѣе другихъ. Я захотѣлъ узнать достовѣрнѣе о состояніи ихъ—узналъ, и полуциркульныя ихъ спины показались мнѣ самымъ простымъ феноменомъ... Ахъ! радость и счастье поднимаютъ вверхъ голову нашу, а нищета и горесть наклоняютъ ее внизъ!.. Взгляните на забытаго людьми и рокомъ; пониклый, мрачный взоръ его устремленъ на землю; онъ ищетъ на ней... могилы, единственной отрады жизни своей!.. Обманчивая надежда не распрямляетъ уже стана его... Горестный образъ!.."

Въ такой литературной живописи мы въ сущности остаемся за предѣлами русской жизни, мы въ мірѣ какихъ-то абстрактно-космополитическихъ представленій, лишь наряженныхъ въ русскіе костюмы: наши Гесснеры, Флоріаны и Делили изображали русскому читателю или тѣхъ же счастливыхъ „швейцаровъ", которыми еще въ XVIII в. умилялся Карамзинъ, или, пользуясь народомъ лишь какъ средствомъ для выкладки собственныхъ отвлеченно-гуманическихъ настроеній, вмѣсто народной души усиленно и пространно изливали свою собственную, очень характерную для опредѣленнаго момента

[1]) Скрипачъ, восхищавшій своей игрой русское общество (см., напр., «Экспромптъ» въ его честь у И. И. Дмитріева, 1798 г.).

въ развитіи русской интеллигенціи, но также и очень далекую отъ подлиннаго уклада народной души.

Что касается реально-сатирической струи, такъ сильно и ярко забившей было въ литературѣ XVIII вѣка, то она на время какъ бы совсѣмъ изсякла, поглощенная господствующимъ сентиментально-оптимистическимъ литературнымъ направленіемъ. Нельзя также забывать и о тѣхъ цензурныхъ тискахъ, въ какихъ за время александровскаго царствованія находился крестьянскій вопросъ. Исторія съ „Опытомъ о просвѣщеніи" Пнина (1804 г.), который въ этой своей книгѣ высказался противъ крѣпостного права, продолжая тѣмъ освободительную традицію Новикова и особенно Радищева, достаточно иллюстрируетъ положеніе дѣла. Книга, быстро разошедшаяся, не была допущена цензурнымъ комитетомъ ко второму изданію, и даже было предписано отобрать изъ книжныхъ лавокъ оставшіеся въ продажѣ экземпляры. Главный доводъ противъ книги былъ тотъ, что „авторъ съ жаромъ и энтузіазмомъ жалуется на злосчастное состояніе русскихъ крестьянъ, коихъ собственность, свобода и даже самая жизнь, по мнѣнію его, находятся въ рукахъ какого - нибудь капризнаго паши". Не отрицая справедливости этого, офиціальный рецензентъ указываетъ, что „зло сіе есть зло, вѣками укрѣпившееся" и „разгорячать умы, воспалять страсти въ сердцахъ такого класса людей, каковы наши крестьяне, это значитъ въ самомъ дѣлѣ собирать надъ Россіей черную губительную тучу". Такъ было въ 1804 году, въ эпоху „либералистовъ", и позднѣе, въ эпоху „мистиковъ", положеніе дѣлъ не мѣняется; въ 1818 году князь Голицынъ считаетъ необходимымъ „обратить вниманіе цензуры на издаваемые журналы и другія сочиненія, дабы въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не было печатаемо ничего ни въ защищеніе ни въ опроверженіе вольности или рабства крестьянъ не только здѣшнихъ, но и иностранныхъ"... Въ 1821 году вновь подтверждалось запрещеніе касаться въ печати „политическаго состоянія крестьянъ".

Н. Ф. Павловъ.
(Лит. Брандта 1848 г.).

При такихъ условіяхъ тѣмъ болѣе значительна заслуга такого писателя, какъ В. Нарѣжный, который сквозь модный сентиментализмъ пробивался въ своихъ романахъ („Россійскій Жилблазъ", 1814 г., „Аристіонъ", 1822 г.) къ старой реальной сатирѣ, къ бытовой картинѣ русскихъ нравовъ и, хотя косвенно, затрогивалъ крѣпостное право, выводя отрицательные типы помѣщиковъ въ родѣ господъ Головорѣзовыхъ, которые на досугѣ „гоняются за дворовыми дѣвками, сбираютъ слугъ и велятъ имъ бить другъ друга, а сами не могутъ

Изъ иллюстрацій къ „Тарантасу“ гр. В. А. Сологуба (1845 г.).

налюбоваться, видя кровь, текущую изъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящіе клоками“; мы понимаемъ, каково должно было житься крестьянамъ у подобныхъ господъ или у графини, считавшей своихъ подвластныхъ за „насѣкомыхъ, которыхъ она могла душить и топтать по произволу“; понятно намъ становится, почему слова: „Мы господскіе!“ крестьяне многихъ говорятъ съ такимъ лицомъ и такимъ голосомъ, какъ будто хотѣли выразить: „мы—осужденные въ сей жизни на одно страданіе“...

Въ прямомъ также родствѣ съ сатирической журналистикой и „Путешествіемъ“ Радищева, какъ по подбору фактовъ и манерѣ рисунка, такъ и по идейному освѣщенію, по страстному обличенію ужасовъ крѣпостного состоянія, стоитъ до сихъ поръ не обращавшая на себя вниманія замѣчательная книга неизвѣстнаго автора (С. фонъ Ф.) „Путешествіе критики“.

Въ этой книгѣ съ первыхъ страницъ авторъ идетъ рѣшительно вразрѣзъ съ „чувствительными путешествователями“; при первой же встрѣчѣ съ земледѣльцами онъ, „къ сожалѣнію, узналъ, что они веселятся, занимаясь трудною работою, въ одномъ воображеніи писателей, извѣстныхъ въ публикѣ подъ именемъ чувствительныхъ. Весело чувствительному празднолюбцу смотрѣть на работающихъ: каково-то работать? Весело и работать, но съ прогулкою и для прогулки. А работать для того, чтобы трудами своими доставлять пропитаніе не только себѣ, но и симъ чувствительнымъ сочинителямъ, есть дѣйствіе столько же несообразное съ нѣгою и веселостью, сколько и сама праздность не сходна съ трудолюбіемъ“ („Путеш. крит.“, 5).

Какъ и путешественникамъ XVIII в.—И* Т* и Радищеву, ему прежде всего встрѣтились картины народнаго рабства и горя: „Подъѣзжая къ деревнѣ, примѣтилъ я на улицѣ во множествѣ собравшійся народъ. При видѣ меня, или лучше сказать, повозки моей, толпа сія пришла въ безпокойное

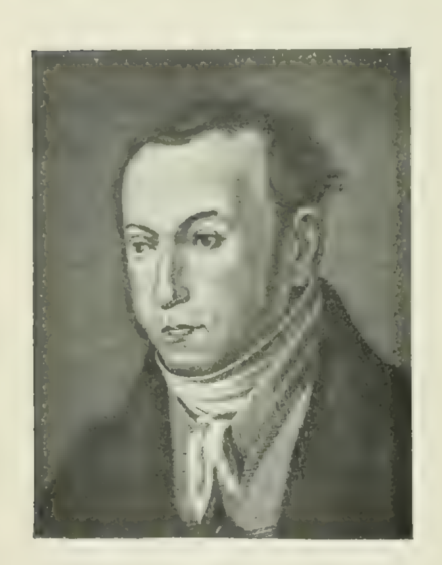
движеніе. Я подъѣзжаю ближе. Горестныя рыданія поражаютъ слухъ мой. „Что это значитъ?“ спросилъ я... Изъ разговоровъ съ крестьянами авторъ узналъ, что они съ ужасомъ ждутъ своего барина Н., который пріѣдетъ, чтобъ навѣки разлучить отцовъ и дѣтей: промотавшійся помѣщикъ продалъ деревенскую молодежь фабриканту на выводъ, куда-то далеко въ Сибирь, близко къ каторгѣ... Это—новое страшное горе, переполнившее черезъ край и безъ того обильную чашу страданій, доставшуюся на долю крестьянъ: „Только вздумаешь про барина,—говоритъ старикъ-крестьянинъ,—такъ волосы дыбомъ становятся. Десять лѣтъ, какъ мы ему достались въ руки; десять лѣтъ онъ гнететъ насъ страшными налогами, десять лѣтъ сосетъ кровь нашу. Работаемъ и день и ночь—а все на него. Онъ же послѣдній кусокъ ото рту отнимаетъ у насъ... Проигравшись кругомъ, до послѣдней нитки, вздумалъ, знать, за умъ схватиться: хочется, видно, долги-то кое-кому заплатить: такъ по зимѣ-то пятнадцать человѣкъ продалъ въ рекруты. А нынѣ поднялся на новыя фигли: всѣхъ до одного молодыхъ то ребятъ перехваталъ, сковалъ въ желѣзы—да и карауль мы же дѣтокъ-то своихъ“ („Путеш. критики“, 15, 16—17). Просили было крестьяне—чтобъ баринъ пошелъ на подладъ, т.-е. чтобы позволилъ имъ самимъ выбрать себѣ господина, который бы купилъ ихъ, да получили въ отвѣтъ грозный окрикъ: „Вотъ что! Ваше дѣло молчать и дѣлать то, что я приказываю; а я приказываю то, что мнѣ хочется, или сію минуту палокъ... плетей... Спину мягче брюха сдѣлаю!“

Распростившись съ несчастными, нашъ путешественникъ ѣдетъ далѣе... Въ его разсказахъ развертывается предъ нами цѣлая галлерея помѣщиковъ, ближайшихъ родственниковъ гоголевскимъ Плюшкинымъ, Коробочкамъ, Ноздревымъ... Вотъ помѣщикъ-скупецъ, котораго „сертукъ, казалось, былъ сшитъ изъ однихъ дыръ“; вотъ другой скупецъ Г. А., у котораго—не малая

Изъ иллюстрацій къ „Тарантасу“ гр. В. А. Соллогуба (1845 г.).

[illegible] развалившіяся хижины, похожія болѣе на хлѣвы, нежели на [illegible] свидѣтельствовали о разореніи крестьянъ; объ этомъ же свидѣтельствовали и „разодранныя рубища“ поселянъ, шедшихъ на господскую работу. Вотъ помѣщикъ—„хорошій экономъ“, „бѣлый торгующій бѣлыми“, какъ называетъ его авторъ: продажей своихъ крестьянъ въ рекруты онъ „[illegible]“ себѣ громадное состояніе; слезы крестьянъ, горе отцовъ и матерей, отчаянье дѣтей—для этого торговца невольниками только „забавное зрѣлище“. Вотъ еще помѣщикъ, который „для того родился дворяниномъ, чтобы имѣть крестьянъ, а крестьянъ имѣетъ для того, чтобы бить ихъ“. Какъ тяжела при этомъ доля дворовыхъ, которые были всегда подъ рукой у барина, видно изъ случая, разсказаннаго авторомъ и очень напоминающаго эпизодъ изъ Тургеневскаго „Бурмистра“. Во время обѣда слуга поставилъ барской любимицѣ—борзой собакѣ тарелку со щами; барину показалось, что щи слишкомъ горячи; за это усердному лакею дали тутъ же сто пощечинъ, но г. М. и этимъ не удовольствовался: „затопалъ ногами, заскрежеталъ зубами, закричалъ страшнымъ голосомъ: кнутьевъ, кнутьевъ“... и бросился въ слѣдъ за слугою, котораго, ухвативъ подъ руки, потащили на дворъ... Около четверти часа продолжалась экзекуція, по окончаніи которой хозяинъ вернулся, „сѣлъ за столъ и началъ кушать съ большимъ противъ прежняго аппетитомъ“, а минутъ черезъ 5 и слуга приступилъ къ отправленію своей обязанности. (Письмо XVI).

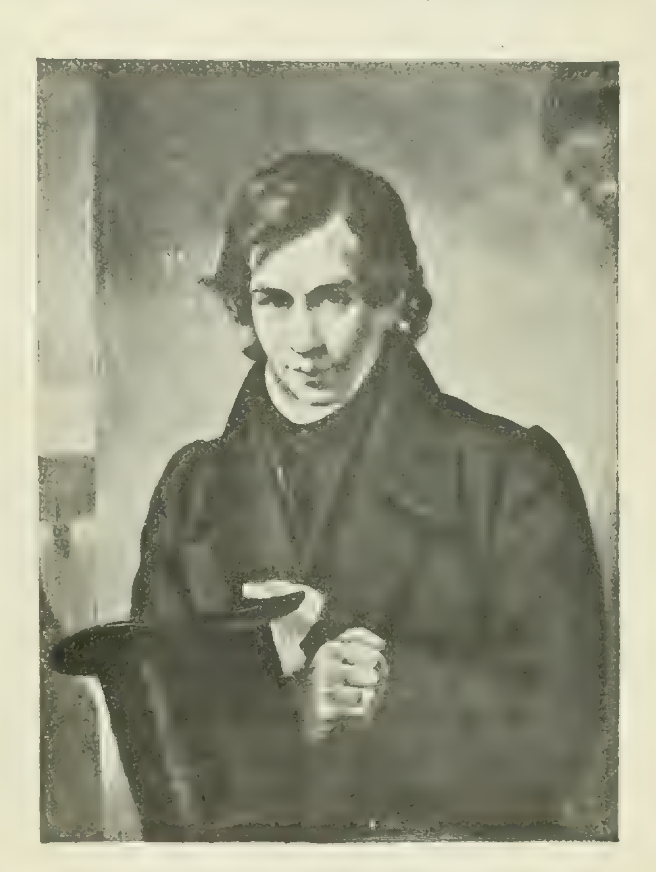

В. Т. Нарѣжный (грав. Афанасьева).

Положеніе крѣпостного иногда, какъ показываетъ авторъ, становится столь невыносимымъ, что продажа въ солдаты могла казаться ему улучшеніемъ участи (Письмо XV). Не забылъ авторъ отмѣтить и одну изъ тѣхъ многочисленныхъ драмъ, которыя разыгрывались въ „дворянскихъ гнѣздахъ“: сначала по прихоти, а потомъ по привязанности дѣвочка воспитывается своей госпожей не какъ раба, но какъ дочь; она становится красивой дѣвушкой, и на ней останавливаются не привыкшіе встрѣчать отказа барскіе взоры: желаніе насильственно удовлетворено; дѣвушкѣ подъ страшной угрозой приказано молчать, но она скоро станетъ матерью и все открываетъ своей „благодѣтельницѣ“. Въ минуту раздраженья госпожа упрекнула своего мужа „гнуснымъ поступкомъ“. Послѣ смерти барыни несчастная всецѣло въ рукахъ своего господина, который требуетъ, чтобы она, „ежели не желаетъ совершенной себѣ погибели, согласилась на беззаконное съ нимъ сожитіе“. Непокорная за свой отказъ выдана насильственно замужъ за урода—крест-

янина (ср. совершенно такой же фактъ въ воспоминаніяхъ В. А. Шомпулева о крѣпостной помѣщика Рославлева Саратовской губ. — „Русск. Старина", 1898 г., авг.).

Достаточно приведенныхъ мѣстъ изъ „Путешествія критики", чтобы видѣть, какъ серьезно и съ какимъ глубоко возмущеннымъ сердцемъ подошелъ авторъ къ русской крѣпостной дѣйствительности и показалъ въ противоположность идиллическимъ представленіямъ сентиментализма, что „не вездѣ миртовыя аллеи, не вездѣ прекрасныя равнины, усѣянныя благоухающими цвѣтами; не вездѣ рѣзвые ручейки съ нѣжнымъ журчаніемъ пробѣгаютъ по камешкамъ; не вездѣ слышно сладкогласное пѣніе соловья. Есть мѣста дикія, каменистыя, песчаныя, безводныя, гдѣ ничего не слышно, кромѣ отвратительнаго карканья галокъ и воронъ" („Пут. кр.", 1—2).

Н. В. Кукольникъ (портр. Брюллова).

Можно положительно утверждать, что это сатирическое путешествіе какъ бы поднимаетъ ту нить, которая выпала изъ рукъ Радищева, и остается только удивляться возможности появленія книги въ томъ самомъ 1818 г., когда Голицынъ „ни подъ какимъ видомъ" не позволялъ касаться крѣпостного права. Интересно и характерно то, что цензурное дозволеніе на изданіе дано было еще въ 1810 г.; авторъ какъ бы пережидалъ годы патріотическаго подъема, стоявшаго въ связи съ наполеоновскими войнами и, конечно, неблагопріятнаго для приложенія сатирической точки зрѣнія къ русской дѣйствительности. Моментъ появленія „Путешествія критики", несомнѣнно, совпадаетъ съ обостреніемъ крестьянскаго вопроса въ общественномъ сознаніи. Оставленный правительствомъ и даже запрещенный цензурой, крестьянскій вопросъ тѣмъ сильнѣе дебатируется въ тайныхъ обществахъ, гдѣ, по показанію Рылѣева, свобода крестьянъ была однимъ изъ первѣйшихъ условій, обязательныхъ для каждаго члена. Тотъ же Рылѣевъ пропагандируетъ идею освобожденія въ своей „Пѣснѣ" („Ахъ, тошно мнѣ и въ родной сторонѣ"). Грибоѣдовъ въ комедіи „Горе отъ ума" наноситъ устами

Чацкимъ довольно сильныхъ ударовъ крѣпостникамъ своего времени, у которыхъ „непримиримая вражда къ свободной жизни" и которые мѣняютъ своихъ вѣрныхъ слугъ на борзыхъ собакъ, а для крѣпостного балета отрываютъ дѣтей отъ матерей и отцовъ. Наконецъ нельзя пройти молчаніемъ знаменитую „Деревню" Пушкина.

На этомъ произведеніи еще юнаго поэта (стихотв. относится къ 1819 г.) можно прослѣдить въ обрисовкѣ деревенской жизни скрещивающееся вліяніе тѣхъ двухъ литературныхъ теченій — сентиментально-оптимистическаго и сатирическаго, о которыхъ мы говорили раньше. Въ первой части „Деревни" рядомъ съ чертами чисто пушкинской художественной красоты и правды еще звучатъ отголоски сентиментальныхъ переживаній въ обычной стилистической антитезѣ города и деревни.

Деревня—„пріютъ спокойствія, трудовъ и вдохновенья"; здѣсь поэтъ—„на лонѣ счастья и забвенья"; онъ

. . . «промѣнялъ порочный дворъ царей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шумъ дубравъ, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья»...

Здѣсь „отъ суетныхъ оковъ освобожденный", поэтъ учится „въ истинѣ блаженство находить, свободною душой законъ боготворить, роптанью не внимать толпы непросвѣщенной"; здѣсь „въ уединеньи величавомъ" зрѣютъ его творческія думы. Несравнимые по красотѣ выраженія, эти мотивы еще напоминаютъ намъ условныя краски старыхъ идиллій [1]). Въ полной гармоніи съ этимъ традиціонно сентиментальнымъ стилемъ, который поддерживался привольной деревенской жизнью поэта-помѣщика, находится и тотъ оптимистическій итогъ, какой подводитъ Пушкинъ своимъ впечатлѣніямъ отъ деревенской жизни. „Вездѣ,—говоритъ онъ,—слѣды довольства и труда". Во второй части стихотворенія Пушкинъ рѣзко мѣняетъ тонъ; его свѣтлое настроеніе „омрачила мысль ужасная" о народномъ порабощеніи, и поэтъ съ чисто-радищевскимъ паѳосомъ въ нѣсколькихъ сильныхъ стихахъ сгустилъ весь ужасъ и мракъ, окутывающій крестьянскую долю:

«Здѣсь барство дикое, безъ чувства, безъ закона,
Присвоило себѣ насильственной лозой
И трудъ, и собственность, и время земледѣльца;
Склонясь на чуждый плугъ, покорствуя бичамъ,
Здѣсь рабство тощее тащится по браздамъ
    Неумолимаго владѣльца.
Здѣсь тягостный яремъ до гроба всѣ влекутъ,
Надеждъ и склонностей въ душѣ питать не смѣя;
    Здѣсь дѣвы юныя цвѣтутъ
    Для прихоти развратнаго злодѣя;

---

1) Ср., напр., «деревенскую жизнь» въ «Сельскихъ почахъ» Де ла Во, 1792 г.

Опора милая старѣющихъ отцовъ,
Младые сыновья, товарищи трудовъ,
Изъ хижины родной идутъ собою множить
Дворовыя толпы измученныхъ рабовъ...»

Какъ мы видимъ, въ Пушкинской картинѣ русской деревни „свѣтъ" и „тѣни" еще стоятъ рядомъ, не смѣшиваясь, какъ стояли они рядомъ и въ литературныхъ направленіяхъ того времени. Великій поэтъ еще не нашелъ своей собственной, подлинно-художественной манеры, но во всякомъ случаѣ онъ далъ едва ли не самое яркое художественное выраженіе настроенію тогдашней либеральной молодежи.

Интересъ къ народу черезъ декабрьскую катастрофу, похоронившую много свѣтлыхъ упованій, переходитъ и во вторую четверть вѣка. Онъ съ неизбѣжностью диктовался и правительству и обществу самымъ объективнымъ ходомъ развитія крѣпостного хозяйства, и царствованіе императора Николая, несомнѣнно, характеризуется вольнымъ или невольнымъ вниманіемъ къ крѣпостному вопросу; полагая, что еще не время освобождать крестьянъ, императоръ Николай, однако, считалъ „главною цѣлью своею—измѣнить крѣпостное у насъ состояніе", подготовить окончательную его ликвидацію и передать дѣло сыну „съ возможнымъ облегченіемъ при исполненіи". Правда, правительственная работа идетъ какъ бы втихомолку, про себя, безъ какого бы то ни было участія въ ней общественныхъ силъ, но возбужденіе правительственнаго верха поддерживало и въ обществѣ благожелательное или пугливо-враждебное вниманіе къ народу. Обращаясь къ литературѣ, можно отмѣтить, что въ смѣнѣ литературныхъ направленій, совершавшейся въ 20 годахъ, заключалось также условіе, благопріятное для интереса къ народу и изображенія его быта. На литературную сцену выступалъ „романтизмъ";

С. Т. Аксаковъ (портр. Крамского).

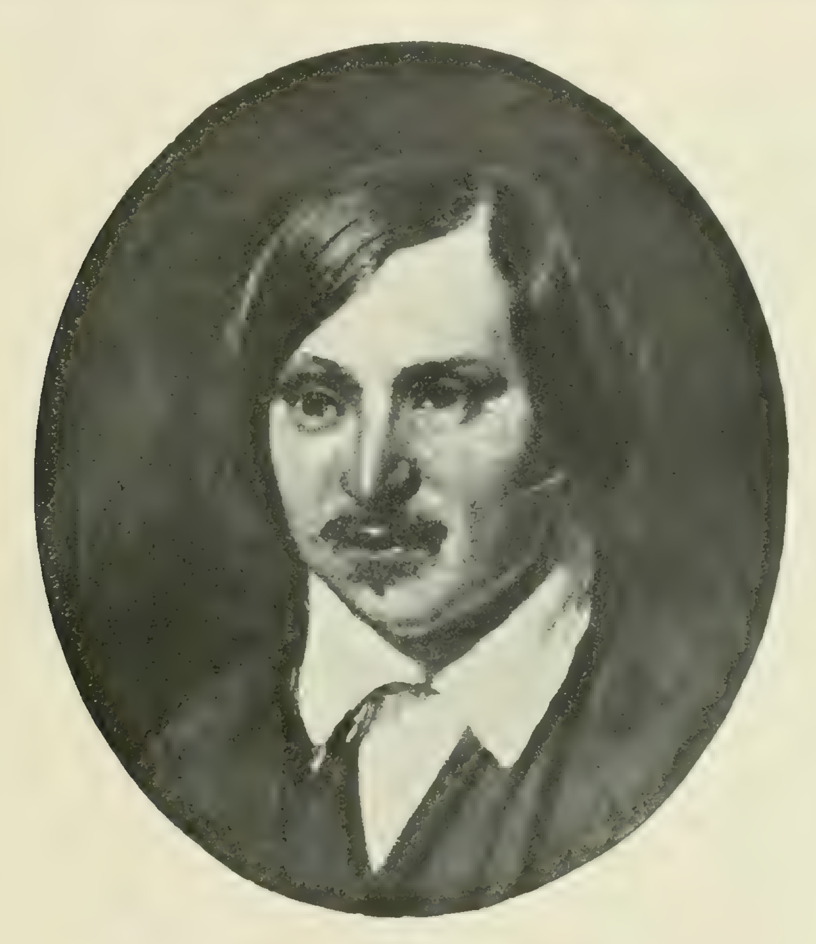
литературная критика все настойчивѣе заявляла къ художественному творчеству требованіе „своего покроя", самобытности, „народности".

Съ этого времени русская повѣсть пускаетъ глубже корни въ родную почву и начинаетъ укрѣпляться ея собственными питательными соками. Въ „предѣлахъ россійской словесности" появляется писатель-разночинецъ. „Марлинскій, Одоевскій, Погодинъ, Полевой, Павловъ, Гоголь — здѣсь полный кругъ исторіи русской повѣсти", писалъ Бѣлинскій въ 1835 г., и любопытно, что изъ нихъ именно разночинцы—Погодинъ, Полевой и Павловъ—дали наиболѣе цѣнныя произведенія по интересующему насъ вопросу. Такіе же крупные представители романтизма, какъ Марлинскій и Одоевскій—одинъ въ напряженной погонѣ за необыкновенными натурами и страстями, другой въ своихъ широкихъ философско-поэтическихъ созерцаніяхъ—прошли поверхъ крестьянскаго міра.

„Мы не знаемъ русскихъ деревень, настойчиво повторяетъ Полевой въ своей повѣсти „Мѣшокъ съ золотомъ" (напечат. въ 1829 г. въ „Московск. Телеграфѣ").—Бульварный романистъ розовой водою разрисуетъ вамъ счастье, милое, беззаботное веселье русскаго пастушка, нѣжную подругу его, сельскую красавицу, а читатель его, когда, ѣхавши по большой дорогѣ, въѣзжаетъ въ русскую деревню,—топетъ въ грязи, колотится по деревянной мостовой, видитъ... толпу народа у питейнаго дома, сельскихъ красавицъ въ понявахъ и сарафанахъ, совсѣмъ не поэтическихъ, когда за нимъ бѣгутъ общипанные, босые мальчишки и просятъ милостыни"... „Розовое описаніе" такого романиста Полевой называетъ „просто враньемъ". Еще болѣе горькую жалобу на обездоленное положеніе въ литературѣ русскаго крестьянина высказываетъ Н. Павловъ устами своего крѣпостного героя („Именины", 44 стр.): „Жадно я хватался за книги; но, удовлетворяя моему любопытству, онѣ оскорбляли меня: онѣ все говорили мнѣ о другихъ и никогда о мнѣ самомъ.. Я былъ существо, исключенное изъ книжной переписи людей, нелюбопытное, незанимательное, которое не можетъ внушить мысли, о которомъ нечего сказать и котораго нельзя вспомнить"... И тотъ же Павловъ едва ли не первый выставилъ и частью осуществилъ положеніе, ставшее позднѣе девизомъ натуральной школы: „Человѣкъ равно вездѣ достоинъ вниманія, потому что въ жизни каждаго человѣка, кто бы онъ ни былъ, какъ бы ни провелъ свой вѣкъ, мы встрѣтимъ или чувства, или слово, или происшествіе, отъ которыхъ поникнетъ голова, привыкшая къ размышленію"... („Именины", 11 стр.).

Изъ указанныхъ мною беллетристовъ Полевой сдѣлалъ нѣсколько опытовъ обрисовки деревенскаго быта,—именно въ повѣсти „Мѣшокъ съ золотомъ" и въ „Разсказахъ русскаго солдата" (ч. I—крестьянинъ, ч. II—солдатъ). Первый очеркъ (первонач. въ „Моск. Телеграфѣ", 29 г., затѣмъ въ сборникѣ „Мечты и жизнь", 1834 г.) изображаетъ трудовую и сначала достаточную жизнь Ѳедосѣевой семьи, любовь Ванюши Ѳедосѣева къ дочери ста-

росты Грунѣ, разореніе Ѳедосѣя послѣ пожара; разрывъ Ѳедосѣя со старостой, который сталъ презрительно относиться къ обѣднѣвшему крестьянину; отправку Ванюши на заработки въ Москву и тяжелую жизнь его въ извозчикахъ; находку мѣшка съ золотомъ и счастье Ванюши съ любимой дѣвушкой, которая становится его женой. Въ этой анекдотической по своему концу повѣсти авторъ съ большой симпатіей рисуетъ судьбу Ванюши и не забываетъ напомнить читателю, что крестьянское горе можетъ быть сильнѣе вся

Н. В. Гоголь (портр. Иванова).

каго другого: „будемъ дорожить, —говоритъ онъ,—горестями, слезами крестьянина: слезы его ѣдки, и напечатлѣнное ими никогда не изглаживается передъ Богомъ", онъ указываетъ вредное вліяніе города на деревню; отмѣчаетъ экономическое разслоеніе деревни на двѣ группы: „одни, у которыхъ есть деньги; другіе, у которыхъ нѣтъ денегъ... и эти два разные рода не братья другъ съ другомъ". Значительно крупнѣе по художественному достоинству „Разсказы русскаго солдата" („Мечты и жизнь", 1834 г.). Бѣлинскій очень высоко ставилъ эту вещь: „Въ этой пьесѣ,—писалъ онъ,—такъ много чувства, такъ много

оригинальности и вѣрности въ изображеніи чувствъ и понятій простолюдиновъ, что съ нею не можетъ итти ни въ какое сравненіе ни одна повѣсть, взятая изъ простонародной жизни". Въ простомъ и трогательномъ повѣствованіи изувѣченнаго солдата рисуется предъ нами бѣдная деревенька и въ ней бѣдная деревенская жизнь: „По косогору нѣсколько избушекъ, общипанныхъ какъ послѣ пожара, кругомъ ни лѣска ни перелѣска, а только поля съ плохимъ хлѣбомъ"; безпризорное дѣтство; холодъ и голодъ и быстро забывающее невзгоды дѣтское веселье; а тамъ тяжелый трудъ, „зазноба сердечная" и цѣлая семейная драма, когда Сидоръ женился на Дуняшѣ, получивъ вмѣсто благословенья проклятье ея отца... Только что выбился изъ нужды, помирился съ тестемъ, какъ на его голову обрушиваются новые удары: смерть ребенка, безнадежное положеніе жены и рекрутская раскладка, которая въ тѣ времена была „темнѣе дремучаго лѣса"; а затѣмъ долгая солдатская неволя вмѣсто старой, крестьянской: „ученье, смотръ, переходы, дневки, остановки .. нянькай неизмѣннаго товарища, ружье солдатское!.." Отслужилъ Сидоръ государю и отечеству, и, безногій калѣка, возвращается на родину: вотъ и деревня: „тѣ же домы, та же грязь, тотъ же питейный домъ съ елками, и такъ же толпится подлѣ него народъ, какъ прежде"; но многое измѣнилось за двадцать пять лѣтъ солдатской лямки — уже нѣтъ въ живыхъ Дуняши, его участокъ поля давнымъ-давно проданъ братомъ Васильемъ за штофъ вина, и на мѣстѣ усадьбы—пустырь съ полынью, крапивой, лопушникомъ... Въ этихъ „Разсказахъ солдата" Полевому, дѣйствительно, удалось показать русскому читателю „міръ совершенно отдѣльный, міръ, полный страстей, горя и радостей, все человѣческихъ же, но только выражающихся въ другихъ формахъ, по-своему" (Бѣлинскій).

Еще раньше повѣстей Полевого появился разсказъ „Нищій" Погодина (1826 г. въ альманахѣ „Уранія", 2-е изд. въ собр. пов. 1832 г.); здѣсь крестьянская жизнь изображается не сама по себѣ, а въ ея отношеніи къ помѣщику; автора, видимо, мучительно волнуетъ эта ничѣмъ неограниченная зависимость одного человѣка отъ другого, крѣпостного раба отъ владѣльца-помѣщика, мимолетной прихоти котораго достаточно, чтобы разбить всю жизнь молодого крестьянина, довести его до преступленія и нищенской сумы. Сынъ зажиточнаго крестьянина, грамотный и любитель чтенія, герой повѣсти „въ деревнѣ своей былъ однимъ изъ первыхъ молодцовъ,—на работѣ, на гуляньѣ всегда впереди". Полюбилась ему Алексаша, и онъ ей; уже старики сладились, положили и время, когда свадьбу играть; начались первые свадебные обряды, какъ вдругъ въ деревню пріѣзжаетъ баринъ, овладѣваетъ Алексашей и увозитъ ее съ собой въ Курскую вотчину. „Все въ головѣ моей было вверхъ дномъ,—говоритъ разсказчикъ-нищій,—но нечаянно попался мнѣ на глаза ножъ. Его я различилъ, его узналъ я съ радостью, почувствовалъ, что такого друга мнѣ надо"... Все было разбито въ его жизни, осталась одна радость

мести: „Я веселился только, смотря на свой ножъ, думая, какъ я засажу его подъ сердце своему злодѣю"... Онъ пробирается въ Курскую деревню и, бросившись на своего врага, „второпяхъ попадаетъ не туда, куда надо, а въ руку". Его схватили. „За это меня,—говоритъ онъ, и не договариваетъ"... Спустя нѣкоторое время его отдали въ солдаты, а черезъ 25 лѣтъ—отставка и нищенство... На родину вернуться онъ не могъ: слишкомъ тяжело было вспоминать прошедшее... А потомъ и сердце „заржавѣло"... Алексаша еще вскорѣ по увозѣ была брошена бариномъ и умерла. „Я уложилъ своего гостя (нищаго),—говоритъ авторъ,—и самъ легъ спать, думая о слышанномъ. Какіе страшные сны видѣлись мнѣ, друзья мои!" Повѣсть производила сильное впечатлѣніе, и Погодинъ, не безъ основаній, одно время даже ждалъ себѣ за нее бѣды.

Но наиболѣе сильное вниманіе обратили на себя „Три повѣсти" Н. Павлова (1835 г.) съ эпиграфомъ: „Domestica facta" (домашнія дѣла) и виньеткой, изображающей дракона, поражаемаго невѣдомой (очевидно, небесною) рукой... Повѣсти эти надѣлали такого шуму, что министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ счелъ нужнымъ представить императору Николаю книгу, всеподданнѣйше прося удостоить оную прочтенія; въ результатѣ было запрещено перепечатывать книгу Павлова, а виньетка должна была, по отобраніи ея отъ содержателя типографіи, „быть пріобщена къ числу запрещенныхъ". Въ повѣсти „Именины" Павловъ взялъ героемъ даровитаго крѣпостного музыканта и пѣвца; въ дѣтствѣ на мѣдныя деньги выучился онъ грамотѣ, и чинъ дьячка былъ его предѣльной мечтой. Но въ одинъ день ему осмотрѣли зубы и губы и отдали учиться на флейтѣ; его „готовили въ куклы для прихотливой скуки, для роскошной праздности, но музыка спасла своего питомца". Благодаря музыкальнымъ способностямъ, онъ вращался въ Москвѣ въ кругу лицъ, цѣнившихъ его талантъ, и познакомился съ однимъ пламеннымъ поклонникомъ искусства, который далъ ему средства совершенствовать талантъ, заставлялъ читать книги, пріучилъ говорить по-человѣчески... Онъ

В. И. Даль.

[illegible] своего благодѣтеля... Тайна его рожденія неизвѣстна, и онъ [illegible] деревенскимъ учителемъ музыки, котораго охотно, хотя и нѣ[illegible] свысока, какъ „музыканта“, принимаютъ въ помѣщичьихъ домахъ. [illegible]ніе своего ужаснаго положенія не покидаетъ его, тѣмъ болѣе, что окружающая его крѣпостная дѣйствительность часто и больно даетъ себя знать. „Мирно обѣдалъ я, — говоритъ онъ, — вдали отъ хозяйки на унизительномъ краю стола и, по какой то особенной смѣтливости слугъ, каждое блюдо подавали мнѣ послѣднему... Но эти маловажныя обстоятельства не въ силахъ были раздражить моей щекотливости. Для нея готовилось другое истязаніе получше, подѣйствительнѣе. Недалеко отъ меня сидѣлъ какой-то господинъ съ молчаніемъ на устахъ, съ уныніемъ на лицѣ, худощавый и по виду пречувствительный. Подъ конецъ уже обѣда развязался его языкъ, и онъ началъ съ кѣмъ-то разговаривать черезъ столъ... Чуткій слухъ мой поймалъ его слова: „А я сегодня обработалъ славное дѣло: продалъ двухъ музыкантовъ, по тысячѣ рублей штуку“. Сосѣдъ мой замѣтилъ мнѣ на ухо: „Тотчасъ видно не музыканта! Я ни за одного изъ своихъ и по двѣ не возьму“.— Вы понимаете, что я чувствовалъ, чего мнѣ хотѣлось; но не то было время. Теперь я не посовѣтовалъ бы такъ распространяться при мнѣ про домашнія дѣла своего оркестра“... („Именины“, 65—67). Онъ горячо полюбилъ Александрину, лучшую дѣвушку того круга, и она полюбила его: въ ихъ взаимномъ увлеченіи пѣніемъ—они и не замѣтили, какъ спѣлись ихъ сердца. Надо было, наконецъ, открыться любимой и поклявшейся ему въ любви дѣвушкѣ: „Знаете ли, на кого вы смотрите? Знаете ли, кто стоитъ предъ вами? Знаете ли, кому вы поклялись?.. Я крѣпостной человѣкъ. Я выговорилъ смѣло и оробѣлъ. Я вдругъ почувствовалъ, что нѣтъ болѣе равенства между нами, и выпустилъ ея руку“... Александрина упала въ обморокъ: „отъ одного слова не устояла на ногахъ. Мнѣ нужно было, — разсказываетъ онъ, — только назвать себя, чтобъ испугать самую горячую любовь... Обморокъ обидѣлъ и меня и любовь“... Рушится, наконецъ, и послѣдняя надежда его на выкупъ, такъ какъ баринъ, уже готовый было отпустить его на волю за 10 тысячъ рублей, проигралъ его вмѣстѣ со всею деревнею... Отчаянье охватило его, помутившееся воображеніе рисовало ему страшныя картины: „То казалось, что я вижу свадебный ужинъ, за которымъ сидитъ Александрина съ женихомъ, а я стою у нихъ за стуломъ, съ тарелкой, и женихъ приказываетъ мнѣ: „Петрушка, подай воды!“ То казалось, что я вижу моего бывшаго барина... за столомъ, на которомъ лежатъ кучи золота и карты... блѣднаго... растрепаннаго... онъ держится за пятерку и кричитъ: „Бейте, идетъ остальное, и Петрушка вашъ“... („Именины“, 90—91). Въ первомъ порывѣ гнѣва и мести онъ хотѣлъ убить своего барина, но у него „недостало силы на такое дѣло“. Онъ рѣшился бѣжать; какъ Каинъ, бродилъ по Россіи. Его поймали, судили, приговорили въ солдаты. Это былъ

наилучшій выходъ изъ его безысходнаго положенія: „Я дышалъ свободно, — разсказываетъ онъ, — я смотрѣлъ смѣло, меня уже не пугала барская прихоть; я сдѣлался слугою не людей, но смерти“.

Авторъ повѣсти взялъ популярную романтическую тему о художественномъ геніи и средѣ, не понимающей божественнаго избранника; но эту тему онъ разработалъ на почвѣ русской крѣпостной дѣйствительности; этимъ самымъ онъ въ старый, истрепанный сюжетъ внесъ боевой соціальный мотивъ, сдѣлалъ болѣе реальнымъ и мѣстнымъ конфликтъ высокаго человѣческаго дара и безчеловѣчной дѣйствительности; повѣсть рисовала, такимъ образомъ, подлинныя и нерѣдкія „domestica facta“ и становилась ихъ прямымъ и смѣлымъ обличеніемъ.

Тотъ же соціальный мотивъ проникаетъ сходную и по сюжету повѣсть Тимоѳеева „Художникъ“ (1833 г.). Герой повѣсти — незаконнорожденный, на

Барская карета. („Стар. годы“).

долю котораго съ колыбели достается „терновый вѣнецъ“: сначала коровій хлѣвъ, общее презрѣніе и травля; затѣмъ лакейство у своего отца; образованіе съ дѣтьми помѣщика и развитіе художественнаго дарованія, только затѣмъ, чтобы по смерти отца стать домашнимъ крѣпостнымъ живописцемъ своего же брата, который за невыполненіе во-время заказанной работы подвергаетъ его позорному наказанію... Любовь къ сестрѣ и бѣгство изъ деревни... Въ концѣ-концовъ, сумасшедшій домъ, и, какъ итогъ всей жизни, безотрадный и безотвѣтный вопросъ: къ чему я жилъ? Не столько за выполненіе, романтически взвинченное и сумбурное, сколько за основную идею Бѣлинскій относилъ повѣсть Тимоѳеева къ числу „замѣчательныхъ явленій въ нашей литературѣ“.

Несомнѣнно, болѣе замѣчательнымъ явленіемъ въ художественномъ смыслѣ была повѣсть „Киргизъ-Кайсакъ“ Ушакова (перв. изд. 1830 г., втор. 1835 г.),

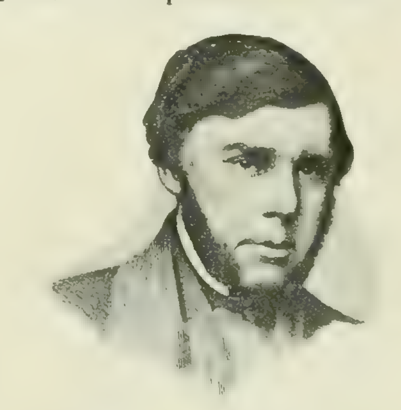
съ глубокимъ чувствомъ разсказавшаго о страданіяхъ „Киргизъ Кайсака“ — [illegible] по рожденію, но аристократа по мысли и чувству“ (Бѣлинскій). Повѣсть не даетъ картинъ крѣпостной жизни, но представляетъ очень яркій протестъ противъ сословныхъ предразсудковъ, которые выростали на почвѣ крѣпостного права и которые не позволяютъ князю Любскому, „жалкой и безполезной отрасли знаменитаго рода“, выдать свою дочь за любимаго ею офицера Славина, уже имѣвшаго дворянское званіе, чинъ и фамилію, но оказавшагося по происхожденію сыномъ крѣпостной киргизки... Напрасно другъ и покровитель Славина, графъ Рѣшимовъ отстаиваетъ его въ горячей тирадѣ—доводы безполезны. Князь Любскій „не посрамитъ своего рода“, и несчастный Славинъ ищетъ и находитъ себѣ смерть на полѣ сраженія. „Онъ погибъ во цвѣтѣ лѣтъ своихъ,— сообщаетъ одинъ изъ его друзей,—между тѣмъ какъ тучная скотина, позоръ рода человѣческаго, причина всѣхъ бѣдствій нашего милаго товарища, живетъ, дышитъ и ѣстъ“. Да, князь Любскій, конечно, „не удостоится той чести, чтобы пасть за отечество на полѣ брани. Умереть отъ неваренія желудка, разстроеннаго неумѣренностью и лѣнью,—вотъ эта участь ожидаетъ его“.

Авторъ, какъ видимъ, рѣзко распредѣляетъ свое сочувствіе и вражду, и въ этой горячо выраженной правдѣ гуманнаго настроенія заключается главный смыслъ и интересъ произведенія.

Само собою разумѣется, что большинство романовъ и повѣстей того времени, изображавшихъ почти исключительно жизнь дворянской среды, къ которой принадлежали и сами писатели, не обнаруживаетъ такихъ протестующихъ настроеній и не посягаетъ на крѣпостные устои. Но и въ этихъ произведеніяхъ изъ-подъ верхняго дворянско-помѣщичьяго слоя, вырисовывающагося нерѣдко въ чертахъ распущенной праздности, мотовства, самодурства и лѣни, проступаетъ иногда довольно ярко нижній придавленный слой—основа помѣщичьяго благополучія, крѣпостной крестьянскій бытъ; не разъ мы встрѣчаемъ изображенія помѣщиковъ, которые доводятъ до полнаго разоренія своихъ крестьянъ, „позволяютъ себѣ всѣ возможныя неистовства“ и даже попросту „обворовываютъ потихоньку своихъ крестьянъ“, какъ это дѣлаетъ одинъ изъ князей Старовѣковыхъ („Семейство Холмскихъ“ Бѣгичева, М. 1832 г.); видимъ грабительство и притѣсненіе крестьянъ со стороны управителя, который якобы отъ имени помѣщика сажаетъ крестьянъ на барщину и отбираетъ отъ нихъ землю,—а вызванное этими мѣрами ослушаніе крестьянъ жестоко наказывается: „всѣ гарпіи и вампиры явились немедленно усмирять ихъ. Началась секуція, какъ говорятъ въ деревняхъ, то-есть хватали и ковали правыхъ и виноватыхъ, сѣкли, дѣлали истязанія“. Предъ нами проходитъ картина неограниченнаго произвола надъ крестьянами новаго владѣльца (авторъ, вѣроятно, для отвода глазъ, производитъ его изъ цѣловальниковъ, доставшихъ обманнымъ путемъ дворянскую грамоту); онъ,

этотъ новый владѣлецъ, скоро „усмирилъ“ своихъ крестьянъ: у кого побогаче отнялъ имущество; другихъ продалъ въ рекруты; третьихъ сослалъ на поселеніе, взявъ ихъ дѣтей къ себѣ во дворъ; затѣмъ отобралъ большую часть крестьянской земли и завелъ значительную господскую запашку, наконецъ, устроилъ „огромный винокуренный заводъ, на которомъ крестьяне употреблены были въ работу“...—и все стало „тихо и спокойно“... Обращеніе съ крѣпостной прислугой представляетъ собою сплошное издѣвательство надъ человѣческою личностью: вотъ, напр., барыня-ханжа, у которой въ шкапу и сочиненія Тихона епископа, и „Сіонскій Вѣстникъ“, и Штиллингъ, и Іоанна Месона о познаніи самого себя, но въ слугахъ „души христіанской“ она не видитъ; прозвища имъ — Фенька, Анютка, хотя младшей изъ нихъ было лѣтъ подъ пятьдесятъ; у благочестивой помѣщицы день открывается особаго рода „утренниками“, т.-е. бранью и пощечинами („Сем. Холмск.“, ч. IV, 93—94).

Издѣвательство переходило иногда въ прямое истязаніе, и „русскій Жильблазъ“ Александръ Сибиряковъ („Русскій Жилблазъ“ Симоновскаго, 1832 г.) разсказываетъ намъ о томъ, какъ его мать мучила 14-лѣтнюю дѣвочку за то, что она не выпряла опредѣленнаго количества пряжи и стащила нѣсколько конфетъ; дѣвочку сѣкли до того, что она не могла стоять на ногахъ. „Маменька этимъ не удовольствовалась: она поставила ее на колѣни и, привязавъ къ косѣ ея утюгъ, приказала вязать чулокъ.

Графъ В. А. Соллогубъ.
(Листокъ Тимма).

Между тѣмъ преподавала ей наставленія, сопровождая каждое слово крѣпкою пощечиной“; дѣвочка померла. Вслѣдъ за отцами развивалось „злобное сердце“ и у дѣтей, и маленькій душевладѣлецъ „съ удовольствіемъ жаловался своей маменькѣ на дѣвокъ и лакеевъ и весело смотрѣлъ на багровыя ихъ щеки, по коимъ катились слезы“.. Онъ уже умѣетъ и самъ „распорядиться со своими Степками и Тимошками“.

Особенно тяжелымъ являлось положеніе крестьянскихъ дѣвушекъ, на которыхъ помѣщикъ предъявлялъ специфическія права. „Я какъ помѣщикъ,—повѣствуетъ о себѣ все тотъ же наивный Сибиряковъ,—всѣмъ пользовался, что относится къ праву его. Въ саду у насъ была большая бесѣдка. Тамъ, закуривъ трубки, мы сидимъ и празднуемъ Вакхаліи за бокалами шампанскаго. Дымъ стелется по тихой атмосферѣ склоняющагося къ концу лѣтняго дня,—

И шампанское, играя,
Гонитъ пѣну выше края.

А деревенскія дѣвушки, милыя, невинныя, какъ заря утренняя, поютъ и пляшутъ предъ глазами нашими! Ночь пришла, все прекращаютъ и..... а

веселые соловьи трелить свои пѣсни". Двойную и нравственно унизительную роль приходилось играть и крѣпостнымъ актрисамъ, при чемъ карьера ихъ часто увѣнчивалась тѣмъ, что Діаны, Флоры, Нимфы, Дріады... переходили на должности „скотницъ и стряпухъ для застольныхъ людей", а „прелестная, но уже поустарѣвшая Примадонна" выдавалась замужъ за крестьянина („Сем. Холмск.", VI, 59).

Въ этой же беллетристикѣ мы находимъ указанія и на то, что подобному использованію подвергались также красивые и здоровые парни со стороны своихъ сластолюбивыхъ помѣщицъ (см. Симоновскаго „Русскій Жилблазъ", стр. 8, Булгарина „Иванъ Выжигинъ", гл. XII).

Авторы повѣстей не забываютъ вывести и положительные типы помѣщиковъ, благодаря попеченію которыхъ крестьяне благоденствуютъ. Чтобы показать намъ такое благоденствіе, авторъ „Семейства Холмскихъ" везетъ насъ въ подмосковную г-жи Свіяжской; въ ней отличнѣйшій порядокъ; повсюду „изобиліе и устройство": „гумны у крестьянъ, огороды, задніе дворы, — все было обгорожено; избы, овины, клѣти, амбары покрыты"... Приняты всѣ противопожарныя мѣры, а среди выгона построенъ запасный каменный магазинъ, крытый желѣзомъ, всегда наполненный мірскимъ общественнымъ хлѣбомъ на случай неурожая... Есть и больница, которую помѣщица содержала на свой счетъ, для больныхъ крестьянъ, своихъ и чужихъ... Авторъ показываетъ намъ и самихъ крестьянъ, веселящихся въ день рожденія барыни, и на пиршествѣ, устроенномъ для нихъ помѣщицей, открывающихъ „нелицемѣрныя чувства привязанности крестьянъ къ помѣщикамъ"; „бабы величали барыню и плясали"; старики изъяснялись въ любви своей. „Ты наша мать", кричали они ей...

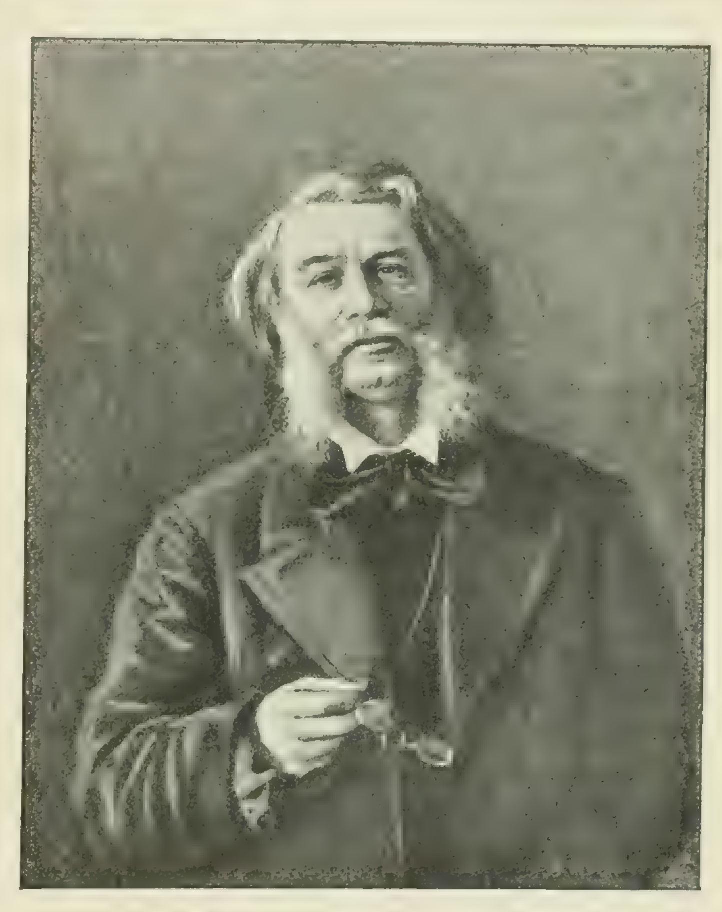
И. С. Тургеневъ (1837—38 гг.).

Совершенную идиллію также находимъ мы у крестьянъ помѣщика Россіянинова, выѣзжая отъ котораго г. Миловидинъ даже „перекрестился и, возведя взоры къ небу, произнесъ: „Господи, благослови Россію и дай ей побольше такихъ помѣщиковъ" („Иванъ Выжигинъ" Булгарина, гл. XX).

Окидывая общимъ взглядомъ русскую повѣсть 20-хъ и 30-хъ годовъ, мы видимъ, что она уже рѣшительно подошла къ дѣйствительной русской жизни, подошла къ изображенію крестьянскаго міра и не закрыла пугливо своихъ глазъ предъ глубоко въѣвшейся въ общественный организмъ язвой крѣпостного права. Иногда она еще впадаетъ въ тонъ старой сентименталь-

ной идилліи, пытаясь, не сходя съ крѣпостной почвы, нарисовать положительный идеалъ барско-крестьянскихъ отношеній, но большею частью трезвый реализмъ юмора и сатиры разрушаетъ ея же собственныя сентиментально-оптимистическія построенія, и передъ нами проходитъ не всегда художественно-обобщенная, нерѣдко анекдотичная, взятая въ исключительныхъ положеніяхъ, но въ общемъ достаточно полная и правдивая картина подавленнаго крѣпостной неволей крестьянскаго быта.

Этой посильной правдой изображенія и романтически-приподнятымъ, но все же искреннимъ паѳосомъ протеста и негодованія литература уже тревожила общественную совѣсть, и критикъ „Молвы" былъ правъ, когда, говоря о повѣстяхъ Павлова, не совѣтовалъ брать ихъ тѣмъ, кто хочетъ слаще заснуть послѣ обѣда въ мягкихъ вольтеровскихъ креслахъ и позабыться на минуту „въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ", а послѣ разсказа „Нищаго" и автору и его читателямъ могли дѣйствительно сниться „страшные сны".

Д. В. Григоровичъ (портр. Рѣпина).

Что касается крупныхъ, даже геніальныхъ художественныхъ силъ, каковы Гоголь и Пушкинъ, то они сравнительно мало затрогивали крестьянскую жизнь. Пушкинъ лишь эпизодически, но зато безъ старыхъ романтическихъ и сентиментальныхъ прикрасъ рисовалъ деревенскія картины и народныя сцены въ „Евгеніи Онѣгинѣ", „Борисѣ Годуновѣ", въ историческихъ повѣстяхъ, касаясь вскользь и уже гораздо мягче того „барства дикаго", которое онъ съ такимъ юношескимъ пыломъ бичевалъ въ своей „Деревнѣ". Такія поразительныя картины старой помѣщичьей жизни, какъ „Лѣтопись села Горохина" (напечатано въ 1837 г. въ „Современникѣ") или „Дубровскій" (напечатанъ въ 1841 г.), написанныя въ первой половинѣ 30-хъ годовъ, по выходѣ въ свѣтъ не были поняты во всемъ своемъ широкомъ художествен-

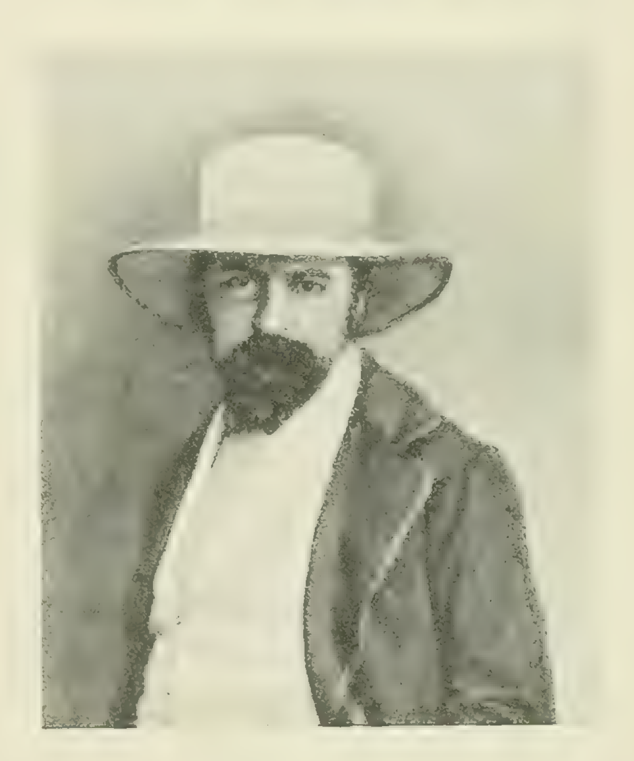
по соціальномъ значеніи. Первая понималась, какъ „шутка острая, милая и живая, въ которой, впрочемъ, есть и серьезныя вещи" (Бѣлинскій), и читатель не чувствовалъ еще въ исторіи села Горохина великаго символа, подъ который можно подвести любой уголокъ закрѣпощенной родины. То же самое и съ „Дубровскимъ". Немногіе, конечно, могли за увлекательной фабулой разбойничьяго романа увидѣть великую „неправду всего тѣла общественнаго". Но и эпизодическія картинки народной жизни, съ рѣдкой правдой очерченная „дворня" Троекуровыхъ, глубокая и сложная психологія кузнеца, который спокойно сурово поджигаетъ приказныхъ и въ то же время съ опасностью для жизни спасаетъ изъ огня кошку, „чтобы не погибла Божья тварь", милые образы крѣпостного дядьки Савельича и крѣпостной няни, эти первые удачные опыты обрисовки положительныхъ народныхъ типовъ,— наконецъ, все его художественное творчество въ цѣломъ, исполненное поэзіи и правды, пронизанное насквозь свѣтомъ яснаго дня, выводило литературу на новые творческіе пути, создавало особую манеру художественной свѣто-тѣни, того подлиннаго „художественнаго реализма", съ которымъ преемники Пушкина (особенно Тургеневъ) подошли впослѣдствіи ближе и къ самой народной жизни.

Гоголь послѣ своихъ овѣянныхъ юношескими грезами, народными пѣснями и преданіями малороссійскихъ идиллій въ „Вечерахъ на хуторѣ" уже не обращается къ крестьянскому міру... Рѣдко-рѣдко промелькнетъ фигура мужика, и обычно въ очень неприглядномъ видѣ, въ родѣ безтолковыхъ дяди Митяя и дяди Миняя или тѣхъ двухъ русскихъ мужиковъ, стоявшихъ у дверей кабака, которые задаются глубокомысленнымъ вопросомъ, доѣдетъ ли колесо брички до Москвы или не доѣдетъ... Крѣпостной мужикъ у Гоголя въ „Мертвыхъ душахъ" большею частью только и дѣлаетъ, что спитъ, зѣваетъ, повѣсничаетъ или пьянствуетъ...

Но хотя у Гоголя нѣтъ изображеній крѣпостной деревни, онъ все-таки косвенно внесъ свой, и не малый, вкладъ въ обрисовку крестьянскаго быта. „Мнѣ бы скорѣе простили,—пишетъ онъ, если бы я выставилъ картинныхъ извергов, но пошлости мнѣ не простили"... А онъ именно далъ, возведя тѣмъ самымъ въ „перлъ созданья" и завершая работу своихъ предшественниковъ-сатириковъ, рядъ нравственно-ничтожныхъ помѣщичьихъ фигуръ, отъ которыхъ для мыслящаго читателя сами собой падали темныя тѣни на всецѣло-подвластный имъ крестьянскій міръ... Гоголь давалъ, такимъ образомъ, поражающую картину бытовыхъ условій, въ зависимости отъ которыхъ протекала народная жизнь, а критическій тонъ его художественныхъ созданій будилъ общественную мысль и направлялъ ее на уясненіе и реформу этого жизненнаго порядка, который развращающе дѣйствовалъ какъ на рабовладѣльца, такъ и на раба. Къ этому же рабу Гоголь велъ и другимъ путемъ: онъ первый съ такой художественной силой и правдой, съ такимъ мучительно-

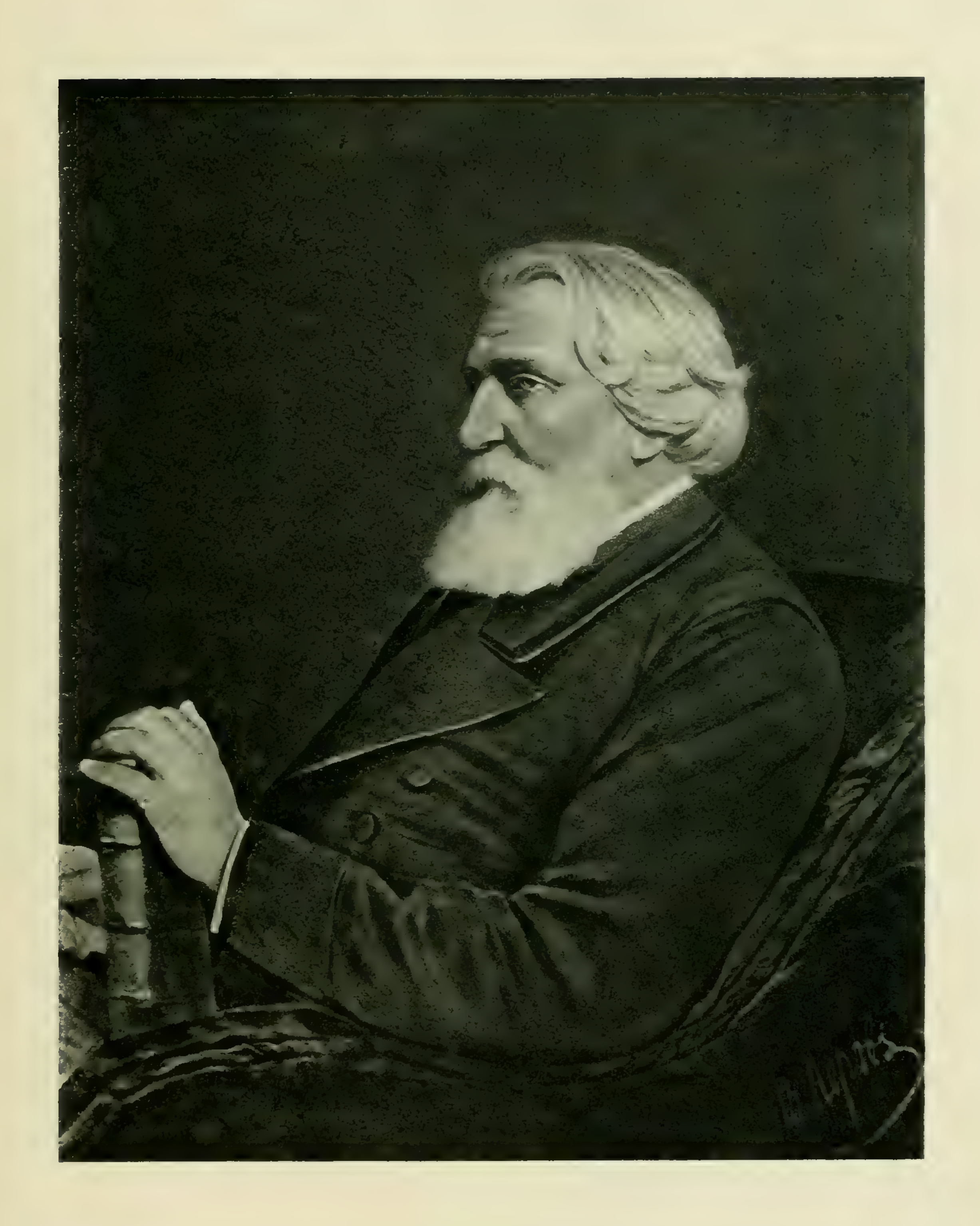
напряженнымъ состраданіемъ къ униженному человѣческому достоинству взялся за обрисовку маленькихъ, задавленныхъ жизнью людей, и его петербургскія повѣсти, въ особенности „Шинель", выводили на этотъ путь последующихъ писателей, которые расширяютъ постепенно кругъ своихъ художественно-гуманныхъ сочувствій и, наконецъ, включаютъ въ него и наиболѣе придавленнаго жизненнымъ гнетомъ крѣпостного раба.

Вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ художественная литература „свой таборъ музъ съ классическихъ вершинокъ" низводитъ на толкучій рынокъ; возникаетъ новая „натуральная школа", и писатели этой школы въ своихъ „физіологіяхъ", какъ назывались тогда характеристическіе очерки разныхъ сторонъ общественнаго быта, изображаютъ преимущественно людей низкаго званія, дѣлаютъ героями своихъ повѣстей мужиковъ, дворниковъ, извозчиковъ, описываютъ углы, убѣжища голодной нищеты...

А. И. Герценъ (портр. Морозова).

Особенное впечатлѣніе производитъ въ это время литературная дѣятельность Даля, который, начавъ въ тридцатыхъ годахъ передѣлкой русскихъ сказокъ, теперь тоже пишетъ свои бойкіе, мѣткіе и анекдотичные „физіологическіе очерки", выдѣлявшіеся несомнѣнною любовью къ простому русскому человѣку и широкимъ непосредственнымъ знаніемъ народнаго языка и быта. Въ 1846 г. Даль помѣщаетъ въ сборникѣ „Новоселье" свой очеркъ „Русскій мужикъ", въ которомъ подходитъ къ крѣпостнымъ отношеніямъ; его горячо привѣтствуютъ, не замѣтивъ даже въ разсказахъ патріархально-крѣпостническаго привкуса, Тургеневъ и Бѣлинскій; послѣдній, признавая за статьей Казака Луганскаго глубокое значеніе, относилъ ее къ лучшимъ физіологическимъ очеркамъ... Но не возведенный въ міръ гуманныхъ идеаловъ, наивный протоколизмъ этихъ очерковъ уже отживалъ свое время; на мѣсто „физіологіи" и отчасти выростая изъ нихъ, становилась художественная повѣсть изъ крестьянской жизни... Въ томъ же 1846 году появилась въ „Отечественныхъ Запискахъ" „Деревня" Д. В. Григоровича, а съ 1847 года въ „Современникѣ" начали печататься знаменитые „Разсказы охотника"..

Во второй половинѣ 40-хъ и 50-хъ годовъ передъ нами вновь, послѣ пятнадцатилѣтняго затишья — цѣлое литературное теченіе, направленное противъ крѣпостного права, но уже обогащенное сравнительно съ прежней повѣстью 20-хъ и начала 30-хъ годовъ всей пережитой за это время литературной эволюціей и могучимъ ростомъ гуманныхъ идей... Загнанная внутрь самой себя, русская мысль прошла за этотъ же промежутокъ времени хорошую школу философскаго идеализма и теперь вернулась къ прежнимъ литературно-общественнымъ темамъ (Бѣлинскій примыкалъ и къ первой антикрѣпостнической повѣствовательной волнѣ, написавъ въ 1830 г. свою драматическую повѣсть „Дмитрій Калининъ“): съ своихъ философскихъ вершинъ идеалисты 40-хъ годовъ несли въ жизнь и литературу уже ясно осознанный общественный идеалъ, высокую и принципіально обоснованную оцѣнку человѣческой личности и изощренный въ самонаблюденіи, чуткій къ личнымъ переживаніямъ взглядъ... Художественная литература попадала въ этотъ „великій ледоходъ“ русской общественной мысли, крѣпкими нитями связывалась съ опредѣлившимися уже общественными настроеніями и здѣсь впервые пріобрѣтала всю полноту своего общественнаго значенія. Новая литературная волна уже не разбивалась безсильно, а ударъ за ударомъ размывала крѣпостные устои. Первый ударъ, какъ мы указывали, наносилъ Григоровичъ. Съ сознаніемъ глубокой серьезности своего дѣла принимался онъ за изображеніе крестьянской жизни: онъ хотѣлъ, по его собственному признанію, „изображать дѣйствительность такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ представляется, какъ описываетъ ее Гоголь въ „Шинели“... Къ этому вліянію Гоголя необходимо присоединить вліяніе Жоржъ-Зандъ и Бальзака, которымъ Григоровичъ зачитывался, считая его неизмѣримо выше всѣхъ французскихъ писателей. (I-я часть его Les paysans, съ картинами темныхъ сторонъ французскаго крестьянства, появилась въ печати въ 1845 г.). Эти литературныя возбужденія и „негодующій порывъ противъ угнетенія и несправедливости“, который звучалъ въ близкомъ ему кружкѣ Бекетовыхъ, Григоровичъ вложилъ въ свою повѣсть „Деревня“... Въ этой повѣсти народъ появляется не какъ эпизодъ или общій фонъ литературной картины, и не въ исключительномъ моментѣ или положеніи, здѣсь онъ—полноправный литературный герой, и мы съ первыхъ же страницъ входимъ въ настоящую грязную, смрадную мужицкую избу, гдѣ начинается горькая доля сиротки Акули, забитой съ самаго дѣтства и окончательно добитой въ замужествѣ, устроенномъ сентиментальною прихотью „добрыхъ“ господъ... Мрачными красками повѣсть производила сильное и вмѣстѣ тяжелое впечатлѣніе, „дѣлала фуроръ“, какъ писалъ Достоевскій брату. Вслѣдъ за „Деревней“, въ 1847 году, появился „Антонъ Горемыка“. Этотъ скорбный разсказъ о простомъ и добромъ мужикѣ, готовомъ постоять за міръ, послѣднимъ кускомъ подѣлиться съ неимущимъ и въ конецъ разоренномъ и затравленномъ изъ мести всесильнымъ управляющимъ, производилъ еще боль-

шее впечатлѣніе, чѣмъ „Деревня“: по свидѣтельству того же Достоевскаго, самые закоренѣлые помѣщики рыдали надъ судьбой Антона, а нѣкоторые даже поѣхали въ деревни, чтобъ облегчить тамъ участь своихъ крестьянъ. „Эта повѣсть—трогательная, по прочтеніи которой въ голову невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя“, писалъ Бѣлинскій въ „Обозрѣніи русской литературы за 1847 годъ“. Въ письмѣ къ Боткину Бѣлинскій опредѣленнѣе высказалъ эти свои „грустныя и важныя“ мысли: „ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читая ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ поретъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе благородныхъ предковъ“... Какъ бы ни были велики художественные недочеты этихъ повѣстей Григоровича—искусственный наборъ характерныхъ выраженій, нагроможденность этнографическихъ подробностей, чрезмѣрное сгущеніе мрачныхъ красокъ и сентиментальный „пейзанскій“ идиллизмъ въ обрисовкѣ свѣтлыхъ сторонъ крестьянской жизни,—все-таки можно вполнѣ согласиться съ новѣйшимъ изслѣдователемъ его творчества — Н. Л. Бродскимъ, что „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“ положили начало мужицкой беллетристикѣ, ввели сермяжнаго героя въ салоны русской литературы и внѣдрили въ общественное сознаніе мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ. Свидѣтельства такихъ писателей, какъ Салтыковъ-Щедринъ и Л. Н. Толстой, о впечатлѣніи, произведенномъ на нихъ первыми повѣстями Григоровича, вполнѣ подтверждаютъ этотъ выводъ. „Я помню „Деревню“, помню „Антона Горемыку“, — пишетъ Салтыковъ въ „Кругломъ годѣ“,—помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія человѣческія слова, и съ легкой руки Григоровича, мысль о томъ, что существуетъ мужикъ-человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ и въ русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятыхъ годовъ сдѣлалась уже господствующею въ русской жизни“. Почти то же говоритъ и Л. Н. Толстой, для котораго, тогда еще 16-лѣтняго мальчика, „Антонъ Горемыка“ былъ радостнымъ открытіемъ, что „русскаго мужика... можно и должно описывать не глумясь и не для оживленія пейзажа, а можно и должно писать во весь ростъ, не только съ любовью, но съ уваженіемъ и даже трепетомъ“...

П. И. Мельниковъ
(лист. Тимма).

Одновременно съ Григоровичемъ выступилъ въ походъ противъ крѣпостного права и А. И. Герценъ съ романомъ „Кто виноватъ“ (1845—1847) и повѣстью „Сорока-воровка“ (напеч. 1848 г.).

Его интересъ, можетъ быть, объясняющійся отчасти его собственнымъ положеніемъ въ родной семьѣ, сосредоточился, главнымъ образомъ, на крѣпостной интеллигенціи, на той трагедіи, которая выпадала на долю высоко развитого и тонко чувствующаго человѣка въ положеніи раба (мотивъ повѣсти Павлова, Тимоѳеева)[1].

Одна мысль проникаетъ всѣ эти изображенія разбитой человѣческой жизни, и критика 40-хъ годовъ ею больше всего интересуется. Мысль эта— „страданіе, болѣзнь при видѣ непризнаннаго человѣческаго достоинства, оскорбляемаго съ умысломъ и еще болѣе безъ умысла“ (Бѣлинскій). Современный изслѣдователь только договариваетъ по условіямъ времени недосказанное Бѣлинскимъ, когда такъ опредѣляетъ общественно-литературное значеніе и мѣсто повѣстей Герцена: „За деревней и дворней Негрова, за властнымъ патріархальнымъ режимомъ, за печальными біографіями его жертвъ... стоитъ картина порабощеннаго крестьянства и плантаторскаго всевластія, никогда не входившая въ сатирическія намѣренія Гоголя, чуждая и лермонтовскому личному роману, предвѣстница тургеневскаго обличительнаго почина“... (А. Н. Веселовскій, „Герценъ писатель“, 49).

А. Ѳ. Писемскій (портр. Перова).

Если не починъ, то главная роль въ новомъ литературномъ теченіи, несомнѣнно, принадлежитъ И. С. Тургеневу. Великая идейная заслуга Тургенева въ дѣлѣ упраздненія крѣпостного права является общепризнанной... Тургеневъ и самъ впослѣдствіи указывалъ, что „Записки охотника“ были выполненіемъ его „Аннибаловской клятвы“ бороться до конца съ врагомъ, котораго онъ возненавидѣлъ съ дѣтства. „Врагъ этотъ имѣлъ,—говоритъ онъ,—опредѣленный образъ, носилъ извѣстное имя: врагъ этотъ былъ—крѣпостное право“.

[1] См. о типахъ крѣпостной интеллигенціи у Герцена статью П. Н. Сакулина.

Однако, выступая въ 1847 году въ скромномъ отдѣлѣ „Смѣсь“ № 1 журнала „Современникъ“ съ разсказомъ „Хорь и Калинычъ“, Тургеневъ отнюдь не задавался какими-либо агитаціонными цѣлями. На первыхъ порахъ онъ хотѣлъ, повидимому, дать „физіологическіе“ очерки крестьянской жизни, въ родѣ очерковъ Даля, съ обиліемъ этнографически-бытовыхъ подробностей, иногда какъ бы умышленно введенныхъ въ живую ткань поэтическаго разсказа. Несомнѣнно, что съ продолженіемъ серіи охотничьихъ разсказовъ Тургеневъ расширилъ рамки повѣствованія и далъ просторъ индивидуальному характеру своего крѣпнувшаго дарованія. Повѣсти его все-таки не стали по существу „боевыми“, но онѣ утрачивали свою этнографическую сухость и взамѣнъ проникались тѣмъ общественнымъ лиризмомъ, который дѣлалъ Тургенева всегда, въ этихъ разсказахъ и позднѣе, такимъ чуткимъ выразителемъ и истолкователемъ идеальныхъ стремленій эпохи. Этимъ совпаденіемъ настроенія писателя и лучшей части русскаго общества и можно объяснить, почему его „разсказы охотника“, написанные въ чисто-пушкинской манерѣ правдиваго и мягкаго распредѣленія свѣта и тѣни, получили дѣйствительно „боевое“ значеніе, особенно когда, собранные вмѣстѣ, они вышли отдѣльной книгой въ 1852 г. Вдумчивый читатель (И. С. Аксаковъ) усмотрѣлъ тогда не безъ основанія въ этихъ, сильныхъ прежде всего своей художественной правдой, разсказахъ „стройный рядъ нападеній, цѣлый батальный огонь противъ помѣщичьяго быта“, а цензура, налагая запретъ на повтореніе изданія, совершенно правильно отмѣчала „зло“ записокъ Тургенева въ томъ, что онъ, съ одной стороны, „опоэтизировалъ“ нашихъ крестьянъ, съ другой — показалъ, „что крестьяне эти находятся въ угнетеніи, что помѣщики ведутъ себя неприлично и противозаконно... наконецъ, что крестьянину жить на свободѣ привольнѣе, лучше“. Изощренный въ философскомъ самоанализѣ, только что пережившій увлеченіе „личнымъ“ творчествомъ Лермонтова, можетъ-быть, даже, какъ западникъ, интересовавшійся не массой, а „разложеніемъ массъ мыслью“, т.-е. личностью, Тургеневъ въ „Запискахъ охотника“ въ общемъ рѣшаетъ скорѣе психологическую, чѣмъ бытовую задачу. Тѣмъ не менѣе, онъ затронулъ и главнѣйшія стороны крѣпостного быта: тяжесть повинностей; иногда полное разореніе крестьянъ благодаря равнодушію къ ихъ участи самого барина и произволу приказчика или бурмистра („Бурмистръ“, „Контора“, „Бирюкъ“); беззастѣнчивое распоряженіе личностью крѣпостного; помыканіе его съ одной должности на другую („Льговъ“); насильственное переселеніе съ насиженнаго родного мѣста („Касьянъ“); недозволеніе замужества или женитьбы, иногда

Л. Н. Толстой
(листокъ Тимма).

[illegible] („Ермолай и мельничиха“; „Петръ Петровичъ Каратаевъ“); самодурство („Чертопхановъ и Недопюскинъ“); жестокія тѣлесныя наказанія („Два помѣщика“, „Бурмистръ“). Разсказывая объ этихъ темныхъ сторонахъ барско-крестьянской жизни, авторъ не прибѣгаетъ къ сгущеннымъ, кричащимъ краскамъ, и стоитъ сравнить приведенную раньше сцену изъ „Путешествія критики“ съ вполнѣ аналогичнымъ эпизодомъ въ разсказѣ „Бурмистръ“, чтобы видѣть, какъ далеко шагнулъ впередъ въ лицѣ Тургенева художественный реализмъ:

Позавтракавши плотно и съ видимымъ удовольствіемъ, Аркадій Павлычъ налилъ себѣ рюмку красваго вина, поднесъ ее къ губамъ и вдругъ нахмурился.

— Отчего вино не нагрѣто? — спросилъ онъ довольно рѣзкимъ голосомъ одного изъ камердинеровъ.

Нехлюдовъ въ деревнѣ.

Камердинеръ смѣшался, остановился, какъ вкопанный, и поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я тебя спрашиваю, любезный мой?—спокойно продолжалъ Аркадій Павлычъ, не спуская съ него глазъ.

Несчастный камердинеръ помялся на мѣстѣ, покрутилъ салфеткой и не сказалъ ни слова. Аркадій Павлычъ потупилъ голову и задумчиво посмотрѣлъ на него исподлобья.

— Pardon, mon cher,—промолвилъ онъ съ пріятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колѣна, и снова уставился на камердинера.—Ну, ступай,—прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія, поднялъ брови и позвонилъ.

Вошелъ человѣкъ толстый, смуглый, черноволосый, съ низкимъ лбомъ и совершенно заплывшими глазами.

— Насчетъ Ѳедора... распорядиться,—проговорилъ Аркадій Павлычъ вполголоса и съ совершеннымъ самообладаніемъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчалъ толстый и вышелъ.

— Voilà, mon cher, les désagréments de la campagne,—весело замѣтилъ Аркадій Павлычъ.

Показавъ на рабовладѣльцахъ развращающее вліяніе крѣпостного права, Тургеневъ съ особенной любовью обратился къ крестьянскому міру и въ мужикѣ, даже подъ гнетомъ крѣпостного насилья, нашелъ полную нравственнаго достоинства личность, свѣтлый и трезвый умъ, чуткое, нѣжное сердце... Среди загнанныхъ, ко всему притерпѣвшихся и даже сжившихся съ крѣпостной атмосферой Сучковъ или Тумановъ („Малиновая вода“), появляется предъ нами угрюмая фигура Бирюка, съ его отзывчивымъ сердцемъ, лишь спрятаннымъ глубоко подъ корой суроваго исполненія долга, и весь трепещущій поэтическимъ вдохновеніемъ пѣвецъ Яша; трезвый практикъ, умница Хорь и рядомъ идеалистъ и эстетикъ Калинычъ; правдоискатель и мистикъ Касьянъ и милые ребятишки „Бѣжина луга“ съ ихъ чуткой отзывчивостью, почти слитостью съ окружающей ихъ природой... Позднѣе прибавляется полный своеобразной страдальческой красоты образъ Лукерьи („Живыя мощи“).

„О, ненависть, тебя пою“, восклицалъ Герценъ, рисуя муки крѣпостной интеллигенціи. Этого элемента ненависти и негодованія мало въ самомъ Тургеневѣ и его творчествѣ; онъ силенъ любовью: въ „Запискахъ охотника“ онъ подвелъ читателя къ душѣ народной, показалъ ея страданія и, въ особенности, высокое человѣческое достоинство; научилъ жалѣть и, въ особенности, любить. Впечатлѣніе, получавшееся отъ „Записокъ охотника“, съ неизбѣжностью влекло къ тому выводу, что нельзя отказывать въ элементарныхъ человѣческихъ правахъ тѣмъ, въ комъ такъ много истинно-человѣческаго.

И послѣ „Записокъ охотника“ художественная литература не складываетъ своего оружія. Тургеневъ съ еще бо́льшей серьезностью и глубиной затрогиваетъ крѣпостное право въ разсказахъ „Муму“ и „Постоялый дворъ“; Григоровичъ вплоть до 1859 года пишетъ рядъ повѣстей и романовъ, посвященныхъ изображенію деревни, и въ этихъ произведеніяхъ („Рыбаки“, „Переселенцы“, „Пахарь“, „Пахатникъ и бархатникъ“) рядомъ съ разлагающими вліяніями помѣщичьяго и бюрократическаго произвола, крестьянскаго кулачества и фабрики выдвигаетъ положительные устои земледѣльческаго быта, находитъ въ этомъ бытѣ „сокровища добра и поэзіи“, ставитъ его силу и нравственную крѣпость въ зависимость отъ близости крестьянина къ землѣ-кормилицѣ, отъ „родства пахаря съ землей и природой“. Въ это же время Потѣхинъ въ своихъ первыхъ повѣствовательныхъ и драматическихъ произведеніяхъ изъ народнаго быта („Титъ Софроновъ Козонокъ“, „Крестьянка“, драмы „Судъ людской—не Божій“, „Братъ и сестра“) даетъ обильный бытовой матеріалъ, свидѣтельствующій о его серьезномъ интересѣ къ крестьянскому міру, и указываетъ въ униженной и безправной народной средѣ высокія и привлекательныя черты...

Если мы укажемъ еще, что къ изображенію деревни, крестьянскихъ типовъ и крѣпостного уклада нашей жизни, не говоря о менѣе крупныхъ

писателяхъ, подходятъ Л. Толстой („Утро помѣщика“, „Поликушка“), С. Т. Аксаковъ („Семейная хроника“), Писемскій — въ его „Очеркахъ крестьянской жизни“ и позднѣе въ „Горькой судьбинѣ“, Мельниковъ-Печерскій („Старые годы“, „Бабушкины розсказни“), Л. А. Мей (разсказы „Кирилычъ“, „Софья“), Салтыковъ-Щедринъ въ его „Губернскихъ очеркахъ“, даже Достоевскій („Село Степанчиково и его обитатели“), если мы припомнимъ, что Некрасовъ уже пѣлъ „страданія народа“, — для насъ уяснится общая, при различіи оттѣнковъ, любовная тяга литературы къ народу, ея стремленіе сказать о немъ свою гуманную правду и произнести судъ надъ крѣпостнымъ строемъ жизни...

Въ результатѣ этого литературнаго движенія не только былъ окончательно завоеванъ для русской литературы русскій „мужикъ“, не только найдены для его изображенія правдивыя художественныя краски, но и для самого „мужика“-человѣка были завоеваны въ общественномъ сознаніи его человѣческія права. Къ концу 50-хъ годовъ художественной правдой изображенія народной жизни, гуманной проповѣдью любви и справедливости къ соціально обездоленному меньшому брату „дружина писателей“ уже сдѣлала свое дѣло: навстрѣчу ея благороднымъ призывамъ, поддержаннымъ властными велѣніями жизни, шло народное раскрѣпощеніе, — шло 19 февраля.

Н. Сидоровъ.

Мельница (рис. Д. В. Григоровича).

РИСУНКИ, ПОМѢЩЕННЫЕ НА ОТДѢЛЬНЫХЪ ЛИСТАХЪ ВЪ III ТОМѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.